

Станислав Гроф является одним из основателей трансперсональной психологии в Международной трансперсональной ассоциации. Вместе с женой, Кристиней Гроф, он разработал холистическую диалектику — уникальный метод самонаблюдения, ускоряющий и личностного роста.

«Я решил испытать себя в том, чем еще никогда не занимался: изложить результаты своих исследований сознания в виде научно-фантастического романа. Моя книга отличается от других образцов этого жанра тем, что в ней действие завязано на событиях, происходящих в мире сознания. Эти события не являются плодами моего воображения — это я наблюдал у других и пережил сам. Точно так же описание этих переживаний на первом — на уровне вымысла и полемического допущения, а реалистичное изображение, основанное на подлинных наблюдениях».

ISBN 5-17-030002-7

9 785170 110002

НОВИНКА!

СТАНИСЛАВ ГРОФ

ЗОВ ЯГУАРА

СТАНИСЛАВ
ГРОФ

СОКРОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ЗОВ ЯГУАРА

Станислав Гров является одним из основателей трансперсональной психологии и Международной трансперсональной ассоциации. Вместе с женой, Кристиной Гроф, он разработал холотропное дыхание — уникальный метод сомоосознания, психотерапии в личностном росте.

"Я решил испытать себя в том, чем еще никогда не занимался: изложить результаты своих исследований сознания в виде научно-фантастического романа. Моя книга отличается от других образцов этого жанра тем, что в ней действия завязано на событиях, происходящих в мире снов. Эти события не являются плодом моего воображения — их я наблюдал у других и пережил сам. Точно так же влияние этих переживаний на героев — не плод вымысла или логическое допущение, а реалистическое изображение, основанное на подлинных наблюдениях"

Станислав Гроф

Зов ягуара

Предисловие

Почти полвека назад яркое переживание, продолжавшееся всего несколько часов, изменило всю мою личную жизнь и научную карьеру. Я, тогда молодой врач-психиатр, несколько месяцев назад окончивший медицинский институт, вызвался участвовать в эксперименте с ЛСД-25. Замечательные психоактивные свойства этого вещества обнаружил в начале 40-х годов 20 века швейцарский химик Альберт Хофман, работавший в фармацевтической лаборатории фирмы «Сандоз» в Базеле.

Чтобы мой руководитель допустил меня к участию в эксперименте, мне пришлось согласиться на электроэнцефалографическое исследование перед сеансом, во время и после него, которое сочеталось с воздействием яркого света, пропущенного через стробоскоп. В то время эта процедура, называемая «ускорение» или «подгонка» мозговых волн, представляла для моего руководителя особый интерес. Ее цель — выяснить, до какой степени воздействие оптических или акустических частот может оказывать влияние на мозговые волны.

Этот опыт, особенно его кульминационный период, во время которого я испытал потрясающее и непередаваемое переживание космического сознания, на всю жизнь пробудил во мне интерес к необычным состояниям психики. С того времени моя клиническая и научная деятельность в основном сосредоточилась на систематическом исследовании этих состояний в свете их терапевтического, преобразующего и эволюционного влияния на человека. Эти четыре с половиной десятилетия, посвященные исследованиям сознания, стали для меня увлекательным, полным открытий приключением, позволившим открыть самого себя.

Примерно половину этого времени составило лечение психоделическими веществами, сначала в Чехословакии, в Пражском научно-исследовательском институте психиатрии, а потом в Соединенных Штатах, в Мэрилендском научно-исследовательском центре психиатрии в Балтиморе, где мне несколько лет довелось возглавлять последнюю из уцелевших в США программ исследований психоделических веществ. С 1975 года я работаю с холотропным дыханием, мощным методом психотерапии и самоизучения, который я разработал вместе со своей женой Кристиной. На протяжении многих лет я также поддерживаю людей, переживших эпизоды расширенного сознания — психодуховного кризиса или «духовного обострения», как называем их мы с Кристиной.

Общим для всех этих трех ситуаций является то, что они включают необычные состояния сознания или, более конкретно, их важный подвид, который я называю холотропным. При лечении психоделиками эти состояния вызывают, давая пациентам изменяющие сознание вещества, в том числе ЛСД, псилоцибин, мескалин и триптамин, или производные амфетамина (например, ДМТ и экстази). При работе с холотропным дыханием для изменения сознания используют сочетание учащенного дыхания, возбуждающей музыки и физических упражнений, способствующих высвобождению энергии. При духовных обострениях холотропные состояния часто наступают самопроизвольно, посреди повседневной жизни, и причины их обычно неизвестны.

Вдобавок я время от времени соприкасаюсь со многими дисциплинами, которые прямо или косвенно связаны с холотропными состояниями сознания. Во многих древних и доиндустриальных культурах были развиты «священные технологии» — безопасные и действенные методы, позволяющие вызывать эти состояния, которые использовали в духовной жизни и ритуалах. Я участвовал в священных обрядах туземных народов в разных частях света, встречался с североамериканскими, мексиканскими и южноамериканскими шаманами и

обменивался информацией со многими антропологами. Кроме того, я поддерживаю тесные связи с представителями разнообразных духовных дисциплин, в том числе випассаны, дзэн-буддизма и буддизма Ваджраяны, сиддха-йоги, тантры и христианского ордена бенедиктинцев.

Среди моих друзей есть ученые, стоящие у истоков исследований, изучающих случаи похищения людей НЛО, — удивительной группы переживаний, которые ставят перед миром западной науки серьезные задачи. Я сам встречался со многими жертвами таких похищений.

Еще одна область, которой я уделяю много внимания, — танатология, молодая дисциплина, изучающая переживания на пороге смерти и психологические и духовные аспекты смерти и умирания. В конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века наша мэрилендская группа осуществила большой проект по исследованию последствий психоделической терапии у пациентов, умирающих от рака.

Мне посчастливилось лично знать некоторых великих экстрасенсов и парапсихологов нашей эры, пионеров лабораторных исследований сознания, и работать с ними, а также психотерапевтов, которые разработали и практиковали мощные формы экспериментальной психотерапии, вызывающей холотропные состояния сознания. Важно отметить, что мой интерес к холотропным состояниям сознания не является чисто профессиональным. На протяжении этих лет я много раз лично переживал эти состояния в разных условиях: в лабораторных и клинических экспериментах с психоделиками, а также при личной встрече с этими замечательными веществами во время сеансов холотропного дыхания, в различных туземных ритуалах и в духовной практике.

Свои переживания я описал в научных статьях, книгах, материалах семинаров и лекций. Как психиатр, клиницист и ученый я интересуюсь в первую очередь целительными возможностями холотропных состояний сознания и их эвристическим потенциалом — теми задачами, которые они ставят перед нашим пониманием человеческой психики, эмоциональных и психосоматических нарушений и даже природы реальности. Однако из-за сильных артистических склонностей меня с самого начала увлек зрительный аспект холотропных состояний, и за эти годы я собрал сотни замечательных картин, которые их изображают.

Мой художественный интерес к холотропным состояниям получил сильный толчок в 1982 году, когда мы с Кристиной встретились с Дагласом Трамбаллом, постановщиком спецэффектов, который вместе со Стэнли Кубриком работал над фильмом «Космическая одиссея 2001», а также ставил спецэффекты для фильмов «Штамм “Андромеда”», «Бегущий по лезвию» и «Ближний бой». В то время Даг собирался ставить на студии Метро Голдвин Майер научно-фантастическую ленту под названием «Мозговой штурм», в которой задумал использовать все лучшие спецэффекты, доступные в то время, а также открытия современных исследований сознания, чтобы изобразить переживания умирающего. Состав исполнителей был звездный, в том числе Натали Вуд, Кристофер Уокен, Луиза Флетчер и Клиф Робертсон.

Даг услышал, что у нас есть набор аудио-видеослайдов под названием «Сокровенное путешествие», в котором изображается переживание психодуховной смерти и нового рождения, и захотел его посмотреть. Эти слайды ему очень понравились, и он пригласил нас обоих поработать специальными консультантами на съемках «Мозгового штурма». По этому случаю мы провели в Эсаленском институте в Биг Суре, Калифорния, сеансы холотропного дыхания с актерами и другими членами съемочной группы. Мы сделали это в ответ на предложение режиссера и продюсера, которые пожелали, чтобы все участники картины воспользовались такой уникальной возможностью и лично пережили необычные состояния сознания, поскольку в этом фильме им отводилось важное место.

Первоначальное намерение — использовать лучшие из доступных в то время спецэффектов и научные сведения из области необычных состояний сознания — не удалось воплотить из-за

безвременной трагической смерти Натали Вуд, после которой МГМ лишила группу финансовой поддержки. В результате этих трагических обстоятельств у режиссера не хватило денег, чтобы точно и с высоким качеством воспроизвести холотропные состояния — ту часть фильма, которая нас больше всего интересовала и затрагивала.

Со времени этого увлекательного, но неудачного эксперимента я с большим интересом наблюдаю быстрый прогресс в области техники спецэффектов. На меня производят глубокое впечатление ее поразительные достижения и захватывают ее колоссальные возможности. В то же время меня столь же глубоко разочаровывает тот факт, что ее используют почти всегда для того, чтобы изображать сцены насилия и разрушения.

Я убедился, что природа спецэффектов и качество, ставшее доступным в последние годы благодаря успехам компьютерной графики, могли бы открыть совершенно новую, захватывающую страницу в кинематографии. У меня нет сомнений, что благодаря союзу исследований сознания, трансперсональной психологии и современной техники спецэффектов можно не только убедительно передавать на экране мистические переживания, но, возможно, и позволить многим зрителям по-настоящему их пережить.

Я совершенно уверен, что кинофильмы, использующие такой подход, могли бы оказывать энтеогенное воздействие, то есть вызывать духовные переживания (буквально «пробуждать в душе божественное»). Таким образом, они вышли бы за границы просто развлечений и стали важным средством преобразования и эволюции сознания как отдельно взятого человека, так и широких масс.

Такова была, вкратце, цепочка событий, побудивших меня взяться за «Зов ягуара». Я решил испытать себя в том, чем еще никогда не занимался: изложить результаты своих исследований сознания в виде научно-фантастического романа. Моя книга отличается от других образцов этого жанра тем, что в ней действие завязано на событиях, происходящих в мире сознания. Хотя в сюжете присутствует описание техники будущего, ей отводится второстепенное место.

Думая о последующей экранизации, я включил в повествование яркие описания различных холотропных состояний — шаманских, психоделических (вызванных волшебными грибами и «жабьим» эликсиром), наступающих при работе с магическими кристаллами и зрительными эффектами и связанных с путешествиями через гиперпространство. Все эти переживания, вошедшие в роман, не являются плодами моего воображения — это точные описания холотропных состояний, которые я наблюдал у других и пережил сам. Точно так же влияние этих переживаний на героев — не плод вымысла и поэтическое допущение, а реалистическое изображение, основанное на подлинных наблюдениях.

Многие годы я выступал с лекциями, рассказывая о результатах исследований сознания и трансперсональной психологии. Работая над «Зовом ягуара», я часто использовал роман как контекст для изложения сведений, почерпнутых из исследований сознания и трансперсональной психологии. Описания необычных состояний и отрывки, в которых раскрываются новые идеи, несколько замедляют ход повествования, но я уверен, что они могут представлять большой интерес для читателей, интересующихся глубинной психологией и человеческим сознанием.

Я понимаю, что для того, чтобы книга отвечала критериям современной научной фантастики, нужно будет сократить некоторые мистические эпизоды и дидактические отрывки. А если когда-нибудь встанет вопрос о киносценарии, разумеется, придется пойти на еще более радикальные изменения. Тем не менее я решил сначала опубликовать развернутый вариант книги, потому что уверен: многим читателям, особенно исследователям сознания, искателям духовности и «психонавтам», она может быть интересна в нынешнем виде. Похоже, так же думал и мой друг и коллега Владимир Майков, когда предложил опубликовать русский перевод этой первоначальной версии романа.

Если говорить о главной идее «Зова ягуара», то это мысль о том, что современный глобальный кризис имеет глубокие психодуховные корни и его не удастся разрешить без глубокого внутреннего преобразования человечества. Я твердо убежден, что наиболее вероятный механизм, способный произвести столь глубокую перемену, — это холотропный опыт, приобретенный значительной частью населения Земли («переживания Омега», как называет его Кеннет Ринг).

Трансперсональная психология, новая дисциплина, делающая попытку соединить духовность, психологию и трезвый научный подход, стала источником важных фактов, которые позволяют предположить, что тяга к запредельным переживаниям и их поиск — сильнейшие движущие силы человеческой психики, гораздо более мощные, чем сексуальное влечение, которое ставит во главу угла традиция психоанализа. В свете этих фактов духовность — это подлинное, законное и полностью оправданное отношение к жизни. Древние и туземные культуры полностью осознавали важность духовного измерения и отдавали ему должное в шаманских ритуалах, пороговых обрядах, мистериях смерти и перерождения и разнообразных духовных практиках.

Утрата духовности, характерный признак промышленной цивилизации, создает серьезные последствия для жизни человека, а также для человеческого сообщества в целом. Она выливается в насилие, ненасытную алчность, отчужденность, эмоциональные и психосоматические расстройства и равнодушие к природе и экологическим законам. Есть веские основания считать, что современный глобальный кризис, который угрожает уничтожить жизнь на нашей планете, отражает состояние эволюции человеческого сознания и что глубинные его корни — психодуховные. До сих пор политическими, военными, дипломатическими и экономическими санкциями не удалось достичь долговременного положительного результата, а во многих случаях они создали больше проблем, чем решили.

Наблюдения, свидетельствующие о том, что необычные состояния сознания могут вызывать глубокие благотворные изменения личности, неоднократно подтверждались различными видами современных исследований сознания, в числе которых танатология (молодая научная дисциплина, изучающая смерть и умирание), исследования медитативных состояний, экспериментальная психотерапия, психоделические исследования и эксперименты с техникой обратной связи и ограничением внешних раздражителей.

Наступающие в итоге изменения включают уменьшение агрессивности и алчности и пробуждение любви, сострадания и духовности, которые являются всеобщими, неизбирательными и всеобъемлющими. К тому же хорошо известно, что мистические состояния могут вызывать глубокие изменения в системе ценностей, приводить к резкому увеличению экологической чуткости и внушать тревогу за будущее нашей планеты.

Новые наблюдения показывают, что традиционные психологи делают серьезную ошибку, видя в мистических состояниях проявления психоза, а значит, симптомы душевного заболевания. При правильном понимании и подходе мистические состояния несут в себе глубокие терапевтические, преображающие и даже развивающие возможности. В романе символом духовного пробуждения большого количества людей становится таинственное воздействие древнего магического черепа, найденного во время раскопок города майя. Это точная копия человеческого черепа в натуральную величину, выполненная из горного хрусталя. Соприкасаясь с черепом, его голографическим или компьютерным изображением, люди переживают сильные изменения в сознании.

Этот образ артефакта доколумбовой эпохи, вызывающего изменения в сознании, отнюдь не случаен. Он навеян необычайным воздействием, которое оказывал так называемый череп Митчеллов-Хеджесов, подлинное произведение майя. Страницы книги, посвященные черепу

Митчеллов-Хеджесов, его воздействию и его истории, основаны на фактах, описанных в нескольких книгах и многочисленных статьях. То же самое относится и к фрагментам, посвященным его владелице Анне Митчелл-Хеджес и его хранителю Фрэнку Дорланду. Этот череп, окруженный ореолом тайны, вызвал множество догадок относительно его происхождения, возраста, способа изготовления и поразительного воздействия на человеческую психику. В 70-е годы 20 века он привлек внимание многих ученых, журналистов и писателей.

Личные свидетельства людей, которые соприкоснулись с черепом Митчеллов-Хеджесов, подтверждали, что он оказывает глубокое воздействие на сознание. Согласно этим показаниям, многие люди, которые находились некоторое время рядом с черепом, в результате его воздействия пережили яркие необычные состояния сознания, в том числе мистический экстаз, видения, экстрасенсорные явления, пробуждение кундалини и эпизоды паранойи. Влияние черепа, описанное в «Зове ягуара», имеет ту же природу, но отличается большей силой и быстротой.

В 70-е годы, после того как до меня дошли слухи о свойствах черепа Митчеллов-Хеджесов, я побывал в Милл-Вэлли у его хранителя Фрэнка Дорланда и услышал его собственные впечатления. Дорланд считал воздействие черепа «ошеломляющим» и «сверхъестественным» и после некоторых размышлений решил вернуть его госпоже Митчелл-Хеджес, которая в то время держала мотель в Китченере, Онтарио.

Завороженные рассказом Фрэнка Дорланда, мы с братом Полом договорились встретиться с госпожой Митчелл-Хеджес в Канаде и провели день в ее мотеле, слушая ее рассказы. Мы узнали, что незадолго до нашего приезда она подарила череп Музею американских индейцев в Нью-Йорке, где, насколько я знаю, он с тех пор и находится. Госпожа Митчелл-Хеджес пришла к выводу, что этот предмет обладает слишком большой силой, чтобы находиться в чьей-то личной собственности, а потому должно иметь безличного владельца.

Еще один аспект этой книги, заслуживающий особого внимания, — присутствие в ней темы похищения людей НЛО. С тех пор как в 1947 году неопознанные летающие объекты дискообразной формы были впервые замечены близ горы Рэйнер в Орегоне, НЛО, встречи с ними и похищения людей инопланетянами стали самыми загадочными и противоречивыми явлениями нашего времени. После многолетних исследований вдумчивые ученые, в том числе Жак Валле и психиатр Джон Мак из Гарварда, пришли к выводу, что мы имеем дело с фактами, которые отражают истинные «аномалии» и бросают серьезный вызов нашему устоявшемуся представлению о реальности.

Кроме чтения литературы об НЛО и изучения воспоминаний о похищениях, всплывающих во время сеансов психоделической терапии, холотропного дыхания и духовных обострений, у меня была возможность не раз обсудить эти явления с Джоном Маком, который на счастье оказался моим близким другом. Я убежден, что две гипотезы, допускаемые материалистической наукой, — галлюцинации душевно больных людей и ошибочное восприятие и толкование природных или рукотворных объектов — абсолютно не способны объяснить природу этих загадочных явлений.

В «Зове ягуара» я сохранил все важнейшие элементы рассказов об НЛО, принадлежащих исследователям и жертвам похищений: яркий свет, телепортация, вводимые через нос имплантанты, нападение похожих на насекомых существ, генетические эксперименты и т. д., — но сделал этих пришельцев путешественниками из далекого будущего нашей собственной планеты (отстоящего от нас лет на триста).

В это время над судьбой Земли нависла серьезная угроза. Мы становимся свидетелями напряженных событий, ранее неведомых истории. На карту поставлено не что иное, как будущее человечества и других населяющих Землю видов. Если мы будем и впредь идти столь же

разрушительным и саморазрушительным курсом, все живое на планете может погибнуть.

В «Зове ягуара» я выразил свою искреннюю надежду на то, что глубокое психодуховное преобразование человечества, которое я, серьезно занимаясь исследованиями холотропных состояний сознания, уже давно наблюдаю во многих людях, могло бы обратить вспять это опасное движение и помочь нам миновать трудный тупик на пути эволюции.

Станислав Гроф.

Тибурон, Калифорния, май 2001 г.

Сон Лоры

В кампусе* Беркли царил необычайное оживление, так что он напоминал гигантский улей. Церемония, знаменующая окончание учебного года, только что завершилась, и по дорожкам, соединяющим университетские корпуса, взад и вперед сновали люди. На лужайках и маленьких площадях парами и небольшими группами, оживленно переговариваясь, стояли студенты. Слышались шутки, смех, оживленные споры. В эпоху, когда «живые» лекции уступили место интерактивным голографическим видеосеансам, а семинарские занятия с преподавателями проходили в виде головдеофонных конференций, конец учебного года стал для студентов одним из редких и желанных случаев встретиться и лично пообщаться друг с другом.

Как обычно, после официальной церемонии закрытия ожидалось представление, в котором студенты имели возможность проявить свои творческие способности и дать выход доселе сдерживаемым эмоциям, накопившимся за учебный год. В нем были выступления музыкантов и чтецов, сольное и хоровое пение, но гвоздем программы, привлекающим всеобщее внимание, были сценки-пародии, в которых высмеивалось все и вся: от профессоров и культурных и политических деятелей всех мастей до курьезов — примет бурного технологического прогресса, которые прочно вошли в повседневную жизнь.

Лора Паркер нашла программу не особенно интересной и даже скучноватой, но еще меньше ее прельщало обязательное «продолжение» концерта: по обыкновению оно выливалось в безудержную пьянку с дикими танцами и откровенно сексуальной атмосферой.

Решив вернуться домой пораньше, Лора вышла из зала и направилась к выходу на Университетскую улицу. Когда девушка проходила через кампус, навстречу ей попала группа однокурсников, решивших разделить друг с другом последние мгновения уходящего учебного года. Завидя Лору, некоторые попытались было втянуть ее в разговор и вовлечь в свою компанию.

Больше всего на свете Лора дорожила своим внутренним миром, но в общении с другими отзывчивость, дружелюбие и умение ладить с людьми служили ей своеобразной мимикрией, позволяющей успешно скрывать свою истинную натуру. Благодаря необычайно чуткому отношению к людям и ситуациям она пользовалась большой популярностью среди студентов, но сегодня настроения общаться у нее не было. Не останавливаясь, Лора помахала им рукой. «Счастливых каникул! Не теряйте времени даром! Увидимся осенью», — сказала она, приветливо улыбаясь, и пошла дальше.

Идя по студенческому городку, Лора все время думала об Италии, куда собиралась поехать этим летом. Она любила итальянцев и итальянскую культуру с тех самых пор, как ребенком побывала там с родителями. В мечтах Лора уже видела себя в Венеции, проплывающей в гондоле под мостом Риальто или потягивающей кофе под ярким зонтиком на площади Святого Марка. Она читала о разрушающихся зданиях и ужасающем состоянии венецианских каналов, и ей хотелось увидеть Венецию прежде, чем двигатели моторок и загрязняющие выбросы успеют окончательно испортить этот прекрасный город. А если верить специалистам, это время неумолимо приближается.

Лора дала волю воображению, и вот уже крылья фантазии перенесли ее из Венеции во Флоренцию, еще один итальянский город, рождавший в ее душе любовь и восхищение. С глубокой печалью думала она об архитектурных сокровищах Флоренции, погубленных безрассудным техническим прогрессом. Древние стены флорентийских храмов и дворцов, выдержавшие наступление веков, быстро разрушались от убийственных выбросов гигантского

индустриального комплекса, недавно построенного на окраине города. Эти невеселые мысли перенесли Лору в Помпею: она видела ее дома и мощенные камнем улицы и пыталась представить, каково это было — жить здесь до того, как извержение вулкана остановило время и погребло город и его жителей под толстым слоем пепла. «Города, культуры и целые цивилизации рождаются и умирают. Уцелеет ли наша?» — размышляла девушка.

Красивая и при этом наделенная множеством талантов, Лора в свои двадцать четыре года имела все основания смотреть на жизнь и будущее с оптимизмом. Где бы она ни появлялась, ее длинные темные волосы, лицо с классическими чертами, выразительные глаза, высокая, стройная фигура, мгновенно привлекали внимание. Девушка была умна, умела хорошо выражать свои мысли, ее отличали широкие и основательные знания. Читать и писать Лора научилась в четыре года и с того времени читала запоем. Любовь к психологии, искусству, музыке и путешествиям предопределила ее выбор в пользу антропологии — науки, сочетающей все эти интересы. Лора только что окончила третий курс университета Беркли, и впереди ее ожидал вполне заслуженный отдых.

Спускаясь по тропинке, девушка достала из сумочки сотовый телефон и, включив его, попросила соединить ее с городской службой такси.

«Это Лора Паркер, — назвалась она, когда ее соединили. — Пожалуйста, пришлите машину на Университетскую улицу, к входу в кампус Беркли, прямо сейчас». Машина Лоры была в ремонте, и она решила, что лучше пару дней обойтись услугами такси, нежели брать машину напрокат.

Выйдя за территорию университетского городка, она услышала выстрелы: стреляли со стороны Шатука. Оттуда в панике бежали люди. Одни метались по тротуаре, другие выскакивали на проезжую часть, совершенно не обращая внимания на сумасшедшее движение, обычное для часа пик. Это была одна из случайных и непредсказуемых вспышек насилия, которые уже стали обычными для американских городов. К счастью для Лоры, транспортная система Сан-Франциско сработала, как всегда, надежно и быстро. Когда девушка дошла до улицы, ее уже ждало такси.

«Добрый вечер, Лора. Чтобы открыть дверь, вставьте, пожалуйста, свою карточку в прорезь», — вспыхнула надпись на небольшом экране, расположенном на боку машины.

Сердце девушки колотилось, руки дрожали. Косясь на потасовку, продолжавшуюся на другой стороне улицы, она торопливо последовала совету, и дверца распахнулась. Когда она села в машину, дверца автоматически закрылась, и компьютер обратился к ней приятным женским голосом, который звучал совсем как человеческий:

— Привет, Лора, вас приветствует служба муниципального такси. Назовите, пожалуйста, конечный пункт вашей поездки.

— Скалистая улица, 16, — задыхаясь выдавила Лора, а про себя добавила: «Да трогайся же ты с места поскорее!»

Стоило ей назвать адрес, как на маленьком экране, расположенном на щитке, появилась карта, изображавшая Беркли и Сан-Франциско. Ярко светящиеся огоньки показывали место, где находилась Лора, и конечный пункт ее поездки. Красная линия зигзагом извивалась через улицы, отмечая оптимальный маршрут между кампусом и Лориным домом. Выбирая путь, компьютер учитывал как время суток, так и ситуацию на дорогах. Включив левый поворот, такси тронулось и безошибочно влилось в попутный поток машин.

И тут Лора услышала грохот. Шальная пуля ударила в заднее стекло, отчего вся машина задрожала. Однако девушка быстро оправилась от испуга: она вспомнила, что в такси пуленепробиваемые стекла. Устроившись поудобнее, Лора уютно погрузилась в мягкое кресло машины.

«В это время движение на мосту и в городе будет оживленным, — подумала она, — возможно, добираться до дома придется дольше обычного». Читать во время езды по городу она не любила, а в разговорах с водителем-автоматом, на ее взгляд, было что-то неестественное.

«Посмотрим-ка, что происходит в мире», — сказала она себе. Поскольку новости день ото дня становились все хуже, их просмотр наводил на Лору тоску. Но ей казалось, что важно быть в курсе событий.

— Компьютер, включи телевизор, — повелительным тоном обратилась она к панели управления.

Большинство людей разговаривали с компьютерами именно так — возможно, чтобы показать, что главные все еще они. С быстрым развитием техники власть человека над машинами становилась все более сомнительной и проблематичной.

— Назовите, пожалуйста, программу, — попросил компьютер.

Тон был очень вежливым, но Лора без труда уловила в нем нотку легкой иронии. Ей даже стало немного стыдно оттого, что она начала разговор столь избито.

— Включи программу круглосуточных новостей, — сказала Лора, и на экране почти сразу появилась картинка.

«После сезона дождей ситуация в бассейне реки Амазонки остается критической, — озабоченным тоном произнес диктор. — Из-за ливней уровень воды за этот год поднялся в некоторых местах почти на двадцать метров. Специалисты объясняют такую ситуацию сочетанием трех неблагоприятных факторов: проливных дождей в экваториальных низинах, критических потерь плодородного слоя и глобального потепления. Отступая, Амазонка оставила за собой толстые наносы ила, которые в некоторых местах достигают пяти—шести метров. Они покрывают миллионы акров земли, которые прежде были заняты лесами. Во многих местах погребенная под толстым слоем грязи растительность уже никогда не сможет оправиться. Эксперты обеспокоены тем, что бедствие в бассейне Амазонки может иметь серьезные последствия для кислородного запаса нашей планеты».

Картины неописуемых бедствий, постигших тропические леса и селения, показались Лоре невероятными и пугающими, а диктор продолжал: «Манаус, крупнейший город в бассейне Амазонки, центр торговли и туризма и некогда процветающий открытый порт, превращается в необитаемый город, где ил течет по улицам и заползает в дома. Знаменитый отель «Тропикана» в Манаусе, излюбленное место отдыха тысяч туристов, уже несколько месяцев как выведен из строя и, возможно, никогда больше не будет восстановлен».

На экране мелькнуло изображение устья реки Амазонки вблизи Ильха-Кавьяны, а диктор продолжал комментировать: «На этом изображении, полученном со спутника, вы можете увидеть массы грязи и ила, вынесенные Амазонкой в Атлантический океан. Они полностью изменили цвет воды на протяжении многих миль от берега».

Машина вырвалась с улиц Беркли и, вынесенная оживленным потоком движения на Восьмидесятое шоссе, приблизилась к мосту через залив. Въезд на мост охраняла стальная конструкция, нависающая над шоссе, словно гигантский паук. Нижний ее ярус был оснащен цифровыми телекамерами, следящими за движением, и устройствами, которые опознавали проезжающие машины, а потом автоматически посылали чеки на банковские счета владельцев. Надежно бронированный верхний ярус давал принят отборной охране, вооруженной мощными лазерными пушками. Такие же башни, соединенные сложнейшими системами связи, контролировали все важнейшие пересечения дорог от Беркли до Сан-Франциско. Трудно было придумать более эффективный способ борьбы с преступлениями в больших городах, где война между полицией и наркодельцами достигла масштабов эпидемии. Этот сюрреалистический пейзаж не помог Лоре обрести покой, и она снова переключила внимание на новости. Теперь

они были посвящены международной политике.

«Есть все основания считать, что Китай становится опасной военной супердержавой, — продолжал диктор. — Освободившись от смирительной рубашки коммунистической идеологии, китайская экономика быстро перенимает опыт капиталистического мира. Значительная часть китайской промышленности ориентирована на производство оружия. По некоторым данным, китайский флот ядерных подводных лодок на Тихом океане насчитывает несколько сот единиц. Ввиду этих обстоятельств в военных кругах высказывается явная тревога по поводу нарастающей политической напряженности между Китаем и западными демократическими державами».

Дальше пошли новости из других районов мира. Ни одна из них не вселяла оптимизма, и Лора ощущала все большее уныние и тревогу. «Понимаю людей, которые предпочитают совсем не смотреть новости, — думала она. — Без них жизнь должна казаться легкой и куда более сносной». Девушка собралась было попросить компьютер выключить телевизор, но тут диктор перешел к другой теме.

«А теперь важное предупреждение для жителей северных регионов американского континента, — сказал он. — По метеорологическим прогнозам, завтра из-за внезапно возросшей проницаемости озонового слоя ожидается высокий уровень радиации в Канаде и северных районах США. С девяти утра до пяти вечера вас просят сократить время пребывания на открытом воздухе до абсолютного минимума. Как можно дольше оставайтесь в зданиях и машинах. Если все же возникнет необходимость покинуть помещение, пользуйтесь защитными головными уборами и костюмами «Косрад». Пребывание на открытом воздухе может привести к серьезным ожогам и оказать канцерогенное воздействие».

Лора дослушала объявление до конца и не стала смотреть новости дальше. Ее сердце просто разрывалось от вида того, что натворил на Земле технический прогресс. Вместе с другими студентами Лора принимала активное участие в движении против загрязнения окружающей среды, пока объединенными усилиями промышленных магнатов и американского правительства эта деятельность не была объявлена антиамериканской, а они перешли в разряд преступников. При таких обстоятельствах продолжение экологической борьбы стало делом рискованным.

Еще через несколько минут машина подъехала к Скалистой улице, где жила Лора, и остановилась у тротуара перед домом ее родителей.

«Вы прибыли в конечный пункт вашего назначения, — вежливо сообщил компьютер, когда дверца открылась. — Благодарим за то, что воспользовались нашими услугами. Будем рады обслужить вас снова. Удачного вам вечера. До свидания».

Открыв пультом входную дверь, Лора вошла в дом. На кухне она обнаружила записку от своей матери, Изабель: «Дорогая Лора, обед в холодильнике. Его нужно только подогреть. Поставь на несколько минут в микроволновую печь. Я на интересной лекции в Форт-Мейсоне, буду поздно. *Yo te quiero, tu madre*»*.

Изабель была родом из богатой панамской семьи. В Панаме она и встретила с Эдом, отцом Лоры, — он гостил там у индейцев на острове Сан-Блас. Это была любовь с первого взгляда, и они до сих пор сохранили нежность и глубокую взаимную привязанность, несмотря на то, что оба отдавали много времени работе. Эд был археологом и часто уезжал в далекие экспедиции, а Изабель — психологом, специалистом по юнгианской психотерапии. Весьма редкая специализация, поскольку в этой области почти повсеместно царили биологический подход и медицинская модель. Несмотря на неодобрение академических кругов, юнгианская психология пользовалась популярностью у населения, поэтому Изабель не испытывала недостатка в клиентах и график ее работы был весьма напряженным.

Работа Изабель, несмотря на всю сложность и интенсивность, нисколько не умерила ее латиноамериканский темперамент. Разумеется, он совсем не мешал ей быть заботливой женой и

матерью. Изабель нежно любила Лору, свое единственное дитя. Хотя порой девушка и ощущала излишнюю опеку, она не сомневалась, что чувства ее матери искренни и бескорыстны. Вот и сегодня Изабель, спеша на лекцию, все же не смогла уйти, не позаботившись о том, чтобы ее дочь ни в чем не нуждалась.

Лора еще не проголодалась и не стала обедать. После дня, проведенного в лихорадочной атмосфере большого города, ей захотелось побыть наедине с природой. Понимая, что пробежка или прогулка в парках Голд Гэйт или Пресидио может быть слишком опасной, Лора благоразумно решила выбрать менее рискованный вариант, вошедший в моду с тех пор, как население Америки стало ощущать страх перед захлестнувшей страну волной преступности.

В семье Паркеров был компьютер «Лайла Делюкс-3», последний писк моды в области техники виртуальной реальности. То была самая современная, значительно усовершенствованная модель, способная создавать сотни вариантов виртуальной среды, которые отличались исключительной сложностью и правдоподобием.

Раздевшись донага, Лора натянула сшитый на заказ эластичный костюм, плотно облегающий тело. На его внутренней поверхности было огромное количество электродов, специально предназначенных для того, чтобы избирательно стимулировать кожные рецепторы: тактильные, термочувствительные и проприоцептивные*. Полученные от них импульсы, синхронизированные с голографическими образами и четко локализованным голографическим звуком, давали возможность создавать не только убедительные копии разнообразных ситуаций материального мира, но и воображаемую, фантастическую реальность.

«Лайла Делюкс-3» была еще и первой моделью, способной передавать широкий диапазон обонятельных ощущений. Это стало возможным после того, как обнаружили, что невероятно богатый спектр запахов и ароматов можно получать, комбинируя в различных пропорциях небольшое количество элементарных запахов, — точно так же, как бесконечно богатый спектр разнообразных цветовых оттенков можно получить смешением всего трех основных цветов.

Неудивительно, что один из этих обонятельных радикалов был эссенцией аромата розы. Более неожиданным был тот факт, что в список входили крошечные дозы чистого экстракта выделений желез скунса. Соединяя эти радикалы в нужных количествах и комбинациях и преобразуя смесь в мелкие аэрозоли, компьютер был способен воссоздавать все основные запахи.

После недолгих размышлений Лора решила не использовать дополнительную программу «Эрос», предназначенную для того, чтобы вызывать широкий спектр сексуальных ощущений. На этот раз ей хотелось ограничить свое переживание природным окружением. Она надела шлем с очками и наушниками и подсоединилась к штурвалу со сложной гидравлической системой, который давал возможность вращаться и перемещаться в разных наклонных плоскостях. Приготовившись к путешествию, Лора дала команду программе «Виртуальный странник», которая предоставляла большой выбор экскурсий в чудесное царство природы. Не в силах решить, какой из множества альтернатив отдать предпочтение, девушка воспользовалась возможностью случайного выбора. Компьютер выбрал «Закат солнца» и «Ночное плавание по Рио-Негро». Такое сочетание Лоре переживать еще не приходилось.

Едва она произнесла слова команды, как очутилась в лодке, скользящей по темной поверхности необъятного водного потока; рука ее беззаботно ласкала волны. Вспомнив то, что она читала об агрессивности и прожорливости пираний, Лора инстинктивно попыталась отдернуть руку, но не смогла противиться программе. Она напонила себе, что это виртуальная реальность и худшее, что может случиться, это неприятные ощущения, а не реальная потеря пальцев. Самое разумное — довериться программе и наслаждаться путешествием.

Кроме нее в лодке находилось еще пять человек, явно туристы, и два проводника-туземца —

один на корме, другой на носу. Закат над величавой рекой поистине захватывал дух. Лодка подплыла к группе старых деревьев. Уровень воды был настолько высок, что их стволы почти полностью ушли под воду. Мощные кроны устремлялись высоко в небо, давая приют тысячам птиц. Похоже, на закате это было любимым местом их встреч. Воздух был наполнен трепетом бесчисленных крыльев и пронзительными криками. Несколько птиц пролетели так близко, что девушка почувствовала на лице легкое дуновение ветра от их крыльев. Все вместе это создавало невероятное зрелище!

Но самое интересное ждало впереди. Солнце начало садиться, и сумерки принесли с собой волшебные чары полной луны и усеянного звездами неба. Темная поверхность Рио-Негро была ровной и спокойной, как гигантское зеркало. Ее гладь нарушал только след от лодки. Вода стояла так высоко, что лодка то врывалась в затопленный лес, то выплывала из него. Деревья, освещаемые фонарем стоящего на носу лодки проводника, отражались в воде с почти фотографической точностью. Проводник, словно пытаясь обнаружить что-то в воде, поворачивал свой сигнальный фонарь, описывая его лучом полукругом.

Неожиданно свет прекратил свое кружение, выхватив из темноты две красные светящиеся точки, очевидно, глаза какого-то животного. Теперь лодка двинулась новым курсом, по направлению к ним, — сначала с включенным мотором, а потом в полной тишине. Вскоре стало ясно, что в темноте светились глаза двухметрового аллигатора. Когда лодка приблизилась к крокодилу, стоящий на ее носу проводник ловко набросил ему на голову петлю и, преодолевая сопротивление зверя, втащил его в лодку. Борта возвышались над водой всего сантиметров на десять, и от борьбы лодка чуть не перевернулась. Лора вздрогнула: не хватало только оказаться в полуночных водах Рио-Негро в обществе разъяренного аллигатора!

Два проводника общими усилиями связали пасть зверя веревкой и оглушили его ударом в брюхо. Затем они подняли обмякшее тело и водрузил Лоре на колени. Тяжесть крокодилий туши и острый запах зверя придали переживаниям Лоры такую жуткую реальность, что свели на нет все ее желание общаться с дикой природой.

«Хватит!» — решительно произнесла она, и, будто по мановению волшебной палочки, видение тропического леса исчезло. Девушка была сыта по горло экзотическими приключениями. «Кто знает, что еще заготовила на сегодня программа, — подумала Лора, — чего доброго, впечатляющее нападение гигантской анаконды!»

Она сняла костюм психонавта, надела пижаму и пошла наверх. От путешествия по Амазонке у нее разыгрался аппетит, и она решила, что пора перекусить. Девушка разогрела обед в микроволновке и устроилась у телевизора. После всех треволнений этого дня Лоре захотелось бездумного развлечения, которое помогло бы снять напряжение. Обычное телевидение считало своей главной задачей знакомство зрителей с разнообразными кинофильмами двадцатого века. К удивлению Лоры, кино снова перенесло ее в джунгли Амазонки. Шел фильм о туземном племени, обитавшем в тропическом лесу.

В глубине души Лора поразились той настойчивости, с которой тема амазонских лесов вторгалась в ее повседневную жизнь. Тем не менее она не переключила канал и вскоре увлеклась фильмом, сюжет которого показался ей занимательным. Это был «Изумрудный лес», картина, снятая в середине двадцатого века. Она повествовала о начале повсеместного уничтожения амазонских джунглей и массового истребления коренного населения. По сравнению с той трагедией, которая разыгрывалась на этой территории все семьдесят лет, прошедшие после съемок фильма, показанный в картине ущерб казался пустяком. В этом отношении картина совсем не трогала, особенно после новостей, которые Лора совсем недавно увидела в такси. Однако в фильме был один момент, который по-настоящему захватил девушку. Она зачарованно следила, как в ритуалах используют сильнодействующие психоделические

порошки, которые туземцы через длинные трубки вдвухали друг другу в нос. Вдыхание этих веществ вызывало мощные зрительные переживания. Лору странно взволновали кадры, показывающие превращение человека в могущественного орла и то, как он переживает свой волшебный полет. Хотя девушка не совсем понимала, почему это произвело на нее такое огромное впечатление, она почувствовала, что картина затронула очень глубокие струны ее души. Лора перестала жевать и отставила поднос с едой. Сердце ее колотилось от волнения, дыхание участилось, глаза были прикованы к экрану. Какое невероятное сочетание — поразительная природная красота тропического леса и волшебство зрительных переживаний! Как отличается эта реальность от холодного и трезвого прагматизма будничного мира, в котором она живет!

Позже, уже лежа в постели, Лора то и дело мысленно возвращалась к захватывающим кадрам из фильма. Но после напряженного дня она настолько устала, что почти сразу же уснула. Обычно жизнь Лоры во сне бывала очень богатой, но на этот раз она увидела сон, который даже по ее меркам был исключительно ярким и впечатляющим. Он совершенно не походил на другие ее сновидения. На всем его протяжении Лора полностью осознавала, что спит и видит сон. Это больше походило на перемещение в другую реальность, в чем-то даже более реальную и достоверную, чем обычная жизнь.

Лора оказалась в благоухающих джунглях: она шла по узкой тропинке вдоль реки, которая каскадом низвергалась с огромной горы. Ее окружали разбросанные и затерянные в лесу древние развалины — джунгли вцепились в них мертвой хваткой, опутав тысячами корней, усиков, лиан. Неспешная прогулка привела Лору к прекрасному водопаду. Там на большом плоском камне, глядя на темный пруд, сидел глубокий старик в простом домотканом одеянии, богато украшенном разноцветными узорами. Лицо его пряталось в тени большой белой шляпы, но глаза сияли ярким светом. Он приветливо поманил девушку, приглашая подойти поближе. Приблизившись к старику, Лора ощутила мощную волну любви и тепла. Его энергия окутала Лору и наполнила все ее существо. Внезапно старик превратился в лучистый шар света, похожий на космическое солнце. Лора утратила ощущение своего «я» и стала единым целым с этим сверкающим источником света. У нее возникло ошеломляющее ощущение, будто она сотни лет ждала этого момента и наконец-то вернулась домой...

Лора проснулась с чувством свершения, радости и внутреннего покоя. «Что же это было? — недоумевала она. — Может, впечатления вчерашнего вечера, странная переключка с образами «Изумрудного леса»?» Но ей пришлось отбросить это предположение. То, что с ней случилось, было слишком достоверным и значительным — эхо иного мира, мира таинственного и волшебного. Это переживание было для нее совершенно новым и неведомым и в то же время почему-то очень знакомым! Несмотря на то что Лора вполне проснулась, она все еще ощущала странное и неодолимое притяжение манящего царства, которое открылось перед ней.

Сон ошеломил Лору, и она, прежде чем встать, еще довольно долго лежала в постели не шевелясь. Это было просто необходимо, чтобы переварить и усвоить то, что она пережила во сне. После глубоких раздумий она выскользнула из постели и спустилась на кухню. Было рано, и в доме стояла тишина. Изабель еще явно спала крепким сном. Лора налила себе чашку чая и приготовила тарелку овсяных хлопьев с кусочками свежей земляники и бананов. Все это она поставила на поднос вместе со стаканом апельсинового сока и горстью разнообразных питательных добавок. С подносом в руках Лора прошла к своему столу, чтобы проделать маленький утренний ритуал — проверить свою голографическую почту.

В ответ на слова команды машина выдала первое сообщение. В воздухе появилось голографическое изображение Эда, отца Лоры.

«Доброе утро, Лора! — услышала она обращенный к ней негромкий голос. — Думаю, получая мое сообщение, ты, как обычно, завтракаешь. У меня есть для тебя кое-что, и, надеюсь, это покажется тебе увлекательным. Учебный год закончен, и, я уверен, ты на высоте. Поздравляю! Знаю, что ты собираешься поехать в Италию и мечтаешь об этом, но у меня есть для тебя другое предложение. Думаю, было бы здорово, если бы часть своих каникул, а может, и все каникулы ты провела с нами здесь, в Колумбии. И вот почему».

Эд Паркер был известным во всем мире археологом; его сенсационные исследования внесли огромный вклад в изучение истории Америки до испанского вторжения. Самая последняя его находка — древний город в Колумбии, в гуще лесов, покрывающих горный хребет. Многие века этот город был скрыт от всего мира под толстым слоем тропической растительности. Теперь Эд возглавлял группу археологов, которые вели раскопки этого поселения и пытались воссоздать жизнь той культуры, которая его возвела.

«Мы сейчас тесно общаемся с туземцами, которые живут в этих местах, — продолжал Эд. — Для работы на раскопках мы наняли группу индейцев из отдаленной высокогорной деревни. Они построили все главные здания для лагеря, а теперь помогают нам расчистить джунгли и обнажить развалины. Только некоторые из них немного говорят по-испански, так что общаться с ними приходится через переводчика, но мы прекрасно ладим. Это замечательные люди, необычайно дружелюбные и открытые. Думаю, тебе они понравятся и покажутся очень интересными.

Город, который мы раскапываем, определенно принадлежит к древней империи майя. — В голосе Эда прозвучала уверенность, не допускающая и тени сомнений. — Хотя вначале мы не могли поверить, что государство майя могло заходить так далеко на юг. У нас много интересных находок, и мы стараемся как можно точнее воссоздать это поселение. Несомненно, наши туземцы — потомки культуры, построившей этот древний город. У меня есть сильное подозрение, что они сохранили многие тайные знания своих предков».

Эдд выдержал эффектную паузу, а потом продолжил: «Конечно, мы могли бы воспользоваться услугами местного антрополога, но я подумал: а почему бы тебе нам не помочь? Ведь узнай мы местных людей получше, это могло бы пролить свет на многие наши находки. В качестве компенсации могу предложить тебе небольшую плату из нашего бюджета, ну и, конечно, было бы здорово провести хоть немного времени вместе. В самом деле, я надеюсь, что ты приедешь. Подумай, пожалуйста, и сообщи мне о своем решении. Обними и поцелуй за меня Изабель. Люблю вас обеих. Берегите себя!»

Лора слушала сообщение отца и чувствовала, как по спине у нее волнами пробегают мурашки. Это приглашение вдруг представилось ей еще одним звеном в цепи событий, связанных невидимой таинственной нитью. Казалось, какой-то магический зов, манит ее в Южную Америку, на встречу с приключениями. Началось это в такси, когда она увидела в вечерних новостях трагедию в бассейне Амазонки. Сразу же после этого — плавание по Рио-Негро, выбранное компьютером наугад из сотен возможных вариантов! Затем — череда картин «Изумрудного леса», а ночью все это ожило в ее странном сне. И вот теперь приглашение отца! Лора не могла понять, что с ней происходит. Она знала одно: что-то магическое с необычайной силой внезапно вторглось в ее повседневную жизнь. Изабель часто употребляла слово «синхронизация» — так в психологии Юнга называется не обусловленный причиной механизм, который создает важные связи между внутренними психическими переживаниями и разнообразными событиями повседневной реальности. Такие ситуации показывают, что наша психика способна устанавливать игровые отношения с тем, что нам представляется материальным миром. Особенно часто такие таинственные совпадения случаются в критические моменты духовного странствия. Хотя теоретически Лора была знакома с этим

явлением, оно ее изумило и потрясло.

К тому времени как послание отца закончилось, Лора почувствовала, что планы провести каникулы в Италии уже не кажутся ей столь заманчивыми и быстро тают. Еще двадцать минут назад она бы не поверила, что какая-то другая цель может отвлечь ее от поездки в Европу. Но теперь все так внезапно изменилось... «Италия может подождать, — сказала она себе. — Я смогу поехать туда в другой раз. Даже Венеция простоят еще пару лет, а такая возможность больше не представится».

Лора любила путешествовать, и отцовское приглашение давало ей редкий шанс увидеть своими глазами экзотические края, в которых она прежде никогда не бывала. Были и еще кое-какие важные преимущества: возможность побыть рядом с отцом и одновременно поработать в экспедиции антропологом. Но главное — поразительная цепь синхронизации, которая так неотвязно завладела ее умом и сердцем. То был зов, манящий к небывалому приключению, и противиться ему девушка не могла.

Когда в дверях неожиданно появилась Изабель, Лора уже приняла решение. Она сделала несколько танцевальных па навстречу матери и крепко сжала ее в объятиях.

— Доброе утро, ма! — сказала она. — Вот, взгляни на папино сообщение. Просто потрясающе! Я не еду ни в какую Италию, я решила податься к папе, в Южную Америку!

Балам Ахау, Бог-Ягуар

На тропическом небе, освещенном мириадами сверкающих звезд, четко выделялся темный силуэт огромной горы. Легкий ветерок, дующий со стороны джунглей, приносил в лагерь упоительную смесь экзотических ароматов цветов и любовных песен насекомых. Лора зачарованно наблюдала представшее перед ней зрелище ночного неба. С трудом верилось, что звезды бывают такими яркими, особенно Венера, царящая над западным горизонтом. Девушка полной грудью вдыхала прохладный вечерний воздух, с наслаждением ощущая его чистоту.

«Какой разительный контраст с жизнью в городе, ее сумасшедшим темпом, уличной преступностью, шумом и всеми пороками! — думала Лора. — Какое умиротворение, чистота и первозданность в природе, как непохоже это на тот мир, который мы сами сотворили». Неожиданно она ощутила прилив благодарности. «До чего же мне повезло! Шесть недель в раю, среди девственной, не оскверненной человеком природы! И к тому же возможность поработать антропологом в экспедиции! — сказала она себе. — Это совсем не то, что изучать антропологию, сидя изо дня в день у головидеомашины и слушая лекции». Она бросила прощальный взгляд на Венеру, блестевшую на небе, как искрящийся снежный ком, и скрылась в палатке.

После долгого путешествия Лора чувствовала усталость; ей хотелось спать, но мешало волнение. Девушка переделась в пижаму, застегнула на молнию вход в палатку и с наслаждением растянулась на постели. Устроившись поудобнее, она предоставила мыслям свободно блуждать. Она вспоминала утреннюю поездку через джунгли, от маленькой взлетной полосы до лагеря археологов. Перед внутренним взором проносились вереницы восхитительных пейзажей, которые она успела увидеть. Лора не смогла бы сказать, что произвело на нее самое большое впечатление: первозданная и чувственная красота тропического леса или захватывающие виды величавого горного хребта.

Вспомнив недавнюю встречу с отцом, девушка ощутила волну нежности. Они не виделись несколько месяцев, и обоих воодушевляла перспектива побыть рядом. У них накопилось столько тем для бесед: семейные дела, Лорина учеба, археологические находки Эда! Они проговорили много часов — сначала во время поездки на джипе, а после прибытия в лагерь, — в палатке Эда. Лора наслаждалась каждой минутой общения с отцом, осознавая, как она по нему соскучилась. Они говорили бы еще долго, но было поздно, и девушка явно нуждалась в отдыхе.

Лоре не пришлось долго перебирать в памяти события прошедшего дня. Через несколько минут глаза ее закрылись, и она уснула. Несмотря на то что девушка смертельно устала, сон ее не был очень глубок. Сознание работало необычайно активно, порождая поток насыщенных и динамичных снов, продолжавшихся всю ночь. Их кульминацией стала череда необычайно ярких картин.

Лора очутилась в центре огромной свалки; под ногами была куча отвратительных отбросов. Она огляделась: повсюду невообразимое запустение и разложение. Небо полностью закрывают тяжелые ядовитые тучи — зловещие предвестницы надвигающегося рока.

Интуиция подсказывала девушке, что это конец истории человечества, конец жизни, конец света.

«Бог отверг свое творение! — прошептала она. — Как печально, как невероятно печально! А ведь мир был так прекрасен, так много обещал!» Глубокое отчаяние пронзило все ее существо, из глаз брызнули слезы и потекли по щекам. Вдруг сквозь темные облака пробилось солнце, его

сияющие лучи разогнали тьму, растворили всю гниль и падаль и превратили пустырь в рай земной.

Лора подняла голову и посмотрела прямо на пылающее светило. Все ее тело замерло в благоговейном трепете, по спине пробежали мурашки. У нее на глазах клубящаяся раскаленная масса солнца застыла, превратившись в огромный ослепительно сияющий череп. Его глубокие пустые глазницы излучали мощный поток энергии. Зловеще оскаленные челюсти, окаймленные безупречно ровными зубами, медленно двигались, словно произносили слова. Раздался оглушительный рокочущий звук, заполнивший, казалось, все уголки Земли: «Я смерть, несущая жизнь»!

Эмоциональное воздействие этого образа было настолько ошеломляющим, что Лора проснулась. Несколько минут она лежала, словно в тумане, пораженная тем, как изменилась ее жизнь во сне. Это сновидение явно не принадлежало к разряду фрейдовских, которые представляли собой смесь переживаний повседневной жизни и бессознательных желаний, которые психоанализ может разграничить и расшифровать. Яркий и необычный, он внушал смутную тревогу. Как и тот сон, который Лора видела в Сан-Франциско в последнюю ночь учебного года, он принес с собой ощущение волшебства и тайны. Казалось, он был эхом другой реальности, более высокого порядка, нежели материальный мир. Лора не помнила, чтобы ей когда-нибудь снилось что-то подобное.

Лежа в постели и размышляя о своем сновидении, она вдруг заметила, что уже светает. Первые лучи солнца, падая на палатку через полог густой тропической растительности, танцевали на парусине, рисуя замысловатые подвижные узоры. Постепенно внимание Лоры переключилось с ее сна на звуки, доносившиеся из джунглей. «Должно быть, в эту пору вокруг необычайно красиво», — подумала девушка, припоминая вчерашнюю поездку на джипе. Было еще рано, и она решила немного прогуляться перед завтраком и обследовать местность вокруг лагеря. Сняв пижаму, Лора натянула шорты и свою любимую футболку. Выйдя из палатки и осмотревшись, она наугад выбрала направление и углубилась в лес.

Не зная окружающей лагерь местности, она решила: пойду куда глаза глядят — и шла, будто играла в причудливую незнакомую игру. Ориентирами ей служили диковинные растения, остатки древних каменных стен, а то и птицы или бабочки. Через несколько минут прогулка привела ее к речке, вдоль которой шла узкая тропинка. Вдруг все вокруг показалось до боли знакомым. Лору охватило мощное чувство дежа вю*, которое изумило ее и потрясло до глубины души. Все выглядело так, будто она перенеслась в мир сна, увиденного в Сан-Франциско, или, наоборот, этот сон стал трехмерной реальностью ее повседневной жизни.

«Это явь или я все еще сплю?» — недоумевала девушка, совершенно сбитая с толку столь неожиданным смещением реальностей.

Идя по узкой тропинке вдоль реки, как это было во сне, Лора узнавала многие детали окружающего пейзажа. Она точно знала, что предстанет перед ней за следующим поворотом. Ощущение того, что она все это уже видела, было столь сильным, что Лора даже не удивлялась, когда предвкушаемый вид действительно появлялся. С каждым открытием, подтверждавшим ее ожидания, прогулка становилась все более таинственной и волшебной.

«Водопад, сейчас должен быть водопад! — неожиданно выдохнула Лора, приблизясь к следующему хорошо знакомому ориентиру. — А может быть, и загадочный старик...», — прошептала она, дивясь самой себе. Девушка осознала, что произносит слова, слышала, как они срываются с ее губ, но с трудом верила в то, что говорит.

Когда тропинка сделала неожиданный поворот, Лора ощутила легкое понижение температуры и мелкие брызги водяной пыли на щеках. Уши ее наполнил рокочущий шум воды, падающей с огромной высоты. То был идиллический пейзаж ее сна! Окончательно

ошеломленная, Лора застыла на месте. Все было так, как она ожидала. Все, кроме мудрого старца с длинными седыми волосами и сияющими глазами. Чувствуя одновременно и разочарование, и явное облегчение, Лора присела на камень у пруда. Она не совсем представляла, как поступила бы, материализуйся вдруг этот образ из мира ее сновидений. Возможно, Изабель сумела бы с этим справиться, Лоре же была недоступна та непринужденность, с которой ее мать общалась с миром символов и синхронизаций.

Лора переключила внимание на водопад, великолепный поток рокочущего жидкого серебра, сверкающий в лучах восходящего солнца, которое уже пробивалось сквозь зеленый полог тропического леса. Наблюдая за танцующими брызгами воды, Лора позволила стремительному потоку слиться со своим сознанием и начала плавно погружаться в состояние гипнотического сна. Казалось, жизнь леса замедлилась, в том числе и жужжание насекомых, но девушка стала слышать его на гораздо более глубоком уровне. Лес словно разговаривал с ней, открывая самые заветные свои секреты и сокровенные тайны бытия.

Подняв глаза, Лора внезапно увидела молодого мужчину в сомбреро — он появился у водопада и начал спускаться со скал, откуда низвергалась вода. По-прежнему наполовину в трансе, девушка почувствовала перст судьбы, таинственную значительность этого мгновения. Она наблюдала его отважные маневры, как будто для нее это было вполне естественным — сидеть одной здесь, в чужой стране, за тысячи миль от Сан-Франциско, ожидая отчаянного юношу-туземца. Все это начинало напоминать некое мистическое свидание, будто они условились встретиться именно в это время, в этом магическом месте — в лесу меж двух миров.

Юноша двигался с гибкой грацией лесной кошки, непостижимо далеко вытягивая руки и ноги, чтобы удержаться на скользкой поверхности. Лора заметила какие-то странные и призрачные световые эффекты, необычную игру света, которую она не могла объяснить. Временами казалось, что из груди юноши исходят серебряные канаты и на кратчайшие мгновения обвиваются вокруг скалы, облегчая ему путь на самых трудных участках. «Должно быть, преломление света, — решила Лора, — наверное, солнечные лучи отражаются от чего-то блестящего на его одежде».

Когда он спустился, Лора совершенно не испугалась, а только удивилась, что так неверно определила его возраст. «Ему никак не меньше тридцати», — подумала она, когда мужчина почти совсем спустился. Но, приближаясь к ней, он с каждым шагом становился все старше. «Пожалуй, пятьдесят», — поправила себя Лора, когда незнакомец подошел поближе. В конце концов, когда между ними оставалось всего несколько шагов, он, словно по волшебству, превратился в мудрого старца из сна — те же черты, та же одежда. Глаза его казались врезанными в смуглое лицо, изборозженное глубокими морщинами. Они излучали свет и напоминали две яркие звезды. Осанка у старика была величественная, а весь облик — царственный и древний. К удивлению Лоры, он даже сел на тот самый камень, на котором она видела его во сне.

— *Буэнос диас!* — приветствовал он ее по-испански. В его низком звучном голосе слышалась ласка. — Прекрасный день, не правда ли? Меня зовут Балам Ахау.

— *Муй буэнос*, — ответила Лора тоже по-испански, — меня зовут Лора, Лора Паркер. Я из Соединенных Штатов, из Сан-Франциско. Приехала сюда на несколько недель к своему отцу; он археолог, ведет здесь раскопки. — А потом весело добавила: — Как здорово, что вы знаете испанский и мы сможем поговорить. Какой приятный сюрприз!

Испанский Лоры был безупречен, потому что она выросла в двуязычной семье. Когда ее родители встретились в Панаме и поженились, Изабель уже свободно говорила по-английски. Тем не менее, в отличие от многих эмигрантов, она не захотела подстричься под общеамериканскую гребенку и сохранила связь с традициями своей культуры. Того же самого

она хотела и для своей дочери, и Эд Паркер искренне поддерживал ее в этом стремлении.

— Раз ты понимаешь наш язык, значит, для тебя не секрет, что мое имя означает Повелитель Ягуаров или Бог-Ягуар. Не боишься? — Говоря это, Балам Ахау шутливо изобразил опасного хищника: выпустил воображаемые когти, свирепо оскалил зубы и громко зарычал. И вдруг заразительно рассмеялся, обнаружив хорошее чувство юмора и плутовскую повадку.

— Вы живете где-то поблизости? — спросила Лора, которую развеселило это забавное представление.

— Я из высокогорной деревни, что в нескольких часах ходьбы отсюда, — ответил Балам Ахау. — Спустился всего на один день.

После внушительной паузы он добавил нечто такое, от чего Лорино сердце забилось быстрее: — Я ждал тебя. Знал, что ты придешь сегодня.

Лора, и без того глубоко потрясенная синхронизацией своего сна и встречи с Баламом Ахау, чувствовала, что все глубже и глубже погружается в загадочную и заколдованную реальность.

— Как вы могли об этом знать? Конечно, кто-нибудь в лагере мог вам рассказать о моем приезде, но никто, даже я сама, не знал, что я приду сюда, к водопаду.

— Ты явилась мне в видении, во сне наяву, — объяснил Балам Ахау. — А эти мои сны обычно сбываются. Ведь видеть сны — моя работа в этом мире, она меня кормит. Боги избрали меня на эту роль. Я родился в день Аикс, тринадцатый день Цолкина, нашего священного календаря.

Балам Ахау очень пристально наблюдал за Лорой, и от него не укрылось недоуменное выражение ее лица. Он понял, что девушке непонятна связь между днем его рождения и необычностью его снов и видений.

— Наверное, нужно рассказать тебе об этом поподробнее, — сказал старик после краткого размышления. — У моего народа два разных календаря. Один — Хааб; в нем, как и в вашем календаре, триста шестьдесят пять дней. «Хааб» значит «смутный», «неопределенный». Мы называем его так потому, что он на шесть часов короче, чем действительный оборот Солнца. Второй — Цолкин, или «Священный круг», — отличается от вашего календаря, в нем всего двести шестьдесят дней.

Лора припомнила, что читала про священный календарь майя: он носил то же имя, и дней в нем было тоже двести шестьдесят.

«Значит, отец был прав, — подумала она, — жители деревни и вправду потомки древних майя».

— Согласно нашим традициям, — продолжал Балам Ахау, — те из нас, кто родился в день Аикс, обладают особой душой, которую мы называем «молния». Она делает нас очень восприимчивыми к посланиям из мира природы, а также к проявлениям других измерений. Это особый дар, и наша обязанность — развивать его, питать и доводить до полного расцвета. Приходится много и усердно трудиться, чтобы научиться толковать эти послания и пользоваться ими.

— Какова же ваша роль в деревне, что именно вы делаете? — спросила Лора, чувствуя, что ее антропологическая практика уже началась.

— Поскольку я умею общаться с духами, то могу узнать от них, отчего люди болеют или почему некоторые другие события развиваются не так, как надо. Если у меня хорошие отношения с духами, они могут помочь лечить разные болезни и возвращать в жизнь деревни утраченное равновесие и гармонию. Когда пропадают люди или какие-нибудь важные вещи, я могу их найти, потому что мой внутренний глаз открыт. А еще я совершаю разные ритуалы, чтобы почтить и умилоустивить силы природы, когда стихии на нас разгневаются.

Слушая Балама Ахау, Лора просто не могла поверить своей удаче. Первый же туземец, которого она здесь встретила, оказался не обыкновенным человеком, а очень влиятельным шаманом! Бывает же такое везение!

— Еще я наблюдаю движение звезд, веду летопись дней и храню священный календарь. Выполняю обряды, забочусь о святынях и руковожу людьми в их молитвах, — продолжал Балам Ахау. — Но не думай, что я имею дело только с божественным. В деревне мне приходится заниматься многими земными делами, заботиться о самых разных повседневных вещах. Для таких, как я, у нас есть особое название. В деревне меня называют «отец-мать».

— Скажите, Балам Ахау, — спросила Лора, — откуда вы так прекрасно знаете испанский? Ведь в деревне вы говорите на своем языке, а с внешним миром, наверное, общаетесь не так уж часто.

Она помнила, что знакомый лингвист, который специализировался в языках Центральной Америки и изучал записи разговоров деревенских жителей, усматривал кое-какое сходство их языка с диалектом лакандонских майя, обитавших на полуострове Юкатан, но отмечал и существенные различия. Она пришла к выводу, что язык племени Балама Ахау мог быть близок к тому, на котором говорили майя в классический период.

— Я родился в деревне, но мои родители умерли, когда я был еще совсем мал, — с печалью в глазах пояснил Балам Ахау. — Видишь ли, Лора, не все мои люди живут в деревне. Есть и такие, которые спустились с гор и осели в низине, далеко отсюда. Ближайшие родственники моих родителей ушли из деревни очень давно и поселились на берегу океана. После смерти моих родителей меня усыновили дядя и тетя, и все детство я провел здесь. Родной язык был в ходу только дома, а вокруг все говорили по-испански

— Вы сказали, что «душу-молнию» необходимо развивать и питать. Ваши приемные родители поддерживали вас в этом стремлении? — спросила Лора.

— Отнюдь нет, — ответил Балам Ахау, которого вопрос Лоры, казалось, позабавил. — Мои дядя и тетя, как и многие наши люди, полностью утратили интерес к тем древним традициям, которые сохранялись в деревне на протяжении многих веков, и пошли по западному пути. Их интересовало одно: как заработать побольше денег, чтобы жить безбедно, и от меня они хотели того же. Оба никогда даже словом не обмолвились, что есть еще и духовная жизнь.

— Как же вам удалось стать тем, кем вы стали? — удивилась Лора.

— Я услышал зов духов, и душа моя пробудилась, — сказал Балам Ахау. — Если такова твоя судьба, боги сами найдут к тебе дорогу. Но это длинная история, и я отложу ее на другой раз.

— Значит, мы встретимся снова? — спросила Лора, даже не пытаясь скрыть волнение.

— Я буду в деревне. Ты можешь прийти ко мне в любое время, когда пожелаешь. Я с удовольствием отвечу на все твои вопросы и расскажу обо всем, что знаю сам. Когда после смерти родителей дядя и тетя пришли, чтобы меня забрать, мудрый старец, почитаемый в деревне как «отец-мать», заглянул в мое будущее. Он предсказал, что мне суждено быть великим «отцом-матерью» и что однажды на меня будет возложена важная задача — стать мостом, который свяжет нас с Младшим Братом...

— А кто такой этот Младший Брат? — нетерпеливо перебила Лора.

— Так мы называем людей из твоего мира, которые променяли природу на машины, — объяснил Балам Ахау.

По тому как он это сказал, Лора догадалась, что название «Младший Брат», которое на первый взгляд могло показаться пренебрежительным и снисходительным, таило в себе изрядную долю любви и сострадания. Внезапно выражение лица Балама Ахау стало очень серьезным и даже торжественным:

— Я уже сказал, Лора, что предвидел твое появление. Своим внутренним глазом я ясно

увидел, что у тебя особая миссия. Подлинная причина твоего приезда сюда совсем не такая, как ты думаешь. Я уверен, что пророчество вот-вот сбудется и ты сыграешь в этом немаловажную роль.

Тут Балам Ахау посмотрел девушке прямо в глаза и произнес тоном, не допускающим ни тени сомнения:

— Лора, ты и есть та другая сторона моста, о котором говорится в пророчестве, — моста, который соединит два наших мира.

Лора сделала слабую попытку возразить, отказаться от предложенной ей миссии. Роль, отведенная ей Баламом Ахау, казалась слишком грандиозной и надуманной. И все же в глубине души она чувствовала, что в словах старика есть доля истины.

«Вполне вероятно, что моей жизнью стала управлять какая-то высшая сила», — подумала Лора. — Как еще можно объяснить ту странную цепь непостижимых синхронизаций, которую мне совсем недавно довелось пережить?»

— Мне трудно поверить в то, что вы говорите, Балам Ахау, — призналась она. — В последнее время со мной действительно стали происходить странные вещи, которых я не понимаю. Например, я не сказала вам, что еще в Сан-Франциско мне приснился сон, в котором я увидела нашу встречу во всех подробностях. Именно так, как все произошло сегодня.

— Видишь, Лора, я говорю правду. Когда в нашей жизни случаются такие странные совпадения, это знак того, что мы соприкоснулись с духовными сферами. В подобные моменты духовные существа учат нас или направляют. Мы можем служить каналами для каких-то мощных космических сил. Они напоминают нам, что мы не только живем своей жизнью, но призваны служить более высоким целям.

Неожиданная встреча явно подходила к концу.

— Посмотрим, как будут разворачиваться события, — сказал Балам Ахау. — Держи сердце открытым, Лора, и слушай голоса природы и Духа. Не противься тому, что назначено судьбой: это ошибка, которая может причинить тебе большие страдания. Следуй течению событий — и будешь счастлива. Приходи ко мне в деревню: я буду тебя ждать. *Аста ла виста!**

Лора возвращалась в лагерь, недоуменно качая головой. Она не могла поверить в свою удачу. Столько невероятных событий за такое короткое время! На первый взгляд это утро явно принесло такой профессиональный успех, о каком Лора и мечтать не смела. Чтобы суметь проникнуть под внешний слой национальной культуры, антрополог, ведущий полевые исследования, должен найти объект для контакта, посредника между двумя культурами, так называемого информанта. И чтобы сделать этот столь важный первый шаг, Лоре не пришлось приложить никаких усилий. Ее пребывание здесь началась со счастливого случая — появления Балама Ахау. Лучшего информанта трудно себе представить! Балам Ахау бегло говорит по-испански и не только очень дружелюбен и готов к сотрудничеству, но и сам пошел на контакт, даже предложил встретиться еще. И это еще не все. Информантом Лоры оказался на редкость влиятельный и почитаемый духовный лидер и наставник всего этого края, жрец-шаман, «отец-мать» своего народа. Саму ее принесла сюда волна синхронностей, не последними из которых были пророческий сон и видение, в которых она встретила Балама Ахау еще до того, как их встреча произошла наяву. На редкость удачное и благоприятное начало южноамериканских приключений!

Космическая гора

Лора встала рано и вышла из лагеря, не позавтракав. Впереди был долгий путь, и она не хотела терять время на еду. Выбравшись из лабиринта палаток, она вышла на выходящую вдоль речки тропинку и шагала по ней, пока не попала на дорогу, ведущую в деревню Балама Ахау. Светало, и на фоне розовеющего утреннего неба резко выделялась гора, возвышающаяся над пологом тропического леса. Воздух был наполнен голосами птиц, животных и насекомых, приветствующих новый день. Для Лоры все эти голоса природы звучали восторженным гимном, славящим жизнь и восход солнца.

Подойдя к маленькой просеке в лесу, Лора сделала небольшую передышку. Отсюда открывался прекрасный вид на раскинувшуюся внизу местность. Она оглядела недавно покинутую импровизированную деревню — лагерь археологов. Там еще не было видно никаких признаков жизни, лишь над большой крытой тростником постройкой, где разместились кухня и столовая, лениво поднимался дымок. Вокруг нее, образуя причудливую мандалу, были разбросаны палатки самых разных форм, размеров и цветов. Поодаль стояло несколько хижин, которые построили для себя работающие в экспедиции туземцы.

Дорога, ведущая из лагеря в деревню, была частью сложного каменного ансамбля, который украшал склон горы, словно тяжелое ожерелье, брошенное каким-то гигантом с неба в тропический лес.

«Какой изумительный шедевр! — Сойдя с тропинки, Лора стала подниматься по громадным плитам, которые, прослужив столько веков, по-прежнему поражали совершенством подгонки камней. — Как же все это выглядело сразу после постройки!» — поражалась девушка, чувствуя искреннее восхищение народом, оставившим такой уникальный памятник.

Уцелевшие стены, лестницы, террасы, платформы, пусть даже несущие на себе отметины времени и заросшие буйной тропической растительностью, отличались безупречным мастерством исполнения. Когда-то они были частью древнего города, который теперь лежал в руинах на склоне горы. Дорога была вымощена большими плоскими камнями, а на более крутых участках положенные друг на друга горизонтальные плиты образовывали удобные ступени. Время от времени дорогу пересекали мчащиеся с горы стремительные потоки; прокладывая путь через тропический лес, они то низвергались живописными водопадами, то разливались глубокими озерами. В этих местах древние строители возвели изящно изогнутые каменные мосты.

Лора быстро шла вперед, то поднимаясь по древним лестницам, то шагая по ровной мощеной дороге. Перспектива снова увидеть Балама Ахау волновала ее, но сегодняшняя встреча казалась исполненной особого смысла. Со времени их первой встречи Лора провела в деревне на горе немало времени и участвовала во многих деревенских делах. Она нашла для своей палатки укромное место на окраине деревни и теперь могла оставаться здесь переночевать всякий раз, когда возникало желание или необходимость. Местные жители приняли девушку необычайно доброжелательно и, хотя с большинством из них Лора не могла общаться словесно, она научилась ценить их и любить.

И, что самое важное, ей удавалось видеть Балама Ахау почти каждый день. Он терпеливо отвечал на все ее вопросы о его жизни и учебе, о деревенских делах, о верованиях его народа.

Следуя указаниям, почерпнутым из курса антропологии, Лора вела подробные записи бесед с Баламом Ахау. Она с жаром собирала материалы и уже предвкушала, как использует их в своих будущих публикациях.

На сегодня у Балама Ахау была для нее особая программа. Под конец их последней встречи он неожиданно объявил, что хочет взять ее с собой на вершину горы, где много лет назад его нашли жители деревни после посвящения в шаманы.

Подстегиваемая волнением и надеждами, Лора ускорила шаг. Хотя лагерь и место раскопок располагались довольно высоко на склоне горы, ей потребовался не один час, чтобы добраться до деревни. Когда она изрядно запыхалась и собралась было передохнуть, сквозь пышную листву тропического леса показались первые дома деревни. Балам Ахау уже ждал ее. Путь к вершине предстоял длинный и трудный, и важно было не терять время.

Они ступили на узкую тропу, которая, разветвляясь, петляла по крутому склону, и начали подъем. Балам Ахау взбирался с такой скоростью, что Лора, несмотря на молодость и отличную физическую подготовку, с трудом за ним поспевала. Его ловкость, энергия и выносливость были поистине необычайны. Никто не знал, сколько ему лет на самом деле, но все сходились во мнении, что он родился в первое десятилетие после Первой мировой войны, а значит, ему давно перевалило за сто. Несмотря на свой возраст, он лазал по горам вверх и вниз с легкостью горного козла, словно крутые склоны и подъемы были ему нипочем.

По пути старый шаман сделал несколько кратких остановок — не для отдыха, а чтобы прочитать Лоре маленькие лекции о местной флоре и фауне. Подъем в условиях разреженного горного воздуха был делом нелегким, и Лоре приходилось напрягать все силы, чтобы не отставать. Во время восхождения она дважды почти теряла сознание, но тут же ощущала прилив энергии, словно ее легкие, будто по волшебству, расширялись. Когда девушка окончательно выбилась из сил, они наконец достигли вершины. Балам Ахау остановился, и оба сели.

Вид горного хребта, окружающих джунглей и океана захватывал дух. Балам Ахау достал из сумки еду и предложил перекусить. Лора развернула свои припасы: бутерброды с тунцом, несколько апельсинов и бананов, пакетик концентрата, яблочный сок и пачку галет. Она поделилась едой с Баламом Ахау, который, в свою очередь, предложил ей свое любимое лакомство — тортилью, лепешки с жареными личинками гигантских муравьев. Девушка вспомнила, как впервые познакомилась с этим деликатесом во время поездки в Теотихуачан, — там их называли *эскамола*. «Интересно, — подумала она, — может быть древние жители Центральной Америки перенесли в эту часть Колумбии не только свою культуру, но и кулинарные привычки?» Лора любила экзотическую еду и с удовольствием приняла угощение Балама Ахау. Оба ели молча, наслаждаясь великолепным видом.

— Это место для меня особенное, — неожиданно прервал их молчаливую трапезу Балам Ахау. — Именно здесь у меня были видения, так круто изменившие мою жизнь. Когда мы встретились в первый раз, ты спросила, как я нашел свой духовный путь, и я обещал рассказать тебе эту историю позже.

Лора перестала жевать и как можно удобнее устроилась на твердой каменистой земле. Она горела желанием узнать, как Балам Ахау стал шаманом.

— Пожалуйста, начинайте, Балам Ахау, — нетерпеливо воскликнула она, — я вся внимание!

— Когда в детстве я жил у дяди и тети, они хотели, чтоб я был таким же, как все. И я очень старался не обмануть их ожиданий, хотя бы внешне. Но у меня была иная, тайная жизнь, о которой я никогда не говорил ни с ними, ни с другими людьми, — очень богатый внутренний мир. Очень важную роль в ней играли сны, а еще у меня была особая связь с природой, с животными. К тому же я часто мог видеть то, что происходит в других местах или должно случиться в будущем.

— Наверное, ребенку было очень тяжело переживать такие странные вещи, не имея возможности ни с кем поделиться? — спросила Лора. — Как же вы с этим справились?

— Да, мне приходилось нелегко, — согласился Балам Ахау, — но худшее было впереди. Хотя сейчас я, конечно, воспринимаю это по-другому. Тогда все казалось ужасным, но сейчас, оглядываясь назад, я знаю: это было лучшее, что могло со мной случиться.

Старик помолчал, словно воскрешая в памяти давнишние события, а потом, откашлявшись, продолжал:

— Когда мне исполнилось двенадцать, моя «душа-молния» внезапно пробудилась. Внутренние переживания стали настолько сильными, что я больше не мог жить, как раньше. Я не мог ни есть, ни спать, сильно исхудал и часто ощущал полное изнеможение. Днем и ночью меня мучили страшные головные боли, ломоты и судороги, желудок пришел в полное расстройство. По телу разливались странная энергия, заставляя его биться и дрожать как в лихорадке. Мне было так плохо, и физически, и душевно, что я не сомневался: конец близок.

— Разве мачеха и отчим не отвели вас к врачу? — удивилась Лора. — Ведь вам поставили диагноз? Сказали, что именно с вами происходит?

— Врач осмотрел меня, но не ничего нашел. Он сказал, что это все от нервов.

— И чем же все закончилось? Вам кто-нибудь помог?

— Мне становилось все хуже и хуже, и наконец я понял, что больше терпеть не в силах. Мной овладело непреодолимое желание уйти из дома и остаться одному в горах. Я ушел, даже не попрощавшись с дядей и тетей, захватив с собой лишь мешок с небольшим запасом еды. Несколько дней я провел в пути, поднимаясь все выше и выше в горы, и все это время почти не спал и ел совсем мало.

Тут Балам Ахау прервал свое повествование. Воспоминания его явно растрогали: глаза сияли, из глаз катились слезы радости, медленно стекая по глубоким морщинам, избородившим лицо. Видимо, эта глава его прошлого имела над ним большую власть и пробудила глубокие чувства.

— А потом это случилось, — произнес он с благоговением. — Бог Кукулькан вошел в меня, и я стал им. Я умирал вместе с ним в пламени погребального костра, я путешествовал с ним по всему подземному миру! — Тут Балам Ахау сделал жест правой рукой, словно обводя ширь восточного горизонта, и продолжил рассказ: — А когда от моего прежнего «я» не осталось и следа, я возродился и стал единым целым с Венерой, Утренней Звездой.

Лора припомнила, что именно так — Кукулькан — древние майя называли Кецалькоатля, Оперенного Змея, божество смерти и возрождения, чей культ относился к доколумбовым временам. Несколько лет назад она была в его храме в Теотихуачане, неподалеку от Мехико. Она зачарованно слушала старого шамана.

— А несколько часов спустя произошло то, чего я не забуду никогда, — продолжал Балам Ахау. — Я встретил Духа Ягуара, и он сожрал меня. Я получил его жизненную силу, и он стал моим помощником, моим нагуалем.

— Чем же все это закончилось? — нетерпеливо спросила Лора, увлеченная захватывающим рассказом Балама Ахау.

— Последним, что я здесь пережил, было явление бога Земли. Он сказал мне, что старая моя жизнь закончилась и отныне мое призвание — быть целителем и провидцем. Люди из деревни нашли меня здесь, на горе. Я был страшно истощен — кожа да кости, но полон энергии и покоя. Ведь я открыл себя, открыл свое предназначение. Люди, которые меня нашли, отвели меня в деревню, которая стала моим новым домом.

— Так вы все-таки поняли, что с вами произошло?

— В ту пору в деревне жил Зак Балам, или Белый Ягуар, очень старый, опытный и глубоко почитаемый всеми «отец-мать». Он поведал мне, что мой кризис был «змеиной болезнью» — зовом свыше и священной инициацией. Он научил меня, что к этому мощному процессу следует

относиться с уважением и принимать его без оговорок. Ответить отказом или сопротивляться — значит оскорбить богов. Это очень опасно и чревато безумием, болезнью и даже смертью. Под мудрым руководством Зак Балама я скоро сам стал целителем.

— Какая невероятная история! — сказала Лора, чувствуя огромную благодарность. — Большое спасибо, что поделились ею со мной.

— Я ведь задолжал ее тебе еще с первой нашей встречи, — будничным тоном заметил Балам Ахау, словно пытаюсь ослабить то впечатление, которое произвел на девушку его рассказ. — Но это не главная причина, которая привела нас сюда, — добавил он. — Я хотел поведать и показать тебе кое-что очень важное для всех нас: для тебя, для меня, для других людей, для всего мира.

Завороженная рассказом Балама Ахау о его психическом и духовном преображении, Лора, совсем забыла о еде и теперь торопливо поглощала остатки завтрака. «Так это еще не все, — думала она, потягивая яблочный сок и заедая его шоколадным печеньем. — Интересно, куда он клонит!»

Балам Ахау снова обвел рукой ширь горизонта.

— Взгляни на красоту этих мест. Наш народ живет здесь уже много веков и научился уважать Мать-Землю и ладить с ней. В этих горах, от подножия до вершин, представлено все разнообразие климатов Земли. Мы вложили в эти места невероятный труд. Часть горы превращена в террасы, где мы выращиваем все, что нужно для жизни.

Лора посмотрела вниз, на гору, покрытую сложной системой земляных террас, где произрастали всевозможные фрукты и овощи. Тем временем Балам Ахау продолжал:

— На протяжении веков у нашего народа сложилась тщательно продуманная система разделения труда и натурального обмена. Каждая высота подходит для определенных видов растений, овощей или фруктов. Прибрежные районы снабжали рыбой, моллюсками, водорослями и всем, что дает море. На других высотах люди выращивали хлопок, бобы, зерно, картофель, тыкву и другие продукты и обменивали собственный урожай на то, что выращивали в других районах, поэтому всем всего хватало. Но за время моей жизни эта тщательно разработанная и уравновешенная система постепенно разрушилась.

— А что произошло? — спросила Лора, все еще не понимая цели этого путешествия и лекции Балама Ахау.

— Люди вашего мира постепенно отказались от прежнего образа жизни в согласии с Матерью-Природой. Они стали видеть в ней не дарительницу жизни, не источник своего существования, а врага, которого необходимо победить и держать в повиновении, или богатства, которые необходимо нагрabить, а потом расточать. Я уже говорил тебе, что между собой мы называем человека, который так мыслит, Младшим Братом. В отношениях между матерью и ребенком бывают минуты, когда дитя ведет себя упрямо и непокорно. Борясь за свою независимость, малыш отвергает все правила и на все говорит «нет». Юнцы отрицают и нарушают все правила, часто себе во вред, так что в конце концов страдают от этого сами. Но это поведение — наивное, незрелое, нечто такое, что нужно перерасти, а не признак превосходства.

Лора начала понимать, куда клонит Балам Ахау. Наверное, этот поход на вершину горы задуман как лекция, тема которой — экология и культурные различия. Только она не могла взять в толк, зачем для этого понадобилось подниматься на такую высоту. Ведь то же самое можно было рассказать и в деревне или около водопада!

— Со временем Младший Брат возомнил, что он мудрее и сильнее Матери-Природы, и уверовал, будто может существовать независимо от нее и создавать свои правила и законы. Он изобрел мощные машины и начал рвать и терзать ее тело не только на поверхности, но и глубоко

в недрах, добывая уголь и руду, высасывая нефть и газы. А его фабрики превращают это в отходы, загрязняющие все вокруг. Их высокие трубы выплевывают ядовитые газы, которые портят дыхание Матери-Земли, а их опасные жидкие отходы, разливаясь по ее венам, отравляют кровь. А ведь многое из того, что они производят, — сущие пустяки, не обязательные для жизни и даже отвлекающие от всего того, что действительно важно!

Несомненно, многое в словах Балама Ахау было истинной правдой. Лора думала о неумеренном потреблении, о плановом производстве товаров-однодневок и о том невероятном количестве мусора, которое ежедневно порождают люди в промышленно развитом мире. Услышав последнюю фразу Балама Ахау, Лора не смогла не припомнить о семейных подарках на Рождество: пупсиках-глупышах и страшилках, спрятанных в носки, и электрощипцах для волос под елкой. А ведь семейство Паркеров отличалось большей экологической сознательностью, чем многие другие!

— Из-за того, что Младший Брат утратил связь с божественным и теперь не способен понять, что в жизни действительно важно, у него развился ненасытный аппетит ко всему остальному. Он во многом похож на ребенка: капризен и жаден, любит игру и все, что возбуждает чувства, ему трудно обуздать свой гнев. Но он умен и потому, в отличие от ребенка, очень опасен. Он изобрел невероятно мощные игрушки, способные вызывать массовое уничтожение.

Слушая, Лора молча соглашалась с тем, что говорил Балам Ахау. Она думала о губительной цепи ядерных ударов, испытаний и инцидентов, об ужасающем росте промышленных отходов и об эпидемиях доселе неизвестных болезней — ведь все это издержки современной жизни. Охваченная внезапной тоской по прошлому, Лора попыталась представить, как жили в Сан-Франциско раньше, пока захлестнувшая город волна преступности не превратила его в зону постоянных военных действий.

Тем временем Балам Ахау продолжал:

— Мать-Землю подвергают жестоким мучениям, а ведь вред, который ей причиняют, не только не нужен и разорителен, но к тому же чреват уничтожением и самоуничтожением. В прошлом последствия разрушений бывали недолговечными. Через несколько лет или десятилетий после самых ожесточенных войн природа могла залечить нанесенные ей раны и вернуться к своему первоначальному состоянию. Но теперь Младший Брат изобрел материалы, которые природа не в состоянии разложить и вернуть на круги своя. Они причиняют такой ущерб, на возмещение которого уйдет не один век!

Слушая старого шамана, Лора ощущала все большее беспокойство, тоску и безнадежность. В том что говорил Балам Ахау, для нее не было ничего нового, но в повседневной жизни она не любила об этом задумываться. Девушка находила много способов, чтобы отвлечься и спрятаться от таких неприятных мыслей. В последние десятилетия международные компании и шедшие у них на поводу политические круги сумели настолько задушить экологические движения, что идеи вроде тех, которые высказал Балам Ахау, не могли проникнуть в средства массовой информации. Так что здесь, на горе, Лоре пришлось выдержать такой беспощадный град горьких и безнадежных слов о мире и его будущем, какого не доводилось испытывать никогда. И все же она не могла понять, какое отношение все это имеет к их походу.

— Но при чем здесь гора? — спросила она наконец. — Почему, чтобы высказать все это, вы привели меня именно сюда?

— Поначалу технические достижения Младшего Брата затрагивали только окраины нашего мира, прибрежные районы и низины, — продолжал Балам Ахау не останавливаясь. — Наши люди, которые там живут, стали сотрудничать с Младшим Братом, и им стало неинтересно вести обмен с нами. Чтобы повысить урожай и извести вредителей, они начали использовать на

своих полях химикаты. Вместо того чтобы участвовать в ритуалах, молодежь предпочитала ходить в кино и утратила интерес к духовной жизни. Они поддались соблазну и стали покупать промышленные продукты. Жизнь в нашей деревне тоже кое в чем изменилась, но мы сумели приспособиться к новой ситуации.

— И все-таки не понимаю, какое отношение это имеет к горе? — с явным нетерпением спросила Лора.

— Я как раз подхожу к этому, — невозмутимо ответил Балам Ахау. — В последние десятилетия многое изменилось. Влияние Младшего Брата на мир невероятно возросло — я имею в виду не только неуклонное накопление его ядовитых продуктов, но и то, что его философия и образ жизни распространяются на все более и более обширные районы мира, где живут сотни миллионов человек, и все они теперь делают то же, что и он. Настал момент, когда Мать-Природа не может больше возмещать наносимый ей ущерб. Люди ведут себя, как паразиты, вызывающие у нее болезнь. Есть реальная опасность, что она разгневется и, чтобы защитить себя, нанесет ответный удар.

Лора содрогнулась, представив людей в образе докучливых и опасных паразитов на теле Земли. Она и раньше слышала разговоры о том, что природные бедствия — землетрясения, ураганы, извержения вулканов, пожары — это выражение боли и гнева Геи, богини Земли, или олицетворения разума планеты. Были предположения, что отказ иммунной системы человека и новые заболевания — это месть Геи человечеству за все его посягательства. Но всеми уважаемые ученые высмеивали эти странные мысли, и Лора никогда не обращала на них особого внимания. Нынче, в изложении Балама Ахау, все казалось гораздо более правдоподобным.

— А теперь о горь, — сказал Балам Ахау. — Именно здесь с полной очевидностью можно обнаружить урон, нанесенный природе Младшим Братом. Может быть, тебе трудно в это поверить, но гора олицетворяет целый мир, всю нашу планету. Что бы ни происходило в мире, как в зеркале, отражается здесь.

Лоре не очень верилось в то, что сказал Балам Ахау о связи горы со всей планетой. Как антрополог она знала, что многие культуры считают свою вершину центром мира, Космической Горой, миниатюрной моделью вселенной. Черный Лось думал то же самое о пике Харви в Дакоте.

«Но в том, что утверждает Балам Ахау, есть некая доля зерно истины, — подумала девушка. — Поскольку все в мире взаимосвязано, этот горный хребет — часть общемировой экологии, и естественно, любые изменения во всей системе так или иначе проявятся здесь. Тем не менее то, что проявится здесь, конечно же, будет выражать общую тенденцию, а не станет ее частным отражением, как полагает Балам Ахау».

Но потом Лора снова задумалась. Наверное, шаман имел в виду не только это. Некоторые ее друзья, разумные и достаточно образованные люди, верят в силу пророчеств, основанных на древней китайской книге «Ицзин». Да и толкования, которые дают многие другие методы предсказаний, опираются на сходные принципы тесной взаимосвязи макрокосма и микрокосма. Лоре была знакома и теория голографии, показывающая, как при определенных обстоятельствах целое может отражаться во всех его частях. А знание голографических принципов делает такие вещи более правдоподобными и дает возможность оценивать их с научных позиций.

Неожиданно Лоре вспомнилась ее поездка на Бермуды, пять островков посреди Атлантического океана. У тамошних жителей развивается странная форма клаустрофобии — странная, потому что они чувствуют себя в тесноте, хотя вокруг только бескрайний океан и бездонное небо. Единственное средство от этой непонятной хвори, кроме переезда в другую часть света, — сесть в лодку и провести несколько дней и ночей в одиночестве посреди океана, около рифа, что находится милях в двадцати от островов. Это помогает, но подобное плавание

может быть весьма опасным: погода в этих краях меняется очень быстро и предательский шторм может налететь неожиданно, без всякого предупреждения.

Островитяне используют очень любопытный способ. Они вытапливают масло акульей печени, держа ее на солнце, а потом наливают его в маленькую бутылочку. Вскоре акулье масло разделяется на два слоя: темный и непрозрачный у доньшка и светлый и прозрачный наверху. Находясь посреди океана, они используют этот самодельный прибор, чтобы точно видеть погодный фронт. Незадолго до начала шторма темное масло поднимается наверх и образует темное облако в той части бутылки, которая обращена к предстоящему шторму. По мере приближения погодного фронта облако меняет размер и форму, точно отражая то, что происходит в атмосфере. Жители островов так уверены в надежности своего прогноза, что с готовностью доверяют ему жизнь.

— В низинах растения и животные зависят от стекающей с горы воды, — продолжал Балам Ахау. — А воду эту, естественно, приносят сюда облака, и хранится она в виде снега. На протяжении веков эта система работала безотказно и предсказуемо. Но теперь на горе остается все меньше и меньше снега, и в район пришла засуха. Ты не знаешь, как выглядели здешние растения раньше, но в эту пору они были зелеными, свежими и здоровыми. Взгляни на них теперь! — Балам Ахау дотянулся до ветки сухого кустарника и обломил ее. — Посмотри, как высохла, — сказал он, показывая ветку Лоре. — Вся природа здесь умирает. Совсем скоро в низины и в деревню придет засуха, а за ней — смерть. Растения и животные не могут жить без воды. И нам, как всему живому, тоже нужна вода. Ведь без растений и животных нам тоже не прожить.

Теперь Лора слушала Балама Ахау очень внимательно, ловя каждое его слово. Шаман был явно озабочен, а его тонко изваянное лицо выглядело измученным. Голос его звучал все громче, слова быстро слетали с губ.

— Потепление, вызванное загрязнением планеты, создало по-настоящему опасную ситуацию. Ты, наверное, слышала про *эль ниньо* — это течение, несущее теплую воду вдоль южного побережья Перу. Его название — «крошка» — обманчиво. Уж не знаю, кто дал ему такое имя. Оно мало похоже на малыша: уж больно мощное и опасное. Это стихийная сила, вызывающая ливни, наводнения, ужасающую эрозию почв. Оно уничтожает огромное количество рыбы и птицы, которая кормится рыбой.

Балам Ахау говорил все более страстно:

— Мы уже поняли, что облако от извержения одного-единственного вулкана на другой стороне Тихого океана способно стать пищей для *эль ниньо* и сделать его гораздо сильнее. А уж облако, которое создает промышленность Младшего Брата по всему миру, может испортить весь воздух, всю воду, всю почву и полностью изменить климат планеты! Оно может растопить полярные льды, залить водой огромные пространства, а другие места превратить в пустыню. *Эль ниньо* может натворить много бед, но то, что создал Младший Брат, — это *эль гиганто*, *эль монстру*!* Он способен убить нас всех!

Балам Ахау поднялся со слезами на глазах — было видно, как ему больно. Казалось, он так глубоко отождествляет себя с природой, что переживает ее страдания как свои собственные. Не говоря ни слова, шаман начал спускаться с горы, и Лора, ощущая на сердце мрак и печаль, последовала за ним. Весь остаток пути старик молчал. Когда они вернулись в деревню, Лора проводила его до двери. Пришло время прощаться. Девушка поблагодарила его за интереснейший день, который дал такую богатую пищу для размышлений.

— Надеюсь, ты поняла то, что я пытался тебе сказать, — промолвил Балам Ахау на прощанье. — Я говорил не от своего лица. Многие из того, что ты слышала, исходило прямо от Матери-Природы и Великого Духа. Они велели передать это тебе, чтобы ты поделилась с

Младшим Братом. — И после короткой паузы добавил: — Через три дня у нас будет ритуал для юношей. Им предстоит научиться охотиться и убивать с благоговением. Женщин на такие ритуалы никогда не допускают, но ты можешь прийти, если захочешь. Это будет важной частью твоего обучения. *Буэнос ночес. Дорме бьен***.

Темнело. Лора почувствовала, как она устала, и решила заночевать в деревне. Шагая к своей палатке, она ощущала волнение и удивление. Конечно же, она пойдет на ритуал! Разве можно упустить такой шанс? Как антрополог она прекрасно знала, насколько строго в туземных ритуалах соблюдается разделение полов, и понимала, что приглашение Балама Ахау — невиданная честь, случай чрезвычайно редкий и необычный. Вряд ли шаман принял такое решение сам. Должно быть, он выполняет волю своих божеств. Но как он с ними общается? Удастся ли ей когда-нибудь это узнать?

Пламя огромного костра жадно лизало бревна, аккуратно сложенные в центре пещеры для посвящений. Вдали от огня расселась полукругом живописная группа музыкантов в масках и ярко украшенных костюмах. Низкий рокот их больших барабанов, обтянутых шкурами ягуаров, отражался от покрытых резьбой и росписями стен и наполнял пещеру призрачными отголосками. Ритмичный, неистовый звук трещоток, сделанных из панциря черепахи и сушеных тыкв, перемежался выкриками и песнопениями. Вокруг костра сгрудились юноши, собравшиеся на ритуал посвящения в охотники. Через неравные промежутки времени монотонный, завораживающий бой барабанов, грохот трещоток и песнопения прерывались резкими пронзительными завываниями, — это два музыканта в противоположных концах пещеры дули в большие раковины.

Балам Ахау привел сюда Лору почти за час до начала ритуала. Старый шаман велел ей укрыться в маленькой каменной галерее, поднятой над уровнем пола и выходящей в пещеру, — отсюда она спокойно могла наблюдать за ходом действия. Балам Ахау строго-настрого велел ей не сходить с места, ни в коем случае не приближаться к юношам, проходящим обряд посвящения, не пытаться с ними заговорить и вообще не попадаться им на глаза. Старик осознавал, что нарушает древнюю священную традицию. Только недвусмысленные указания свыше, полученные им в видении, заставили его сделать такое невероятное исключение. Хотя во сне об этом не упоминалось, шаман, уже по собственной инициативе, осторожно осведомился, нет ли у Лоры месячных, чтобы случайно не нарушить еще одно серьезное табу, которое он, наверное, не осмелился бы преступить.

По мере того как священный костер разгорался все сильнее, на стенах пещеры, которые были сверху донизу покрыты прекрасными изображениями животных, нарисованными и вырезанными на камне, начали танцевать тени и отблески пламени. Казалось, звери и птицы, запечатленные художниками во всем разнообразии движений, оживают в мерцающем свете костра. Несмотря на некоторую стилизацию, Лора, глядя в бинокль, смогла узнать большинство животных, изображенных на этих изумительных картинах. Вот величавые олень и олениха грациозно пасутся у пруда, где обитают разные рыбы, черепаха и лягушка. На противоположной стене в высоком прыжке застыла еще одна пара оленей. Дикая свинья-пекари, опоссум и зверь, похожий на агути, образовали живописную композицию. Почетное место на стене занимали огромная ящерица и несколько змей. А кролики или зайцы в разных позах и движениях виднелись по всей пещере.

В верхней части стены, над всеми прочими животными, уцепившись за ветви деревьев, повисли паукообразные обезьяны и летали самые разнообразные птицы. Среди них Лора узнала хищников с царственной осанкой, дикую индейку, кетцаля, несколько видов попугаев и большого колибри, в полете пьющего нектар из цветка. Были там и две зловещего вида летучие мыши-вампиры: одна в полете, а другая висящая вниз головой со сложенными крыльями.

Но самой впечатляющей фигурой, бесспорно, был гигантский ягуар, занимающий большую часть одной из стен и полностью доминировавший над окружением. Казалось, его изящное тело на стройных лапах, вооруженных огромными когтями-кинжалами, готово к прыжку и битве. Черные пятна на шкуре зверя образовывали красивые узоры, резко выделяющиеся на красновато-оранжевой шкуре. Голова ягуара была повернута к центру пещеры — он свирепо скалился, обнажив острые зубы. В трепещущем пламени костра казалось, что выразительные глаза огромной кошки горят и рыскают в поисках добычи. Лора припомнила, что на глиняных

предметах, найденных при раскопках отцом и его группой, тоже было много изображений ягуаров, взрослых и детенышей. Очевидно, для здешних людей эта большая кошка не менее важна, чем для их предков.

Троекратно повторенный вой раковин, протяжный и оглушительный, явно знаменовал новый этап ритуала. Когда их рев затих, группа посвящаемых дружно встала. Гром барабанов и звук трещоток усилился, ритм музыки изменился. Обнаженные по пояс мускулистые тела юношей теперь двигались по кругу, трясясь, изгибаясь, кружась, принимая самые разнообразные позы. Лица их часто искажались дикими гримасами, а руки проделывали странные движения: то царапающие, то скребущие, то лазающие, а потом бьющие, плывущие, летящие... Вместо песнопений и возгласов пещера наполнилась голосами животных, очень похожими на настоящие.

«Что бы это все значило? — недоумевала девушка, не в состоянии найти в беспорядочном буйстве танца какой-нибудь узнаваемый рисунок. Она очень внимательно следила за ритуалом, полагая, что происходящее имеет некий глубинный смысл. Прошло некоторое время, и Лора стала замечать в неистовых движениях юношей некоторый порядок. Через определенные интервалы вся группа явно переходила к какому-то коллективному действию, хотя этот общий рисунок изобилдовал индивидуальными вариациями. Лора сосредоточила внимание на Баламе Ахау, который обходил группу с большим ярким факелом из сосновой ветки, размахивая им согласно принятому ритуалу.

«Должно быть, он и есть ключ к тому, что здесь происходит, — догадалась Лора. — Нужно следить за старым шаманом и не отвлекаться на буйство, которое творится вокруг него».

Поведение Балама Ахау менялось с каждой минутой: он то пел, то издавал какие-то нечленораздельные звуки, то пронзительно и отрывисто кричал что-то юношам. Лора не сводила с него глаз, стараясь не упустить ни единого движения, ни единой мелочи.

Вот Балам Ахау опустил факел и поднес его к стене пещеры, держа в метре от рисунка, изображающего дикую свинью. Как только он отступил назад, так, что факел ярко осветил животное, большинство юношей припали к земле и начали ходить на четвереньках. Лора навела бинокль на группу. Она разбиралась в проксемике* и кинесике** — методах, которыми пользуются антропологи при изучении общения в различных культурах, и ей хотелось посмотреть с более близкого расстояния, чтобы увидеть выражения лиц юношей. Она разглядела сморщенные носы и выпяченные, ритмично подергивающиеся губы, услышала какофонию повизгивающих, похрюкивающих, чавкающих звуков. Это наблюдение принесло внезапную вспышку озарения — все ясно!

«Ну конечно, как же я раньше не додумалась! — с легким недоумением упрекнула она себя. Так часто бывало, когда ум не сразу находил нужное решение. — Балам Ахау руководит поведением юных охотников! Освещая факелом изображения отдельных зверей и птиц, шаман дает группе сигнал имитировать повадки того или иного вида!»

Теперь, когда важный ключ к пониманию происходящего найден, можно было отключить пытливый ум и воспринимать ритуал не как загадку, которую необходимо решить, а как захватывающее представление, которым можно просто наслаждаться. Лора смотрела то на Балама Ахау, в танце переходящего с факелом от одного изображения к другому, то на юношей, подражающих разным зверям. Ее поразило то, как похоже они это делают.

Завораживающий ритм барабанов и трещоток, мерцающие в темноте языки пламени, буйство неистового танца, гвалт звериных и птичьих голосов — все это стало оказывать глубокое воздействие на сознание девушки. Она чувствовала, что впадает в транс, временами ей даже чудилось, что она — то животное, которому подражают охотники. Казалось, время ускорило свой бег. Когда Лора посмотрела на светящийся циферблат наручных часов, то не

поверила своим глазам: прошло уже пять часов с тех пор, как Балам Ахау тайком провел ее в пещеру. Ей не верилось, что уже так поздно: она-то думала, что прошло не больше часа!

Внезапно грохот барабанов и трещоток стал еще сильнее, а темп возрос до такой степени, что пещера наполнилась неистовыми звуками поистине терзающей силы.

Лора посмотрела на Балама Ахау — теперь он указывал на изображение ягуара, поднеся факел так близко к стене, что пламя почти обжигало зверю нос. Обнаженные торсы юношей в диком ритме раскачивались из стороны в сторону. Их движения поразительно походили на грациозные движения кошки. Скрючив пальцы, словно когти, они размахивали руками в воздухе, на лицах, искаженных дикими гримасами, сверкали оскаленные зубы. Пещеру наполнил громовой рев хищной кошки.

В это время факел Балама Ахау осветил в стене пещеры дыру, ведущую в лаз шириной немногим больше полуметра, а высотой и того меньше. Закончив танец ягуара, юноши один за другим исчезали в отверстиях, с усилием протискиваясь через узкий проход. Казалось, это будет продолжаться вечно. Как потом оказалось, лаз был около двадцати метров длиной и местами настолько узкий, что руки не помещались — ни к животу не прижать, ни к бокам. Приходилось вытягивать их вперед и медленно ползти, извиваясь червем, только за счет сокращений мышц груди, живота и бедер.

Двигаться нужно было равномерно и непрерывно. Остановка грозила бедой, особенно для тех, кто потолще, потому что жар тела мог высушить тонкий слой глины, покрывающий лаз, и тогда бедняга прилип бы к земле и безнадежно застрял, оказавшись в ловушке в толще горы. Эта часть ритуала вырабатывала умение сотрудничать и работать в команде: бывали случаи, когда приходилось помогать друг другу — тащить за собой задних или толкать передних. Беда одного могла обернуться гибелью для всех. Преодолев опасный путь, будущие охотники выходили на дневной свет и видели перед собой восходящее солнце.

Как только последний юноша исчез в отверстиях, Балам Ахау подал знак музыкантам и своим ассистентам, помогавшим ему в ритуале. Те поднялись и под бой барабанов, грохот трещоток и песнопения медленно покинули пещеру через более удобный проход. Балам Ахау постоял на месте, держа в руке факел, а потом поднялся на галерею к Лоре.

— Ну, как тебе ритуал? — спросил он, понизив голос.

— Незабываемое переживание! — ответила Лора. — Огромное спасибо, что позволили мне это увидеть. Но мне бы очень хотелось задать кое-какие вопросы. Я не уверена, что до конца поняла все, что здесь происходило.

— Не меня благодари, а богов. Это они захотели, чтобы ты побывала здесь и увидела ритуал. Я просто исполнил их волю, — возразил Балам Ахау. — Давай выйдем и посидим на солнышке. Я отвечу на любые твои вопросы, если, конечно, сумею.

Выйдя из пещеры, оба бдительно огляделись, желая убедиться, что никто не заметил присутствия Лоры на ритуале. Отойдя от входа в пещеру на несколько сотен метров, шаман и девушка вышли на площадку, откуда открывался прекрасный вид. Солнце уже поднялось над горизонтом, но утренние облака еще сохранили розоватый оттенок. Над их головами в бескрайней синеве небосвода летали птицы, чертя его в разных направлениях. Некоторое время Балам Ахау и Лора любовались зрелищем нарождающегося дня. Потом, словно повинувшись взаимному телепатическому сигналу, продолжили путь в деревню.

— Так о чем ты хотела меня спросить, Лора? — начал разговор старый шаман.

— Вы говорили мне, что цель этого ритуала — научить юношей, чтобы они стали хорошими охотниками. Музыка и танцы произвели на меня сильное впечатление. Только не пойму, как юноши могли извлечь из них нечто такое, что бы научило их охотиться.

Они уже вышли на окраину деревни и теперь проходили мимо группы новоиспеченных

охотников, которые, собравшись в кружок, делили заслуженную трапезу. Лора ожидала, что после бессонной ночи и невероятного физического напряжения они умирают с голода, но, к ее удивлению, юноши не набросились на пищу, а ели медленно, смакуя каждый кусочек, будто не завтракали, а совершали обряд причастия. Многие, пережевывая пищу, закрывали глаза, словно стараясь избежать всего, что могло бы их отвлечь. Даже не останавливаясь и не вглядываясь в лица юношей, Лора не могла не заметить на них сияющее, счастливое выражение. Их сознание еще явно не вернулось к обычному состоянию.

— Это очень наглядный способ обучения, и у него есть вполне конкретный практический результат, — ответил, помолчав, Балам Ахау. — Но это далеко не все. Одновременно это очень глубокая наука, помогающая постичь некоторые основные законы Матери-Природы.

— Неужели? — удивилась Лора. — Не представляю, как с помощью того, что я видела, можно постичь законы природы.

— Важно не то, что ты видела, а что испытывали они, — возразил Балам Ахау. — Когда юноши отождествляли себя с разными животными, они на самом деле превращались в них. У них были их тела, их ощущения и их сознание. Они смотрели на мир глазами этих животных и испытывали их страх, злобу, голод, зов плоти. Они знали даже, какова на вкус их пища.

— Но откуда вы знаете, что это действительно так? Что это не просто их фантазии, не игра их воображения? — спросила Лора как раз в тот миг, когда они подошли к месту, откуда открывалась великолепная панорама. В голубом небе над ними величаво кружил орел, освещенный лучами утреннего солнца. Балам Ахау сел на кочку мягкой травы и жестом пригласил Лору занять место рядом.

— Просто знаю и все, — сказал он со спокойной уверенностью. — Когда ты становишься парящим над землей орлом, то видишь мир не человеческими глазами. Ты видишь его глазами орла. Твое зрение чрезвычайно обостряется, все увеличивается, и если ты видишь что-то движущееся, то можешь сосредоточиться на нем и приблизить его к себе. Ты начинаешь понимать, что надо делать крыльями, чтобы летать: как подниматься, как использовать воздушные потоки, как падать камнем на свою добычу, как приземляться. Точно так же и с другими животными — их ощущения отличаются от наших. Каким бы богатым воображением ни обладал человек, он не в состоянии представить, что чувствует возбужденная черепаха или голодная гремучая змея. Это выходит за пределы человеческого воображения. Мы знаем только, что чувствует человек, терзаемый зовом плоти или муками голода.

Лора слушала шамана недоверчиво. Ей казалось, что все это слишком невероятно, чтобы быть правдой. Но потом она припомнила сцену из «Изумрудного леса», когда человек, вдохнув понюшку психоделика, превратился в орла. «Неужели что-то подобное бывает на самом деле?» — недоумевала она, чувствуя смятение и отчаянно пытаясь найти хоть какое-нибудь рациональное объяснение. Слова Балама Ахау звучали очень убедительно, сам он явно верил в то, что говорил. Лора понимала, что речь идет о переживаниях, которые бывают в особых состояниях сознания. «Эти люди — дети природы и очень поддаются внушению, — думала она. — Они не подвергались рационалистическому и научному воздействию западной цивилизации. Голодание, недостаток сна, полумрак пещеры, бой барабанов и грохот трещоток на протяжении многих часов легко могли ввести их в глубокий транс — состояние, в котором может почудиться все, что угодно».

Такое объяснение показалось девушке вполне правдоподобным. Даже она, скептически настроенная гостя с Запада, в отличие от юношей, не прошедшая аскетической подготовки к ритуалу, во время действия порой ощущала, что ее сознание явно меняется. Конечно, все это объясняет необычные переживания, в том числе и отождествление со зверями. Но доступ к новой достоверной информации об этих зверях и их жизни — нечто совсем другое. Сможет ли

Балам Ахау дать ей какое-нибудь конкретное доказательство?

— Вы говорили, что ритуал обучает охоте. Могут ли эти юноши по-настоящему использовать полученный опыт в повседневной жизни? — спросила Лора. — Начинают ли они лучше охотиться в результате полученных переживаний? Есть ли реальные результаты?

— После ритуала они будут знать этих зверей так близко, — спокойно и уверенно ответил Балам Ахау, — что, когда в следующий раз пойдут на охоту, смогут читать мысли животных и всегда сумеют опередить их на шаг. Теперь они сами и охотники, и дичь. Ты даже представить себе не можешь, насколько успешнее станет их охота после этого ритуала!

Лора нервно кашлянула и проглотила слюну. Слово и вера Балама Ахау против ее научных знаний и убеждений. Тут ей в голову пришел новый довод.

— На стенах пещеры есть изображения многих зверей и птиц, и большинство из них использовались в ритуале. Но ведь вы охотитесь не на всех этих животных. Зачем же было отождествлять себя с ними?

— Я говорил тебе, что обряд касается не только охоты, — объяснил Балам Ахау. — Для нас эта пещера — лоно Великой Матери-Земли. Во время ритуала мы возвращаемся в ее тело, испытываем единение с ней и тождество со всеми ее творениями, а не только с теми, на кого охотимся. А еще мы осознаем, что сами являемся частью природы и не отличаемся от других созданий. Жизнь питает жизнь. Мы не можем выжить иначе, как ценою жизни других созданий: животных, птиц, рыб, насекомых, растений.

Пока Балам Ахау говорил, девушкой овладевало все более сильное чувство, или, точнее сказать, *дежа антендю** Слова шамана походили на отрывок из какой-то лекции, которую она некогда слушала, или из книги, которую когда-то читала. Только Лора никак не могла припомнить, когда и где это было.

— Иногда мы едим кого-то, а иногда кто-то съедает нас. По сути, охотник и зверь, на которого он охотится, — одно и то же. Все мы участники великой мистерии, все мы частицы Великой Матери. Если понимаешь природу жизни, охотник и дичь похожи на жреца и приносимую им жертву, которые исполняют священный обряд жизни. У них есть договоренность, и на более глубоком уровне животное — добровольный участник ритуала. Важно подойти к охоте со смирением и благоговением к жизни, выразить убитому животному благодарность и признательность за принесенный дар.

Лора была глубоко тронута. Она думала о западной индустриальной цивилизации и об ее отношении к животным. Как это отличалось от картины, которую только что нарисовал Балам Ахау! «А ведь мы мним себя венцом творения и считаем, что остальные существа созданы для того, чтобы служить нам и удовлетворять наши разнообразные потребности. Мы убиваем несметное множество животных даже не ради еды, шкуры или чего-то еще, а просто из спортивного интереса, для медицинских опытов или вообще без всякой цели», — думала Лора.

Тут в ее памяти возник образ Фердинанда д'Эсте. За свою жизнь этот снискавший дурную славу наследник трона Габсбургов убил из прихоти более трехсот тысяч животных, пока сам не погиб от пули, став поводом для начала Первой мировой войны. «Количество трофеев, украшающих его замок близ Праги, способно шокировать любого. Но особенно мерзко то, как там используются части тел животных», — размышляла Лора. Она передернулась, припомнив посещение замка Фердинанда в Конописте: ноги слонов, превращенные в мусорные корзины, хвосты слонов, используемые вместо мухобоек, изогнутые олени рога, служащие вешалками для одежды...

— Теперь ты видишь Лора, в чем смысл этого ритуала, — продолжал Балам Ахау, заканчивая свою маленькую утреннюю проповедь. — Мы возвращаемся в лоно Великой Матери, воссоединяемся с ней и ее творениями и, пережив второе рождение, возвращаемся в мир

наполненные любовью и благоговением ко всему живому, новым пониманием себя и жизни.

Во внезапном озарении Лора уловила то, что пыталось всплыть на поверхность ее сознания во время беседы с Баламом Ахау. У нее перед глазами возникли страницы из классической энциклопедии «Мифология шаманизма», написанной Джозефом Кэмпбеллом, великим мифологом двадцатого века. Кэмпбелл подошел к этой теме очень основательно. Он проследил истоки шаманизма до самой зари истории человечества и начал свою книгу с рассмотрения корней человеческой духовности, следы которой обнаружены в захоронениях неандертальцев, разбросанных по всей Европе, и в пещерных святилищах медведей в Швейцарии и Германии.

Изучая книгу Кэмпбелла, рекомендованную ее курсу вместе с другими произведениями для обязательного чтения, Лора была по-настоящему потрясена отрывками, повествующими об искусстве и верованиях кроманьонцев, о европейских пещерных храмах эпохи палеолита и статуэтках Венеры. То, что она пережила этой ночью, и то, о чем говорил сегодня Балам Ахау, явно имеет какую-то связь с блестящими догадками, которые высказал Кэмпбелл по поводу замечательных изваяний и наскальных рисунков в пещерах и возможной функции проводившихся там ритуалов.

Лора решила вернуться к этим параллелям позже, когда у нее будет возможность посидеть в тишине и как следует сосредоточиться на этой теме. Может быть, возвратившись в лагерь, она даже попросит Мэта найти в компьютерной сети эти отрывки из книги Кэмпбелла и сделать для нее распечатку. А сейчас разумнее воспользоваться присутствием Балама Ахау и постараться получить от него как можно больше информации. Лора чувствовала, что многие куски головоломки уже сложились, и она вот-вот выйдет на новый уровень понимания.

И все же одной важной части не доставало. Лора не знала, как быть с утверждением Балама Ахау о том, будто можно получать точную информацию о разных сторонах природы, не прибегая к органам чувств. Если это действительно так, то каким должно быть состояние сознания, при котором это возможно, и как его достичь? Может, это бывает только в доиндустриальных культурах и случается с «первобытными» людьми, которые все еще близки к природе? Или у нее тоже есть возможность это испытать?

Вопросы так и роились у Лоры в голове, и она решила обратиться к шаману:

— Когда мы с вами шли в пещеру, вы сказали, что перед ритуалом юноши голодали четыре дня и почти не спали. Потом, в пещере, я слышала музыку, песнопения, видела танцы. Этого хватило, чтобы вызвать переживания, о которых вы рассказывали, или было что-то еще? Есть ли что-нибудь такое, о чем мне неизвестно, что я упускаю из виду?

Балам Ахау оценил ум и любознательность девушки. Он загадочно улыбнулся и, прежде чем ответить, немного помолчал, словно тщательно взвешивая каждое слово.

— Да есть кое-что еще, — ответил наконец старик, — но если выразить это только словами, ты не поймешь. Есть вещи, которые невозможно объяснить.

— Может, вы все-таки попробуете? — не сдавалась Лора, решив во что бы то ни стало добраться до истины. — Для меня очень важно в этом разобраться.

— Это все равно что пытаться рассказать про любовь, про вершины наслаждения, ребенку, который до этого еще не дорос. Когда он сам это испытает, ему не понадобятся никакие объяснения — он будет знать сам.

Интерес Лоры резко возрос. Дело принимало на редкость интересный оборот.

— Значат ли ваши слова, что и я могла бы испытать то же самое, что и юноши в пещере, напрямую общаться с природой? Может ли это произойти с человеком из моего мира? — жадно спросила она.

— Это может произойти с каждым, — ответил Балам Ахау. — Если ты серьезно к этому стремишься, то поймешь, когда придет время.

— Серьезнее быть не может, — заверила его Лора. — Вы сказали: чтобы понять, что такое любовь мужчины и женщины, дети должны вырасти. Что же должно произойти со мной или что я должна сделать, чтобы испытать то, о чем вы говорите?

Настойчивость Лоры тронула старика. Он заглянул ей в глаза и долго изучал их, словно глазной врач.

— Могу сказать, что ты «искатель» и хороший кандидат для того, что мы называем *панче бэ* — поиски корня истины, — изрек он как диагноз. — Через несколько дней полнолуние. Если до той поры не передумаешь, если захочешь пойти по пути *панче бэ*, приходи ко мне в деревню на закате, я буду тебя ждать. Но помни одно: это очень важный и серьезный шаг. Если ступишь на этот путь, обратной дороги не будет. Прежде чем принять окончательное решение, подумай хорошенько, действительно ли это то, чего ты хочешь. У тебя достаточно времени, чтобы все обдумать и сделать выбор.

— Мне не нужно думать, чтобы принять решение, — поспешно ответила Лора. — Я уже и так все решила. Еще никогда в жизни я не была так уверена! Я хочу пойти по пути *панче бэ*.

Она попрощалась с Баламом Ахау на пороге его дома и заскочила в палатку, чтобы взять пакетик концентрата, — будет что пожевать по пути в лагерь. Пережитое ночью пробудило в ней аппетит, а поесть как следует удастся только через несколько часов. Чтобы отвлечься и заглушить чувство голода, девушка сосредоточила внимание на красотах тропического леса. Она нашла начало древней дороги и начала быстро спускаться...

Наследие колдуна из Ле Труа Фрер

Лора проснулась после долгого освежающего сна. Он был совершенно необходим, чтобы прийти в себя после ночи, проведенной в пещере. Судя по доносившемуся из лагеря шуму, было уже поздно. На мгновение она всполошилась, но тут же успокоилась, вспомнив, что все в порядке: ведь на ближайшие два дня у нее нет никаких особых планов. Стоит сделать перерыв, отдохнуть от антропологической работы и провести два дня, оставшиеся до встречи с Баламом Ахау, в лагере. Она напряженно работала несколько недель подряд и действительно нуждалась в отдыхе. К тому же удастся побыть немного с отцом.

Когда Эд пригласил ее в Колумбию, он, разумеется, ожидал, что у них будет достаточно времени, чтобы вдоволь наговориться. Поэтому он наверняка был разочарован, когда большую часть времени Лора стала проводить в деревне, так что они почти не виделись. Недавно он даже шутливо посетовал, что дочь практически перебралась в деревню и совсем превратилась в туземку. Теперь в ожидании полнолуния она проведет в лагере целых два дня. Можно будет наверстать упущенное и поболтать с отцом. Подумав об отце, девушка улыбнулась — она любила его всем сердцем. С тех пор как она себя помнила, Эд всегда был для нее надежной опорой, окружая теплом и нежностью, безоговорочно поддерживая всегда и во всем. Лора восхищалась его умом и способностью открыто воспринимать все новое.

Надевая шорты и футболку, она снова попробовала припомнить, что же писал Джозеф Кэмпбелл об искусстве и ритуалах кроманьонцев. Ей не давал покоя вопрос: есть ли какая-нибудь связь между тем, что она наблюдала прошлой ночью в пещере, и тем, что практиковали в каменном веке в пещерах Южной Франции и Северной Испании. «Лучший вариант, — пойти к Мэту и выяснить, свободен ли он, — подумала Лора. — Ведь для него найти материал на эту тему — пара пустяков».

Мэт был у себя в палатке — сидел за компьютером и головидеофоном, целиком уйдя в работу. Он занимался поиском произведений искусства древних майя в музеях и частных коллекциях всего мира, стараясь обнаружить предметы и мотивы, схожие с теми, которые нашел Эд со своей командой во время раскопок.

Мэтью Рэмси, симпатичный, атлетически сложенный мужчина лет двадцати пяти, был самым молодым членом экспедиции. Для него археология была не специальностью, а хобби. Мэт был настоящим компьютерным волшебником и с трех лет обожал путешествовать по информационным путям. В юности этот не по годам развитый вундеркинд развлекался тем, что взламывал компьютерные коды и запускал хитроумные вирусы в сложные компьютерные системы, вызывая их полный паралич.

Присоединившись на лето к группе Эда, Мэт получил возможность провести отпуск в экзотическом месте, развлекаться со своими любимыми компьютерами и наблюдать археологические раскопки, которые его увлекали и зачаровывали. Да и группа, безусловно, только выиграла от его присутствия. Используя портативный компьютер, головидеофон и беспроводной модем, Мэт умел извлекать из многочисленных источников всемирной информационной сети любые мыслимые и немыслимые сведения. Он гордился своей первоклассной аппаратурой и неусыпно заботился о том, чтобы она отвечала последнему слову техники.

Лора подошла к Мэту и тронула его за плечо:

— У тебя найдется для меня свободная минутка? Знаю, что ты очень занят, но буду ужасно благодарна, если сможешь мне отыскать кое-какую эзотерическую информацию.

— Ты же знаешь, для тебя у меня всегда найдется время, — заверил ее Мэт, оторвавшись от экрана. — Чем могу быть полезен?

— Никак не могу вспомнить, что писал Джозеф Кэмпбелл в середине прошлого века о росписях в храмовых пещерах кроманьонцев, обнаруженных во Франции и Испании.

— Нет ничего легче! — отозвался Мэт, охотно прерывая свою работу, чтобы помочь Лоре в поисках. Он питал к девушке явную слабость и любил бывать в ее обществе. За обедом им несколько раз удалось перекинуться словом, в результате обнаружилось, что у них много общих интересов, не последним из которых была страсть к операм Вагнера.

— Посмотри-ка перекрестные ссылки между Джозефом Кэмпбеллом и искусством палеолита во Франции и Кантабрии, особенно наскальным росписям в пещерах Альтамира, Ляско, Ле Труа Фрер и Фон-де-Гом, — обратился Мэт к компьютеру, уяснив, что именно ищет Лора.

Пара дополнительных команд — и он точно вышел на те материалы, которые были нужны Лоре. То были отрывки из блестящей книги Кэмпбелла «Путь звериной силы», подробнейшей энциклопедии, посвященной мифологии шаманизма. В файлах содержались также выдержки из лекций Кэмпбелла на ту же тему. Теперь имело полный смысл предоставить Лоре самой продвигаться дальше.

— Если понадобится моя помощь, дай мне знать, — сказал Мэт, уступая Лоре свое кресло. — Пока ты читаешь, я займусь другими делами.

Лора стала просматривать файлы, читая текст и разглядывая иллюстрации, которых оказалось больше чем достаточно. Чем дальше она читала, тем сильнее становилось ее волнение. Рисунки доисторических животных, покрывающие стены пещер Ляско, Альтамира, Ле Труа Фрер, Ля Габийю и других, были изумительны сами по себе. Но от полученной информации, от свойственной Кэмпбеллу ясности мышления и убедительности его логики у Лоры просто дух захватило. В голове возникали интересные догадки, важные связи.

— Мэт! Можешь подойти на минутку? Только взгляни! Даже не верится, просто невероятно! Мне нужен здравомыслящий человек, чтобы помочь не слишком отрываться от земли.

Мэт прервал работу и подошел к Лоре, недоумевая, что могло привести ее в такое волнение. Он заглянул ей через плечо и быстро сосканировал изображение с экрана компьютера.

— Ты только взгляни на эти гроты и потрясающие росписи! Похоже, все сходится во мнении, что эти пещеры были не жилищами, а храмами, предназначенными для магических и ритуальных действий. Представляешь, какие трудности приходилось преодолевать кроманьонцам, чтобы создавать эти картины и проводить обряды под землей. Некоторые пещеры, в которых найдены подобные ритуальные изображения, расположены очень глубоко и попасть в них чрезвычайно трудно. Представляю, как невероятно сложно было забираться туда, а потом выбираться обратно, не говоря уже о том, чтобы резать по камню и создавать росписи в таких условиях! Ведь у них наверняка были только самые примитивные факелы, а художнику нередко приходилось стоять на узком карнизе, на большой высоте. И технические трудности, и опасности были очень велики. Должно быть, эти пещеры выполняли очень важную и совершенно особую функцию!

— Мне казалось, что всем давно известно: в основном все, что там происходило, связано с магическими охотничьими обрядами, — вставил Мэт, прерывая тираду Лоры. — Что-то вроде колдовства, основанного на внушении, которое и по сей день практикуют гаитянские вуду. Они верят: если сделать что-нибудь с изображением человека, например с тряпичной куклой или с восковой фигуркой, с ним самим произойдет то же самое. Может быть, и кроманьонцы верили, что нарисованное ими на стенах осуществится в реальном мире.

— Ты абсолютно прав, Мэт! — сказала Лора. — Почти все именно так и считают. И тут на сцену выходит Кэмпбелл! Это действительно блестящая личность. Он взял и не удовольствовался такими объяснениями. Он заметил, что колдовством, основанным на внушении, вовсе не обязательно заниматься во тьме глубоких пещер — колдовать можно и наверху, при свете дня. Для того чтобы выбрать эти пещеры, кроманьонцы должны были иметь совершенно конкретную причину!

— Интересно, какую же? — спросил Мэт и сам же ответил на свой вопрос, прежде чем Лора успела вставить слово. — Может, они просто хотели защитить свои росписи, чтобы их не смыло дождем. — Ему было непонятно, почему девушка так суетится и волнуется. — А может, опасались обгореть, работая на солнце много часов подряд — росписи-то довольно трудоемкие, — сделал он слабую попытку пошутить.

Но Лора, целиком поглощенная проблемой, не была настроена шутить по этому поводу.

— Полно, Мэт, ведь я серьезно! — сказала она, разочарованная его реакцией. — Тщательно изучив все существующие данные, Кэмпбелл пришел к выводу, что пещеры служили кроманьонцам символом чрева Великой Богини-Матери. Тогда проход через узкие тоннели, которые вели в эти пещеры, похоже, символизировал нечто вроде рождения или возрождения.

— Ну что же, мысль интересная, — согласился Мэт, ощутив некоторый интерес. — А что, Кэмпбелл полагал, что это нечто вроде порогового обряда? Кажется, в доиндустриальную эпоху такие ритуалы бытовали почти в каждой культуре?

— Вот именно, — ответила Лора, — так оно и было. Кэмпбелл был уверен, что ритуалы, проходившие в этих подземных пещерах, представляли собой сложную инициацию, включающую некоторые виды измененного состояния сознания. На его взгляд, они вызывали мощное психодуховное преобразование охотников. По сути, это был культ Великой Богини-Матери — отсюда и связь этих ритуалов со скульптурами и фигурками палеолитических Венер, обнаруженных по всей Европе: в Лосселе, Виллендорфе, Вестонице и других местах.

— Что-то я не совсем понимаю, — сказал Мэт. — Какое отношение все это имеет к охоте?

— Возвращаясь в чрево Матери-Природы, охотники ощущали свое коренное тождество со всеми животными. Наверное, именно это так прекрасно выражено в фигурках древних шаманов, которые сочетают в себе человеческие и звериные черты. Взгляни на них — какая красота! — сказала Лора, вызывая на экран целую галерею изображений шаманов, созданных в эпоху палеолита. — Вот танцор из Ля Габийю, вот повелитель зверей из Ляско, а вот еще один, из той же пещеры — лежит на земле с торчащим вверх членом.

— А вот и мой любимец, — сказал Мэт, показывая на изображение знаменитого колдуна из пещеры Ле Труа Фрер.

— Да, он просто неподражаем, — согласилась Лора. — Иллюстрация того переживания единства с животными, о котором говорит Кэмпбелл. Ноги и пышная борода у него человеческие, рога и уши — оленьи, круглые глаза — совиные, хвост — конский, а передние лапы — львиные. Член явно человеческий, но расположен, как у кота.

Она пробежала глазами текст, сопровождавший цветные фотографии наскальных росписей Ляско, которые изображали прекрасных зверей. В нем говорилось: «Как пишет Джозеф Кэмпбелл, росписи в пещере воплощают мотив охотничьего рая, изобилующего самыми разнообразными животными. Эти изумительные картины рисуют край, лежащий где-то между миром живых существ и космической ночью, из которой возникают и в которую возвращаются живые создания. Все животные, рожденные и убитые в этом мире, продолжают существовать в безвременной темноте мира архетипов».

В порыве благодарности Лора обняла Мэта. Она чувствовала, что информации у нее достаточно и теперь самое главное — побыть в одиночестве и спокойно собрать все воедино.

— С чего тебя вдруг так заинтересовали эти дела? — спросил Мэт, не желая больше скрывать свое любопытство.

— В деревне, там в горах, проводят ритуалы посвящения, вот я и подумала, что здесь может быть какая-то связь, — ответила Лора, ограничившись полуправдой. Она еще не была готова выложить Мэту все до конца.

Возвратившись в свою палатку, Лора легла и предоставила мыслям свободно блуждать. Она чувствовала, что ей не хватает какого-то важного звена и эта недостающая связь вот-вот всплывет на поверхность сознания. Мысли то и дело возвращались к ротонде пещеры Ляско, вмещавшей одно из самых замечательных творений мастеров эпохи палеолита. То была сказочная картина охотничьего рая, запечатлевшая тридцать бизонов, десять лошадей, четырех козерогов и северного оленя. В центре композиции находилась загадочная фигура Повелителя Зверей, или Звериного Бога, соединившего в себе черты человека и животных. Казалось, он завороченно смотрит на большую голову льва, появляющуюся над горизонтом, словно восходящее солнце.

Вот оно, недостающее звено! — подумала Лора, взволнованная своим открытием. — Ведь лев — солнечный зверь, а солнце — высшее божество шаманов. И лев, и солнце — примеры для охотников, потому что лев истребляет стада, как восходящее солнце гасит звезды. А лучи солнца символизируют копья, стрелы и кинжалы.

Мысли Лоры бешено неслись, порождая одну ошеломляющую догадку за другой. Кажется, все сходится!

В народных сказаниях Сибири и Северной Америки солнце часто изображают строгим отцом, который подвергает своих сыновей суровым испытаниям, — припомнила Лора. — В Центральной и Южной Америке еще с доиспанских времен главный солнечный зверь — ягуар. В ритуале, который она увидела в пещере, Балам Ахау со своим факелом играл роль строгого солнечного отца — недаром даже имя его означает «Бог-Ягуар»! Ведь в заключительной части ритуала все будущие охотники отождествляли себя с ягуаром, после чего отправлялись в путь на встречу с восходящим солнцем.

Должно быть, все, что случилось в пещере, было вариацией на тему того, что уже происходило в каменном веке совсем в другой части света! Что же это за ритуал, если он с небольшими изменениями просуществовал сорок тысяч лет и до сих пор имеет для этих людей огромное духовное и психологическое значение?!

Девушка ощутила прилив неудержимого энтузиазма. Она предвкушала захватывающие приключения, которые ждут ее совсем скоро. Как ни мечтала она побыть с отцом, ей не терпелось поскорее вернуться в деревню.

Послушный великан

Побережье Болинас окутывала густая пелена тумана, скрывшая внушительный строй современных зданий, вытянувшийся вдоль береговой линии. Неистовые порывы ветра хлестали океан, вовлекая его в неистовый танец и срывая веера соленых брызг с гребней бьющихся волн. В воздухе клубились плотные облака тумана — казалось, они затеяли игру в прятки, то открывая, то вновь скрывая и окружающий пейзаж, и полную луну, висящую на усеянном звездами небе. Время от времени в больших разрывах тумана возникало яркое радужное сияние огней над раскинувшимся неподалеку Сан-Франциско.

Тянущиеся вдоль берега большие открытые бассейны и пирсы были едва освещены, но окна нескольких зданий на берегу, вздымающемся высоко над океаном, ярко горели в ночи.

Хотя в том что некоторые ученые Национального института прикладных исследований сознания, или НИПИСа, как его обычно называли, заработались допоздна, не было ничего особенного, тем не менее, сегодня даже по количеству окон, светящихся в столь поздний час, можно было сказать: идет работа над проектом чрезвычайной важности.

Вдруг, словно соревнуясь с завыванием ветра и плеском волн, туман прорезал монотонный гул. Автоматические ворота одного из бассейнов разошлись, будто раздвинутые огромными невидимыми руками, подставив его нутро бешеному натиску волн. На мгновение из воды показалось гигантское, обтекаемое, как торпеда, тело кита — великан выбросил мощный столб воды и, сильно ударив хвостом, исчез под водой. Не обращая никакого внимания на разъяренную стихию, кит покинул свою тихую заводь и направился в бушующий открытый океан.

То был огромный самец синего кита-полосатика, прекрасный образчик своего вида, излучающий неукротимую энергию и жизненную силу. И все же в его поведении было что-то странное. Движениям кита не хватало обычного изящества и игривости, свойственных этому виду. Удары хвоста были сильными, но однообразными и механическими — они в точности, без малейших отклонений повторяли друг друга. То, как он двигался, больше напоминало механизм, чем живое существо. Вместо того чтобы сливаться с бушующей стихией, он боролся с ней с такой непреклонной решимостью и упорством, будто пытался навязать океану свою волю.

Покинув бассейн, кит-великан устремился вперед и неуклонно следовал избранному курсу, словно стрела, выпущенная с побережья Болинас по направлению к Фарралонам — открытым всем ветрам гористым островам, затерянным в Тихом океане к северо-западу от Сан-Франциско. Дальше от берега траектория движения кита, казалось, нацелилась на какую-то точку чуть южнее островов. Здесь, раскачиваясь под натиском волн и ветра, стоял «Калипсо-2», корабль весьма необычной конструкции. Это был большой, широкий катамаран; два расположенных по бокам понтона несли среднюю часть, выполненную в форме огромного обтекаемого резервуара. Большинство его огней было потушено, двигатели выключены. Он спокойно и прочно стоял на якоре, словно терпеливо ожидая столь необычного свидания.

* * *

Тэд Маккензи перестал нервно ходить кругами по скользкой палубе, оперся костлявыми локтями о поручень и злобно сплюнул в Тихий океан. Он был человеком действия и не любил ждать. «Пора бы им уже появиться, — пробормотал он себе под нос, — не иначе как их что-то

задержало». Маккензи вновь сплюнул в туман и, сражаясь с ветром, закурил сигарету. Неожиданный порыв ветра разорвал завесу тумана, и на горизонте возникли огни Сан-Франциско.

Тэд Маккензи осознал, как сильно он любит этот старый, грязный, проклятуший городишко. Его разноцветные огни, резко контрастирующие с чернильной тьмой ночи, настойчиво подмигивали ему, как глаза шлюхи. Призывно маня, они воскрешали призраки ностальгических воспоминаний. Сколько рискованных приключений довелось ему пережить за эти годы на нескольких квадратных милях, что тянутся от верфей до улицы Кастро и от Чайнатауна до Тэндерлойна! Теплая волна возбуждения пробежала у него по спине, когда он вспоминал пьяные кутежи в барах и ночи, проведенные с друзьями в стриптиз-клубах на Бродвее.

Маккензи был прирожденным авантюристом: он обожал гул адреналина в крови и просто расцветал, когда пахло жареным. За годы сотрудничества с ЦРУ у него было вдоволь возможностей поставить жизнь на карту по самой высокой ставке. Удовольствие и возбуждение, получаемое им от рискованных и зачастую сомнительных заданий, по природе своей было сродни сексуальному. Только это ни в коей мере не уменьшало его ненасытной тяги к сексу, и он не мог себе представить ничего более волнующего, чем сочетание наслаждения, боли и опасности. Его пленил Сан-Франциско, чей потаенный мир, порочный и эротический, казалось, превосходил границы самого болезненного воображения. Где еще в мире можно найти такое разнообразие возбуждающих приманок — от детской и подростковой проституции — мечты педофилов — и утонченных, экзотических салонов садомазохистов до сборищ онанистов, рынков черных и белых рабов для сексуальных утех, шоу транссексуалов и скотологических клубов?

В эту ночь мишурный блеск города, как никогда, притягивал Маккензи. Хотя он ни за что и никому не признался бы в этом, масштаб предстоящего дела заставлял его нервничать. При всей его любви к опасности и приключениям нынешнее задание не было обычной тайной операцией из разряда тех, которыми он обычно занимался. Не было оно и «порожним рейсом» — таких крупных дел он еще никогда не проворачивал. Уж, конечно, он предпочел бы находиться сейчас не здесь, а в Содоме и Гоморре колоритного сан-францисского «дна», продолжая старые знакомства или заводя новые.

Он ссутулился, поплотнее запахнув ветровку, будто пытался создать укрытие, чтобы уберечь свои плотские фантазии от ветра и соленой водяной пыли. Его мечты грубо прервал нарастающий прерывистый стрекот. Когда шум стал оглушительным, из темноты в ореоле белесого света вынырнул военный вертолет. Лопасты его винта безжалостно кромсали и разгоняли туман. Приблизившись к посадочной платформе, он на несколько секунд завис в воздухе, а потом мягко приземлился на палубу.

«Должно быть, это Крэйг Энрайт», — подумал Маккензи. Энрайт, ведущий специалист НИПИСа, должен был присоединиться к команде «Калипсо». Ему было поручено возглавить научную часть предстоящей операции и стать связующим звеном между кораблем и исследовательской группой института. Энрайт проделал стремительное и неуклонное восхождение от юного вундеркинда до одного из самых блистательных ученых института и специалиста мирового класса в своей области науки.

Поскальзываясь на каждом шагу, Маккензи подошел к вертолету, чтобы встретить гостя. Он заметно прихрамывал — то была память о напряженной и рискованной операции, чуть не стоившей ему жизни: тогда ему едва удалось спасти свою шкуру. Дверца вертолета открылась, и на палубу сошел маленький тщедушный человечек лет тридцати с небольшим. Видимость была неважной, но большие толстые очки в тяжелой темной оправе были такой неотъемлемой чертой

внешности Энрайта, что Маккензи узнал его без труда.

В обществе Энрайт всегда был неуклюжим и застенчивым, и это делало его постоянной мишенью для шуток и розыгрышей. Сверстники считали его придурком и отличным кандидатом на роль козла отпущения, поэтому он изрядно натерпелся и от мальчишек, и от девчонок. А сильная близорукость только усугубляла его чувство незащищенности и неполноценности. С годами единственным способом, помогающим избежать страданий и разочарований, стала напряженная умственная работа. Робкий, замкнутый и неловкий с людьми, в науке он был уверен в себе, дерзок и неустойчив. Энрайт чувствовал себя намного уютнее в окружении машин, чем в обществе себе подобных. Мир его был практически ограничен НИПИСом, его проектами и операциями. Поэтому ему с избытком хватало времени, чтобы глотать статьи и книги по своей теме.

— Привет, Крэйг, добро пожаловать на Калипсо, — дружелюбно ухмыляясь, приветствовал его Маккензи. — Что-то ты слегка запоздал. Все в порядке?

— Рад видеть тебя снова, Тэд. Все прекрасно, кроме погоды, — небрежно и буднично ответил Энрайт.

Они встречались несколько недель назад в Вашингтоне, на совещании по стратегическому планированию в Пентагоне. Тогда Маккензи почти ничего не знал о НИПИСе и не имел понятия о том, что представляет собой его исследовательская группа. Энрайт счел, что пришла пора посвятить его в суть дела, а заодно и подбодрить.

— Но легкий туман и ветер нам не помеха, — добавил он. — Ведь у нас команда мирового класса, сам увидишь. Левиафан будет здесь с минуты на минуту.

Пока один из членов экипажа разгружал багаж ученого и относил его в каюту, Маккензи и Энрайт подошли к поручням правого борта и стали всматриваться в туман, туда, где лежало побережье Болинас.

Маккензи достал пачку Мальборо и предложил сигарету Энрайту. Ярко вспыхнувший язычок пламени осветил суровое узкое лицо Маккензи и грубый шрам, неровно сбегаящий от правого глаза к углу рта. То был след от пролома, а не от пореза, и, как верно угадал Энрайт, он был получен в жестокой драке, где ставкой была жизнь. Зажечь сигарету в такую погоду было не так-то просто, но после нескольких попыток им это удалось.

Энрайт остался стоять у поручней, застыв почти неподвижно. Он напоминал цаплю, замершую в ожидании зазевавшейся рыбы или лягушки. Такая медитативная поза, помогающая полностью уйти в себя, позволяла ему сохранять спокойствие в самых трудных и напряженных ситуациях. Маккензи, еще сильнее прихрамывая, снова принялся нервно мерить шагами палубу. Для него это тоже было способом успокоиться и снять напряжение. Подняв голову, он оглядел сложные системы антенн и локаторов, соединенных с самыми лучшими в мире навигационными системами. Судовой компьютер, считывающий сигналы со спутников GSS и управляющий бортовыми двигателями, был последним достижением научной мысли. Он мог держать судно в заданном положении с отклонением менее пятнадцати сантиметров от середины линии, соединяющей нос с кормой.

«Если кит нас не найдет, это будет их вина, а не наша», — с удовлетворением подумал Маккензи.

Энрайт взглянул на часы, и его уверенность поколебалась. Операция задерживалась, и он начал волноваться: вдруг что-то действительно пошло не по плану. Может быть, не стоило заранее задаваться перед Маккензи. Неудача маловероятна, однако все может быть, если учесть сложность операции.

«Ну же, ребята, — шептал он в ночь, — сейчас не время валять дурака!» Он вздрогнул, почувствовав, как чьи-то железные пальцы стиснули его локоть. Энрайт не слышал, как сзади

подошел Маккензи. Энрайт повернулся и устремил взгляд туда, куда бы направлен указующий перст человека из ЦРУ.

Возникшее из темноты огромное тело быстро приближалось к корме корабля. Как раз в тот миг, когда Энрайт впервые ясно увидел кита в лучах прожекторов «Калипсо», тот выпустил из дыхала высоченный столб воды.

«Вот он, Левиафан, библейское чудовище, несущее миллионам людей смерть, а может, и конец света», — прошептал себе под нос Энрайт, а вслух сказал Маккензи:

— Я же говорил, что волноваться нечего. Вот он,пусти его.

Повозившись, Маккензи включил рацию и отдал на мостик команду:

— Открыть люк! Мы его видим.

— Открываю, — раздался в ответ отрывистый металлический голос.

Маккензи и Энрайт перешли на корму и стали смотреть вниз. Пятнадцатью метрами ниже бесшумно раздвинулись входные ворота бассейна, и Левиафан, безошибочно маневрируя, занял положение точно за кормой, а потом плавно повернулся и исчез в центральном бассейне — месте своего назначения.

— Твою мать! Вот это круто! — восхищенно протянул Маккензи. У людей его круга это означало высшую оценку.

Он зажег еще одну сигарету. Язычок пламени, мигающий в сложенных ладонях, снова осветил неровный рельеф его лица, и Энрайт со вновь пробудившимся интересом вгляделся в черты своего спутника. Ему показалось, что Маккензи бьет дрожь. От этого Энрайт воспрянул духом, потому что сам тоже изрядно струхнул. Что же, любой из тех, кто находился на корабле, имел вескую причину для беспокойства, если учесть, что ожидает их впереди. А самое тяжкое бремя, несомненно, лежит на них двоих: ведь именно они отвечают за этот рейс «Калипсо» — Тэд Маккензи как командир корабля, а Крэйг Энрайт как начальник группы особого назначения и главный специалист по компьютерам.

Ощущая напряженность момента, Энрайт решил разрядить гнетущую атмосферу шуткой.

— Знаешь, что мне пришло в голову, Тэд? — спросил он со смешком. — Что бы сказал Говард Хьюз, увидь он, какой груз тащит его детище? Старик бы просто умом тронулся!

«Калипсо-2» представлял собой сильно модернизированный и усовершенствованный вариант модели, построенной Говардом Хьюзом в середине двадцатого века во времена холодной войны. Исходный корабль был спроектирован по заказу американского правительства, чтобы поднимать затонувшие советские подлодки и затерянные в океане атомные бомбы.

— Да уж, — с ухмылкой согласился Маккензи. Образ Говарда Хьюза, наблюдающего, как его корабль везет гигантского кита, показался ему забавным. — Что до Жака Кусто, — добавил он, — так тот бы просто спятил от восторга. Думаю, старик встал бы из могилы, чтобы взглянуть на наш «Калипсо» и подводные исследования, которые мы ведем.

Название корабля — «Калипсо-2» — было выбрано специально, чтобы скрыть истинную цель, для которой он был построен. Память о знаменитом исследователе Жаке Кусто и его корабле была все еще жива в памяти многих людей. Название «Калипсо-2» вызывало у большинства тех, кто его слышал, образ безобидной группы энтузиастов-гидробиологов, озабоченных сохранением видов, которым грозит опасность вымирания, да чистотой морской воды. Официально на борту корабля находилась морская экспедиция, занимающаяся систематическим изучением экологических изменений в северном экваториальном течении, вызванных современными технологиями. На самом же деле трудно было придумать что-нибудь более далекое от истины.

«Калипсо-2», продукт совместных усилий американских военных и ЦРУ, предназначался для всевозможных тайных операций. Его нынешнее задание было беспрецедентно важным и к

тому же исключительно щепетильным в политическом отношении и потенциально опасным. Стремительное техническое развитие Китая, особенно его ядерной и ракетной техники, вызывало серьезную озабоченность в военных кругах США. Ситуация еще больше осложнилась в связи с прогрессирующим ухудшением политических отношений между этими двумя странами. Последние доклады ЦРУ о деятельности Китая были особенно тревожными: съемки со спутника обнаружили китайскую базу ядерных подводок на архипелаге Чжоушань у северного побережья провинции Чжэцзян. Возросшая активность подводных лодок в Восточно-Китайском море и тон электронных депеш между базой и Пекином, перехваченных разведкой и расшифрованных американскими военными экспертами, требовали безотлагательных действий.

Почти не было сомнений, что Китай собирается напасть на Японию, одного из самых влиятельных союзников Соединенных Штатов. Базу нужно было уничтожить, причем так, чтобы это не привело к открытому военному конфликту. Секретным оружием, предназначенным для этой цели, и был Левиафан, последнее триумфальное достижение биоробототехники. Гигантским китом, способным доставить мощное ядерное устройство, можно было управлять на расстоянии с помощью системы электродов и микрочипов, вживленных в его мозг.

Когда огромное тело Левиафана исчезло в бассейне и ворота за драгоценным грузом закрылись, Маккензи вышел на мостик и отдал команду включить двигатели. Корабль взял курс на Перл Харбор, последнюю стоянку по пути на Дальний Восток. Удостоверившись, что все в порядке, Маккензи передал управление первому помощнику и отправился в корабельный бар.

Энрайт распаковал свой багаж и постарался расположиться в каюте со всем возможным комфортом. В конце концов, несколько следующих недель эта тесная нора, вызывающая у него клаустрофобию, должна служить ему домом. Устроившись, он подумал было влезть в пижаму и завалиться спать, но потом понял, что ему необходимо выпить, и решил наведаться в бар. Взглянув на план корабля, Энрайт нашел кратчайшую дорогу туда.

Первым, кого он заметил, войдя в бар, был Маккензи — уже изрядно навеселе, он приканчивал стакан шотландского виски со льдом; следующий ждал своей очереди. Увидев Энрайта, он поднял свой стакан и вопросительно поднял бровь. То было приглашение выпить, понятное без всяких слов

— Не откажусь, — сказал Энрайт, и Маккензи заказал ему порцию виски и еще одну, двойную, для себя. После напряжения двух последних дней не мешало слегка выпустить пар. Маккензи поднял стакан, протянул его навстречу Энрайту и слегка заплетающимся языком произнес:

— За успех операции Левиафан!

На пути от дома, располагавшегося на западном склоне горы Тамалпэс, до НИПИСа на побережье Болинас Роберт Хантер обычно вел машину сам, отключив автоводитель своего «мерседеса». Эта горная дорога с множеством крутых виражей и серпантинов была одним из тех участков, где рекомендовалось ручное, а не автоматическое управление. Хотя, вместо того чтобы любоваться живописными видами Тихого океана и длинной полосы побережья Стинсон-Бич, Роберту приходилось то и дело поглядывать на дорогу, он все равно любил эту часть пути — она пробуждала ностальгические воспоминания детства.

Крутя баранку и одолевая повороты на узкой дороге, он представлял, что вернулся во времена, когда глобальная спутниковая система и автокибернетическое управление не были развиты настолько, чтобы отвести человеку совершенно пассивную роль. Однако маленький монитор на щитке автомобиля, показывающий карту тихоокеанского побережья к северу от Сан-Франциско, постоянно возвращал его к действительности, напоминая о том, как много воды утекло с тех пор. Краем глаза Хантер видел маленькую световую точку, — петляя по карте, она отмечала движение машины, которая медленно приближалась к океану.

В свои тридцать пять лет Роберт Хантер выглядел значительно моложе. Наверное, это было отражением его внутреннего мира. Несмотря на энциклопедические познания и исключительный дар творческого воображения, ум Роберта сохранил многие детские черты. Он шел по жизни, испытывая постоянное благоговение и изумление, пытливно вглядываясь во все окружающее, в том числе в такие вещи, которые другие люди воспринимали как должное. Казалось, его сознание вырвалось из тисков линейного времени и побуждает организм не поддаваться старению. Роберт был в такой прекрасной физической форме, что многие думали, будто он соблюдает строгий спортивный режим, а не просиживает в лаборатории по шестнадцать часов в день.

Честолюбивый, блестящий ученый и неутомимый труженик, Роберт быстро сделал карьеру в своей области. Хантеру было всего тридцать, когда он возглавил «Коппелию», проект НИПИСа в области робототехники, имевший исключительную важность для безопасности страны. В связи с этим большая часть информации, вытекающей из его исследований, была засекречена. Роберт отдавал работе всю душу, и, хотя напряженный график не оставлял времени на личную жизнь, был вполне счастлив. Его непродолжительный брак, поначалу обещавший так много, не выдержал испытания, которое создавал его неограниченный рабочий день и постоянное отсутствие дома. Он закончился разрывом, причинившим Роберту много душевных мук. Порой ему очень не хватало общества близкого человека, да и секса тоже, но обычно удавалось подавить в себе эти чувства, с головой уйдя в работу.

Проехав Стинсон-Бич и свернув на шоссе № 1, Роберт снова доверил машину автоводителю. Когда «мерседес» миновал маленькие магазины и ресторанчики, тянувшиеся по обе стороны дороги, и поравнялся с заболоченной внутренней лагуной, Роберт отвлекся от созерцания окрестностей и погрузился в себя. Он заметил, что в последние несколько месяцев его все больше одолевают тревожные мысли о работе и личной жизни. Он любил свое дело, и НИПИС предоставлял ему для этого идеальные условия: практически неограниченное финансирование исследований и поистине царскую зарплату.

И все же было в его работе нечто такое, что вызывало у Роберта серьезные сомнения. Честно говоря, он и сам не был уверен, хочет ли получить ответы на эти неотступно преследующие его вопросы. В том, что касалось целей исследований и возможностей их

практического применения, Роберт был идеалистом. Он видел в биоробототехнике науку, способную помочь слепым видеть, глухим слышать, парализованным обрести подвижность. Естественно, всю предварительную работу приходилось вести на животных, и его опыты с крысами, голубями, летучими мышами, а совсем недавно и с китообразными, были важными шагами на пути к этой конечной цели.

Но почему все его исследования в НИПИСе должны быть засекречены? И что творится в особых корпусах института, находящихся под непосредственным надзором Пентагона и ЦРУ и окруженных такой завесой тайны, которая далеко превосходит правила, обязательные для других отделов НИПИСа? И, наконец, какую роль играет в НИПИСе Крэйг Энрайт, его первый заместитель? Почему Энрайт полдня работает с ним, а вторую половину дня проводит в военном отделении НИПИСа? Что делает Крэйг в военном корпусе и чем занимается в своих частых «спецкомандировках»? Вот и сейчас он опять выполняет какое-то секретное задание. В какие проекты он воплощает результаты исследований Роберта? Крэйг был блестящим ученым, и Роберт нисколько не сомневался в его знаниях, зато в его моральных качествах он был далеко не так уверен.

Тем временем «мерседес» добрался до конца лагуны, повернул налево, съехал с шоссе № 1 и направился в сторону побережья Болинас. Миновав длинный отрезок дороги, проходивший через лес и окаймленный соснами и эвкалиптами, машина подъехала к металлическому забору, защищенному от непрошенных визитеров электрическим током высокого напряжения. Проехав еще несколько сот метров, она остановилась перед массивными воротами, с обеих сторон которых высились укрепленные здания охраны. На большем из них виднелась обманчиво скромная, неброская табличка: «Национальный институт прикладных исследований сознания (НИПИС)».

НИПИС представлял собой внушительный комплекс зданий, расположенных на открытом всем ветрам плато, выходящем на Тихий океан. В начале двадцатого века этот роскошный участок, в который входили сосновый лес и длинная полоса песчаного пляжа, принадлежал АРК*; она разместила там одну из первых радиостанций, экспериментировавших с транс-тихоокеанской связью. Потом за ненадобностью участок отдали под государственный парк, а здание взяла в долговременную аренду благотворительная организация, оказывающая психологическую помощь больным раком. Несколько десятилетий эта организация существовала здесь тихо и мирно, заботясь о сохранности природного окружения.

Потребность в строительстве центра для осуществления приоритетных исследовательских проектов, крайне важных для национальной безопасности, в корне изменила ситуацию. Строительство института считалось делом государственной важности, поэтому удалось без труда обойти все формальности, связанные со сроками аренды и правилами для территорий государственных парков, а также преодолеть сопротивление общественности Болинас, пытавшейся отстоять свою собственность и природную красоту места. Во втором десятилетии двадцать первого века на месте скромных одно- и двухэтажных зданий, разбросанных по участку и скрытых от взглядов прохожих зарослями деревьев, воцарился огромный комплекс исследовательского центра. На месте девственной полосы частного пляжа теперь расположились несколько больших бассейнов-аквариумов и пирс, далеко выдающийся в океан.

В те времена, когда в гражданских учебных и исследовательских институтах практически не существовало такой специальности, как исследование сознания, и официально к этой области науки насаждалось презрительное отношение, военные круги, тайная полиция и разведка всех индустриально развитых стран вели ожесточенную скрытую борьбу за первенство в этой области. Военные стратеги и лучшие умы оборонной промышленности не сомневались, что союз парапсихологии, электроники, лазерной оптики, нанотехнологии* и компьютерной техники

может стать одним из решающих факторов в любом из грядущих военных конфликтов.

Роберт Хантер поставил машину на стоянку и направился к главному зданию центра. Процедуры идентификации личности отняли кое-какое время. Тем, кто здесь работал, приходилось каждый день проходить личную проверку, в том числе компьютерный анализ голопортрета, офтальмоскопическое сканирование глазного дна, компьютерную проверку отпечатков пальцев, осциллоскопическую проверку голосовых характеристик и идентификацию структуры ДНК. Эта система считалась практически безошибочной. Даже используя самые последние достижения техники, подделать все эти личные данные было невозможно. Каждый, кто выходил из института, подвергался такой же процедуре.

Пройдя все этапы проверки, Роберт направился прямо в свой кабинет. Это было просторное помещение, изысканно обставленное и украшенное. Из больших окон открывался потрясающий вид на Тихий океан. Сняв куртку и повесив ее в шкаф, Роберт сел за стол и включил головидеофон. Первое же сообщение застало его врасплох и отвлекло от грустных мыслей. В воздухе прямо перед ним возникло улыбающееся лицо Генри Фабинга, директора НИПИСа.

— Привет, Роберт! Утром сразу же загляни-ка ко мне, — требовательно и с нажимом произнес Фабинг. — У меня есть для тебя очень важная, прямо-таки захватывающая новость. Ты ушам своим не поверишь, просто рухнешь от изумления! До скорого.

Роберт пребывал в недоумении. Не часто получаешь такие срочные послания от самого директора с предложением личной встречи. Должно быть, случилось что-то действительно важное. Вряд ли это какое-то ЧП, которое чаще всего служило поводом для таких депеш, — уж больно радостный и возбужденный тон был у Фабинга. Хантеру не терпелось все выяснить, и он не стал слушать остальные сообщения. Сгорая от нетерпения, Роберт поспешил в кабинет директора.

Своей звездной карьерой Генри Фабинг был обязан скорее политическим и общественным связям своего аристократического новоанглийского семейства, чем собственному выдающемуся уму или дарованию. Пост директора НИПИСа, который он занял несколько лет назад, когда ему было немного за пятьдесят, дал Фабингу исключительную власть, тайную и явную, которой он довольно беспринципно пользовался, чтобы еще больше упрочить свое влияние. В тот исторический период, когда подрывная деятельность и личное устрашение стали первейшими средствами разрешения серьезных политических проблем и почти вытеснили дипломатию, он играл заметную роль на всех основных саммитах* правительственных чиновников, созываемых в кризисных ситуациях.

Генри принял Роберта, сидя в роскошном и удобном кресле за массивным столом из красного дерева. Он дружелюбно взглянул на молодого ученого сквозь очки в золотой оправе и, не теряя времени, сразу же перешел к сути дела.

— Держу пари, Роберт, ты удивлен такой срочностью, — начал он, — но ты поймешь меня, когда узнешь, в чем дело. Мы всегда расценивали твои опыты с животными как передовые исследования, результаты которых со временем можно будет опробовать на людях. Думаю, и ты смотришь на это так же. Но множество бюрократических проволочек, с которыми мы постоянно сталкивались, всегда заставляли нас откладывать эту работу на неопределенное время. И знаешь, что? Это время наконец пришло!

Роберт застыл в изумлении, широко открыв глаза. Он не мог взять в толк, что же такое могло случиться, что все непреодолимые юридические и социальные преграды, запрещающие проводить эксперименты на людях, наконец пали.

— И как же вы этого добились, Генри? — недоверчиво спросил он.

— Никак. Сверху поступило указание начать крупномасштабные биороботехнические эксперименты на людях. Ты удивляешься, почему? ЦРУ получило достоверную информацию,

что Китай запустил секретный проект: использование вживленных в человеческий мозг компьютерных чипов и микроэлектродов и индивидуального дистанционного управления. Думаю, тебе ясно, о чем идет речь.

До Хантера внезапно дошел смысл происходящего. Как же он не догадался, что только соображения национальной безопасности могли снять все барьеры и запреты. Но он по-прежнему с трудом верил собственным ушам.

— Это правда? — спросил он. — Ведь по опытам с приматами мы знаем, что дистанционное управление человеком потребует сложнейших технологий, которых у китайцев нет. Такой проект им не по плечу.

— Они могли втихаря переманить первоклассных японских ученых, посулив им большие деньги, — ответил Генри с кислым и озабоченным видом. — Японский уровень техники плюс китайское пренебрежение правами человека — очень опасное сочетание. Что они могут наворотить при таких обстоятельствах, одному Богу известно! Естественно, наше правительство очень озабочено и не хочет, чтобы Соединенные Штаты остались позади в деле такой исключительной важности.

— Не знаю, что с этим можно поделать, — ответил Роберт скептически, не проявляя особого интереса. — Даже будь у нас разрешение, где мы найдем добровольцев для подобных экспериментов? И как быть с этической стороной таких исследований?

— Поэтому я и вызвал тебя, — продолжал Фабинг. — Вчера на экстренном секретном совещании в Вашингтоне было решено параллельно китайскому проекту запустить наш, американский. В шифровке, которую я получил вчера вечером, содержится разрешение продолжить проект «Коппелия» и распространить его на людей. Разработки будут проходить под совместным контролем Пентагона и ЦРУ. Их цель — создать специальные команды боевиков, а потом и небольшие армии из людей с вживленными в мозг микрочипами, управляемых с помощью электронных сигналов.

Здесь Фабинг сделал многозначительную паузу, а потом продолжал:

— Ведь ты понимаешь, Роберт, какие колоссальные перспективы это сулит, верно? Эти люди-роботы будут четко и без малейших колебаний выполнять самые рискованные и опасные операции. Кодовое название проекта — «РС-14 МУСОН» (Машино-Управляемая Служба Особого Назначения). В некоторые подразделения МУСОНа будут входить и несколько шимпанзе с компьютерным управлением. Наши дистанционно управляемые приматы способны выполнять многие задания, которые требуют навыков, выходящих за пределы возможностей роботов-людей.

— Вы не ответили на мой вопрос, — не отступал Роберт. — Кого вы собираетесь использовать в этих опытах? Судя по вашим словам, дело обстоит еще хуже, чем я предполагал: ведь речь идет не о чисто научных опытах, а о превращении большого количества людей в рабов, в роботов, в безвольных наемников!

— Эта часть вопроса довольно каверзная и требует величайшей конфиденциальности, — согласился Генри, и в голосе его прозвучала явная неуверенность. — Проект этот настолько важен для национальной безопасности, что правительство готово на крайние меры, и все уже решено. Сейчас в большинстве наших штатов для неисправимых преступников существует смертная казнь. Люди из ЦРУ сделают все возможное, чтобы ускорить судебные разбирательства, которые раньше тянулись годами.

— Не понимаю, что это нам даст, — удивился Роберт, все еще недоумевая, куда клонит Генри.

— ЦРУ будет постепенно внедрять в ряды смертников и взводы, исполняющие приговор, своих надежных агентов, — объяснил Генри. — Казнь, будь то инъекция яда или электрический

стул, можно провести так, чтобы на самом деле приговоренный не умер. Для непосвященных зрителей она может выглядеть очень убедительно, даже если будут вестись телесъемки. Все остальное, если возникнет необходимость, довершит пластическая хирургия. У нас не будет недостатка в человеческом материале.

Генри выдержал эффектную паузу, а потом закончил:

— Если эти меры не обеспечат нас достаточным количеством подопытных, есть и другая возможность, хотя и гораздо более спорная. Можно добиться разрешения использовать в нашем экспериментальном проекте человеческие клоны, чье развитие будет искусственно ускорено. Конечно, в этом случае придется решить кое-какие проблемы. Например, каких субъектов клонировать. К тому же мы столкнемся с проблемой прав человека для клонов, вокруг которой, как тебе известно, идут ожесточенные дискуссии. Но, учитывая экстренность ситуации, мы можем полагаться на помощь самых высоких сфер.

Роберт выслушал монолог Генри, не проронив ни слова. Он осознавал, что за последние несколько месяцев что-то в его душе резко изменилось, так что он с трудом узнавал сам себя. Перед ним маячила уникальная, из ряда вон выходящая возможность, перспектива, сулящая величайшие научные открытия, — такой шанс выпадает раз в жизни. Но почему-то пылкие речи Генри оставили его странно равнодушным.

— Роберт, я хочу, чтобы ты возглавил всю операцию. Я не знаю более компетентного специалиста. Это большая ответственность, и я позабочусь, чтобы это отразилось на твоём окладе. И еще, я попрошу, чтобы лично для тебя предусмотрели специальную, очень большую премию. Что касается деталей, мы обговорим их позже. Важно, чтобы ты начал работу над проектом прямо сейчас. От тебя требуется назвать фамилии тех, кого ты хочешь видеть в своей команде, план действий и график работы над проектом. Сможешь сделать это за неделю? Помни, что сейчас это дело — самое срочное.

Роберту и раньше иногда приходилось переживать приступы моральных терзаний и вины, связанных с природой его работы, но ему удавалось с ними справляться. Сидящий в нем ученый всегда умел заглушить угрызения совести убедительными и рациональными объяснениями. Еще месяц назад он был бы заморожен такой невероятной возможностью и не стал бы ломать голову над соображениями этического характера. Скорее всего, он успокоил бы себя тем, что служить делу национальной безопасности — его патриотический долг. Что же касается этики... В конце концов, раньше или позже эти люди все равно умрут, а проект даст им возможность послужить благим целям.

Сейчас Роберт испытывал сильное желание отказаться от предложения Фабинга. Но он понимал, что отказ от сотрудничества будет равнозначен уходу из НИПИСа. А он не был к этому готов. Он услышал собственный голос, звучащий вяло и неуверенно: «Думаю, технически это вполне возможно. Я приступлю к работе немедленно». Но в глубине души Роберт знал, что совсем не хочет ввязываться в этот проект.

Хантер попрощался с Фабингом и возвратился в свой кабинет. Минут десять он просто сидел за столом, потом неохотно включил компьютер. Масштаб и сложность стоящей перед ним задачи ошеломляли сами по себе, а боровшиеся в душе противоречивые чувства еще больше осложняли дело. Он знал, что распоряжение Фабинга придется выполнять, но никак не мог заставить себя сосредоточиться на проекте. Мысли проносились в голове бешеным вихрем. Нужно было сосредоточиться и набросать несколько мыслей.

«Посмотрим, смогу ли я хотя бы подыскать для проекта подходящее название, — сказал он себе. — Это поможет мне раскачаться».

Роберт велел компьютеру открыть новый файл и стал перебирать в уме разные варианты в поисках слова, которое могло бы стать заглавием файла и одновременно удачным кодовым

названием операции. Образ группы людей-роботов, лишенных собственной воли, натолкнул Роберта на мысль назвать проект «Зомби». «Рождает негативные ассоциации да и звучит слишком зловеще, даже обличительно», — решил он и тут же отверг эту мысль. Следующие ассоциации заставили его вспомнить об отряде устрашающих и бесстрашных воинов скандинавского бога Одина. Одеты в медвежьи шкуры, они, как повествуют древние саги, сражались в состоянии странного беспамятства или неистовства, делавшего их непобедимыми. Роберт дал компьютеру команду напечатать название файла: «Проект Берсерк», но, как только оно появилось на экране, стер его. Он по-прежнему не был удовлетворен.

И тут его осенило. Хантер вспомнил легенду о рабби Иуде Леве бен Безалеле, которую услышал во время поездки в Европу. Рабби Лев, живший в шестнадцатом веке, был легендарным каббалистом и главой еврейского гетто в Праге. Призвав на помощь тайны каббалистической науки, он создал Голема*, искусственного человека из глины, первого в мире робота. Голема можно было оживить, вставив в его лоб «шем» — магический камень с начертанным на нем непроизносимым именем Бога. Оживив этого странного андроида, можно было давать ему разнообразные поручения. История рабби Лева и его творения увековечена в знаменитом романе «Голем», который написал Густав Мейринк, друг и современник Франца Кафки.

«Вот удачное название для проекта, цель которого — создать людей-роботов с вживленными в мозг микрочипами», — подумал Роберт. Учитывая противоречивые чувства, которые его терзали, название проекта — это все, на что он был сегодня способен. Он дал команду: «Компьютер, создай файл: “Проект Голем”!» — и вышел из кабинета.

Вставшая перед ним дилемма не давала ему покоя, приобретая гигантский масштаб. Нужен был спокойный вечер, чтобы поразмыслить на досуге.

«Калипсо-2» бороздил необъятные просторы Тихого океана, оставляя за собой широкий извилистый след. Несколько часов назад после короткой остановки в Перл Харборе корабль отошел от острова Оаху и теперь направлялся к Маршалловым островам. Тэд Маккензи и Крэйг Энрайт, оживленно переговариваясь и наслаждаясь тропическим солнцем, лениво прогуливались по верхней палубе. Путь через Тихий океан был относительно спокойным, и у них было достаточно времени для непринужденных бесед.

С того самого времени, как у побережья Болинас Тэд Маккензи стал свидетелем безупречных маневров Левиафана, в нем пробудился живой интерес к чудесам техники, способным создавать такие невиданные вещи. Присутствие на корабле Энрайта позволяло слегка подковаться в этой области, а заодно и удовлетворить свое любопытство. О лучшем источнике информации, чем Крэйг, трудно было мечтать: ведь он, судя по всему, играл в операции «Левиафан» важную роль. Ежедневно проводя в обществе друг друга по несколько часов, они обсуждали предстоящее плавание или просто болтали на разные темы, чаще всего о футболе и сексе. Было вполне логично воспользоваться этой возможностью и расспросить Крэйга о науке.

— Может, я и не в тему, Крэйг, но меня по-настоящему заинтересовал этот кит, Левиафан, — ввернул как-то Тэд. — Кто все это придумал и напичкал ему мозги разными штуковинами? Уж не ты ли?

— Если бы! — ответил Энрайт. — Это все мой шеф, Роберт Хантер. Это он разработал проект по дистанционному управлению разными животными и лично вживил микрочипы и микроэлектроды в центральную нервную систему кита. Я его первый заместитель и за годы совместной работы многому у него научился. Начальство НИПИСа назначило меня руководителем спецопераций с использованием Робертовых дистанционно управляемых животных. Боссы не хотят обременять его практическими вопросами и техническими деталями. Я программирую животных для выполнения заданий и веду испытания на месте.

— Ты ведь хорошо знаешь Роберта Хантера? — спросил Маккензи Энрайта. — Похоже, он славный малый. Что он собой представляет и как во все это влез?

— Да, Роберт человек необычный. Настоящий гений, единственный в своем роде. Я не знаю, кто еще в мире может соперничать с ним в этой области. А область его — биоробототехника, создание гибрида живого организма и компьютера. Он вживляет всевозможные электронные микроустройства в нервную систему и другие части тела животных, от насекомых до китов. То, чем он занимается, представляет собой странный и непостижимый союз нейропсихологии и электроники.

— И как давно он этим занимается?

— Как-то он рассказал мне, что интерес к этой области возник у него, когда он еще в студенческие годы прочитал книгу Уайлдера Пенфилда, легендарного канадского нейрохирурга и родоначальника исследований мозга. В середине двадцатого века Пенфилд проводил первые, еще несовершенные опыты, наделавшие много шума. Он подвергал электрической стимуляции разные участки мозга и тщательно фиксировал их реакцию. Его самое знаменитое открытие — «кора памяти» в височной доле мозга.

— Так, значит, Хантер заинтересовался этими делами еще студентом? — спросил Маккензи. — Теперь понятно! Ведь он еще молод, а чтобы стать тем, кем он стал, нужно было долго вкалывать.

— Другим кумиром Роберта был Хозе Дельгадо, — продолжал Энрайт, — редкая птица! Странная помесь исследователя-первопроходца и незаурядного шоумена. У него было что-то общее с Сальвадором Дали, его земляком и современником. Роберт рассказывал мне, как его потрясли кадры из фильма, запечатлевшего невероятные эксперименты Дельгадо с животными. В одном эпизоде Дельгадо, одетый в костюм тореодора, появляется на арене в Испании. Он сначала дразнит быка красным плащом, а потом, когда разъяренное животное в неистовстве бросается на него, в самый последний миг останавливает его при помощи пульта дистанционного управления. Он воздействовал на электроды, вживленные в центры торможения бычьего мозга!

— Ого! Представляю, как все это поразило Хантера, — проговорил Маккензи. — А как он заинтересовался китами?

— Роберт написал диссертацию, совершенно блестящую. Ни Пенфилду, ни Дельгадо даже в самых фантастических снах не могло присниться, какие возможности откроются в нейрофизиологии с появлением микроэлектродов, микрочипов и суперкомпьютеров. Диссертация Роберта привлекла внимание военных и ЦРУ. Они изъяли и засекретили все его материалы и, воспользовавшись НИПИСом как прикрытием, предложили ему выгодную работу. Не думаю, что они посвятили его во все тонкости проекта. Они считают, что Роберт слишком впечатлителен, чтобы знать всю правду.

— Значит, работа Хантера с китами — не его собственная инициатива, а задание парней из ЦРУ?

— Совершенно верно, во всяком случае, так было вначале. Но вскоре Роберт увлекся работой, и она его полностью поглотила. Кстати, в первом его проекте участвовали не киты, а бурые дельфины. Кто-то в высших эшелонах власти выдвинул такую идею: если дистанционно управлять дельфинами при помощи электронных сигналов, их можно использовать в качестве смертоносных живых торпед. Им не нужна оптическая ориентация, они могут передвигаться ночью и в мутной воде. Предполагалось, что они будут доставлять пластиковые бомбы в порты и на морские базы, к военным кораблям и другим стратегическим объектам.

— Преимущества очевидны, — сказал Маккензи, одобрительно кивая. — Дельфинов не засекут радары, и они, в отличие от ракет и торпед, могут передвигаться по произвольной траектории, которую невозможно рассчитать и проследить. Блестящая идея!

— К тому же, дельфины—млекопитающие и не используют воду как источник кислорода, — продолжал Энрайт. — Вода для них — только среда, в которой они движутся. В отличие от большинства рыб, они могут плавать как в соленой, так и в пресной воде. Мыслилось, что они будут заплывать из океана в устья рек и, двигаясь вверх по течению, наносить тяжелые удары по различным целям в больших городах.

— Фантастика! — воскликнул Маккензи: как военный стратег, он больше не мог сдерживать восхищение. — Так, значит, Хантер все это учел и добился успеха.

— Абсолютного! Конечно, ему не сказали об истинных целях исследования — опасались, что этические проблемы могут помешать работе над проектом. Хантера соблазнили тем, что мозг дельфинов по сложности ближе всего к человеческому. Роберт просто потряс начальство, решив колоссально сложные задачи за невероятно короткий срок, — сказал Энрайт с восхищением. — За отправную точку он взял некоторые передовые исследования, которые проводил в шестидесятые годы Джон Лилли в своих лабораториях на Майами и Виргинских островах, и развил эти идеи самым оригинальным образом.

— Что же такого революционного он сделал? — поинтересовался Тэд.

— Имплантировал в мозг дельфинов сложные микроэлектронные устройства, которые передают сигналы их акустических систем обратно в центральную лабораторию, где их

преобразовывают в зрительные образы. Потом он добавил систему компьютерных чипов, микроэлектродов и цепей. Они имеют огромный практический выход, потому что обеспечивают очень точный и хитроумный способ дистанционного управления животными, совершающими диверсии, нападения и теракты. Первые такие дельфины появились в 2026 году, когда Роберту было всего двадцать пять.

— А Левиафан? — спросил Маккензи. — Тоже неслабый проектец!

— Левиафан стал следующим логическим шагом, — объяснил Энрайт. — Поскольку основные принципы были уже опробованы на дельфинах, требовалось всего-навсего время, чтобы применить их на больших китообразных. Для этого проекта Роберт получил всемерное содействие — шишки в верхних эшелонах смекнули, что киты с электронным управлением смогут доставлять ядерные устройства к намеченным целям и засечь их будет трудно. И когда возникла необходимость, Левиафан был уже в полной готовности.

— То-то и оно! Время пришло! — сказал Маккензи.

— Еще как пришло! Несколько недель назад в НИПИСе получили шифровку из Вашингтона, в которой говорилось о чрезвычайной ситуации в Восточно-Китайском море, — мы как раз обсуждали ее на совещании в Пентагоне. В этой депеше был приказ подготовить Левиафана к срочной транспортировке на острова Рюкю, чтобы потом он доставил ядерное устройство к китайской базе ядерных подлодок на архипелаге Чжоушань. Мне поручили составить предварительную программу атаки и ввести в компьютер географические координаты для Левиафана.

— Да, история что надо! — качая головой сказал Маккензи. Спасибо, что ввел меня в курс. А теперь, пожалуй, самое время опрокинуть стаканчик-другой перед обедом. Пойдем-ка вниз.

Они спустились на лифте вниз — туда, где размещались судовой бар и офицерская столовая.

В ожидании тайфуна

Солнце садилось среди тяжелых темных облаков, зловеще нависших над покрытой рябью поверхностью океана. Горизонт на западе был расцвечен тысячами красок и напоминал палитру художника-экспрессиониста. «Калипсо-2» решительно рассекал воды Восточно-Китайского моря, направляясь от Тайваня к Нагасаки. Выйдя из Перл Харбора, корабль шел вдоль северного экваториального течения, которое провело его вокруг Гуама, через Филиппинское море, между восточным побережьем Тайваня и островами Рюкю и вынесло в Восточно-Китайское море. Этот путь был значительно длиннее, чем прямой маршрут Сан-Франциско — Шанхай, зато он делал легенду-прикрытие об экологических исследованиях более правдоподобной.

Тэд Маккензи и Крэйг Энрайт стояли на верхней палубе, удобно облокотясь на поручни. Глядя на запад, они с большим любопытством наблюдали живописные картины, создаваемые на небе облаками. Правда, их интерес к этой величественной панораме имел мало общего как с любовью к природе, так и с эстетическим или артистическим чутьем. Полученный недавно метеорологический прогноз, предсказывающий мощный тайфун в Южно-Китайском море, был воспринят как неожиданный подарок и благословение свыше. Военные эксперты тщательно изучили прогноз погоды, и приближающийся тайфун срочно включили в стратегический план операции.

— Надеюсь, тайфун будет паинькой и не нарушит график, который дали нам ребята из метеослужбы, — озабоченно хмурясь, сказал Маккензи. — Время решает все. Будет скверно, если шторм закончится раньше, чем Левиафан доберется до базы

— Или если тайфун зацепит не тот район, который нам назвали, — добавил Энрайт. — Конечно, метеорология сейчас куда точнее, чем раньше, но когда все зависит от такого множества факторов, никогда не знаешь, насколько можно доверять прогнозам. Особенно меня тревожит пресловутый «эффект бабочки», — признался он, имея в виду теорию, согласно которой в сложных системах самые незначительные события порой могут иметь колоссальные и непредсказуемые последствия.

— Нам остается одно, — изрек Маккензи, возвысив голос, — делать все, что от нас зависит, и верить, что провидение на нашей стороне.

Тэд вырос в семье католиков-ирландцев и усвоил веру в то, что все в руках Божьих, которая несколько не мешала его сексуальным подвигам. Он не сомневался, что западная демократия и американский образ жизни — именно то, чего хочет Бог для всего мира, и считал своей святой обязанностью защищать и распространять эти ценности всеми доступными способами. Именно из-за этого бескомпромиссного убеждения он всегда охотно брался за секретные задания, от которых многие старались уклониться, и безупречно их выполнял.

Пришло время последней проверки перед стартом Левиафана. Маккензи и Энрайт спустились с палубы и направились к командному отсеку. То был скрытый во внутренностях корабля огромный бронированный зал, в котором располагался штаб операции. Окон в зале не было, а большая часть стен была занята экранами мониторов, панелями компьютеров и хитросплетениями кабелей. Сложность размещенной в нем аппаратуры внушала благоговейный трепет — все это походило на декорации какого-нибудь научно-фантастического фильма.

Энрайт и Маккензи сели за большой стол в центре этого впечатляющего лабиринта и приготовились к обзору последних отчетов о ходе операции.

Тэда Маккензи включили в состав участников операции «Левиафан», потому что у него была репутация в высшей степени надежного, волевого и беспринципного человека, закаленного

во многих рискованных тайных операциях, проводившихся в разных уголках планеты. За его готовность без колебаний браться за самые дерзкие задания и выполнять их с непреклонной решимостью члены команды прозвали его Железный Тэд. Но сегодня, сознавая всю важность и серьезность операции, Маккензи явно чувствовал себя не в своей тарелке. Его лицо и поведение выдавали нервозность, волнение и неуверенность.

— Как тебе все это, Крэйг? — спросил Тэд после того, как они тщательно изучили компьютерные отчеты.

— Все прекрасно, мы доставим малыша без всяких проблем, — заверил его Энрайт.

Заметив легкую дрожь в голосе командира и его озабоченный вид, он спросил:

— Ты в порядке, Тэд? Никогда не видел тебя таким. Что, угрызения совести замучили или, может, ты передумал?

— Должен признаться, что эта операция куда сложнее всего того, чем я занимался до сих пор. Ведь речь идет не об уничтожении базы и захвате горстки подводных лодок. Взрыв такой силы мгновенно уничтожит сотни тысяч людей, а еще миллионы умрут потом медленной смертью. Будут загрязнены и парализованы устье реки Янцзы, залив Ханчжоу и весь район Шанхая. Только представь, вдруг что-то не сложится и китаезы смекнут, что произошло на самом деле. Ведь это может запросто перерасти в ядерный конфликт с Китаем и привести к глобальной катастрофе!

— Тебя беспокоит успех операции или все дело в твоей совести? Ты что, пытаешься вообразить, чем все это закончится? — спросил Энрайт, явно ощущавший нечто похожее. — Представляю, как это может действовать на нервы.

— Всего понемногу, — признался Тэд и после короткой паузы добавил: — Ведь речь идет не только о военных объектах. Этот теракт сотрет с лица земли остров Пу-то, знаменитый буддийский центр паломничества, где расположено множество монастырей и храмов. Я не особо жалую буддизм, но погибнет очень много гражданского населения. Пока моя совесть не очень меня допекает, но трудно сказать, что будет, когда все это закончится. Парень, почти век назад сбросивший бомбу на Хиросиму, всю жизнь мучился от страшной вины, в конце концов сошел с ума и покончил с собой. А ведь он был не каким-нибудь педиком или чистоплюем. От этого никто не застрахован, кто знает, как все обернется.

Обремененный грузом ответственности, Тэд Маккензи в третий раз тщательно проверил все данные. Наконец он убедился, что все идет по плану.

— Через пару часов мы подойдем к тридцатой параллели, пора начинать последние приготовления, — сказал он к сидящему рядом Энрайту.

Процедура последней проверки была сложной и отнимала много времени. В целях безопасности во время операции «Левиафан» все ключевые команды должны были отдавать оба человека, ответственных за ее проведение. Тэд Маккензи прижал большой палец к небольшому экрану и приблизил глаза к сканеру, анализирующему глазное дно.

«Командир Тэд Маккензи», назвалса он, и, когда сканеры и анализаторы голоса подтвердили его личность, отдал приказ:

— Компьютер, начать отсчет: «П минус 120!»

Кодовое название времени старта Левиафана было «Пуск», или просто «П». «П минус 120» означало, что до старта кита оставалось два часа.

Крэйг Энрайт повторил ту же процедуру, назвав вместо имени Маккензи свое. Повинуясь двойной команде, главный компьютер послал подробные указания на нужные участки.

Перепоручив дальнейшую проверку машинам, Маккензи вновь просмотрел последние метеорологические сводки.

— Циклон идет точно по расписанию, — успокоил он Энрайта. Потом откинулся на спинку

стула и вдруг затих, погрузившись в невеселые думы.

Бдение дракона

На книжных полках, окаймлявших каюту адмирала Юань Сяопина видное место занимали политические труды идеологов коммунизма. Здесь стояли тома Маркса, Энгельса, Сталина и Ленина, книга Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны», манифест маоистской военной доктрины и, разумеется, обязательный цитатник Мао Цзедуна. Пантеон героев коммунистической истории то и дело менялся в зависимости от политической ситуации. Время от времени новые руководители Китайской коммунистической партии производили переоценку истории и роли в ней отдельных личностей. Одни ключевые фигуры подвергались резкой критике и впадали в немилость, других реабилитировали и возвращали на политическую арену. На данный момент именно эти книги входили в стандартный набор, обязательный для библиотеки каждого, кто занимал высокий пост в Китайской народно-освободительной армии.

Остальные книги выдавали подлинные интересы адмирала. Это было изысканное собрание шедевров мировой литературы и сочинений некоторых его любимцев, в том числе трактат Сунь Цзы* «О военном искусстве», «Артхашастра» Каутильи**, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, «Государь» Макиавелли и главный труд Карла фон Клаузевица*** «О войне». Над стеллажом висел плакат, на котором иероглифами была выведена начальная фраза из книги Сунь Цзы:

«Война — дело жизненной необходимости для государства; вопрос жизни и смерти, путь к спасению или гибели. Ее необходимо тщательно изучать».

Отдельную полку занимало собрание поэзии эпохи Тан, к которой адмирал питал особую страсть. Он любил стихи Ли Бо, воспевающие любовь к свободе, дружбу и вино. Но больше всего его восхищал Ду Фу, своим искусством служивший делу политической и социальной справедливости. Юань Сяопин знал эти стихи наизусть и часто их цитировал.

Адмирал откинулся на спинку стула, продолжая пристально смотреть на монитор компьютера — на нем был полученный со спутника снимок западной части Тихого океана. Буйные завихрения на экране, без сомнения, предвещали приближение тайфуна. Сяопин достаточно разбирался в метеорологии, чтобы видеть: скорее всего, шторм будет коротким и очень яростным. Это наблюдение странно взволновало адмирала. Короткое и яростное — именно таким он планировал нападение на Японию. Что-то наподобие Перл Харбор, только куда мощнее и беспощаднее. Не оставить Стране Восходящего Солнца никаких шансов на возрождение и реванш! Японцы будут разбиты, поставлены на колени, а их мечты об элитной империи, технической аристократии Азии, превратятся в прах. Наконец-то будут отомщены многовековые унижения и оскорбления, миллионы жизней, отданных китайским народом!

Юань Сяопин был человеком исключительного ума и высокой эрудиции. Он обладал энциклопедическими знаниями по истории, философии, искусству и литературе. Его интеллект уступал только его же честолюбию. Одним из кумиров Сяопина был Хун У*, основатель династии Мин, человек, поднявшийся из самых низов и ставший одним из самых сильных правителей, когда-либо сидевших на драконьем троне. Хун правил Китайской империей железной рукой и успешно отражал нападения японских мародеров, создав сильный флот и надежные гавани вдоль побережья. Во время правления его сына хорошо вооруженные китайские корабли бороздили моря половины мира. Юань Сяопин был твердо убежден, что в скором будущем китайский флот вновь обретет былую славу.

Адмирал только что закончил разговор с Пекином. Политбюро и ЦК компартии Китая одобрили его план нападения на Японию с моря. Сяопина сместила сама мысль о том, что его

план нуждается в одобрении этих невежд. «Кучка придурков, трясущиеся старые маразматика! — думал он. — Ничего, ваши дни сочтены, вы сгинете вместе со Страной Восходящего Солнца!»

Адмиралу припомнился его любимый отрывок из книги «О военном искусстве», в котором говорилось о взаимоотношениях между военачальниками и правителем. В восьмой главе этого классического труда, написанного двадцать четыре века назад, Сунь Цзы убедительно доказывал, что генерал, получивший полномочия главнокомандующего, должен не слепо подчиняться приказам правителя, а иметь собственное мнение и действовать по ситуации. Именно так адмирал и собирался вести себя с политическими шишками из Пекина.

В глазах политической элиты ум Сяопина и широта его интересов были его самыми уязвимыми местами. Коммунисты всех времен и народов подозрительно относились к интеллигентам, в которых видели потенциальных прислужников капитализма. Единственной причиной, по которой адмиралу прощали его непопулярные хобби, был его блестящий талант стратега.

Сяопину приходилось глотать много критических замечаний и даже насмешек — его клеймили как заумного сноба, недовольного выхолощенным культурным набором, который партия навязывала массам. Он, в свою очередь, чувствовал презрение и ярость к поверхностным и узколобым людям, пробившимся в верха и получившим право контролировать и подвергать цензуре все его действия. Времена коммунистического режима, давшего возможность многим ничемным невеждам занять высокие посты, напоминали ему начало правления династии Хань, когда у власти оказались вояки-головорезы: мясник, гробовщик, торговец шелком и рикша.

«Имея в активе такую грандиозную победу, я не остановлюсь ни перед чем! — думал Сяопин, погружаясь в сладкие грезы. — Для героя войны не представит труда перейти с высот военной власти к высотам власти политической. Недолго этим типам осталось греметь костями. У китайского народа будет современный военный лидер, мир еще увидит меня! Теперь это всего лишь вопрос времени — максимум нескольких месяцев!»

А для такого терпеливого человека, как Сяопин, несколько месяцев — сущий пустяк. Адмирал закурил очередную сигарету «Лаки страйк» — то была его любимая марка — и начал перебирать в уме великие сражения, которые затягивались и сопровождались ожиданиями.

«Армия Агамемнона ждала десять лет, прежде чем захватила Трои, — размышлял он. — Ганнибал выжидал долгие месяцы, прежде чем совершить переход через Альпы и взять врасплох самонадеянных римлян. А с другой стороны, Наполеон и Гитлер недолго думали, прежде чем затеять долгий поход на Россию, — на свою погибель».

Раздумья адмирала были прерваны звонком — на столе замигала красная лампочка.

— В чем дело? Что вам нужно? — спросил он.

Громко и отчетливо раздался голос Хуан Чи, капитана военного корабля:

— Какие будут указания, товарищ адмирал?

— По поводу?

— Приближается американский корабль.

— Выведите его на экран! Да это «Калипсо-2»! — удивленно воскликнул Сяопин, узнав характерные очертания судна.

Чтобы проверить свою догадку, он увеличил изображение так, чтобы можно было прочесть название на борту корабля.

— Курс? — осведомился Сяопин.

— Похоже, он направляется в Японию, адмирал, скорее всего, в Нагасаки. Хотите, чтобы мы определили его скорость и установили слежение?

— Отличная идея, товарищ капитан, докладывайте мне обо всех его маневрах.

Адмирал знал о «Калипсо» из китайских военных сводок, но до сегодняшнего дня никогда не видел. Хотя у него не было полной информации, которая позволили бы оценить все возможности корабля, он восхищался им и был бы не прочь иметь несколько таких судов в составе своего флота. Сяопин ни на секунду не поверил во вздор об экологических исследованиях. Стоило только взглянуть на ошестинившийся антеннами верх судна! Не корабль, а плантация рождественских елок! Для того чтобы следить за косяками сельди или махи-махи, ничего такого не нужно. Ясно, что корабль оборудован сложнейшими устройствами радиоперехвата. А центральный бассейн, уж конечно, предназначен не для изучения прожорливости акул или их поведения во время спаривания! Он достаточно вместителен, чтобы транспортировать подлодки, снаряды и самолеты, поднятые из океанских глубин.

— Войди в центральный морской архив, найди файл «Вражеские корабли» и перейди к «Калипсо-2», — велел Сяопин компьютеру.

Он нашел спутниковую запись передвижений «Калипсо», сверил ее с отчетом о различных военных инцидентах и катастрофах... и не поверил своим глазам. Из карты безошибочно явствовало, что в целом ряде случаев, далеко выходящих за рамки возможной статистической случайности, «Калипсо» неизменно оказывался в местах чрезвычайной стратегической важности. «И как же это наши военные аналитики не заметили этой закономерности? Вот идиоты!» — подумал Сяопин.

В последний раз «Калипсо» появлялся в Южно-Китайском море, когда китайская подлодка с ядерными боеголовками на борту нашла свой последний приют на дне моря. До этого корабль побывал в Индийском океане, якобы с научной экспедицией, вскоре после того как арабы потеряли там свою ракету, сбившуюся с курса во время испытаний. Столь же случайно он проводил «исследования» в Баренцевом море как раз после того, как русские потеряли возле норвежского побережья ядерную подлодку. И уже совсем не удивительно, что исследования «Калипсо» в районе Бермудского треугольника совпали с аварией индийской космической ракеты, ушедшей на дно именно в этом районе. Побывал «Калипсо» и во многих местах американских военных неудач. Когда бомбардировщик Соединенных Штатов сбросил две атомные бомбы в Атлантический океан, «Калипсо» через неделю побывал на том месте, где они ушли под воду, и пробыл там несколько дней.

Сяопин пролистал длинный список примечательных «совпадений». «Судя по этим данным, нынешний визит «Калипсо» в этот район должен иметь какой-то подспудный смысл, — подумал он. — Янки славятся своей маниакальной страстью собирать информацию, но в данном случае это вряд ли обычная дорогостоящая и бесполезная возня с отбором многочисленных случайных проб. Должно быть, они что-то заподозрили и подслали «Калипсо» разведать, что происходит, перехватить наши переговоры». За секретные коды, применяемые в китайской армии и флоте, адмирал не беспокоился, но мало ли что может произойти при современном уровне развития компьютерной техники.

Отношение Сяопина к Соединенным Штатам было очень неоднозначным. Он восхищался умом и предприимчивостью американской нации, возглавившей технический прогресс и подарившей человечеству целый ряд замечательных изобретений: электрическое освещение, телефон, автомобили, аэропланы, атомную энергию, телевидение, компьютеры, лазер... — список был длинным. Конечно, Сяопин не был обычным коммунистом-революционером, ненавидящим капиталистический режим. Острые различия между двумя системами со временем сгладились, и адмирал ценил многое из того, что капитализм принес его народу.

Неприязнь Сяопина к США была вызвана главным образом союзом, который эта страна заключила с Японией после Второй мировой войны. Он обожал читать об американских военных операциях и унижительном поражении главного врага Китая. Сколько раз,

просматривая кадры атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, он ощущал странное, невыразимое возбуждение? Опустошение, вызванное двумя дьявольскими устройствами, было для него актом божественного возмездия за исторические преступления Японии. А американская военная машина просто сыграла роль кармы. Япония получила то, что заслужила! Но вскоре после Второй мировой войны Япония и США стали союзниками. Сяопин считал это непростительным. Их альянс мешал Китаю окончательно свести счеты со Страной Восходящего Солнца.

Соединенные Штаты были таким же динозавром, как Великобритания перед Второй мировой войной, им не хватало жизненной силы Китая. Но, как и динозавры, янки были очень сильны и к тому же невероятно богаты — ведь они более ста лет грабили мир! У них мощные армия и флот, технический уровень которых на грани фантастики. Целая чертова армада кораблей-разведчиков, сверхзвуковых самолетов и спутников! Они вездесущи — вечно суются в дела других государств, вмешиваются в их внутреннюю политику. Большая часть этого арсенала предназначена для слежки за Китаем. А в случае войны они, несомненно, предоставят все это в распоряжение Японии.

Вот почему основные десантные силы Китая спрятаны в огромных подземных тоннелях, тайно построенных в последние десятилетия. Но кто знает, много ли удалось Китаю скрыть от вездесущих глаз американских спутников. А янки наверняка передают все, что знают сами, японским военным!

Сяопин ненавидел американцев так же глубоко, как восхищался ими. Они были сильными союзниками Японии и грозными врагами Китая. Как отреагируют они на вторжение в Японию? Останутся сторонними наблюдателями или вмешаются? Сяопин серьезно сомневался, что американцы настолько полагаются на свою систему противоядерной защиты, чтобы решиться на атомную войну с Китаем. Плотнo заселенные районы страны делали Америку слишком уязвимой для ядерной атаки. Даже если им удастся в воздухе уничтожить китайские ракеты с ядерными боеголовками, все равно уровень радиации будет губительным для их собственной страны. Учитывая это, трудно представить, что могло бы спасти Японию. Страна Восходящего Солнца скоро станет Страной Вечного Заката. А после победы над горизонтом взойдет яркая звезда Сяопина. По всему Китаю, даже в умирающей Коммунистической партии, зазвучат тщательно оркестрованные голоса, требующие сильной молодой руки, способной смести паутину застоя и унижительного стыда. И он, Сяопин, новоиспеченный герой войны, с готовностью откликнется на этот призыв.

Адмирал раздавил сигарету, бросил последний взгляд на монитор, где явно обозначилсядвигающийся шторм, и выключил компьютер.

Рождение Гаргантюа

Зал телесвязи в военном комплексе НИПИСа представлял собой огромный лабиринт, нашпигованный электронными устройствами всевозможных форм и размеров. Разноцветные панели, тысячи мигающих огоньков, постоянно меняющиеся на мониторах картинки и километры проводов придавали залу сходство с огромным оживленным городом. Это впечатление еще больше усиливала звуковая среда: человеческие голоса и разнообразные оттенки гудения и жужжания, создаваемого электронной аппаратурой, сливались в океан звуков, отдаленно напоминающий симфоническую музыку.

Последние несколько дней вся деятельность на большом участке зала сосредоточилась на наблюдении за операцией «Левиафан». В этом сложном проекте принимали участие десятки людей, специалистов в самых разных областях науки. Одни получали со спутников информацию об активности китайских вооруженных сил в районе архипелага Чжоушань и на восточном побережье Китая. Другие следили за электронной связью в районе расположения цели. Третьи анализировали метеосводки и проверяли устройства слежения. Специальные команды биоэлектронщиков наблюдали за кибернетической системой наведения Левиафана, проверяли его гидроакустические датчики и с помощью телеметрического оборудования следили за его физиологическими функциями. Специалисты по электронике проверяли готовность различных компонентов, составляющих смертоносный груз кита.

Несмотря на кажущийся хаос, в этом огромном лабиринте людей и машин царил высочайший порядок. Вся эта бесконечно сложная деятельность была тщательно организована, чтобы служить единственной цели: выпустить в материальный мир монстра, рожденного от союза науки и природы, ужасное воплощение чудовища, ранее существовавшего лишь в царстве мифов. Левиафан, средоточие всех этих усилий, стремительно приближался к цели.

Генри Фабинг пришел посмотреть на заключительную стадию операции. Не останавливаясь, он проследовал прямо к главной установке слежения, мозгу зала телесвязи.

— Как дела? — спросил он Стивена Хейву, наземного координатора операции.

— Пока все отлично, — ответил Стивен, подавая Генри второй комплект наушников. — Все системы функционируют нормально, все идет по графику.

По иронии судьбы, слово «хейва» по-японски означало «мир», что странным образом противоречило той роли, которую исполнял сейчас Стивен.

— Как там тайфун? — поинтересовался Фабинг.

— Тоже не выходит из графика, можете посмотреть вон на том мониторе, — сказал Хейва, указывая рукой на экран. — Стремительно приближается к району Шанхая.

«Г минус 90», — прозвучал властный голос в наушниках Генри Фабинга. После краткой паузы те же слова повторил другой голос. То была двойная команда: Тэд Маккензи и Крэйг Энрайт проводили очередную проверку всех систем. «Г» означало «Гаргантюа» — кодовое название детонации ядерного устройства Левиафана. Сообщения доходили до Фабинга в первоначальном английском варианте, уже миновав сложный процесс кодировки и дешифровки. Команда послужила сигналом — на всех мониторах бешено забегали цифры: шла обратная загрузка данных всесторонней проверки.

Фабинг очень внимательно наблюдал за ходом событий. Казалось, все идет по плану. Неожиданно вся деятельность на контрольном узле резко прекратилась. Зал наполнился пронзительным вибрирующим звуком, замигавшие красные лампочки возвестили о тревоге. Фабинг услышал в наушниках встревоженный голос:

— Тихоокеанские станции перехватили и расшифровали переговоры между Чжоушаньской базой подлодок и Шанхаем. Китайцы заметили что-то подозрительное и теперь проверяют. Наши спутники засекли внезапную бурную деятельность на базе.

Груз Левиафана был защищен от радарных систем обнаружения системой сложнейших устройств, но, очевидно, что-то не сработало. Ситуация становилась серьезной. Прикрыть Левиафана от атаки значило рассекретить задание, а оставить незащищенным — обречь его на верное уничтожение, а всю операцию на провал.

Фабинг услышал в наушниках голос Энрайта: «Компьютер, начать секретную операцию «Монте-Карло».

— Правильное решение, — одобрительно пробормотал Хейва.

Тело огромного кита мгновенно среагировало на присланные издалека электронные сигналы. Левиафан сменил прямой курс на сложный неравномерный рисунок, в котором чередовались зигзаги и полукружья. Такой маневр был предусмотрен, чтобы сделать данные радара неубедительными и таким образом сбить врага с толку.

«Тайфун приближается к району Чжоушаня», — произнес в наушниках Фабинга другой голос.

Несколько минут в зале телесвязи стояла напряженная тишина, нарушаемая только монотонным гулом электронных устройств. Затем красные лампочки, все это время не перестававшие мигать, внезапно потухли.

Фабинг услышал в наушниках облегченный голос специалиста по связи: «Все в ажуре. Китайцы посчитали, что это была ложная тревога, вызванная каким-то неизвестным техническим средством. Они решили, что причина в надвигающемся тайфуне. Продолжаем действовать по плану».

«Левиафан, — твердо сказал Энрайт, — возвращайся на прежний курс».

Больше никаких помех не было — казалось, идет самая обычная операция. Повинуясь сигналам дистанционного контроля, посылаемым через спутниковые системы, Левиафан уверенно плыл между островами Чжоушаньского архипелага. Последний отрезок пути он преодолевал под водой, получая кислород из прикрепленных к бокам баллонов. Еще до рассвета он проник на территорию военно-морской базы и, найдя стратегически выгодное место, присоединился к группе ядерных подлодок, которые стояли в гавани, отдаленно напоминая стаю его родичей. Кит прибыл на базу с небольшим опозданием, зато график абсолютно точно предусмотрел его встречу с тайфуном.

За голосом Энрайта, объявившим, что Левиафан на месте, последовала команда, повторенная двумя голосами: «Компьютер, последняя проверка инструментов перед родами!»

Стивен Хейва обратился к Фабингу:

— Разве не странно, что в шифровках, связанных с ядерным оружием, всегда говорится о родах и о младенцах? — спросил он.

— В самом деле? Никогда об этом не задумывался, — ответил Фабинг. — Но сейчас, когда ты упомянул об этом, мне тоже припомнилась парочка примеров».

Хейва не сводил глаз с монитора и никак не отреагировал на слова Фабинга. Как бы ни хотелось Стивену продемонстрировать шефу свою эрудицию, сейчас было не время читать лекции о символах, используемых в шифровках об испытаниях и взрывах атомных устройств. Постоянное упоминание в них младенцев и родов поражало его и приводило в недоумение.

Впервые Стивен Хейва обратил внимание на эту закономерность, когда прочитал о сообщениях, посланных во время проведения атомной бомбардировки Японии. Самолет, доставивший бомбу к Хиросиме, носил имя матери пилота — «Энола Гэй». На самой атомной бомбе была надпись «Мальш», а условная депеша, посланная после успешного взрыва в

Вашингтон, гласила: «Младенец родился». Хейве тогда показалась жуткой и загадочной эта связь между процессом появления новой жизни и процессом, вызывающим массовое уничтожение. Вскоре после этого он наткнулся на текст телеграммы, посланной Эрнестом Лоуренсом в 1942 году группе чикагских физиков, работающих над созданием атомной бомбы. Там было написано следующее: «Поздравляю новоиспеченных родителей. Не терпится увидеть новорожденного».

Озадаченный такими совпадениями, Стивен заинтересовался этим явлением и стал раздумывать о глубоких психологических мотивах, лежащих в его основе. Довольно скоро он обнаружил еще несколько подобных примеров. В Лос-Аламосе атомную бомбу величали «дитя Оппенгеймера», а в ливерморских лабораториях Лоуренса водородную бомбу прозвали «дитя Теллера». Еще более явно эта тема прозвучала в зашифрованной телефонограмме, когда японский посол Курусу проинформировал Токио о провале переговоров с Рузвельтом и дал понять, что пора начинать бомбардировку Перл Харбора. Он сообщил, что «роды приближаются», и спросил, как дела в Японии: «Не кажется ли вам, что ребенок может вот-вот появиться на свет?»

Ответ был таков: «Да, похоже, роды уже близко». Интересно, что слышавшая эти переговоры американская разведка поняла значение кода, в котором рождение означало войну.

Генерал Гроув, сообщая о первых успешных атомных испытаниях, послал военному министру Генри Стимсону на Потсдамскую конференцию торжествующую шифровку. В ней говорилось: «Только что вернулся доктор, воодушевленный и уверенный, что малыш такой же шустрый, как и его старший брат». В свою очередь, Стимсон проинформировал Черчилля, написав ему записку: «Роды прошли удачно». Восторженная телеграмма Эдварда Теллера, посланная в Лос-Аламос и сообщавшая об удачном испытании водородной бомбы «Майк» на атолле Эниветок на Маршалловых островах гласила: «Родился мальчик!»

Размышления Хейвы о загадочной связи между рождением и атомными взрывами прервал прозвучавший в наушниках голос Крэйга Энрайта, который сообщил об успешных результатах окончательной проверки: «Готов резать волну!» Содержавшая условный код команда прозвучала громко и отчетливо. Затем тот же голос начал последний отсчет: «Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... ноль...»

На мониторе появились знакомые очертания зловещего грибовидного облака. Оно поднималось, разбухая все больше и больше, как чудовищный джин, выпущенный из лампы Алладина. Встретясь с неистовством тайфуна, оно слилось с ним в каком-то дьявольском ритуале совокупления. Генри Фабинг не мог оторвать взгляд от этого мрачного зрелища. Вдобавок ко всему взрыв вызвал цепную реакцию в ядерных реакторах китайских подлодок, и скоро грибовидные облака заполнили все видимое пространство полученного со спутника изображения.

Чудовищная катастрофа имела мифические масштабы. Впечатлительный человек легко разглядел бы в неистово кружащихся вихрях радиоактивного тайфуна танец гневных божеств из «Тибетской книги мертвых» или разнузданное неистовство шабаша ведьм.

Повинуясь команде, главный компьютер послал в штаб-квартиру в Вашингтоне зашифрованную телеграмму, сообщающую об успешном завершении операции «Левиафан»: «Гаргамела родила Гаргантюа».

Вскоре после этого пресс-секретарь Белого Дома сделал заявление о том, что американские спутники зарегистрировали на китайской морской базе, расположенной на архипелаге Чжоушань, масштабный ядерный инцидент, который повлек за собой целую цепь ядерных взрывов. В нем также сообщалось, что, по оценкам американских физиков-ядерщиков, общая мощность взрыва не имеет себе равных — это самый грандиозный ядерный взрыв в истории человечества. Масштабы разрушений и количество погибших трудно даже представить. Тайфун,

который «по несчастливому стечению обстоятельств» пронесся в этом районе как раз во время череды ядерных взрывов, увеличил размеры катастрофы, разнеся радиоактивное облако на территорию в десятки тысяч квадратных миль.

Потребуется много месяцев, чтобы хотя бы приблизительно оценить размеры материального ущерба и человеческих жертв.

Лора быстро поднималась по горной дороге. Ей не хотелось опаздывать на встречу с Баламом Ахау. Да и кто бы захотел опоздать, когда выпал такой счастливый случай? Лора отлично рассчитала время: когда она подходила к деревне, солнце как раз исчезало за горизонтом, а прямо напротив него всходила полная луна.

Балам Ахау сидел у источника на краю каменного акведука и глядел на закат. Заметив Лору, он приветствовал ее дружеским жестом, поднялся и поманил за собой по узкой, вьющейся сквозь джунгли тропинке.

Они шли, пока тропинка не исчезла в проеме массивной стены. Перед ними был вход в гору, увенчанный типичной для майя сводчатой аркой.

К своему удивлению, Лора заметила, что форма арки поразительно похожа на форму деревянных тростниковых крыш. Прямо у входа начиналась узкая крутая лестница, ведущая в подземелье. Балам Ахау зажег сосновый факел и стал осторожно спускаться по влажным ступеням. Очевидно, лестница служила людям не один век: поверхность ступеней истерлась, а края скруглились. Казалось, спуск никогда не закончится. Наконец, они достигли дна; должно быть, оно располагалось глубоко в толще горы. Здесь начинался длинный горизонтальный коридор, с обеих сторон украшенный великолепными рельефами, — они изображали людей, божеств и фантастических животных. По бокам картин располагались сложные композиции из загадочных иероглифов. Когда Лора и старый шаман проходили мимо этих странных изображений, казалось, что они оживают в свете факела Балама Ахау и таят угрозу. Сердце Лоры колотилось, первый восторг и любопытство сменились страхом и тревожными предчувствиями. У нее возникло неприятное подозрение: наверное, ее представление о том, что *панче бэ*, о котором толковал Балам Ахау, это всего лишь интеллектуальный поиск более глубокой истины, очень наивно. Внезапно в этих двух словах ей стало чудиться что-то зловещее и даже роковое. Кто знает, что ждет ее в сырой тьме подземелья? Может, стоит вернуться, пока не поздно? Но вскоре этот приступ необъяснимого страха уступил место волне глубокой веры в искренность намерений Балама Ахау. «Может, это самое важное событие в моей жизни», — подумала Лора и решительно зашагала дальше.

Коридор закончился другой лестницей, которая тоже вела вниз. После долгого спуска они, кажется, наконец добрались до цели. Ступени закончились у входа в просторное помещение. Подняв факел, Балам Ахау осветил склеп со сводчатым потолком, стены которого были богато украшены большими каменными рельефами. Обойдя склеп, шаман зажег еще несколько факелов, вставленных в пасти каких-то фантастических созданий.

Когда пространство склепа осветилось, Лора увидела величественную статую — явно главный предмет поклонения в этом святилище. То была огромная фигура божества с тяжелыми серьгами и ожерельем из тигриных когтей и зубов ядовитой змеи. Голова откинута назад, а глаза, казалось, вглядываются в бесконечность. Ноги скрещены, а пальцы на них сжаты и подогнуты, будто в порыве экстатического восторга. Все тело божества и пьедестал изукрашены цветочным орнаментом.

— Это Шочипили*, — сказал Балам Ахау, — бог цветов, земледелия, музыки, песен и танцев. Он связывает нас с Млечным Путем, с созидательной космической энергией и ее вечным танцем, дарующим всем созданиям телесную и духовную жизнь. Ведь жизнь похожа на большое музыкальное произведение. В основе всего творения лежит вибрация, своеобразная космическая музыка. А цветы получают эту энергию от Великого Духа и от солнца и несут всем животным и

людям. Вот почему славить Шочипили танцами, музыкой, стихами и цветами — высшая форма поклонения. Перед ритуалом в честь Шочипили наш народ постится четыре дня: можно есть только маленькие кукурузные лепешки без соли; а еще мужчины и женщины спят порознь.

— А что это за знак в самом низу? — спросила Лора, показывая на двойную прямоугольную спираль, напоминающую греческий меандр, которая была вырезана на базальтовой плите под скрещенными ногами Шочипили. — Это просто украшение, или он имеет какое-то символический смысл?

— Это священный символ, имеющий несколько уровней значения. Здесь, на Земле, он символизирует зачатие, зарождение, яйцо или семя. А еще он может означать начало Вселенной, Создателя, Космическую Сущность. Форма спирали точно передает форму Млечного Пути, нашей галактики, — именно такой она видится из космоса. А Млечный Путь — самое непосредственное проявление Хунаба-Ку.

— Кто такой Хунаб-Ку? — спросила Лора, на которую эта необычная статуя произвела большое впечатление. Казалось, фигуру Шочипили окружает мощное энергетическое поле — Лора начала ощущать на себе силу его воздействия.

— Хунаб-Ку — это Абсолютное Существо, Зодчий Вселенной, Даритель Меры, Формы и Движения. Чтобы понять Хунаба-Ку, нужно поддерживать связь с Млечным Путем и Кин, Солнцем. Все на Земле: мы, люди, все другие виды живого, а также моря и горы — сотворено из того же вещества, что и звезды. А *кинан*, солнечная энергия, — посланец Хунаба-Ку в нашем мире. Здесь, в материальном мире, мы можем приблизиться к Хунабу-Ку только через Кин. Солнце — повелитель всех видов живого. Без него не было бы ни растений, ни животных.

— А ведь это очень похоже на то, что обнаружили и описали наши ученые! — проговорила Лора, искренне пораженная тем, что познания Балама Ахау в физике и биологии в целом совпадают с тем, что она помнила из уроков в школе и в колледже.

— Так может показаться. Но в нашей традиции *панче бэ*, поиск корня истины, включает и понимание нашего единства с природой и Хунабом-Ку. Почти повсюду на Земле люди забыли, что природа божественна и что они — часть природы и зависят от нее. В своей гордыне они чувствуют превосходство над другими видами живого и думают, что могут завоевать природу и повелевать ею. Они не способны понять, что все в природе — работа Хунаба-Ку, Великой Руки, Бога, что превышает всех богов. Они умеют говорить лишь на своих языках и утратили знание языка Хунаба-Ку. У нас есть одно слово — оно лучше всего объясняет то состояние, которое сейчас переживают индустриальные общества, а также ситуацию, которую они создали в мире. Это слово — «вавилон», и означает оно — «путаница», «смятение» или «непонимание».

Услышав слово «вавилон», Лора изумилась. Хотя рассказ Балама Ахау не был точным аналогом библейского предания о смещении языков и Вавилонской башне, сходство было поразительным. Ей припомнилось и кое-что еще: слово *sin*, грех, в том смысле, в каком оно использовалось в первоначальной версии христианского учения, было заимствовано у лучников и в мистическом христианстве означало «не попасть в цель», то есть не осознавать божественности творения и собственной божественности.

— Вы сказали о языке Хунаба-Ку. На каком же языке он говорит? — спросила Лора шамана.

— В повседневной жизни мы не можем видеть Хунаба-Ку, а видим лишь его материальные творения. Это дух, который так могуществен, что говорит с нами не словами, а землетрясениями, извержениями вулканов, громом и молнией. А еще — красками радуги, благоуханием орхидей, щебетом птиц и улыбками новорожденных младенцев. Он повсюду и нигде, ближе, чем наше дыхание, и все же бесконечно далеко.

Пока Балам Ахау говорил, его глаза увлажнились; казалось, он лучится покоем и счастьем.

— Но особое место среди творений Хунаба-Ку занимают деревья и растения, — продолжал старик. — Они особенно близки к Хунабу-Ку и благодаря Кину приносят его энергию земле.

Балам Ахау взял Лору за руку и подвел к большому рельефу на стене склепа. На нем была изображена человеческая фигура, появляющаяся из вершины Космического Древа.

— Здесь показано рождение человечества из *яиче*, священного дерева сейба. На нашем языке слово «дерево», как и слово «спираль», имеет несколько уровней смысла. Помимо обычного дерева, оно также обозначает Священное Древо, вроде того, которое ты видишь здесь. Каждое из шести основных направлений имеет свое собственное древо.

— Как связано это дерево с рождением человечества? — спросила Лора, озадаченная изображенной на рельефе сценой.

— Через дыхание, дыхание жизни. Дерево символизирует воздух, ветер, божественное дыхание Хунаба-Ку. Деревья — легкие земли и ключ ко всей жизни. Они восстанавливают воздух, которым мы дышим, и преобразуют *кинан*, духовную и солнечную энергию. Растения необходимы для жизни и появились на земле раньше других видов живого. Если деревья и другие растения погибнут, животные и люди тоже вымрут. Именно поэтому мы так обеспокоены тем, что происходит с жизнью растений — и здесь, на горе, и во всем мире.

Лору в очередной раз поразили объяснения Балама Ахау и то, как современно они звучат. Девушка знала, каких высот достигла наука древних майя, но не ожидала услышать об этом от современного деревенского шамана. Балам Ахау явно почерпнул эти знания не в школе, но каков же тогда их источник? Ведь он даже рассказал, как выглядит наша галактика из космоса, а этого не увидишь, просто глядя в небо!

— И человеческий плод получает воздух от дерева, то есть от плаценты, — продолжал Балам Ахау, все больше приводя Лору в изумление. — И в природе, и в человеческом организме многие системы в основе своей имеют форму дерева, разветвляющегося на все более мелкие отростки, — таковы реки, кровеносные сосуды, нервы, бронхи. Тесная связь между деревом и Хунабом-Ку отразилась даже в имени Творца — *теол*, где «те» означает «дерево», а «ол» — «сознание» или «дух».

— А какое отношение все это имеет к Шочипили? — спросила Лора. — Я заметила, что его тело, как и пьедестал, украшено цветочным орнаментом, и вы говорили, что он бог растений и земледелия.

— Растения преобразуют солнечную энергию и дают нам воздух для дыхания. Они кормят нас и обеспечивают одеждой, кровом и материалами для изготовления орудий труда. К тому же они вносят в нашу жизнь красоту и исцеляют нас, когда мы боеем. Все это дары Шочипили. Но растения, которые ты видишь на его теле, — совершенно особые, все они — части его священного тела. Мы вкушаем их на наших ритуалах, и они соединяют нас с другими измерениями, сотворенными Хунабом-Ку, и даже позволяют встретиться с ним самим.

Балам Ахау поднял факел и поднес его поближе к телу Шочипили.

— Взгляни, вот усики вьюнка, который мы называем *ололиукуи*, а вот бутоны пейотля, священного кактуса. Тут цветы священного табака и еще одного священного растения, которое мы называем *синикуиче*. А вот шляпки волшебных грибов — они называются *теонанакатль*, или «плоть богов». Все эти растения нужно почитать, все они — наши великие учителя.

Некоторое время шаман с глубокой любовью смотрел на статую Шочипили, а потом пошел к выходу из склепа, дав Лоре знак идти следом.

— Пойдем наверх, Лора, — посмотрим на звезды и зайдем в священную пещеру. Хунаб-Ку ожидает нас.

Пока Лора машинально поднималась по ступенькам, мысли стремительным вихрем проносились у нее в голове. Зачем Баламу Ахау понадобилось приводить ее сюда, вниз? Ведь

было бы куда естественнее говорить о Млечном Пути и деревьях снаружи, на горе, глядя на тропический лес и звезды. Единственная причина, по которой старый шаман мог привести ее в это святилище, скрытое в недрах земли, — чтобы показать ей Шочипили. Лора понимала, что все растения, о которых говорил Балам Ахау, скорее всего, имеют психоделическое действие. Его благоговейное отношение к ним резко противоречило официальной позиции правительства и фармацевтических фирм Соединенных Штатов — в использовании этих веществ они усматривали серьезную опасность для человечества.

Пропаганда против наркотиков и школьная программа не делали никаких различий между психоделиками и такими наркотиками, как морфий, героин и кокаин. На уроках истории шестидесятые годы описывали как период массового безумия, которое на некоторое время подорвало закон и порядок и стало серьезной угрозой для развития цивилизации и технического прогресса. Научные круги официально клеймили «мистически настроенных антропологов», которые принесли в жертву научную объективность, участвуя в воздействующих на сознание ритуалах туземцев. Не собирается ли Балам Ахау дать ей какие-то психоделические растения? А вдруг это часть его учения, истинный смысл понятия *панче бэ*?

Они добрались до вершины второй лестницы и через сводчатые ворота вышли на открытый воздух. Ночь была прекрасна; звезды сверкали в небе, словно яркие алмазы, развешенные в космосе. Оправдывая свое имя, Балам Ахау передвигался в ночи, как большая кошка. Казалось, он едва касается земли — Лора совсем не слышала его шагов. Тропинка привела их к проему в огромной скале, и Лора поняла, что это вход в пещеру посвящений. Внутренность ее была озарена костром. Судя по жару, он полыхал уже несколько часов, но Лора не заметила никого, кто мог бы зажечь и поддерживать его все это время. Должно быть, Балам Ахау продумал и подготовил все заранее.

Старый шаман прошел в темный угол пещеры и вскоре возвратился с двумя ярко украшенными одеялами. Он расстелил их на земле и тихо произнес:

— Садись, Лора. Я хочу рассказать кое-что такое, что может тебя заинтересовать. К тому же нынче вечером это может оказаться для тебя важным.

У нас есть красивая история о двух героях-близнецах, Хун-Ахпу и Шбаланке, которых боги смерти пригласили в Шибальбу, преисподнюю, сыграть с ними в мяч. Много суровых испытаний приготовили для них боги Шибальбы, но братья сумели их преодолеть. В конце концов они умерли и возродились как Солнце и Луна. Эту историю можно рассказывать детям как сказку, но для шаманов и тех, кто проходит посвящение, в ней заключен символический смысл, очень важный и глубокий. Она повествует о встрече со смертью и новом рождении — о преображении, которое может пережить каждый из нас. Пережив его, мы уже никогда не будем прежними, потому что обнаружили свое божественное начало и бессмертие.

Откашлявшись, Балам Ахау продолжал:

— Сейчас самое время рассказать тебе всю эту историю. Дело было так. Отец и дядя героев-близнецов были лучшими в мире игроками в мяч. Они упражнялись без усталости, отбивая большой резиновый мяч туловищем, бедрами и плечами, потому что в этой игре не разрешалось касаться мяча руками. Мальчики так шумели, что потревожили богов преисподней, живших в Шибальбе. Разгневанные боги отправили к братьям своих гонцов-сов, чтобы вызвать близнецов на состязание. Братья приняли приглашение и спустились в Шибальбу. Боги преисподней легко выиграли у них, но не умением, а хитростью, и обоих братьев немедленно принесли в жертву. Тело одного похоронили на игровой площадке, а голову другого повесили на бутылочное дерево.

Балам Ахау был превосходным рассказчиком; Лора любила слушать его мелодичный голос и наблюдать за выражением его лица и красноречивыми жестами рук. Она слушала шамана с большим интересом, и вскоре рассказ ее захватил.

— Однажды дочь одного из богов Шибальбы, проходя мимо бутылочного дерева, остановилась, привлеченная видом сочного плода, — продолжал Балам Ахау. — Она заговорила с висящей на дереве головой, и та плюнула на ее руки, от чего девушка чудесным образом забеременела. Разгневанный отец приказал ее казнить, но ей удалось бежать в Средний Мир, и через некоторое время она родила героев-близнецов, которых назвала Хун-Ахпу и Шбаланке, то есть Охотник и Маленький Ягуар.

Лора припомнила, что читала эту историю в «Пополь-Вух», эпосе древних киче, который нашла в библиотеке отца. Этот необычный рассказ был записан безымянным гватемальским индейцем вскоре после испанского вторжения, но явно имел в основе гораздо более древнее устное предание. Лора решила не показывать, что знает этот миф: ей не хотелось мешать рассказу Балама Ахау. Его вариант был куда лучше того, который она читала несколько лет назад!

— Шли годы, близнецы отыскивали принадлежности для игры в мяч, оставшиеся от отца и дяди, и начали упражняться, — продолжал старый шаман. — И снова боги преисподней очень разозлились из-за шума, который подняли юноши, и пригласили их на игру в Шибальбу. Близнецы согласились, но, в отличие от отца и дяди, сумели перехитрить богов, прибегнув к помощи разных животных и растений. День за днем они играли в нескончаемую игру, которая каждый раз завершалась вничью. Каждую ночь боги Шибальбы придумывали для героев-близнецов новое испытание. Им приходилось проводить ночь то в ледяном доме, то в доме из ножей, то в доме ягуаров, то в доме летучих мышей, преодолевая опасные и трудные испытания. Уцелеть, несмотря на все козни, им помогали муравьи, светлячки, кролики и другие животные.

В доме летучих мышей им пришлось туго — кровожадная мышь-вампир обезглавила Хун-Ахпу, и боги Шибальбы решили сыграть в мяч его головой. Но Шбаланке сумел отвлечь их внимание, попросив кролика притвориться мячом. Сам он тем временем спас голову брата и снова перехитрил богов преисподней.

— Чем же закончилась эта история? — спросила Лора, нарушив краткую эффектную паузу, которой Балам Ахау прервал свой рассказ. Ей не терпелось выяснить, какое отношение имеет эта история к нынешней ситуации.

— Совершая свои подвиги, герои-близнецы накопили столько заслуг, что стали бессмертными. Они сами позволили, чтобы их принесли в жертву, а кости истолкли и бросили в реку. Однако позже они смогли возродиться и, выдав себя за чародеев, стали развлекать богов Шибальбы. Однажды во время представления им удалось уничтожить своих врагов, и, победив их, братья превратились в Солнце и Луну.

— Чудесная история! — воскликнула Лора. — Только я не понимаю, какое она имеет отношение к вам или ко мне. Вы говорили, что все мы можем пройти через такие же приключения и пережить такое же преобразование.

— Шибальба, ее боги и все порождения тьмы действительно существуют, но не в материальном мире. Обычное путешествие не сможет привести тебя в Шибальбу — попасть туда можно, лишь изменив сознание. Когда это случится, испытания, которые тебе придется пережить, могут быть абсолютно такими же реальными, как и те, через которые прошли герои-близнецы. В каком-то смысле рассказ о них похож на карту внутреннего странствия.

— Я представляю, как это может произойти, — сказала Лора, догадываясь, что Балам Ахау, наверное, говорит о состояниях, сопровождающихся галлюцинациями. — Но какое отношение к этому имеют близнецы?

— Подумай о близнецах как об олицетворениях двух сторон человеческого существа — смертной и бессмертной. Встреча со смертью, о которой я говорю, заставляет нас осознать, что мы не тождественны своему телу. Переживая свою смерть, мы понимаем, что наше истинное «я»

не умирает. Для нас становится очевидным, что это «я», наша космическая сущность, бессмертна и будет жить вечно. В моем рассказе две эти стороны символизируют Луна и Солнце. Луна символизирует ту нашу часть, которая рождается, растет, достигает расцвета, а потом увядает и умирает, — совсем как наше материальное тело.

— Понимаю, — проговорила Лора, — а Солнце похоже на нашу божественную часть — постоянную, неизменную и непреходящую».

— Совершенно верно, — согласился Балам Ахау, явно довольный понятливостью девушки. — Именно свет Солнца дает жизнь Луне, как наша внутренняя духовная сущность дает жизненную энергию нашему телу. Но все гораздо сложнее! Занимаясь *панче бэ*, ты обнаруживаешь, что события, закончившиеся в материальном мире, продолжают существовать в мире сознания. Есть миры, где память о прошлом по-прежнему жива, где события, происходившие давным-давно, продолжают происходить. Если ты побываешь в этих мирах, то сможешь пережить прошлое в настоящем. Так что, по сути, оба близнеца божественны и оба бессмертны.

Многое из того, что говорил Балам Ахау, не было для Лоры совершенно новым. Из римской мифологии она помнила историю о двух близнецах. Один из них, Кастор, был смертным, а другой, Поллукс, — бессмертным. Она знала, что в индуистской традиции каждый человек — не только индивидуальное воплощение — *джива* или *нама-рупа*, имя и форма, — но одновременно и вечная сущность, Атман-Брахман. Слышала она и о людях, которым довелось испытать переживания прошлой жизни, протекавшей в другие времена и в других странах. Но одной существенной детали все равно недоставало!

Лора решила попробовать добраться до сути.

— Балам Ахау, вы говорили об измененном сознании, о пребывании в Шибальбе, о поисках бессмертия и переживаниях из прошлой жизни, но ни слова не сказали о том, как это происходит. Что нужно сделать, чтобы этого достичь?

Внезапно Балам Ахау стал очень серьезным и даже торжественным:

— Чтобы проникнуть за внешнюю видимость вещей, можно использовать разные методы. Все они требуют отваги и решимости. Обычно их держат в тайне и открывают только при совершенно особых обстоятельствах. Но я вижу, что обстановка в мире очень серьезная — гора показывает нам, что времени остается мало. Очень важно, чтобы, это древнее знание успели получить как можно больше людей — пока не поздно. — Балам Ахау немного помолчал, а потом добавил: — Я вижу, Лора, что ты интересуешься искренне и всерьез. Это очень хорошо, потому что на тебя возложена важная задача. Прошлой ночью я увидел, как ты несешь эти знания своему народу.

Последняя фраза шамана привлекла внимание Лоры: сны Балама Ахау — дело нешуточное. Она вспомнила, что первая их встреча стала продолжением сна, который приснился им обоим. Может, и этот сон тоже пророческий? Вдруг ей и вправду уготована такая участь — донести тайные знания до своего народа?

— Слушай меня внимательно, Лора, — произнес Балам Ахау очень серьезно, что странно отличалось от его обычной шутливой манеры. — Скажи мне честно: тебя все еще привлекает *панче бэ*, или, может, ты передумала? Это непростой путь, но встреча с Хунабом-Ку может придать твоей жизни новый, глубокий смысл. К тому же очень важно чтобы ты открыла эту древнюю мудрость своему народу. Если ты не передумала, я сделаю все, чтобы помочь тебе в твоём поиске.

Скрестив ноги, Балам Ахау сидел на одеяле и смотрел на Лору, ожидая ее ответа.

Теперь Лора была совершенно уверена, что Балам Ахау собирается дать ей какие-то психоделические снадобья. В ее душе шла борьба между волнением, любопытством и старыми,

прочно укоренившимися принципами.

«Наверняка у Балама Ахау есть доступ к такой информации, которой я даже представить себе не могу, — размышляла девушка. — Ведь он так много знает о мире и о природе...» Взглянув в морщинистое лицо шамана, она встретилась с его глазами, в которых отражалось мерцающее пламя костра. Эти глаза излучали вековую мудрость и глубокую любовь к жизни и людям.

— Я верю вам, — твердо сказала Лора, продолжая смотреть в бездонные глаза Балама Ахау.

Лора думала о том, что заставило ее согласиться на этот прыжок в Великое Неведомое, скрытое за двумя загадочными словами — *панче бэ*. Несомненно, *панче бэ* — это прежде всего образ жизни самого Балама Ахау. Он владел чем-то таким, чего Лора жаждала больше всего на свете, хотя и не вполне представляла, что это такое.

Может, у вселенной есть некое духовное измерение, и Балам Ахау имеет к нему доступ? — спрашивала она себя. — Может, он действительно ощущает энергию Млечного Пути и встречается с Хунабом-Ку? А если это так, как узнать, что это не просто галлюцинации, которые рождаются в его мозгу, отравленном какими-то растительными ядами. Именно так сказал бы психиатр, но в глазах Балама Ахау девушка читала совсем другое.

Убедившись в том, что Лора настроена серьезно, старый шаман полез в мешок и достал маленькую затейливо украшенную чашу, сделанную из половины тыквы-горлянки. Закрыв глаза, Балам Ахау сначала прижал чашу к груди рядом с сердцем, потом поднял на уровень глаз и под конец вознес над головой. Прежде чем вручить чашу Лоре, он несколько минут говорил что-то нараспев на непонятном ей языке. Внутри оказалась горстка темных скрученных кусочков каких-то сушеных растений.

— Это *теонанакатль*, волшебные грибы, — плоть богов и их дар людям, — ласково произнес Балам Ахау, но голос его звучал торжественно. — Ешь их медленно и почтительно, Лора. Молись Хунабу-Ку и проси у него знания.

Девушка закрыла глаза и прошептала слова молитвы. Потом положила несколько кусочков сушеных грибов в рот и принялась жевать. Они сильно пахли землей и имели резкий, острый привкус, но в целом оказались лучше, чем ожидала Лора.

Балам Ахау запел, ритмично взмахивая трещоткой, которую тоже достал из мешка. Негромкие отголоски звуков — стрекот ночных насекомых, редкие голоса зверей, — которые доносились из леса и отражались от сводов пещеры, создавали отличный фон для его песни. Лора продолжала жевать и глотать грибы, пока в чаше не осталось ни единого кусочка. Потом она просто сидела с закрытыми глазами и слушала пение шамана.

Так она провела почти час — в безмолвной медитации, ощущая все больший покой и умиротворение. Все это время Балам Ахау пел не переставая. Теперь его напев приобрел почти магическое свойство. Временами казалось, что он вырывается за стены пещеры, поднимается высоко над горой и взмывает в ночное небо, словно пытаясь достать до звезд. Затем снова возвращается в пещеру и проникает вглубь, рождая отзвук в недрах земли.

Постепенно темнота перед закрытыми глазами Лоры становилась все светлее, и наконец взорвалась тысячами прекрасных орнаментов. Они сияли всеми цветами радуги, постоянно меняясь, словно драгоценные камни в изумительном калейдоскопе.

— Невероятно... — в глубоком изумлении прошептала Лора, погружаясь в неистовое кружение чувственных образов, напоминающих изысканные узоры восточных ковров или замысловатые украшения роскошных мавританских дворцов.

«Просто Альгамбра какая-то... мир султанов и гаремов... Тысяча и одна ночь... Шехерезада...» — проносилось в голове у Лоры. Тут ей стало интересно, как это выглядит на самом деле, и она открыла глаза.

В мерцающем свете костра вокруг нее запрыгали, заплясали разноцветные изображения животных, покрывающие стены пещеры. Казалось, они ожили, а промежутки между ними превратились в благоухающую тропическую растительность. Вскоре стены пещеры полностью

исчезли, и Лора очутилась на склоне горы, залитом ярким солнечным светом. Высоко над головой, резко выделяясь на темно-синем небе, вздымалась величавая вершина, увенчанная снеговой шапкой. Ручейки талой воды собирались в речки, которые торопливо сбегали с горы и водопадами низвергались в тропический лес.

Лора больше не была наблюдателем — она превратилась в цветы и травы, манящие насекомых своим сладким соком, и в насекомых, привлеченных его ароматом. Она ощущала в своем теле стремительный трепет крыльев колибри и ловкие движения обезьян, прыгающих с ветки на ветку. Вот нос ее вытянулся и превратился в рыло — теперь она муравьед, разгребаящий муравейник в поисках лакомых личинок. Девушке доводилось видеть немало живописных картин природы, но никогда еще она не переживала ничего похожего на этот мир. Принимая облики разных животных, она каждой клеточкой тела осознавала, что чувствуют молодые охотники, проходя обряд посвящения.

Сохранять сидячее положение становилось все труднее и неудобнее. Лора закуталась в одеяло и растянулась на земле. Она уже больше не была на горе — теперь перед ее глазами чередовались живописные картины природы из самых разных уголков планеты. Девушка видела террасы Анд, на которых росли всевозможные плоды, и у каждого была своя форма, свой цвет, вкус, запах. Она превращалась в китов и бабочек-данаид, резвящихся вдоль красивейшего побережья Биг-Сур*. Путешествуя по миру, словно на ковре-самолете, Лора восхищалась полями зрелой пшеницы и садами, отягощенными зрелыми плодами. Она восторгалась величием Гималаев и тихоокеанскими островами, которые, как алмазы, покоились на темно-синей водной глади.

«Как прекрасен наш мир!» — прошептала Лора и тут же осознала, что многое из увиденного — идеальные картины прошлого, то, что некогда существовало, но давно исчезло. В ее видениях киты водились в изобилии, а не были редкими одиночками, занесенными в «Красную книгу». Да и побережье Биг-Сур еще не было обезображено разливами нефти и мазута. Мир ее впечатлений не имел ничего общего с современной Америкой или Европой, где трудно найти хотя бы одно совершенно здоровое дерево.

Эти невеселые мысли о загрязнении мира, казалось, изменили содержание и направление ее видений. Теперь она ощущала себя младенцем в материнской утробе, но утроба эта была отравлена. От мерзкого ощущения во рту, напоминающего вкус прокисшего супа, к которому примешивался запах йода, ее замутило. Сознание захлестнула волна неясной угрозы и безумного страха. Боль, тошнота, чувство, будто она отравилась...

«Может, мне пытаются сказать, что мы превращаем планету в ядовитую утробу?» — вопрошала себя Лора. Затем в мозгу заметались пугающие мысли: «А вдруг Балам Ахау ошибся и дал мне какие-то поганки? Или просто грибы испортились от старости? Вдруг это опасно? Может, я умираю?»

Вместе с приступом тошноты возникли образы коварных, отвратительных демонов и ощущение, что на нее ополчились какие-то злые потусторонние силы. Из женского чрева Лора перенеслась в чрево Матери-Земли. Ощущение было темное, вязкое, гнетущее и зловещее — оно вызвало у девушки приступ клаустрофобии. Вокруг плясали фантастические обитатели загробного мира: боги смерти в образе скелетов, грозные дьявольские создания и причудливые, наводящие ужас животные. Может, это ад? Вдруг все пространство наводнила густая химическая вонь. Принюхавшись, Лора узнала противный запах бензина. Она поняла, что находится в недрах Земли, в огромной полости, содержащей месторождение нефти. Окружавшая ее густая черная масса, клубясь и вращаясь, принимала образ злобного великана.

«Это смерть, смерть для всех нас», — пробормотала Лора, стуча зубами от страха. Она чувствовала, что это нависшее над ней чудовище угрожает планете гибелью. Она ничуть не

сомневалась, что в материальном мире это злобное призрачное существо воплощается в виде нефти и токсичных химических продуктов. Хотя облик у великана был человеческий, он состоял из тысяч голографических картин, запечатлевших все те страдания и беды, которые принесли в мир нефть и продукты нефтехимии.

«Какая гадость», — прошептала Лора, и лицо ее приняло страдальческое выражение. Она видела выхлопные трубы миллионов машин и высокие заводские трубы, изрыгающие ядовитый дым и загрязняющие воздух, ощущала их зловоние. Перед ее глазами тянулись многокилометровые трубопроводы нефтеперерабатывающих комбинатов, наводняющие планету миллионами литров ядовитых жидкостей. Но Лора не была простым наблюдателем — она соприкасалась с дьявольским сознанием монстра, ощущала его решимость сеять смерть и уничтожение.

Она ощущала муки жертв этого страшного чудовища, подвергающихся воздействию продуктов нефтяной промышленности и химического загрязнения: людей и животных, умирающих от опухолей, вызванных канцерогенами, рыб, задыхающихся от недостатка кислорода в загрязненной воде рек и морей; людей, умирающих в газовых камерах; муравьев и тараканов, опрысканных ядами; мух, попавшихся в липкие ловушки; и многих других... А за всем этим маячила вполне правдоподобная картина конца света для всего живого на планете — смерти от промышленных загрязнений.

«Так вот откуда Балам Ахау черпает всю свою информацию! — внезапно осенило Лору. — Это дает куда больше знаний, чем все школы, где мне довелось учиться!»

Несмотря на острые душевные и физические муки, Лора смогла оценить яркие озарения, одно за другим возникавшие в ее сознании. Они исходили из самых разных сфер: от химии и геологии до биологии и психологии. Было много экскурсов в религию и мифологию, а также в экономику и политику. И вдруг пришло понимание! В природе все подчиняется определенным циклам: возникает, существует какое-то время, а потом умирает и распадается. Все проходит переработку и становится строительным материалом для новых видов живого. Это и есть высший закон творения!

В памяти у Лоры возникли страницы из школьного учебника, рассказывающие о происхождении нефти, и в голову пришла страшная мысль: «Нефть — минерал, образовавшийся из жира бесчисленных организмов, умерших за многие века. Это живая материя, избежавшая цикла смерть-рождение, которому подчиняется все живое. Но все смерти, не случившиеся за эры существования Земли, весь этот разрушительный потенциал, сохраняется в нефти, как бомба замедленного действия, терпеливо ждущая своего часа, чтобы взорваться в нашем мире! Какой ужас!

Дело не только в том, что промышленные выбросы портят воздух, воду и почву планеты, — осознала Лора. — Есть и зловещие побочные эффекты нефтяной индустрии и нефтяного бизнеса: политические интриги и мошенничество, разрушительные последствия алчности всех тех, кто хочет извлечь из этого астрономические прибыли.

Лоре не составило труда проследить цепочки этих исторических событий до их логического конца — грядущей мировой войны за иссякающие запасы нефти, которая стала для динозавра промышленной цивилизации необходимой потребностью. Ужаснувшись, она ощутила непоколебимую решимость сделать все, что в ее силах, лишь бы победить эту страшную напасть и защитить жизнь на планете.

«Единственный выход из этого тупика — коренной внутренней переворот и преображение, — прозвучало у нее в ушах громко и отчетливо. — Чтобы выжить, человечество должно подняться на новый уровень сознания!»

Найдя решение, Лора сразу вырвалась из сдавливающей ее темной массы на сияющий свет.

Теперь ее единственной реальностью было необъятное вихревое поле энергии — казалось, оно является предельно абстрактным выражением всего сущего. Яркостью оно превосходило мириады солнц и все же не принадлежало ни к одному из знакомых Лоре видов света. То было поле чистого сознания, разума и творческой энергии, выходящее за пределы любых противоположностей, конечное и бесконечное, божественное и демоническое, вызывающее ужас и восторг, созидательное и разрушительное, — обладающее всеми этими качествами и многими другими.

«Хунаб-Ку! — благоговейно прошептала Лора, вспомнив рассказ Балама Ахау. — Так значит, он и вправду существует!»

Было абсолютно невозможно противиться этой ошеломляющей силе и сохранять ощущение себя как отдельной личности. Лора позволила разделяющей их границе исчезнуть и слилась со всеобщим источником. Представление о времени утратило для нее всякий смысл.

Казалось, прошла целая вечность; энергия начала убывать, но все еще оставалась колоссальной. Теперь ощущение было такое, будто находишься на Солнце, в гуще термоядерных реакций. Постепенно в раскаленной солнечной массе стали вырисовываться призрачные прихотливые образы. Лора почувствовала, что ее индивидуальное сознание постепенно возвращается. «Возможно, действительно существует некто по имени Лора Паркер и планета Земля с огромными континентами и отдельными странами», — подумалось ей. Хотя сначала эта мысль была всего лишь слабой и мимолетной, постепенно Лора все больше убеждалась, что в конце концов вернется в материальный мир. Она вспомнила рассказ Балама Ахау о героях-близнецах. Для нее не составило особого труда вообразить, что она побывала в загробном мире и ее материальная составляющая умерла в играх с богами Шибальбы. Теперь Лора возвращалась на землю совершенно преображенной, как бессмертные близнецы, сами ставшие богами.

Вместе с приближением повседневной реальности пришло ощущение физиологических функций и потребностей организма. Мучительно напомнил о себе переполненный мочевой пузырь, и девушка усомнилась: сможет ли она сама справиться свою естественную потребность? Ведь было бы неловко просить о помощи. Она медленно открыла глаза и посмотрела на шамана. Он уже не пел, а неподвижно сидел, глядя на огонь. В пляшущих отсветах костра лицо его, казалось, утратило возраст, и он больше походил на какой-то мифологический персонаж, чем на человека. Лоре хотелось поговорить с ним, но она была не совсем готова к общению.

— Мне нужно в туалет, — немного виновато сказала она, нашаривая рукой фонарь. Это напомнило ей уроки в начальной школе, когда приходилось просить разрешение выйти из класса. И еще она понимала, что сказанное — не более чем привычный оборот речи, поскольку ясно, что на горе никакого туалета быть не может. — Я сейчас вернусь, — добавила она, выходя из пещеры, будто Балам Ахау нуждался в ее заверениях.

Гора была залита мягким светом полной луны, превратившей тропический лес в сказочное царство. Пройдя по тропинке метров тридцать, Лора нашла подходящее место, чтобы облегчиться. В тот миг, когда она, поднявшись, застегивала джинсы, из пустоты возник огромный светящийся диск с ярко освещенными круглыми окнами — словно материализовался из другого измерения. Девушка слышала истории об НЛО и людях, похищенных инопланетянами, но никогда не принимала их всерьез, считая современными сказками или галлюцинациями психов. Хотя она все еще ощущала действие грибов, было не просто отмахнуться от происходящего, объявив его бредовым порождением собственного мозга.

Висящий над ней объект был похож на инопланетный корабль. Он издавал странное жужжание, проникающее в уши и туманящее сознание. Еще миг — и вокруг нее сомкнулся конус холодного яркого света, вырвавшийся из днища корабля. Лора заметила, что ее со всех сторон окружают маленькие лысые создания. Темные миндалевидные глаза, запавшие ноздри и

крошечные рты делали их похожими на гигантских насекомых, продукт неудачного генетического эксперимента спятившего ученого. Движениями, механическими и согласованными, они тоже напоминали общественных насекомых.

Лора застыла от ужаса, ее словно парализовало — она не могла ни бежать, ни защищаться. Двое пришельцев схватили ее за руки и за ноги, а третий ввел ей в правую ноздрю металлическую трубку. Последним из того, что она запомнила, была тупая боль в области лобной пазухи.

Придя в себя, девушка увидела вдали освещенную луной фигуру Балама Ахау. Он стоял у входа в пещеру, рядом лежали расстеленные на земле одеяла.

— Здесь, в обществе звезд, должно быть совсем неплохо, — проговорил шаман, и в голосе его прозвучали любовь и нежность.

— Балам Ахау, вы не поверите, что со мной только что случилось! — выпалила Лора, чувствуя неловкость и смущение.

Ее история казалась слишком неправдоподобной, чтобы поделиться ею даже со старым шаманом, опытным специалистом в области сознания, который за свою долгую жизнь видел немало необычных переживаний. Тем не менее, после недолгих колебаний Лора решила рассказать о том, что с ней произошло.

Балам Ахау несколько не удивился.

— Это Небесный Народ, — сказал он таким обыденным и спокойным тоном, будто речь шла не о загадочных пришельцах из других измерений, а о родственниках, которые заглянули на огонек. — Они приходят из другого мира и порой навещают нас во время наших мистических переживаний или во сне. Мы им интересны, и они нас изучают. Не бойся, пришельцы не причинят тебе вреда.

Лора легла на одеяло и какое-то время ощущала, как ей недостает дружелюбного и теплого присутствия огня. Но вскоре девушку полностью поглотило зрелище раскинувшегося над ней небосвода, усеянного звездами. Казалось, небо живое, а звезды такие крупные и яркие, что между ними почти нет темного фона. Будто мириады глаз далеких божеств наблюдают ее возвращение на землю. Лора закрыла глаза и ушла в свой внутренний мир. Ее тело наполнили потоки золотистой энергии, взрывающиеся разноцветными шарами переливчатого сияния. Она ощущала покой, тепло, обновление.

В это время девушка услышала какой-то приглушенный звук, словно вся вселенная блаженно мурлычет, как огромная кошка. Лора погрузилась в глубокий транс или медитацию — спокойное, умиротворенное состояние где-то на полпути между сном и бодрствованием.

«Наверное, так должен чувствовать себя младенец в здоровой материнской утробе или у здоровой материнской груди», — подумала она. То было последнее, что запомнилось ей в этот памятный день.

Хрустальный череп

После долгого пребывания не то во сне, не то в глубоком трансе Лора медленно возвращалась к обычному состоянию сознания. Ее изумила мощь собственных переживаний и тех удивительных прозрений, которые они принесли. С трудом верилось, что горстка сушеных грибов могла вызвать такое глубокое преобразование всего ее существа. Она явно была уже не той Лорой, которая ушла из лагеря вчера утром. Ее ограниченные личностные и культурные рамки неизмеримо расширились. Она обнаружила скрытые, таинственные измерения реальности, о существовании которых даже не подозревала. Объем ее знаний о жизни неправдоподобно расширился и углубился. Теперь ей было ведомо сознание других людей и других видов, глубокое единение с Природой и понимание вселенских законов. Она побывала на небе и в аду, повстречала божественные и демонические создания. Существование Бога больше не было для нее вопросом веры или неверия — это был неоспоримый факт, который она пережила лично. В довершение всего девушка смутно помнила, что, кажется, встретилась с инопланетянами. Невозможно было испытать все это и вернуться к своему прежнему «я».

Лора понимала, что ей понадобится немало времени, чтобы переварить и усвоить события минувшей ночи. Однако в ее расширенное сознание стали вторгаться требования обычной повседневной реальности. Еще не чувствуя прочной связи с материальным миром и твердой почвы под ногами, Лора все же решила возвращаться в лагерь. Не предполагая, что с ней произойдет, она пообещала отцу непременно вернуться к обеду. В спешке девушка забыла аудио-видеопереговорник и не смогла сообщить отцу, что ее планы изменились. Он, наверное, волнуется, что она не вернулась в обещанный час. Как ни хотелось Лоре остаться, надо было идти. Неохотно и замедленно она поднялась, подошла к Баламу Ахау, опустилась перед ним на колени и пристально посмотрела ему в лицо. Глубокие морщины избороздили смуглое лицо шамана прихотливым узором, сделав его похожим на свежевспаханное поле. Большие глаза с расширенными зрачками излучали безграничную любовь и сострадание. Они походили на врата, открытые в бездонный космос, наполненный мириадами звезд. В их ласковом сиянии Лоре почудился яркий озорной блеск.

«Вылитый космический плут! — подумала Лора. — Должно быть, и сам отведал грибов». Она поняла, что в том невероятном мире, который только что открылся для нее, Балам Ахау чувствует себя очень покойно и уютно.

Хотя шаман выглядел древним как мир и, казалось, воплощал мудрость столетий, в нем была свежесть и невинность новорожденного. Лора припомнила случаи, когда ей приходилось наблюдать безмятежных младенцев, и осознала, что они похожи на крошечные копии старых тибетских лам. Девушка была уверена, что они владеют какой-то важной тайной природы и соприкасаются с загадкой бытия. Наверняка маленькие дети владеют чем-то совершенно особым и ценным, что присуще всем нам, когда мы приходим в этот мир.

«Как облака, что тянутся по небу, уходим мы от Бога, что домом нашим был», — вспомнила Лора свое любимое стихотворение Водсворта. — И дальше: «В младенчестве нас небо обнимает, а после мрак тюрьмы смыкается вокруг». Вырастая, мы утрачиваем это драгоценное «что-то». Видимо, Балам Ахау нашел его для себя и умеет помочь другим сделать то же самое. Лора чувствовала бесконечную благодарность и глубокую любовь к старому шаману. Что может сравниться с этим даром — помогать людям вспомнить, кто они в этом мире!

— Огромное тебе спасибо, Балам Ахау. Просто не верится... поразительно... невероятно... — шептала девушка, продолжая смотреть в глаза шаману.

Балам Ахау обнял ее.

— Я очень рад за тебя, Лора, — сказал он ласково и ободряюще. — Ты видела Хунаба-Ку и никогда не забудешь этой встречи. Теперь ты готова нести знание людям.

Неожиданно голос Балама Ахау зазвучал печально и очень серьезно.

— Наш мир катится в пропасть, — сказал шаман, и глаза его наполнились слезами. — Мы на пороге страшных событий, Лора. В мире проявится невообразимое зло, и многие люди погибнут. Если они будут, как и прежде, отвергать Хунаба-Ку и относиться к нему с пренебрежением, он явит свой ужасный лик. Необходимо срочно что-то делать... пока не поздно.

Несколько мгновений, которые Лора находилась в объятиях Балама Ахау, показались ей вечностью. Казалось, шамана окружает почти осязаемое энергетическое поле, несущее неопикуемый покой и силу. Для Лоры это ощущение было совершенно новым, и вместе с тем в нем присутствовал отголосок чего-то древнего, странно знакомого и успокаивающего. В присутствии Балама Ахау девушка чувствовала, что достигла конца невероятно долгого пути, добралась до цели. Это ее Дом. Нечто похожее она испытала в своем сан-францисском сне и несколько раз во время предыдущих встреч с Баламом Ахау, но никогда это чувство не было таким явным и сильным, как в это утро.

Медленно и очень неохотно девушка поднялась.

— Жаль, но пора возвращаться в лагерь. Отец будет волноваться, если я слишком задержусь. Еще раз спасибо, Балам Ахау, спасибо за все. *Аста пронто* — до скорого свидания.

Сложив ладони, Лора поклонилась старому шаману и двинулась в путь. Ей было трудно расставаться с ним. После этой ночи девушка вдруг осознала, почему ей так нравится смотреть в глаза Балама Ахау: они похожи на открытые окна, через которые можно уловить проблеск Хунаба-Ку.

Когда Лора спускалась с горы, у нее было такое чувство, будто ноги едва касаются земли. Казалось, она танцует по древним камням или летит через тропический лес огромной бабочкой. Никогда в жизни девушка не чувствовала себя такой свободной. Будто до этой ночи она жила в стеклянном цилиндре, умом понимая, что мир прекрасен, но никогда не бывая в нем. Теперь Лора впервые почувствовала себя частью человечества, ощутила тесную связь с другими людьми, с природой, со вселенной и с Создателем. Жизнь, все сущее на Земле и сознание — какое это чудо! Все вокруг стало новым, свежим, словно она видела мир глазами ребенка. То был не привычный материальный мир, а прекрасная таинственная игра, создание творческого космического разума, чье величие она даже не могла себе представить.

Все тело девушки пронизывали токи энергии, достигая мельчайших нервных окончаний и тончайших капилляров, наполняя каждую клеточку бодростью и восторгом. Все ее чувства утратили четкие границы и распахнулись навстречу миру. Казалось, звуки — жужжание насекомых, песни и крики лесных птиц, шум воды, сбегавшей с горы и низвергающейся водопадами, — не доносятся извне, а являются частью ее собственного существа. Краски буйного тропического леса, впечатляющие даже при самых обычных обстоятельствах, теперь сверкали так ярко и пронзительно, что слепили глаза. Аромат цветов был так силен и упоителен, что хотелось закрыть глаза и унести в манящие экзотические миры.

На последнем отрезке пути Лора решила пойти напрямик. Она сошла с древней мощеной дороги и свернула на узкую тропу, которая вела прямо к лагерю. Это была та самая тропинка из сна Лоры, что в первый раз привела ее к Баламу Ахау. Повторяя изгибы реки, она вилась через джунгли меж древних развалин, еще не раскопанных археологами и до поры скрытых под густым слоем растительности.

Проходя мимо большого водопада, где она впервые встретила Балама Ахау, Лора подумала,

что большой круг ее судьбы, похоже, вот-вот замкнется. Кажется, прошла целая жизнь с того дня, как она встретила с этим удивительным человеком. Лоре захотелось поклониться этому памятному месту. Она не могла сопротивляться притяжению глубокого озерца, милостиво принимающего хрустально чистые воды низвергающегося с горы водопада.

Лора бдительно осмотрелась и прислушалась. Убедившись, что вокруг никого нет, она скинула одежду и весело нырнула со скалы в озеро. Несколько минут она неподвижно лежала на спине, наслаждаясь освежающими объятиями прохладной стихии. Девушка всегда любила воду, но сегодня переживания были совершенно особыми. Помимо необычной остроты и приподнятости всех ощущений, она была переполнена эмоциями и, прежде всего, чувством огромной благодарности за то, что ей посчастливилось встретиться с первозданной, не испорченной человеком природой, которая осталась только в книгах да в детских воспоминаниях глубоких стариков.

Покоясь на воде с закрытыми глазами, Лора словно соприкасалась с древней первобытной памятью. «Вода — священная стихия, которую нужно беречь любой ценой, — думала она. — Океан — колыбель всего живого: ведь каждый из нас, начиная жизнь в материнском чреве, окружен плодными водами. Вода необходима для жизни, без нее всему живому придет конец!» Ей причиняли мучительную боль мысли о том, с какой невероятной слепотой и неведением люди загрязняют стихию, от которой они, как и все живые организмы, полностью зависят.

Лора думала о реках, в которых почти все живое полностью уничтожено промышленными отходами и лишь изредка можно встретить уцелевших рыб, еле живых, с уродливо выпученными глазами. Одна думала о планктоне и водорослях, уничтоженных химикатами и радиоактивными отходами, о рыбе, настолько загрязненной промышленными ядами, что есть ее опасно, о морских львах, дельфинах и китах, находящиеся на грани вымирания и занесенных в Красную книгу. Мысли перенесли ее на океанские побережья и пляжи: некогда бывшие излюбленными местами отдыха и развлечений, а теперь загаженные обширными разливами нефти и гниющими водорослями-мутантами, они являют собой плачевное зрелище. Нестерпимо больно было думать о трагедии человечества — движимое жадностью и амбициями, оно со слепой решимостью стаи леммингов стремится к массовому самоубийству и уничтожению других видов.

«И мы еще смеем называть себя гордым именем *хомо сапиенс*, — сокрушалась Лора. — Какая злая ирония!»

Прервав вереницу этих невеселых мыслей, она подплыла под струи водопада — туда, где масса падающей воды разбивала зеркальную гладь озерца. Тело ее перекатывалось в прохладной воде, подчиняясь рывкам и толчкам игривой стихии... И вдруг водопад стал казаться божественным живым созданием! Тяжелые струи воды, прикасаясь к телу девушки, превращались в сильные руки, сжимающие ее в страстных объятиях. Их пальцы нежно ласкали кожу, поглаживали, растирали.

«Именно такой должна быть любовь», — сказала себе Лора, блаженствуя в пенящихся струях, подставляя их волшебным прикосновениям каждый сантиметр тела.

Вдруг в мир ее грез вторглось эхо отрезвляющей реальности — девушка вспомнила, что обещала вернуться в лагерь до обеда. Было уже поздно, и, если она не появится в ближайшее время, отец подумает, что с ней что-то случилось. Лора выбралась из озера и несколько минут полежала на плоской скале, греясь в лучах утреннего солнца. Когда тело почти обсохло, она быстро оделась и снова зашагала по тропе, которая вилась через лес, петляя меж древних руин, окутанных плотной массой яркой тропической растительности.

Неожиданно она увидела на своем пути две колонны, охраняющие сводчатый вход в маленькое святилище. Казалось, все строение удерживает лишь прихотливая сеть переплетенных лиан и вьющихся зеленых плетей. Вокруг изысканно красивых цветов, украшавших постройку,

жуужа вились пчелы, грациозно порхали огромные бабочки. Насекомых явно привлекал пьянящий аромат и обещание сладкого нектара. Колонны были высечены в виде гигантских оперенных змей и когда-то наверняка являли собой замечательное произведение искусства. Головы змей с широко открытыми пастьями, из которых торчали ядовитые клыки, были базами колонн, а тела их вертикально вздымались к небу.

«Да ведь это Кецалькоатль, Оперенный Змей!» — прошептала Лора, узнав древнее божество, символизирующее смерть и возрождение, которому индейцы поклонялись в доколумбовы времена.

Святылище было всего в паре метров от тропинки, и Лора, решив рассмотреть его поближе, стала пробираться сквозь джунгли к развалинам. Она миновала арку, перекинутую меж двух змеиных тел, и вошла в святылище. Напротив входа на стене был рельеф, поврежденный сыростью и буйной тропической растительностью. Под ним наклонно лежала огромная плита — очевидно, разрушенный алтарь.

Вдруг глаза Лоры, которые теперь обладали повышенной чувствительностью, уловили необычно яркий луч красного цвета, напоминающий пучок лазера. Источник света скрывался под плитой, в густой путанице листьев. Такой луч можно увидеть в лаборатории, но никак не в тропическом лесу или в древних развалинах. В этом природном окружении он казался странным и неуместным.

Девушка подошла ближе и обеими руками раздвинула зелень, чтобы увидеть источник света. И тут же ее охватила волна ужаса, по спине пробежала дрожь. Под разрушенным алтарем, почти скрытый переплетением листьев, мха и травы, лежал светящийся предмет, похожий на человеческий череп. Зеленоватое флуоресцентное свечение и яркие красные лучи, исходящие из пустых глазниц, придавали черепу потусторонний вид.

Застыв в полусогнутом положении, Лора, как кролик на удава, заворожено смотрела в пустые глазницы черепа, не в силах двинуться, не в силах противиться его настойчивому притяжению. Прошло несколько минут, показавшихся ей вечностью, и вдруг из черепа вырвался мощный луч света и как молния ударил ее в лоб. Тело девушки неистово затряслось, все существо наводнили ошеломляющие чувства, для которых не было ни названия, ни определения. Их можно было с равным успехом назвать исступленным восторгом и безграничным ужасом.

Перед ней в сиянии лучистого золотого света, образующего переливчатые узоры, похожие на павлиньи перья, появилась прекрасная богиня — воплощение всех матерей мира и все лучших качеств материнского начала и материнства. Лора ощутила, как ее переполняют безграничная любовь и животворная энергия, которые, казалось, сочетают в себе архетипическую сущность молока и меда. В руках эта величавая богиня держала хрустальный череп — по-видимому, предмет, исполненный большого значения и духовной силы. Хотя не было сказано ни слова, Лора прекрасно поняла послание, которое было ей предназначено: мысли поступали прямо в мозг так точно и отчетливо, что речь не могла бы выразить их лучше.

— Твой мир в большой опасности, Лора, — так начиналось послание великой Богини-Матери. — Твой народ потерял связь со своим божественным началом, со своими истоками, со своей истинной природой. Погрязнув в алчности и властолюбии, ваши люди отвернулись от Духа и Любви. Они забыли Закон Циклов, которому подчиняется все живое. Ведь в космосе все рождается, проходит свой жизненный путь, а потом умирает. В конечном итоге, все возвращается туда, откуда возникло, и становится источником для новых видов жизни. Должно соблюдаться равновесие между тем, что создается, и тем, что разрушается, между тем, что рождается, и тем, что умирает.

Получая это послание, Лора стояла не шелохнувшись. После бесед с Баламом Ахау и прозрений прошедшей ночи услышанное не было для нее новостью, но оно звучало с такой

силой и убедительностью, что не оставляло никаких сомнений.

— Твой мир одержим идеей безграничного роста и расширения. Он жаждет исправлять природу и властвовать над ней. Он пытается отрицать смерть и бросает ей вызов. Это губительная стратегия, которая ставит под угрозу сохранение жизни. Ведь земля — мое тело, Лора. Ее грабят, лишают необходимых составляющих, душат ядовитыми отходами, которые она не в силах уничтожить и использовать для новой жизни. Это опасное нарушение природного порядка вещей, тяжкий недуг! Безрассудный и безудержный рост — это то, как ведет себя рак в теле человека. Он убивает организм, от которого целиком зависит, и таким образом уничтожает сам себя.

Девушка зачарованно стояла, впитывая это исполненное значимости послание, а оно тем временем становилось все определеннее. «Сохранение жизни — высший закон нашей планеты — прозвучала мысль, заполнившая все Лорино существо. — Нельзя допускать, чтобы в угоду материальной выгоде, политическим интересам и идеологическим догмам жизнь на земле подвергалась опасности. Человеческий род попал в такую зависимость от всего материального, что не способен это понять. Причина глобального кризиса — люди, то как они мыслят и поступают. Катастрофу невозможно предотвратить, вводя экономические, политические, дипломатические или военные запреты. Ведь они используют в первую очередь те же самые стратегии, которые создали этот кризис. Только одно может спасти человечество и планету — коренное изменение сознания».

В этот миг Мать Матерей наклонилась к Лоре и вложила череп в ее поднятые руки.

Потом послание продолжилось: «Мир вовлечен в гонку, у которой лишь два возможных исхода: уничтожение жизни, если человечество и впредь будет вести себя так, как многие века, или эволюция сознания, столь мощная, что ты даже не можешь себе ее представить. Если твой народ в поисках исцеления и преображения заглянет себе в душу, это может привести к эволюционному скачку, такому же огромному, как тот, что отделяет вас от приматов».

Лора знала, что все это правда. Благодаря *теонанакатлю* ей открылись корни глобального кризиса и природа опасного союза между современным человечеством и ископаемыми топливами. По мере того как невозобновляемые природные ресурсы растрачиваются и превращаются в ядовитые промышленные отходы, накопившаяся за многие эпохи смерть высвобождается в мир, грозя уничтожить все живое. Лора внезапно ощутила огромную потребность сделать что-нибудь для того, чтобы изменить опасный курс, избранный человечеством, и любой ценой спасти жизнь планеты.

Всем сердцем, каждой клеточкой тела она чувствовала правду и глубину послания Богини-Матери. Но девушке все еще было неясно, какова ее роль, что именно должна сделать она. Лора решила использовать эту уникальную возможность, чтобы получить совет и руководство к действию из столь надежного источника. Она понимала, что необязательно высказывать просьбу вслух. Существо, способное посылать телепатические сигналы, несомненно, может их принимать.

«Меня очень печалит то, что творится в мире, — мысленно обратилась она к богине. — Я искренне хочу помочь, но не знаю, как и с чего начать. Пожалуйста, подскажи мне, что я могу сделать?»

Божественная Мать кивнула и, указывая на череп, ответила ясно и недвусмысленно:

«Неси этот череп в свой мир, Лора. Это дар Бога, предков и мой. Он вестник смерти — не биологической смерти, а смерти ложного «я». Это смерть, несущая жизнь. Она поможет твоему народу родиться в мире Духа. Вот лекарство, в котором сейчас больше всего нуждается человечество».

Очнувшись от мистического транса, Лора увидела, что держит высоко над головой

хрустальный череп — словно выполняет какой-то магический ритуал! Это новое вторжение божественного и магического измерения в ее повседневную жизнь потрясло девушку до глубины души. У Лоры было такое ощущение, будто кто-то потянул ковер у нее из-под ног и она сейчас упадет. То, что с ней только что случилось, казалось ей продолжением сна, который она увидела, приехав сюда. Это пугало ее и в то же время завораживало и волновало.

«Что со мной творится? — удивлялась она. — Где проходят границы между обычным миром и фантастическим? Мои сны становятся явью, а предметы из повседневной жизни порождают фантастические видения».

Лора решила спуститься с небес на землю и переключила внимание с внутреннего мира на прекрасные окрестности. Крепко сжимая в руках череп, она зашагала к лагерю. Простирающееся вокруг море зелени очень успокаивало ум. Постепенно Лора восстановила душевное равновесие и начала смотреть в будущее, стараясь предугадать продолжение своих невероятных приключений.

Маленький зал, приютившийся в овальной выемке на окраине лагеря, служил оазисом, который обеспечивал комфорт и защищал от капризов тропического климата. Его тщательно изолированный купол надежно укрывал и от лучей нещадно палящего солнца, и от проливных дождей, часто бушующих в тропическом лесу. Большие окна и двери со стеклянными панелями давали круговой обзор потрясающих тропических пейзажей. Окна и двери закрывались герметично, что позволяло создавать микроклимат, независимый от природного окружения. Группа археологов собиралась здесь два раза в неделю, чтобы рассмотреть самые интересные находки, коллективно обсудить разнообразные вопросы и наметить планы дальнейших исследований.

В это утро погода стояла необычно мягкая, и окна зала были широко открыты. Гуляющий по лагерю теплый ветерок наполнял помещение свежим воздухом и ласково обвевал лица археологов, в этот ранний час собравшихся на совещание. Одни сидели в удобных креслах перед подвешенным к потолку большим экраном, другие, собравшись по два-три человека, оживленно беседовали. Остальные торопливо входили в зал, зная, что встреча вот-вот начнется.

Эд Паркер, как обычно, пришел одним из первых. Пока группа собиралась, он разглядывал то снимки близлежащих развалин, то большой макет древнего города, выставленный в зале. Это был результат тщательной реконструкции подлинных зданий древнего города и его общей планировки, которой предшествовали многие месяцы скрупулезных раскопок. Глаза Эда перебегали со слайдов на макет и обратно: он сравнивал руины величественных зданий и то, как выглядели эти постройки в воображении художника. У него захватывало дух, когда он представлял былое величие этого города, находившегося в зените славы.

Участок отвоеванных у джунглей развалин занимал почти восемь акров, и работа все еще была далека от завершения. Хорошо укрепленный город состоял из нескольких крутых пирамид, большого амфитеатра, площадки для игры в мяч, астрономической обсерватории и большой крепости, используемой, скорее всего, в религиозных целях. Было еще несколько второстепенных зданий, но пока не удалось найти ключи, которые позволили бы разгадать их первоначальные цели и функции. Подземное пространство города состояло из системы катакомб и арочных склепов, давших богатый урожай замечательных произведений искусства, — главным образом глиняных изделий, скульптуры и ювелирных украшений. Думая об этом, Эд невольно гордился последними находками своей команды.

По природе энергичный оптимист, Эд Паркер в пятьдесят с небольшим выглядел именно так, как большинство людей представляет себе ученых. Намечающуюся лысину окаймляла буйная седеющая шевелюра; усы и бородка, в которой кое-где проглядывали серебристые пряди, всегда, даже в суровых полевых условиях, были аккуратно подстрижены. Этот образ типичного ученого довершали сильные очки в толстой золотой оправе. Как в шутку заметил один из друзей Паркера, Эд походил на гибрид Альберта Эйнштейна и Зигмунда Фрейда.

Профессиональные успехи Эда вызывали как восхищение, так и зависть собратьев по профессии. К тридцати годам он сделал больше археологических открытий, чем большинство его коллег за целую жизнь тяжких трудов. Эд славился невероятной способностью находить археологические сокровища там, где никто не ожидал их встретить. Последняя находка не была исключением. А ведь место находилось на сотни миль к югу от того района, где, по предположениям археологов-традиционалистов, была распространена культура майя. Тем не менее, ему удалось обнаружить целый клад — руины и утварь, не тронутые охотниками за

сувенирами и разорителями могил.

Поскольку в работе Паркер использовал методы, доступные всем археологам, его успехи обычно приписывали невероятным «озарениям». Это определение было не совсем точным, хотя и содержало долю истины. У Эда был свой секрет, которым он не делился ни с кем из коллег, потому что имел на это вескую причину. Много лет назад он случайно набрел на труды вековой давности, принадлежащие Биллу Кауцу, сан-францисскому психологу, который проводил новаторские исследования в археологии, привлекая к ним талантливых экстрасенсов. Его работа была противоречивой даже для своего времени, и основная масса ученых, не принимавшая его всерьез, была настроена весьма скептически. А в последние несколько десятилетий отклонения от трезвого материализма стали считаться куда более предосудительными и опасными для научной карьеры, чем во времена Кауца.

Эд Паркер был достаточно честолобив, чтобы взять на вооружение любой метод, лишь бы он давал новые шансы на успех. К тому же, за годы брака с Изабель влияние философии Юнга значительно подорвало то жесткое материалистическое мировоззрение, которое сформировалось у него в процессе учебы. Таким образом, Эд был достаточно непредубежден, чтобы воспользоваться советом Кауца и прибегнуть к помощи парапсихологии. В конце концов, ему были известны случаи, когда экстрасенсы успешно помогали следователям раскрывать преступления и находить пропавших людей.

Друг Эда по колледжу, занимающийся парапсихологическими исследованиями, свел его с Ингмаром Гандером, необыкновенно одаренным экстрасенсом, который весьма убедительно проявил себя в лабораторных исследованиях таких явлений, как видение на расстоянии, психометрия, ясновидение и даже предвидение будущих событий и видение на дальние расстояния. Их встреча положила начало очень плодотворному сотрудничеству, длившемуся много лет. Удивительные данные, полученные Гандером во время сосредоточенной медитации, во многом способствовали успеху Паркера.

Не без сомнений и некоторых колебаний Эд Паркер вместе с Гандером поехал в Южную Америку, где, согласно видению, полученному экстрасенсом в состоянии медитации, находились руины города майя, затерянного в джунглях Колумбии. Во время долгого полета над морем джунглей Ингмар с абсолютной уверенностью руководил действиями пилота маленького самолета и точно указал место, где они сейчас проводили раскопки. Проверить первоначальную догадку не составило большого труда: с самолета провели тщательное колориметрическое исследование растительности, которое показало, что цвет флоры в этом месте немного отличается от цвета окружающих джунглей, то есть растительность в этом месте явно моложе, поскольку, в отличие от остального леса, начала развиваться после того, как город был покинут. Естественно, Паркер сделал все возможное, чтобы сохранить тайну своего археологического триумфа.

Когда группа собралась, Эд непринужденно поздоровался с членами своей команды и открыл совещание, выразив удовлетворение ходом исследований.

— Все идет прекрасно, — сказал он. — Мы здорово опережаем график раскопок. Что же касается *уака*, тут и вовсе нет никаких причин для недовольства. Словом *уака* индейцы Южной Америки, а за ними и археологи с антропологами называли находки, в частности керамику, относящиеся к доколумбовым временам.

Потом, указывая на коллекцию древних ваз, треножников и тарелок, аккуратно разложенных на большом столе под экраном, Эд с довольной улыбкой сказал:

— Как видите, у нас есть действительно выдающиеся находки!

У Эда Паркера были все причины радоваться: то были поистине замечательные образцы искусства древних майя. Керамические изделия прекрасно сохранились и почти все были

изумительно украшены изображениями, запечатлевшими фантастические сцены загробного мира майя.

— Давайте сосредоточим внимание на погребальной керамической утвари, которую мы здесь обнаружили, — продолжал Эд. — Это будет главной темой нашей сегодняшней встречи. Пару недель назад я попросил Мэта сделать предварительные компьютерные исследования по этой теме и сравнить наш материал с теми предметами, которые уже известны в мире. Наверное, с его сообщения лучше всего и начать нашу встречу.

Познания Мэтью Рэмси в компьютерной науке и технике были редкостными и выдающимися даже для человека его поколения, когда компьютеры, можно сказать, пришли на смену детским игрушкам. Выросший в атмосфере «силиконовой лихорадки», охватившей окрестности Сан-Франциско, он с молоком матери впитал дух и жаргон века информатики. Потомок первопроходцев, создавших одну из самых успешных компаний в компьютерном бизнесе, Мэт и сам сделал завидную карьеру в этой области. Поэтому он вполне мог себе позволить взять отпуск на несколько месяцев и посвятить его своим хобби. Одной из первых в этом списке стояла археология. Мэта очень интересовали древние культуры, и, услышав о раскопках Эда Паркера, он предложил археологической экспедиции свои бесплатные услуги.

Эд восхищался уникальным техническим дарованием Мэта и очень ценил его вклад в работу группы. Как и многие люди, имеющие выражено пикнический тип телосложения*, Мэт отличался добродушием, сердечностью и щедростью. Он всегда был готов помочь делом или советом. Круглолицый, с длинными, почти до плеч, волосами, Мэт выглядел гораздо моложе двадцати семи лет. Свой нынешний день рождения, который стремительно приближался, он собирался отпраздновать далеко от дома — в Колумбийских джунглях, вместе с друзьями-археологами.

Эд Паркер искренне любил Мэта и восхищался его жизнелюбием и энтузиазмом. Он относился к молодому человеку, скорее, как отец, нежели как начальник, и любил над ним подтрунивать. Вот и сейчас в качестве приглашения к разговору он использовал шутку:

— Ну что, Мэт, куда тебя умчал твой ковер-самолет? Чего хорошенького ты нам откопал?

— По вашей просьбе, Эд, я перелопатил все, что мог про погребальные вазы и тарелки, — начал Мэт свой утренний обзор, отвечая на шутку Эда. У него было хорошее чувство юмора, и маленькие словесные поединки с Эдом доставляли ему удовольствие. — Как вам известно, прошлые находки очень многочисленны. Они были тщательно изучены и проанализированы, особенно после шестидесятих годов двадцатого века, когда взломали код иероглифов, которыми пользовались майя. На большинстве наших ваз изображены сложные сцены из жизни загробного мира, как его представляли майя, выполненные в стиле классического периода. Богатство их загробного пантеона просто потрясает, особенно хтонический зверинец!

— А есть какие-нибудь новые темы или образы, еще не описанные в литературе? — спросил Эд, внимательно слушая сообщение Мэта. — Если учесть, что эти места лежали на дальней окраине империи майя, можно было бы ожидать значительных отступлений от обычного стиля.

— Ничего такого обнаружить не удалось, — с видимой неохотой ответил Мэт, сожалея, что не может сообщить ни о каких сенсационных открытиях. — Мне удалось сравнить изображения на вазах, которые нашли мы, и на известных предметах, а также просмотреть литературу по этому вопросу. В большинстве случаев это вариации на старые темы — небольшие изменения хорошо известных персонажей и мотивов. Все те же боги и богини подземного царства со свитой, самые разнообразные божества смерти, герои-близнецы, дворцовые церемонии, сцены жертвоприношения, войны, охоты, ритуальные игры в мяч и прочее в том же духе.

— Так ты не нашел никаких особенностей, присущих только нашим находкам, —

продолжал расспрашивать Эд, — ничего такого, что отличало бы их от предыдущих?

— Если говорить о стиле и содержании, то нет. Можно разве что отметить удивительное обилие сцен возрождения: юные боги, рождающиеся из водяных лилий, из раковин, из треснувших черепов, из разваливающихся панцирей черепах, цари, в победном танце появляющиеся из нижнего мира, и прочие подобные темы. А на большинстве ритуальных ваз, тарелок и треножников, найденных в других местах, мы видим преобладание фантастических персонажей, занятых в сценах испытаний, пыток и жертвоприношений в загробном мире. Как известно, сцены возрождения на них относительно редки.

— А животные? Может, хоть здесь есть что-нибудь новенькое? — снова перебил его Эд, причем вид у него был удивленный и несколько разочарованный. Обилие раскопанных предметов и их качество превзошли все его надежды и ожидания. И все же он рассчитывал обнаружить какие-то новые ключи к пониманию культуры майя.

«Нет, все тот же обычный зверинец загробного мира: многочисленные ягуары и их детеныши, собаки, паукообразные обезьяны, летучие мыши, кролики, грифы, совы-сипухи, змеи, черепахи, жабы, рыбы, светлячки и скорпионы. Некоторые украшены ритуальными повязками — знаками жертвоприношения и держат тройные чаши, указывающие на их принадлежность к нижнему миру. В этих чашах мы, как обычно, видим глазное яблоко, кость и отрубленную руку. И, конечно, много причудливых мифологических созданий, таких как бородатый дракон, дракониха, чудовища — Кауак и Уиналь.

— Трудно поверить, что майя, жившие в таком отдалении от истоков своей культуры, не создали собственного стиля, — недоумевал Эд. — Если, конечно, мы не наблюдаем результата массового исхода, который мог бы объяснить внезапное исчезновение майя с полуострова Юкатан. Необходимо тщательно датировать все наши находки и попытаться восстановить историю этого города.

В этот момент в разговор вступил Майкл Кроуфорд, стройный красивый мужчина лет тридцати. Длинные волосы, темные и вьющиеся, и орлиный нос делали его похожим скорее на актера, чем на археолога. В список его хобби входили мифология и сравнительное религиоведение. Он был просто ходячей энциклопедией, особенно там, где дело касалось тайных культов средиземноморского региона, его излюбленной темы.

— Пусть даже все найденные раньше предметы майя очень подробно описаны и классифицированы, — сказал он, — но никто так толком и не понял, что они означают. Здесь наверняка есть над чем поработать. Если тщательно изучить наши находки, это может дать ключ к истолкованию их символики. Настоящее положение дел явно оставляет желать лучшего.

Пальцы Мэта забегали по клавиатуре компьютера — так выглядит пианист-виртуоз, исполняющий сонату Скрябина, — и он произнес несколько команд.

— На мой взгляд, я нашел кое-что интересное, — произнес он, глядя на экран, заполненный текстами из архивов археологических исследований периода до испанского завоевания. — Послушайте, как майя относились к смерти!

Он начал читать:

— Жизни майя сопутствовало острое осознание смерти. Малая продолжительность жизни, высокая детская смертность, войны и ритуалы жертвоприношений делали смерть постоянной реальностью повседневной жизни. У майя многие ритуалы и произведения искусства были посвящены процессу смерти — от вхождения души в загробный мир, который назывался Шибальба, до ее конечного возрождения и обожествления. В мифологии и погребальном искусстве майя смерть изображается как путешествие, трудности которого известны, — его важнейшие этапы запечатлены на гробницах, произведениях наскальной живописи, керамике, яшмовых табличках и других предметах, сопровождавших почившего во время великого

перехода.

Слушая долгую речь Мэта, Эд Паркер начал терять терпение:

— Мэт, мы не школьники и собрались здесь не слушать лекции по доколумбовой культуре, а заниматься серьезной научной работой.

Словно не расслышав реплики Эда, Мэт продолжал:

— К сожалению, от классического периода не сохранилось эсхатологических текстов, сравнимых с египетской или тибетской «Книгой мертвых», поскольку основная часть литературного наследия майя оказалась утрачена для потомков. До нас дошло лишь несколько старинных рукописей — складных «гармошек, богато украшенных цветными иллюстрациями. Выполненные из древесной коры, они сохранились в жарком и сыром климате Центральной Америки и пережили грабежи испанских завоевателей.

— Что ты этим хочешь сказать? Нельзя ли перейти прямо к сути? — вновь перебил Эд, не понимая, к чему клонит Мэт. При всей любви к Мэту его раздражала эта любительская лекция, адресованная группе археологов-профессионалов.

— Пожалуйста, дайте мне закончить! Еще минута, и вы поймете, что я имею в виду, — ответил Мэт, пролистывая текст на экране. — Однако в семидесятые годы двадцатого века майологам Лин Крокер и Майклу Коу удалось выделить группу сосудов, расписанных в стиле рукописей майя и, возможно, созданных теми же художниками. Кардиохирург и археолог Фрэнсис Робичек сумел собрать веские доказательства своей теории, утверждавшей, что определенная последовательность ваз этой «керамической рукописи» представляет собой майянскую «Книгу мертвых».

«Потрясающе», — пробормотал себе под нос Майкл, а вслух громко сказал:

— Есть много свидетельств тому, что древние книги мертвых не только описывают предполагаемые посмертные странствия души, но и передают состояния, переживаемые посвященными во время священных ритуалов-мистерий и углубленных духовных практик. Думаю, здесь мы имеем дело с чем-то подобным.

— Так ты предполагаешь, что это место могло служить чем-то вроде тайного центра посвящений? — вставил Эд. Последние реплики привлекли его внимание и развеяли брюзгливое настроение.

— Вполне вероятно, что здесь находился один из центров, где можно было пережить встречу со смертью — смерть прежде умирания, или некий психодуховный процесс смерти-возрождения, — продолжал развивать свою мысль Майкл, довольный тем, что его первоначальное предположение может оказаться плодотворным. — Так было в тайных культах средиземноморского региона: в Египте, Греции и Малой Азии. Эти таинства были чрезвычайно важны и популярны.

— Помнится, и Платон, и Аристотель были посвящены в эти таинства и отзывались о них с большим почтением и благоговением, — заметил Эд, чей интерес к беседе стремительно возрастал.

— И не только Платон и Аристотель, — продолжал Майкл. — Список участников — своеобразный справочник «Кто есть кто» античного периода. В него входят военачальник Алкид, драматурги Еврипид и Софокл, поэт Пиндар, философ Эпиктет, государственный деятель Цицерон и даже император Марк Аврелий. Только представьте себе: Элевсинские мистерии регулярно проводились в течение почти двух тысяч лет, с 1400 года до нашей эры до 400 нашей эры! Но и потом люди не просто утратили к ним интерес. Их жестоко пресек Теодосий, император-христианин, который издал указ, запрещающий участие в мистериях и всех прочих языческих культах.

— Это был ритуал для немногочисленных избранных или массовое действо? — спросил

Эд. — Не знаешь, сколько человек участвовало в мистериях?

— Конечно, знаю, — с готовностью ответил Майкл, — это и есть самое интересное. В *телестрионе*, главном зале Элевсинского святилища, одновременно испытывали те или иные яркие переживания тысячи три неофитов. Наверняка там было что-то захватывающее, если люди сохраняли интерес на протяжении двух тысячелетий.

— Ого! Это же наверняка оказало огромное воздействие на греческое общество, — поразился Мэт. — А ведь от ученых никогда не услышишь, насколько эти таинства повлияли на греческую культуру и цивилизацию. Историки просто подчеркивают, что древние греки были необычайно талантливый народ, породивший всевозможные замечательные идеи. Ну и, конечно, называют Грецию колыбелью европейской цивилизации, поскольку то, что там происходило, оказало большое влияние на остальную Европу. Должно быть, роль мистерий во всем этом — самая тщательно оберегаемая тайна всех времен и народов!

Волнение Эда росло с каждой минутой.

— Наверное, в ходе этих мистерий неофиты получали глубокие переживания встречи со смертью и новым рождением. Это якобы освобождало их от страха смерти и коренным образом меняло все мироощущение. И в нашей керамике смерть и возрождение — явно, ведущая тема. А может быть, здесь тоже проводились посвящения наподобие Элевсинских?

— Вполне вероятно, — согласился Мэт. — Но есть одна загвоздка: похоже, никто точно не знает, что происходило в таких местах. Сведения о методах и процедурах, которые использовались в этих таинствах, затерялись в веках.

— Это не совсем так, — возразил Майкл. — Ты ограничиваешь свои исследования официальными археологическими источниками — это они дают такую версию. Но есть убедительные факты, которые свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в некоторых из этих культов использовались психоделики, — Майкл повысил голос. — Во второй половине двадцатого века ученые — открывший ЛСД Альберт Хофман и миколог Гордон Уоссон, который привез магические грибы из Мексики в Европу, написали книгу об Элевсинских мистериях. Эти авторы пришли к выводу, что на самом деле кукеон, снадобье, которое в них применялось, — это препарат спорыньи, сходный с ЛСД. А еще они нашли кое-какие факты, что вина для вакханалий содержали сильнодействующие психоделические ингредиенты.

Тут в беседу вступил Мэт и снова взял инициативу в свои руки:

— Несомненно, майя владели какими-то весьма эффективными методами изменения сознания, и некоторые из них нашли отражение в предметах, которые мы обнаружили в здешних склепах. Несколько каменных изваяний божеств-грибов наводят на мысль, что здесь могли использовать психоделические грибы, а на некоторых вазах изображены странные потусторонние ритуалы, в которых участникам ставят клизмы из пейотля.

— Не забывай и о последствиях кровопускания, — напомнил ему Эд, явно наслаждаясь приливом энтузиазма, охватившего группу. — Ведь здесь повсюду встречаются изображения змея, который является в галлюцинациях, наступающих после кровопускания. Известно, что он символизирует видения, которые следовали после большой кровопотери, вызванной проколом языка или пениса шипом морского кота. Вполне возможно, что изображенные на вазах сцены загробного мира иллюстрируют не только представления майя о посмертных странствиях души, но и мистические переживания, вызванные психоделиками или избыточными кровопусканиями.

Сегодняшнее утреннее совещание очень воодушевило Эда. После вялого начала групповое обсуждение выявило новые важные ориентиры для будущих исследований.

— Давайте будем готовы непредвзято отнестись к любым фактам, подтверждающим, что это место могло быть центром проведения каких-то инициаций, своеобразных мистерий Шибальбы, — подвел он итог дискуссии. — Так или иначе, ключ к разгадке в том, какие

верования и ритуалы были связаны у майя со смертью...

— Господи! — громкий возглас Майкла нарушил спокойный ход совещания. — Вы только посмотрите!

Взгляды всех присутствующих мгновенно устремились на него, а потом в ту сторону, куда он показывал. Майкл с изумлением на лице глядел в сторону горы. Там, спускаясь с обращенного к лагерю склона, шла Лора, залитая сиянием солнечных лучей. Свет падал на нее под таким углом, что ее изящная высокая фигура была окружена светящимся ореолом. Ветер играл ее волосами, и тысячи крошечных солнечных бликов создавали вокруг ее головы сверкающий радужный нимб.

Казалось, хрустальный череп, который она держит в руках, собирает и усиливает солнечный свет. Его сияние было таким сильным, что вызывало благоговейный трепет и почти ослепляло. В этом внезапном появлении Лоры было нечто загадочное и сверхъестественное — словно богиня явилась из другого измерения. И странное совпадение — ведь череп возник как раз в тот миг, когда Эд упомянул о смерти! — только усилило жутковатое ощущение от этой сцены.

Первое потрясение вскоре сменилось острым любопытством. Лора вошла в центр круга и положила череп на стол. Ее мгновенно окружили заинтригованные члены группы, которым не терпелось разглядеть таинственный предмет и узнать, откуда он взялся. Погребальные вазы и мистерии Шибальбы были почти забыты.

— Где ты его взяла? — спросил Эд, предполагая, что Лоре каким-то образом удалось заполучить череп у Балама Ахау или у жителей деревни.

— Нашла в джунглях, в развалинах, когда возвращалась из деревни, — сказала Лора, понимая, что в ее слова трудно поверить.

Эд не стал расспрашивать ее дальше, думая, что у Лоры, должно быть, есть своя причина умолчать об условиях сделки с индейцами. Он решил, что узнает всю правду позже, когда они останутся вдвоем.

Загадочный предмет заслуживал пристального и тщательного изучения, особенно если учесть, что вокруг были профессионалы. Однако они ограничились беглыми взглядами, брошенными почти украдкой. Казалось, все отворачиваются от черепа как от нестерпимо сильного источника слепящего света. Было в нем что-то жуткое, отчего смотреть на него было неприятно и даже страшно.

Под предлогом позднего часа и ожидающего всех обеда Эд резко свернул собрание. Он повернулся к Лоре и крепко обнял ее, гордясь тем вкладом, который она внесла в трофеи экспедиции.

— Просто потрясающе, Лора! Ты преподнесла мне настоящий сюрприз. Если окажется, что череп подлинный, то это находка века! — Затем, обращаясь ко всей группе, он добавил: — Всем спасибо! Наша сегодняшняя встреча была очень плодотворной. А теперь пойдемте перекусим. Уже поздно — еще немного, и обед окончательно остынет.

Плодотворная сиеста

Несмотря на то что Эд не настаивал на продолжении совещания, сразу после обеда все как один вернулись в зал. Интерес к Лориной находке перевесил привычку к послеобеденной сиесте, благо мощная система кондиционирования, установленная под куполом, помогала сделать эту жертву не столь мучительной.

— Сегодня стоило бы рассмотреть Лорино приобретение в более широком контексте и постараться сопоставить его с другими нашими находками, — начал Эд второй раунд совещания. Как вы знаете, в музеях мира собрано много скульптурных черепов, в том числе и вырезанных из горного хрусталя. Но лишь очень немногие так же велики, а столь красивых просто не существует. Несомненно, перед нами редчайший, совершенно необыкновенный экземпляр. Мэт, можешь дать нам какую-нибудь общую информацию по этой теме?

— Компьютер, найди-ка нам произведения доиспанского периода, конкретный объект поиска — «хрустальные черепа». Пройдись по всей сети и дай краткий обзор — звук и изображение! — доверительно обратился Мэт к машине, словно разговаривал с другом. У тех, кто видел, как Мэт работает с компьютерами, возникало впечатление, что молодой человек относится к ним как одушевленными собратьям из царства силиконового разума.

— Готово! — гордо возвестил Мэт, явно довольный скоростью, с которой компьютер сумел найти нужную информацию.

«Человеческие черепа — очень популярная тема в искусстве доиспанского периода, — начался иллюстрированный комментарий. — Многие относятся еще к доисторическим временам. Эти образцы, размером от одного дюйма до семи, изготовлены из горного хрусталя. Качество материала и мастерство исполнения характерны для древних камнерезов. Есть сотни экземпляров, относящихся к более позднему времени, — их размеры от шарика для пинг-понга до натуральной величины. Они выполнены из разных материалов: серебра, золота, бронзы, обсидиана, оникса, малахита, лазурита, бирюзы, рубина, сапфира, топаза и горного хрусталя».

— Здесь слишком много информации, нам не хватит времени, чтобы все просмотреть. Я выберу для вас самую суть, — предложил Мэт. Он дал компьютеру команду убрать звук и включить ручной просмотр. Глаза его быстро скользили по экрану, выхватывая нужную информацию. — Эврика! — воскликнул он наконец. — Вот конкретные сведения о черепах, изготовленных из кварца — бесцветного, розового, или аметиста.

Найдя то, что искал, Мэт включил голографические архивы компьютера. Компьютер выдал множество трехмерных изображений черепов всевозможных размеров, форм и цветов. Каждый из предметов, повисев в воздухе несколько секунд, исчезал. Когда этот необычный просмотр завершился, Мэт немного помолчал, а потом громко объявил:

— Есть два хрустальных черепа, которые представляют для нас особый интерес: они, как и найденный Лорой, являются точными копиями настоящего черепа в натуральную величину. Я покажу их вам одновременно, чтобы вы могли сравнить.

Когда к находке Лоры присоединились голограммы обоих черепов, найденных в предыдущие века, вид трех этих магических предметов явил настолько сильное и ошеломляющее зрелище, что вынести его было нелегко. Все присутствующие, кроме Лоры, мельком глянув на черепа, продолжали слушать рассказ Мэта, отвернувшись или закрыв глаза.

— Первый из этих черепов, считающийся черепом ацтека или миштека, найден в Мексике в 1889 году. Он был вывезен из страны офицером армии Максимилиана перед французской оккупацией. Сработан этот череп довольно грубо и сейчас находится в Лондоне, в

этнографическом отделе Британского музея.

— А второй? — нетерпеливо перебила Лора. Девушку одолевало все более сильное волнение, и она не могла дожидаться, пока Мэт закончит обзора.

— Второй череп — поистине легендарный предмет, да и история у него захватывающая, — продолжал Мэт. — Он известен как череп Митчеллов-Хеджесов и назван так в честь известного ученого Фредерика Митчелла-Хеджеса и его приемной дочери Анны Легюйон Митчелл-Хеджес. Он был найден при загадочных обстоятельствах в 1927 году во время раскопок древнего города Лубаантун в джунглях британского Гондураса. Произошло это в день рождения Анны, когда ей исполнилось 17 лет.

— Да-да, я читала об этом, — сказала Таня, которая слушала рассказ Мэта, стараясь не пропустить ни единого слова. Таня, жена Майкла Кроуфорда, была родом из России. Она привлекла его умом и красотой. Ее полная, пропорционально сложенная фигура, льняные волосы, заплетенные в длинную косу, манера одеваться создавали впечатление свежей естественности, которую Майкл встречал у туземных женщин и находил очень притягательной. Таня была страстным археологом и к тому же интересовалась шаманизмом — саами, народов Сибири и японских айнов. Череп из горного хрусталя, символ смерти, имел много общего с шаманскими символами и потому вызвал у нее особый интерес. Чета Кроуфордов была для группы археологов настоящей находкой.

— Митчелл Хеджес, эксцентричный англичанин, был любителем острых ощущений и приключений, — начала свой рассказ Таня. — Он был охвачен «адреналиновой лихорадкой», которая часто увлекала его от нищеты к богатству и обратно, что не мешало ему наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях. Хеджес путешествовал по всему свету, несколько раз сколачивал состояние и снова терял его. В Канаде он встретил Анну, десятилетнюю сироту, которая жила тогда в Китченере, штат Онтарио, и удочерил ее. Он был одержим мечтой найти исчезнувший древний город атлантов, который, по его предположению, некогда находился в районе Бэйских островов у побережья Гондураса. Поиски Атлантиды привели Хеджеса в Южную Америку, где он услышал о древнем городе, затерянном в джунглях Британского Гондураса. Так он в конце концов попал в Лубаантун — Город Упавших Камней.

— Мне очень не хочется прерывать эту захватывающую историю, — извиняющимся тоном, тем не менее, твердо произнес Эд, явно давая понять, что совещание подходит к концу. — Но нам пора возвращаться к работе. Мэт, посмотри, что еще можно отыскать в компьютерных архивах о хрустальных черепах и обо всем, что имеет к ним отношение. А наш череп сначала отдадим Крису для подробного описания и измерения. Увидимся снова, когда у нас появятся новые данные.

Потустороннее внутри нас

Вскоре после того как солнце зашло за горизонт, вечерние сумерки принесли с собой освежающую прохладу. Выключив компьютер, Мэт зашагал через лагерь. Ему не терпелось узнать, что выяснил о черепае Крис, и сравнить его данные со сведениями о черепахе доколумбовой эпохи, полученных от компьютера. Прежде чем зайти в палатку Криса, Мэт остановился полюбоваться потрясающей панорамой закатного неба. В последних лучах солнца венчающие гору нагромождения величавых облаков сияли мириадами цветов, а снежная шапка на вершине полыхала огнем.

На целый день погрузившись в историю черепа Митчеллов-Хеджесов, Мэт ощущал близость первозданного мира богов и древних мифов. Глядя на вершину горы, освещенную заходящим солнцем, он невольно подумал о последней поездке на Байройтский фестиваль, где ему довелось услышать вагнеровскую «Песнь о Нибелунгах». Гора, залитая ослепительно-красным сиянием, напомнила ему последний акт «Валькирии», когда Вотан погружает Брунгильду в сон на вершине горы, а потом окружает морем волшебного огня, чтобы защитить от всех героев, менее прославленных и отважных, чем Зигфрид.

Мэт был большим любителем вагнеровских опер. Он был готов выложить на черном рынке сотни долларов за билет, лишь бы попасть на изумительную феерию, ежегодно разыгрывавшуюся на сцене байройтского концертного зала. Особенно его покорило то искусство, с которым Вагнер сплетал богатую ткань лейтмотивов, раскрывающих те стороны сюжета, которые не нашли отражения в либретто. Эта работа с лейтмотивами напоминала Мэту игру фракталов, разнообразных и сложных геометрических узоров, которые он любил создавать, вводя в компьютер нелинейные уравнения. Он обожал мир фракталов и часто мог часами наблюдать, как те же узоры снова и снова возвращаются в разных масштабах с бесконечными вариациями.

Мэту пришлось трижды попросить у Криса разрешения войти в палатку, прежде чем тот откликнулся. Крис с головой ушел в изучение лежащего перед ним на столе черепа, подсвеченного снизу направленным электрическим лучом. Красное мерцание пустых глазниц создавало резкий контраст с зеленоватым флуоресцентным свечением самого черепа. Эта картина напоминала фантазии Эдгара По, Амбруаза Бирса или Говарда Лавкрафта.

Мэт и Крис ладили на удивление хорошо, несмотря на то, что были абсолютно разными людьми — и по происхождению, и по воспитанию. Родители Мэта, интеллектуалы и либералы до мозга костей, питали стойкое отвращением к малейшим ограничениям свободы: политической, экономической, личной, научной или сексуальной. Его отец и дед принадлежали к группе мятежных творцов, возглавивших компьютерную революцию, которая в последнюю четверть двадцатого века охватила все западное побережье США. Ошеломляющий экономический успех их новаторских работ позволил Мэту жить вполне обеспеченно, совершенно не заботясь о деньгах.

Крис Бэрни вырос в южной глубинке, в набожной и богобоязненной семье со скромным достатком. Его близкие много говорили о Боге, но были скупы на проявления ласки и сострадания. В детстве и юности Криса насильно пичкали самым пресным варевом из меню высоконравственных ханжей, составляющих основное население библейского пояса*. В результате он вырос очень замкнутым и застенчивым и постоянно терзался чувствами острого стыда и вины. Неумение общаться с женщинами и совладать с зовом плоти были его главными проблемами, которые граничили с одержимостью и отнимали много сил и времени.

Трудное детство и отрочество наложили глубокий отпечаток на его внешность и манеру поведения. Худой и длинный, он всегда сутулился, будто обремененный ношей вины и стыда, взваленной на его плечи святошами-родителями. Глубоко посаженные печальные глаза на бледном лице, казалось, просили у мира прощения за то, что он живет на земле. Крис ненавидел жестокого кровожадного Бога Старого Завета, как, впрочем, и Бога Нового Завета, которого считал виновником всех страданий, выпавших на долю его последователей за всю историю человечества.

Мэт застал Криса в состоянии непонятного возбуждения и восторга. Пришлось подождать, пока он придет в себя и обретет способность к общению.

— Не могу поверить в то, что обнаружил, — выпалил Крис вместо приветствия. — Эта идеально выполненная копия черепа в натуральную величину, высеченная из цельного куска кварца, весит почти пятьсот граммов. Она вырезана без всякого учета осей кристаллической структуры и чрезвычайной хрупкости материала. Я тщательно рассмотрел поверхность черепа в бинокулярный микроскоп и не нашел никаких следов, которые свидетельствовали бы о применении инструментов, характерных для железного века. Мне не удалось определить, как сделан этот череп и вообще как его можно было сделать. Внутри кварц довольно неоднороден, видны множественные пороки: примеси, прожилки, пузырьки и даже мелкие полости, заполненные водой. Просто чудо, что череп тысячу раз не треснул и что ни один из дефектов структуры не вылез на поверхность, — она совершенно гладкая!

— Я нашел интересную статью о черепе Митчеллов-Хеджесов, — сказал Мэт. — Ее написал Фрэнсис Дорланд, известный на всю страну реставратор и консерватор произведений искусства, который долгое время занимался черепами. Он тоже был поражен, изучая этот череп. Часть его статьи — подробный отчет об исследованиях, проведенных в Хьюлет-Пэкардовской кристаллофизической лаборатории в Санта-Кларе, Калифорния. Ученые пришли к выводу, что ни одна из известных современных технологий не способна выполнить такую задачу — создать точную копию человеческого черепа из цельного куска кварца. Они даже отказались от полумиллиона долларов, которые Дорланд предложил тому, кто выполнит копию хрустального черепа.

— И я их прекрасно понимаю, — заметил Крис. — Горный хрусталь — исключительно твердый материал. Его прочность — семь единиц по десятибалльной шкале Мооса, всего на три меньше, чем у алмаза; нож не оставляет на нем царапин. Ума не приложу, что за технологию использовали эти ребята. У Дорланда есть какие-нибудь предположения на этот счет?

— Да, я могу почти дословно пересказать, что он думал по этому поводу. Пару часов назад я прочел об этом в своих файлах. Он понимал, что любой резец обязательно оставил бы на поверхности следы и наверняка вызвал растрескивание камня. У майя не было ни карборунда, ни шлифовального круга. На то чтобы выполнить такую работу вручную, используя песок и воду, ушел бы не один век. Хрусталь можно расплавить при высоких температурах, например, ацетиленовой горелкой, но маловероятно, чтобы здесь использовался такой метод. Высказывались предположения, что майя могли применять какую-то пасту, изготовленную по тайному рецепту, который сохранился с древних времен.

— Паста с таинственными ингредиентами? — недоверчиво спросил Крис. — У тебя есть какие-нибудь сведения о ней?

— Никаких подробностей я не знаю. Высказывали предположения, что паста, должно быть, содержала сок какого-то редкого растения, который мог разъедать и размягчать камень. Я уже сказал, что рецепт считают тайным, и мне не удалось найти никаких ботанических данных, которые позволили бы идентифицировать растение.

— Что-то я не слышал ни о каком современном растении, которое могло бы разъедать

кварц, — усомнился Крис. — И что же нам все это дает?

— На этом все варианты, которые можно признать разумными, заканчиваются. Дорланд пришел к выводу, что проблема изготовления черепа не упирается в мастерство, время или терпение, — эта задача просто не выполнима и точка! Были, правда, совершенно дикие идеи: например, при отливке черепа использовалась энергия психокинеза, иными словами, процессы скорее психические, нежели материальные. Или какие-нибудь неведомые технологии, изобретенные учеными древней Атлантиды, а то и вообще внеземной цивилизацией.

— Но с этим черепом связаны еще кое-какие загадки, может быть, даже более поразительные, чем проблема его изготовления, — сказал Мэт. — Ты только послушай, Крис! Про череп Митчеллов-Хеджесов ходят слухи, будто он обладает непостижимой оккультной силой. Многие из тех, кто с ним соприкоснулся, считают, что он высечен в легендарной Атлантиде или в Древнем Египте, а может быть, в Вавилоне. Среди них был и Фрэнк Дорланд — он пришел к этому выводу после того, как исследовал череп больше пяти лет, отдавая ему все свободное время.

— А ты не нашел никаких фактов, которые говорили бы о том, как именно проявляются эти «оккультные силы»? — поинтересовался Крис.

— По-видимому, на некоторых людей череп оказывает непонятное и сильное влияние, — ответил Мэт. — Похоже, те, кто слишком долго его рассматривал, сосредоточиваясь на непрозрачных включениях и других дефектах внутренней структуры, впадал в транс и оцепенение или, наоборот, в странное возбуждение. У них бывали видения — развернутые сцены из истории или встречи с разными мифологическими существами. Обычно это сопровождалось сильнейшими эмоциями, от экстатического восторга до запредельного ужаса. Некоторые ощущали мощный поток энергии, который пронизывал тело, вызывая сильную дрожь и конвульсии. Кстати, несколько человек закончили жизнь в психушке. Иногда череп испускал яркое сияние, изменял свои размеры и даже перемещался. Люди, испытавшие на себе эти пугающие явления, прозвали его «Роковой Череп».

— Существуют ли какие-нибудь теории, объясняющие природу таких реакций? — поинтересовался Крис.

— Ничего серьезного, кроме выдумок в духе «Нью эйджа», когда для объяснений подобных реакций используют такие термины, как «воздействие на тонкое энергетическое тело», «активизация чакр», «пробуждение Кундалини, змеиной энергии». Дорланд тоже испытал много ошеломляющих переживаний, связанных с черепом. Например, как-то раз, когда череп находился у него дома, он слышал странные звуки, напоминающие песнопения и звон колоколов, видел летающие по воздуху предметы, как при действии полтергейста. Были у него и другие переживания, о которых он предпочитал не распространяться. В своих объяснениях Дорланд очень непоследователен. Порой он приписывал эти явления метафизическим силам, а порой пытался найти какие-то научные объяснения.

— Что конкретно он имел в виду? — спросил Крис. — Как выглядят эти его «научные объяснения»?

— Кристаллы важны не только в шаманских практиках, они широко применяются в современной науке и технике. Вспомни хотя бы о первой радиосвязи, о пьезоэлектрическом эффекте, об электронных осцилляторах и частотных эталонах времени, ну и, конечно же, о лазерах и голографии. Неподалеку от дома Дорланда была радиолокационная станция, и он предполагал, к примеру, что воздействие черепа на психику могло объясняться каким-то взаимодействием между электромагнитными волнами радара и кристаллами кварца, из которого изготовлен череп.

— Череп обладает действительно поразительными оптическими свойствами, так что нечто

подобное могло быть, — согласился Крис. — На меня произвели большое впечатление разнообразные световые явления, которые с ним связаны. Он — довольно точная копия настоящего человеческого черепа, только выполненная несколько стилизованно, так что содержит сложную систему линз, призм и отражающих поверхностей.

— Ну-ка покажи, как она действует! — попросил Мэт, который уже крепко увяз в паутине загадок, окружающих таинственный предмет, лежавший перед ним на столе.

— Вот, взгляни! Например, скуловые дуги лица действуют как световые трубки, вроде современных оптических волокон. Они проводят свет от основания черепа к глазным впадинам, где заканчиваются двумя миниатюрными линзами. Два выступа в основании черепа, которые опираются на первый шейный позвонок, имеют форму маленьких пирамид, собирающих свет внутри. И если сфокусировать луч света в одной точке в центре носовой полости, весь череп начинает светиться и вокруг него возникнет яркий ореол.

Пытаясь понять оптический принцип действия черепа, Мэт полностью сосредоточил внимание на его строении. Хорошо бы найти рациональное зерно хотя бы в одном свойстве этого загадочного предмета, если уж все остальные окутаны глубокой тайной! Вглядевшись в глубину кварца, он увидел сложнейшее переплетение сверкающих пузырьков и извивающихся прожилок, окруженное дымкой полупрозрачных облачков. Вдруг Мэт почувствовал головокружение и дурноту и больше не смог сохранять сосредоточение. Перед глазами заметался безумный хаос стремительно кружащихся вихрей, которые взрывались узорами, напоминающими фракталы.

— Что с тобой? — спросил Крис, заметив, как изменилось лицо Мэта. — Что ты там увидел? Он скрыл от Мэта, что для него исследование черепа — не просто научный опыт. Изучая череп, Крис несколько раз испытывал сильное искушение уступить его притяжению и позволить увлечь себя внутрь. Он слышал манящий напев, звучащий, как пение сирен, и начинал видеть загадочные мимолетные образы. Приходилось собирать всю волю в кулак, чтобы прийти в себя и продолжать работу. Крис собирался заняться этой стороной воздействия черепа позже, в свободное время.

— Может быть, череп фокусирует не только свет, но и другие виды энергии, — пробормотал Мэт. — Теперь понятно, почему шаманы и экстрасенсы придают такое значение созерцанию магического кристалла.

Первоначальный хаос аморфных узоров обрел форму, и Мэт вдруг увидел нутро огромного суперкомпьютера. Его структура не являлась продуктом механической микротехнологии — казалось, в ее основе лежит принцип организации молекул, а сложность цепей была просто невообразимой. Сосредоточение на разных участках мгновенно вызывало последовательности трехмерных образов, которые стремительно разворачивались во многих направлениях.

— Долговременная память практически без ограничений! Такой памяти хватит, чтобы хранить всю историю человечества... архивы природы... эволюцию космоса... — одобрительно и в то же время буднично бормотал Мэт, будто предлагая новый компьютерный продукт потенциальному клиенту.

— О чем это ты? — спросил Крис, сбитый с толку техническими терминами, которыми сыпал Мэт, и одновременно взволнованный тем, что у Мэта, как и у него самого, череп вызвал психологическую реакцию.

У самого Криса череп рождал видения исторического и мифологического содержания, которые не имели никакого отношения к компьютерной технике. «Наверное, характер переживаний зависит от личности и интересов человека, испытывающего на себе воздействие черепа», — подумал он.

— Один из экспертов, проводивший обширные эксперименты с черепом Митчеллов-

Хеджесов, высказал Дорланду предположение о том, что кристаллы могут функционировать как суперкомпьютеры с невероятным объемом памяти, — ответил Мэт, стараясь освободиться от магических чар черепа. — Я увидел, как можно осуществить что-то подобное. Компьютер такой мощности похож на модель разума без границ, поистине вселенского разума. Он словно мост к Абсолюту. Это поразительно, невероятно и... жутковато!

Крис чувствовал растущее беспокойство, будто чьи-то невидимые руки вырывали его из привычного рационального мира и увлекали в сумеречную зону метафизики. Необходимо было срочно сменить тему разговора, и он, отвернувшись от черепа, спросил:

— А что стало с черепом Митчеллов-Хеджесов? Об этом что-нибудь известно?

— Около шести лет он хранился в подвале маленького филиала Американского банка в Милл-Вэлли, старомодного пригорода Сан-Франциско. В это время Фрэнк Дорланд жил на Панорамном шоссе, живописной дороге, с которой открывался вид на Сан-Францисский залив, — она соединяет Милл-Вэлли с горой Тамалпэс и тихоокеанским побережьем. Все эти годы Дорланд упорно исследовал череп, пытаясь разгадать его тайну.

— И что же он с ним делал? — спросил Крис, надеясь позаимствовать кое-какие идеи для своих будущих исследований.

— Показывал сотням людей, от экстрасенсов, духовных учителей, психиатров и психологов до минералогов, кристаллографов, специалистов по электронике и инженеров. Он подвергал его всевозможным испытаниям в разных местах, в том числе и в Хьюлет-Пэкардовских лабораториях, — об этом я уже говорил. А еще проводил скрупулезные поиски в различных областях, которые могли иметь хоть какое-то отношение к кварцевым кристаллам и к черепу: исследовал религии и мифологии доиспанского периода, легенду об Атлантиде и шаманизм, НЛО и внеземной разум и еще многое другое.

— И чем все это закончилось? К какому выводу он пришел? — спросил Крис.

— Что нет никаких научных теорий, которые могли бы объяснить происхождение черепа и его воздействие на людей. Если только не расширить понятие «наука» далеко за пределы того, что принято подразумевать под ним сегодня. Думаю, все то, что Фрэнк Дорланд открыл, лично пережил и по разным случаям сказал, оставляет большой простор для толкований.

— Ты хочешь сказать, что у Дорланда вообще не было никакого мнения на этот счет, никаких предположений и гипотез?

— Он считал, что череп — творение какой-то развитой цивилизации, существ, обладающих мощным разумом и высшим интеллектом, — пожал плечами Мэт, возводя глаза к небу. — К тому же он явно полагал, что череп — это устройство, которое может устанавливать связь через пространство и время и даже с параллельными вселенными. Он подозревал, что создатели черепа могут наблюдать за нами через огромные глазницы и воздействовать на нас. Он только не был уверен, откуда идет это воздействие: с других планет, из других измерений или даже из других времен — из прошлого или, может, из будущего.

— Наверное, у него были не все дома, как ты думаешь? — неуверенно пошутил Крис, стараясь не принимать эту будоражащую историю всерьез.

— Это точно. Я не уверен, можно ли после опытов с черепом сохранить здоровье, рассудок и «научный» подход, — понимающе ответил Мэт. — У меня иногда бывает чувство, что единственная причина, позволяющая науке выглядеть такой трезвой и рассудительной, — это то, что она отгородилась от всех фактов, исходящих от парапсихологии, исследований сознания и других сходных областей. Наука просто отвергает и подавляет все, что грозит подорвать ее шаткие основы.

— Как средневековая инквизиция? — спросил Крис, вдруг почувствовав, что более широкий взгляд на вещи мог бы помочь ему отнестись к переживаниям, испытанным сегодня

при работе с черепом, как к чему-то менее безумному и более приемлемому.

— Вот-вот, только средства стали чуть более цивилизованными. Теперь не обвиняют в ереси, не пытаются, не сжигают на кострах, а просто подвергают общественному осуждению, ставят психиатрический диагноз и отправляют на принудительное лечение всякого, кто пережил нечто такое, что вызывает у ученых мужей беспокойство, — возмущенно посетовал Мэт. — Он невольно вспомнил близкого друга, который проводил необычные эксперименты и в результате попал в руки служителей традиционной психиатрии. Мэт не мог не винить их за то, что они сломали другу жизнь и довели его до самоубийства.

— В первой половине двадцатого века применяли электрошок, инсулиновую кому и лоботомию — процедуры, больше напоминающие методы инквизиции, — продолжал он. Потом пришло время фармакологического контроля над психикой, а сейчас это молекулярная биология, имплантированные чипы и электроды. А исследователей, пытающихся серьезно относиться к таким переживаниям и изучать их, обвиняют в легковёрности, недобросовестных исследованиях, мошенничестве, шарлатанстве или душевной болезни — все зависит от характера и степени отклонения от «официальной линии партии».

— Сдается мне, что, если мы продолжим изучение черепа, нужно быть готовыми к идеологическому давлению и постараться смотреть на вещи непредвзято, — закончил тему Крис. Ему не терпелось дослушать до конца историю черепа Митчеллов-Хеджесов. — Так ты выяснил, что произошло с черепом дальше и почему Дорланд прервал свои исследования, если уж он был так им увлечен? — спросил он.

— После смерти своего неродного отца Анна Легюйон Митчелл-Хеджес купила отель в Китченере, штат Онтарио, и стала его управляющей. Поступок не совсем обычный, если учесть, что она унаследовала баснословное состояние лорда Митчелла-Хеджеса, который был очень богатым британским аристократом. Это не был обычный мотель-забегаловка. В своем кабинете Анна держала несколько действительно уникальных произведений искусства, например серебряный кувшин, принадлежавший королю Людовику Баварскому, и большое зеркало, в которое некогда смотрелась королева Мария-Антуанетта.

— С чего это она вдруг заделалась хозяйкой гостиницы? — удивился Крис.

— Однажды Анна сказала, что делает это в память о том времени, когда ее нашел «отец». Когда Фрэнк удочерил Анну, она была бездомной и голодной сиротой. Теперь она хотела давать еду и кров другим людям, как некогда пригрел ее отец.

— Что ж, это может стать причиной для того, чтобы держать мотель! Значит, она действительно любила отца?

— Еще как любила! Большую часть свободного времени Анна предавалась воспоминаниям, перебирая сотни вырезок из газет разных стран мира, в которых говорилось о приключениях, которые выпали ей и удочерившему ее Фрэнку за долгие годы. Вот они отправляются в плавания в экзотические страны, охотятся на акул и тигров, живут у индейцев Южной Америки, раскапывают доиспанские поселения...

— Она жила в Китченере одна? Так никогда и не вышла замуж?

— Нет, никогда — наверное, слишком привязалась к своему отцу. Психоаналитики назвали бы это сильным комплексом Электры, — сказал Мэт. — Думаю, после того как она прожила столько лет бок о бок с таким необыкновенным человеком, ей было очень трудно найти мужа, которые оправдал бы ее ожидания. Так или иначе, в 1970 году Анна внезапно попросила Фрэнка Дорланда немедленно вернуть ей череп. Наверное, ее обеспокоили слухи о том, будто он опасен и способен причинить вред.

— Что-то вроде проклятия Тутанхамона? — подсказал Крис.

— Да нет, вряд ли то, что обеспокоило Анну, можно сравнить с проклятием Тутанхамона, —

рассмеялся Мэт. — После находки черепа лорд Митчелл-Хеджес прожил тридцать лет. И хоть жизнь его была полна опасностей, ему удалось благополучно пережить восемь пулевых ранений и три ножевых удара. Думаю, Анну больше волновало, что кто-то может использовать череп в дурных целях.

— А где сейчас череп Митчеллов-Хеджесов? — спросил Крис, желая поскорее закончить разговор.

— У Анны он оставался очень недолго. Никакой информации о том, что произошло в действительности, я не нашел. Вероятнее всего, Анна почувствовала на себе странное воздействие черепа и испугалась. Короче говоря, она попросила доктора Фредерика Докстедера, первейшего в мире знатока искусства американских индейцев, поместить этот череп в Музей американских индейцев в Нью-Йорке, где он и находится по сей день.

— Все это очень увлекательно, Мэт, — сказал Крис довольно сухо, давая приятелю понять, что пора закругляться. — Я бы слушал тебя до полуночи, но нужно работать дальше.

Перед приходом Мэта Крис как раз собирался подвергнуть череп еще одной, особой процедуре. В экспедиции одной из его обязанностей была голографическая съемка всех найденных при раскопках предметов. Этот метод обладал рядом преимуществ и стал обычным в археологических исследованиях. Он помогал сохранять всю нужную информацию о предмете в случае утраты или повреждения оригинала. К тому же голограммы можно было разослать по всему миру другим специалистам, чтобы они начали работу над проектом, прежде чем к ним поступит сам предмет.

Было у голограмм и еще одно полезное свойство. Они позволяли исследовать глубинную внутреннюю структуру предметов, изготовленных из полупрозрачных материалов. Хрустальный череп идеально подходил для этой цели. Утром Крис сделал несколько голограмм черепа в разных проекциях, с тем чтобы изучить каждый кубический сантиметр его нутра. Тщательно завернув череп в мягкую ткань, он положил его в специальный ящик. Потом сел за стол в центре палатки и поместил одну из голограмм перед лазерной лампой.

Когда Крис осветил голографическую пленку лазерным лучом, перед ним, свободно паря в воздухе, возникло трехмерное изображение черепа. Это была абсолютно точная копия оригинала в натуральную величину, на которой были видны все, даже самые мелкие детали. Совершенно нематериальный и не подчиняющийся ньютоновым законам, он, тем не менее, был практически неотличим от хрустального оригинала. И все же это было не что иное, как сложнейшая световая структура, монохроматическая и когерентная, — именно так языком техники можно определить лазерное изображение.

Крис навел объективы своего бинокулярного микроскопа на голографическое изображение и сфокусировал его на точке рядом с центром. Лицо его осветилось улыбкой, когда он обнаружил, что удастся различить и исследовать все мельчайшие особенности глубинной структуры, точно сохраненные голограммой. Последовательно изучая один кубический сантиметр за другим, Крис вдруг заметил в сложной кристаллической структуре странное движение. Казалось, неорганическая материя оживает, стремительно разжижаясь и образуя замкнутый вихрь. Он вращался с огромной скоростью, неуклонно убыстряя движение и с каждой секундой увеличиваясь в размерах.

Скоро вся палатка стала вращаться, как огромная центрифуга. Крис попытался оторваться от микроскопа и сбросить пугающее наваждение, но тело словно парализовало, а глаза, казалось, приросли к микроскопу. Теперь палатка превратилась в гигантский водоворот, и Крис почувствовал, что его неумолимо затягивает в самый центр. Невольно вспомнился рассказ Эдгара По о трех братьях-норвежцах, чья рыбацья лодка попала в Мальстрем, и о леденящем душу описании ужасов медленного и неуклонного спуска в ревущую утробу.

Крис припомнил, что, когда он читал этот рассказ, его особенно поразил отрывок, в котором повествовалось о беспомощности огромного медведя и кита, попавших в водоворот. Оба животных отчаянно сопротивлялись грозной силе природе, но, увы, безуспешно. Вскоре они обессилели, и разъяренная стихия поглотила их. Крис чувствовал такую же беспомощность, как те животные. Сознавая, что сопротивляться непреодолимой силе бесполезно, он перестал бороться с переживанием и отдался на его милость.

Казалось, вся вселенная обрушилась на него и давит непомерным грузом. Он ощутил прилив ужаса, который превосходил все, что ему доводилось испытать до сих пор. «Наверное, так чувствует себя человек, которого душит удав или который погибает во время землетрясения под обломками рухнувшего дома», — думал Крис. На него нахлынули видения тысяч людей, страдающих и умирающих при всех обстоятельствах, какие только можно себе вообразить, и он почувствовал их боль. Он видел, как животные убивают друг друга и их тоже преследуют и убивают. Он отождествлял себя со всеми сразу и был уверен, что умирает.

Внезапно возникло другое переживание, которое становилось все ярче. Крис ощущал себя зародышем, запертым в утробе матери. Мощные сокращения мышц матки крепко удерживали его на месте. Шейка матки превратилась в стальное кольцо — препятствие, которое казалось непреодолимым. Сокрушительное давление и удушье причиняли невыносимые муки. В сознании Криса возникла страшная мысль: «Я умираю и рождаюсь одновременно. Между двумя этими событиями нет никакой разницы! Муки рождения и страдания смерти — одно и то же!»

Он думал о Сартре, о других философах-экзистенциалистах, о театре абсурда. «Они знали! Человеческая жизнь абсурдна, чудовищна и абсолютно тщетна! Это бессмысленный фарс, жестокая шутка, сыгранная с человечеством. Мы рождаемся нагими, испуганными, беспомощными, страдаем всю жизнь и умираем страдая. Мы обманываем себя, думая, что в жизни есть какой-то смысл. Все дело во времени, и мы уходим туда, откуда пришли. Жизнь — не что иное, как ожидание Годо*.

Крис безуспешно пытался найти в жизни хоть какой-нибудь смысл. Теперь он понимал, что заново переживает собственное рождение, полностью осознавая некоторые эмоциональные и физические отпечатки, которые этот трудный биологический процесс оставил в его мозгу и клетках тела. Но он чувствовал: чтобы рождение завершилось, необходимо найти в жизни смысл, что-нибудь такое, что сделает жизнь стоящим занятием. Крис был убежден, что если не преуспеет в этом, то навеки останется в этом кошмарном тесном мирке, пойманный в дьявольский пространно-временной виток, который связывает настоящее со временем его рождения и смерти. Но все, что бы он ни начинал, тут же беспощадно высмеивалось и уничтожалось.

В голове у Криса неумолчно звучал внутренний монолог, окрашенный глубочайшим пессимизмом, — будто голос пособника дьявола, пресекающий все его попытки найти в жизни хоть какой-то смысл: «Зачем истязать себя физическими упражнениями, заниматься аэробикой, накачивать мышцы, если в конце всех нас ждет старческий маразм? — слышал Крис дьявольский шепот. — Зачем развивать мозг, искать знаний, если в конце жизни мы будем не в состоянии вспомнить, что ели вчера на обед? Все, что бы мы ни создали, рано или поздно разрушится само или будет разрушено».

У Криса мелькнула мысль, что дети могли бы придать смысл его жизни, но она тут же была вдребезги разбита циничным демоном, который вцепился в него мертвой хваткой: «Смешно думать, будто дети способны что-либо изменить! Если мы не способны найти смысл в собственной жизни, то разве сможем решить проблему, плодя существа, чья жизнь так же бессмысленно, как и наша? Суета сует, все суета! Так проходит земная слава! Мы — прах и в прах обратимся! Разве западная наука не утверждает, что человек — кусок плоти с

продолжительностью жизни от зачатия до смерти? Кто мы такие и почему все, что мы создаем, так удручающе недолговечно! Выхода из тупика нет, жизнь абсолютно бессмысленна и абсурдна!

Крис так и не сумел решить проблему смысла жизни, но внезапно почувствовал, что тиски, сдавливающие его лоб, ощутимо ослабли. Огромная энергия, все это время замкнутая в его теле, стала высвобождаться с головокружительной скоростью. Он понял, что шейка матки раскрылась и ситуация перестала казаться столь безнадежной. Пока он переживал смертельную борьбу плода, отчаянно пытающегося вырваться из тисков родового канала, перед ним промелькнула целая вереница картин из истории человечества.

Он переживал эмоции и ощущения солдат бесчисленных кровопролитных войн и революций, беспощадно убивающих, грабящих, насилюющих, а также все чувства побежденных. Он ощущал себя римлянами и их жертвами-христианами, гибнущими в Колизее; средневековыми инквизиторами и тысячами людей, обвиненных в колдовстве и ереси и подвергнутых пыткам и казни; нацистами и замученными евреями, сталинскими палачами и узниками архипелага Гулаг. Он чувствовал в своей крови возбуждение исследователей и первооткрывателей всех веков: кроманьонцев, пересекающих Берингов пролив, конкистадоров, грабящих золотые сокровищницы ацтеков и инков, первых астронавтов, отважившихся выйти в открытый космос, и пионеров-исследователей Красной Планеты на первой космической станции «Марс».

В нем нарастал мощный протест против слепой силы, управляющей развитием человечества, и глубокое отвращение к человеческой жестокости и жадности, которые приносят столько страданий. Он страстно желал гармонии, чистоты и душевного покоя. Но картины становились все ужаснее. Он очутился на ведьмовском шабаше, разнузданной ритуальной оргии, возглавляемой дьяволом в облике огромного черного козла. Дикий сексуальный разгул, нарушение всех социальных табу, поедание невообразимых мерзостей и чудовищное богохульство — все сплывало в одну нераздельную массу. Страх смерти сменился страхом потерять свою душу — неопишущим ужасом вечного проклятья. Стуча зубами он молил о спасении.

Словно в ответ на его мольбу небо разверзлось и сквозь тяжелые тучи прорвался ослепительный поток божественного света. Внезапно возникла фигура распятого на кресте Иисуса — тело его содрогалось от мук, лицо же было просветленным и безмятежным. И в тот же миг Крис полностью слился со Спасителем и разделил его страдания. Он почувствовал, что невообразимая боль, которая его терзает, Темная Ночь Души*, очищает его существо и приносит искупление не только ему, но и всему человечеству.

Неужели он, Кристиан, — это сам Христос, ожидающий Второго Пришествия? Может быть, об этом говорит имя, данное ему при крещении? Разве не чувствует он боли от гвоздей, пронзивших кисти и ступни Иисуса? Разве во рту у него не тот же привкус желчи и уксуса, который мучил Иисуса? Разве не ранят его лоб иглы Иисусова тернового венца? Разве острая боль в боку не от раны, нанесенной мечом Кассия Лонгина? Да, никаких сомнений нет — он Иисус Христос!

Крис встал и отошел от микроскопа. Он был ошеломлен, не способен осознать всю глубину откровения и принять на себя связанную с ним ответственность. Первые волнение и восторг улеглись, и на смену им пришла волна ужаса и паранойи. Иисуса преследовали, пытали и распяли. Он умер, преданный одним из самых близких друзей и учеников. Каков будет сценарий Второго Пришествия? Что подумают друзья, когда узнают, кто он? Что с ним будет? Крис выбежал из палатки и ринулся в тропический лес. Ему нужно время, чтобы все обдумать. А пока самое лучшее — спрятаться в джунглях и решить, что же делать дальше.

Абсолют, как он есть

Вскоре после обеда лагерь затих, как это обычно бывало во время дневной сиесты. Пылающее солнце висело почти в зените, и его лучи безжалостно бомбардировали палатки и тростниковые крыши маленького поселка. Эд Паркер и Лора решили провести обеденный перерыв вместе и поболтать. Для Эда это была первая возможность выяснить, как Лоре удалось раздобыть череп. Накануне им не удалось поговорить: Эд весь день был занят, а Лора, уставшая после грибных приключений, рано легла спать.

Пользуясь тем, что они наконец-то остались одни, Эд тихо спросил:

— Подозреваю, что у тебя веские причины не обсуждать это при всех, но все-таки, что это за череп? Где ты его взяла?

— Знаю, что в это трудно поверить, но я сказала тебе правду, — ответила Лора. — Я нашла его в лесу, в развалинах. Шла из деревни и недалеко от тропинки заметила интересное каменное сооружение, полуразрушенное и заросшее лианами. Должно быть, это древнее святилище, возможно, посвященное Кецалькоатлю, потому что по бокам стояли две скульптуры Оперенного Змея.

— Майя называли его Кукулькан, но, по сути, это одно божество, — поправил Лору Эд. — Я знаю, о каком сооружении ты говоришь. Мы его видели и надеемся добраться до него в следующем месяце.

— Мне стало любопытно, и я сошла с тропинки, чтобы рассмотреть его поближе. Внутри была наклонная плита — должно быть, полуразрушенный алтарь. Я заметила под ней странный зелено-красный свет, пробивающийся сквозь густую растительность. Это светился лежащий в папоротнике череп.

Эд прекрасно знал Лору и не сомневался, что она говорит правду.

— Невероятно, — сказал он смеясь и качая головой. — Какая ирония судьбы! Мы, профессионалы, в поте лица раскапываем развалины, а самый изумительный предмет находит под камнями прогуливающийся по лесу любитель!

— Есть кое-что еще, о чем я не стала говорить при всех, — призналась Лора. — Но мне кажется, что это важно, и, думаю, тебе следует об этом знать. Найдя череп, я некоторое время пристально смотрела на него, и он подействовал на меня очень странно. Я впала в глубокий транс и пережила яркое видение.

— И что же ты увидела? — с некоторым беспокойством спросил Эд. Лора всегда была очень здравомыслящей и разумной. Это был первый случай, когда она заговорила о таких вещах.

— Светящееся создание, очень могущественно женское божество. Мне кажется, именно его последователи Юнга называют Богиней-Матерью, — после некоторых колебаний проговорила Лора. — Она показала мне, какой опасный путь выбрала западная цивилизация, а потом вручила череп как дар моему народу, как лекарство от пороков нашего времени. Она назвала его «Смерть, Несущая Жизнь».

Лора говорила медленно, тщательно подбирая выражения и взвешивая каждое слово. Она понимала: с точки зрения традиционной психиатрии, все, что она рассказывает, можно расценить как серьезное расстройство психики. Реакцию отца на ее историю тоже нетрудно было предугадать.

— Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке? — спросил Эд, начиная по-настоящему тревожиться за состояние рассудка дочери.

— Все прекрасно, — заверила отца Лора, — только очень необычно. Мне нужно некоторое

время, чтобы все это переварить.

— Эд, ты один? Можно войти? — прервал их разговор донесшийся снаружи нетерпеливый голос.

То был Рон Эллисон, врач экспедиции. Квалифицированный и опытный специалист по внутренним болезням, Рон полностью разочаровался в курсе, которым пошла механизированная, оторвавшаяся от человека медицина, и решил принять участие в экспедиции. Этот выбор временно разрешил его дилемму и одновременно удовлетворил тягу к приключениям и экзотическим странам. Рон больше походил на дружелюбного и общительного семейного доктора первой половины двадцатого века, чем на технократа двадцать первого века, механика по ремонту тел.

— У меня Лора, но мы уже заканчиваем. Заходи, пожалуйста! Что случилось?

Рон, всегда спокойный и уравновешенный, на этот раз был непохож на самого себя. Он задыхался и выглядел встревоженным.

— Есть разговор, Эд, — сказал он, входя в палатку. — Я только что видел Таню. Она пришла ко мне, потому что у нее начались приступы неудержимой дрожи. Это определенно не эпилепсия. Когда это происходит, она не теряет сознания и недержание мочи тоже не возникает, но дрожь очень сильная, к тому же она чувствует, как все тело пронизывают мощные электрические разряды. Я видел пару приступов — впечатление такое, будто ее подключили к цепи высокого напряжения. Все это сопровождается видениями и приливами самых разных немотивированных эмоций.

— Когда это началось? Что могло вызвать эти приступы? — начал задавать технические вопросы Эд, вместо того чтобы спросить о том, что его действительно занимало: почему Рон пришел обсудить этот вопрос с ним? Ведь это явно медицинская проблема из разряда тех, которые Рон обычно решает самостоятельно. Так почему же он пришел?

— Несколько часов назад, — ответил Рон. — И при очень необычных обстоятельствах. Таня и Майкл забеспокоились, почему Крис не пришел на завтрак. Кроуфорды и Крис дружат и много времени проводят вместе. В столовой они сидят за одним столом. Таня пришла к Крису в палатку и обнаружила, что ночью он не ложился. Лазерная лампа была включена, в воздухе висела голографическая проекция черепа. Таня была озадачена и решила выяснить, что же произошло. Некоторое время она разглядывала изображение черепа. После этого все и началось.

— Ты хочешь сказать, что это голограмма черепа так странно повлияли на ее организм и психику? — недоверчиво спросил Эд.

— Выходит, что именно так, — ответил Рон. — Таня выключила голограмму, как только почувствовала неладное, но переживание продолжалось. Пару часов она пыталась справиться с приступами, но в конце концов решила прийти ко мне. Мне пришлось дать ей большую дозу стоицина, нового сильнодействующего транквилизатора. Похоже, он успокоил ее и снял мышечное напряжение.

— Возможно, с Крисом произошло то же самое и он в опасности? — вмешалась Лора, прерывая рассказ Рона. — Нужно его разыскать!

— Как раз поэтому я и пришел, — подхватил Рон, обрадованный, что ему наконец-то удалось убедить слушателей: дело срочное.

Эд понял, что действовать нужно немедленно.

— Срочно собирай людей, — велел он Рону. — Расскажи им о том, что происходит. Позаботься, чтобы больше никто не приближался ни к черепу, ни к голограммам. Скажи всем, у кого нет необходимости оставаться в лагере, чтобы прервали работу и отправлялись на поиски Криса. Мы разойдемся во всех направлениях и будем последовательно прочесывать лес.

Эд вошел в палатку Криса и огляделся. Он обнаружил на столе голограмму и положил ее в

футляр с надписью «Хрустальный череп: проекционные голограммы», где уже лежало несколько других копий. Найти ящик с черепом не составило труда. Эд поднял крышку и заглянул внутрь, дабы убедиться, что содержимое на месте. Увидев красно-зеленое свечение, он тут же закрыл ящик — не хотел рисковать. Эд взял ящик и футляр с голограммами и отнес опасный груз в свою палатку. Там он поместил все в большой деревянный сундук с кодовым замком и решил держать подальше от любопытных глаз, пока дело не прояснится.

Чувствуя, что справился с ситуацией, Эд вышел из палатки, спеша присоединиться к поисковой команде. Не успел он войти в лес, как из зеленых зарослей навстречу ему вышла группа людей. Он узнал высокую фигуру Рона, который шел впереди, а потом услышал его голос:

— Все в порядке! Мы нашли его, нашли!

Когда они встретились, Эд крепко обнял Криса, а потом отступил на шаг и оглядел его. Крис походил на индийскую или китайскую статую Будды: он блаженно улыбался, глаза его сияли каким-то неземным светом. Зрачки были расширены, и, хотя он стоял лицом к Эду, казалось, что взгляд его устремлен сквозь него, в бесконечность. Что-то тут было явно не так, и Эд насторожился.

— Как самочувствие? Где ты был? Что случилось? — обрушил он на Криса град вопросов. — Ты заставил нас поволноваться!

— Теперь все хорошо, — ответил Крис. — Но какое-то время было жутковато, будто прокатился на американских горах.

— Пойдем ко мне в палатку, — предложил Эд. — Мы с Лорой как раз говорили о черепе. Если ты в порядке, посиди с нами. Я уверен, Лоре будет интересно тебя послушать. Думаю, и Рону стоит присоединиться к нам.

— Необычные ощущения начались вчера после обеда, когда я занялся исследованием черепа, — начал рассказ Крис, когда они вчетвером собрались в палатке Эда. — Я услышал странные напевы и пережил яркие видения. Чтобы проделать необходимую работу, пришлось по-настоящему бороться с собой. Мне стало казаться, что глупо измерять и взвешивать череп, исследовать его поверхность. Очень хотелось забыть обо всем этом и полностью отдаться переживаниям. Я чувствовал себя Одиссеем, которого манит пение сирен.

— И ты смог справиться с наваждением и продолжать работу? — спросила Лора, припомнив власть собственного переживания. Она бы и подумать не смогла ни о каких будничных вещах, тем более заниматься ими. Хотя, конечно, в то время она еще испытывала действие *теонанакатля*.

— Наверное, я бы поддался искушению уже тогда, — признался Крис, — но как раз в то время ко мне зашел Мэт, и это вернуло меня к реальности. Мы довольно долго разговаривали, а потом Мэт стал разглядывать череп, и его самого захватили какие-то яркие переживания.

— Как, и Мэта тоже? — перебил его Эд, осознавая, что проблема может быть более масштабной, чем он предполагал.

— Да, для него нутро черепа выглядело как некий космический компьютер с невероятным объемом памяти. Он что-то говорил об Универсальном Разуме и Абсолюте, только я не совсем уловил.

— Я не знал, что Мэта это тоже затронуло. — Нужно его осмотреть и проверить, все ли в порядке, — заметил Рон.

— А что произошло потом? — спросила Лора, которой не терпелось услышать продолжение истории

— Когда Мэт ушел, — продолжал Крис, — я решил заглянуть внутрь черепа, используя бинокулярный микроскоп и проекционные голограммы, которые сделал утром. Тут-то я и

попался. Меня затянуло в гигантский водоворот, и я оказался совершенно в другой реальности. Наверное, так чувствовала себя Алиса в норе кролика или Дороти, когда ураган уносил ее из Канзаса. Только в моем случае это был не географический, а «понятийный» Канзас моего рационального мира. Я очутился в бездонной пропасти, символизирующей абсурдность всего материального.

— И как же ты выбрался из этой пропасти? — поинтересовался Эд, пытаясь понять, о чем говорит Крис.

— Я понял, что заперт в тесном мирке своего образа мышления, потому что никогда не задумывался о факте своего рождения. Естественно, анатомически я родился, поскольку телесно выбрался из тисков родового канала, но где-то в глубинах психики до сих пор нес отпечаток безнадежности и беспомощности этой страшной борьбы. Вчера под влиянием воспоминаний о том, как я был зажат в родовом канале, мне пришлось пережить экзистенциальное отчаяние. Когда же шейка матки открылась, ощущение безнадежности исчезло. Все дело было в этой невероятно жестокой борьбе, предваряющей выход, рождение. Я видел сцены неопишуемой жестокости, видел убийства и насилия всех времен. Я понял, что насилие и секс являются важными движущими силами в истории человечества.

Слушая рассказ Криса, Эд ощущал полное недоумение. Он не мог определить свое отношение к нему. Это не укладывалось в его голове. Не расскажи ему Лора о своей странной реакции на череп, он не сомневался бы, что Крис спятил, притом окончательно.

Отношение Рона было строго клиническим. Для начала он исключал саму возможность, что Крис мог в действительности пережить свое рождение. Каждому студенту-медику известно, что это невозможно, потому что у новорожденного кора головного мозга еще не полностью миелинизирована. Значит, дело только за правильным диагнозом.

Лора слушала с большим интересом. Опыт ее общения с черепом отличался от того, что произошло с Крисом, но многое из его рассказа напомнило ей о собственном эксперименте с магическими грибами. Завершилось ли путешествие Криса божественным прозрением, как это произошло с ней?

— Чем же все это закончилось? — спросила она.

— Полнейшей мистикой. Сначала я встретился с чудовищными силами зла, пережил нападение темных сатанинских орд, которые пытались поймать меня и завладеть моей душой. Я прошел через ужас и глубокое отчаяние и молил Бога о помощи. И тут я увидел Иисуса на кресте, искупающего грехи всего человечества. А потом сам стал Иисусом! Это было настолько убедительно, что я свято верил: я действительно — Он и переживаю Второе Пришествие! И само имя мое — Кристиан — стало для меня окончательным подтверждением. Я впал в настоящую паранойю: мне казалось, что меня распнут, как Христа, и я стал всех бояться. И тут я нашел самый безопасный выход — убежать и спрятаться в лесу.

— Поразительно! И что происходило там? — спросил Рон, мысленно сравнивая рассказ Криса с описаниями пациентов-психопатов из справочников по психиатрии. Он больше не сомневался в диагнозе: типичный приступ параноидальной шизофрении!

— Светя себе фонариком, я нашел в развалинах укромное место и лег. Переживание не отпускало, я действительно умирал на кресте вместе с Иисусом и воскресал вместе с ним. Это помогло мне соприкоснуться с собственной божественностью, но очень своеобразно. Я больше не ощущал своей отдельности. Я понял, что все мы — Иисус, все мы — Космический Христос. Раньше я ошибался, думая, что я единственный; я связывал свое переживание с материальным телом и с эго. Вот почему у нас в психушках так много больных, которые вообразили себя Иисусами. Все они совершили ту же ошибку, что и я. Я вспомнил книгу про палату, где были сразу три таких пациента. Их собрали вместе, чтобы они выговорились. Помнится, это было где-

то в Ипсиланти*.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что все мы — Иисус? — спросил Эд.

Он не был особенно религиозным, но то, что говорил Крис, не имело никакого смысла ни в контексте его христианского воспитания, ни в контексте его научного образования. Еще можно было бы понять, толкуй Крис о Брахмане или Будде, — он мог хвататься таких идей из восточной мистической литературы.

— Я наконец-то понял, в чем смысл послания Иисуса, — все громче говорил Крис. — Должно быть, Иисус прошел через переживание собственной божественности и пытался рассказать людям о том, что они тоже воплощенные божества. «Я, Ты и Отец едины», — учил он.

Теперь, описывая пережитое прошлой ночью, Крис принялся яростно клеймить косное религиозное воспитание, которое он получил.

— Слово «Евангелие» буквально означает «благая весть», «хорошая новость». Все мы божественны! Не кажется ли вам, что это и есть хорошая новость? А не та чепуха, о которой нам твердят в церкви: дескать, мы жалкие грешники, недостойные крошек со стола Господа нашего. Разве это хорошая новость?

— То, о чем ты говоришь, очень похоже на учение индийских гуру, — сказала Лора.

— Точно. Ведь Иисус, как и восточные гуру, по крайней мере лучшие из них, был настоящим первооткрывателем в области сознания, — подтвердил Крис. — Он обнаружил собственную божественность и пытался помочь остальным сделать то же самое.

Мысли и прозрения проносились в мозгу Криса стремительным вихрем, гораздо быстрее, чем он успевал их высказать.

— Иисус видел, что мир, в котором мы живем, — таинственная божественная игра, а не просто заурядное царство материи. Обещание, что некогда, в далеком будущем, нас ожидает новое, уникальное воплощение божественного начала в материальном мире — чепуха, поповские сказки! Божественное начало воплощается постоянно. Все мы божественны, и все вокруг божественно. Царство Божье не обретишь, ожидая его. Царство Божье здесь, но люди его не видят! Второе Пришествие не имеет никакого отношения к истории — его можно узреть, только изменив сознание.

Лора прекрасно понимала, о чем говорил Крис.

— В каком-то смысле ортодоксальное христианство делает ту же ошибку, что и ты или пациенты психиатрической клиники. Оно утверждает, будто в истории человечества божественное начало воплощалось всего один раз, и все мы ждем второго такого же чуда. Это вводит людей в заблуждение и скрывает от них тот факт, что все творение — чудо и воплощение божественного начала.

— Аминь! — произнес Крис, довольный, что хоть кто-то его понимает.

Он замолчал и теперь сидел неподвижно; лицо его выдавало озабоченность и напряженную внутреннюю борьбу. Через несколько минут он наконец прервал молчание.

— Было кое-что еще, но мне трудно об этом говорить. Все было очень странно, я пока еще только пытаюсь разобраться.

Эд был поражен. «Если Крис думает, что все рассказанное им до сих пор вполне ясно и разумно, то что же тогда кажется ему странным и загадочным?» — растерянно подумал он и, снедаемый любопытством и нетерпением, весь обратился в слух.

— Ладно, расскажу все как есть, а вы уж сами судите, — проговорил Крис после долгих колебаний. — Когда я бежал через кусты, на меня внезапно упал пучок света такой колоссальной силы, что я чуть не ослеп. Я поднял голову и увидел огромный светящийся диск, висящий в небе высоко надо мной. Это явно был корабль пришельцев, огромный, никак не

меньше двадцати метров диаметром.

Лица всех трех слушателей вытянулись от изумления, но причина для этого была у каждого своя. Для Эда, который только-только начал склоняться к выводу, что экскурс Криса в христианство не так уж безумен, как могло показаться поначалу, упоминание об НЛО стало последней каплей. Он недоверчиво покачал головой и сразу же вернулся к прежнему мнению. Если у Рона и были какие-то сомнения в диагнозе, последние слова Криса их полностью развеяли. Лора же мысленно перенеслась на гору, где после эксперимента с грибами, пережила столь же фантастическую встречу. Она не верила своим ушам.

— Это случилось в самый разгар моего приступа страха, и стоило мне увидеть корабль, как все обрело смысл, — пояснил Крис. — Как раз этого мне и не доставало. «Конечно, — сказал я себе, — я не принадлежу этому варварскому миру, к виду, который уничтожает сам себя и свою планету. Я пришелец из другого мира и послан сюда с особой миссией».

— Так ты решил, что они прилетели за тобой? — спросил Рон, следуя обычной процедуре опроса психиатрического больного.

— Да. Я был уверен, что моя задача — спасти человечество от коллективного самоубийства. И что на этот раз Второе Пришествие приняло вид посещения инопланетян. Почему-то я решил, что для современного человечества, для данного места и времени, это как раз то, что надо. Я, Христос, пришел не только из потустороннего мира, но и с другой планеты. Я свято верил, что моя миссия под угрозой и мои соотечественники предприняли спасательный полет, чтобы меня вызволить.

— И чем же все закончилось? — спросил Эд.

— Сначала моя теория подтвердилась. Каким-то образом — то ли при помощи какого-то всасывающего механизма, то ли методом молекулярной телепортации — меня перенесли на космический корабль. Я пришел в себя в какой-то лаборатории или операционной, окруженный не людьми, а странными инопланетными существами с большими раскосыми глазами. Смутно помню одно: мне ввели что-то в мозг через нос.

Лора была ошеломлена. Хотя история Криса во многом отличалась от того, что пережила она сама, у них было одно общее — встреча с пришельцами.

— Чем этот эпизод так отличался от всего остального, что с тобой произошло? — спросила она, с нетерпением ожидая, что же он ответит. Ведь ее встреча с пришельцами тоже резко отличалась от остальных переживаний, вызванных приемом грибов.

— Это трудно объяснить или описать, — ответил Крис. — Просто этот случай как бы сам по себе. Он в корне отличался как от обычной реальности, так и от остальных моих переживаний. Даже когда я вернулся к нормальному состоянию сознания и смог связать все вместе, эпизод с пришельцами продолжает стоять особняком и не находит никакого психологического объяснения.

— Пойдем-ка со мной, — предложил Рон, не сомневаясь, что Крис пережил острый психический срыв. — Примешь транквилизаторы, это поможет тебе успокоиться.

Но Крис совершенно не хотел принимать успокаивающие средства. Он чувствовал, что переживает самый интересный и захватывающий период жизни.

— Спасибо, не нужно. Я в полном порядке, — ответил он. — Только ужасно проголодался и устал. Мне надо поесть и немного отдохнуть. — С этими словами он вышел из палатки.

— Присматривай за ним, — попросил Эд врача. — Надеюсь, с ним все обойдется. Пока он еще слегка не в себе, да и мысли у него довольно дикие...»

— Не думаю, что за Криса стоит беспокоиться, — возразила Лора, когда Рон ушел. — Он здорово натерпелся, но все будет хорошо. Я, кажется, понимаю, что он хочет сказать. Его слова вполне разумны.

— Рад, что хоть кто-нибудь что-то понимает. О себе я этого сказать не могу, — заявил Эд. — Меня беспокоит все происходящее, а не только состояние Криса. Я хочу, чтобы череп вместе с голограммами был надежно заперт в ящике. Ясно, что это загадочный и очень мощный предмет, а действие его непредсказуемо, если не сказать больше. Я никому не позволю работать с черепом и даже смотреть на него, пока не получу заключение специалистов. На мне лежит ответственность за все, что может произойти.

— И где ты собираешься искать специалистов, которые дадут тебе такое «заключение»? — скептически и даже с некоторой иронией осведомилась Лора.

Испытав на себе влияние черепа, она сомневалась, что найдется авторитет, способный оценить его действие. Разве что Балам Ахау — к его мнению она бы, конечно, прислушалась. Или какой-нибудь ученый тибетский лама, но только не современные ученые, привыкшие во всем полагаться на традиционный подход.

Но она не успела ничего предложить — Эд уже принял решение.

— Помнишь, пару лет назад мы ездили на побережье Биг-Сур? — спросил он у Лоры. — Мы еще тогда обедали в «Непенти». Там мы встретили Альфреда Хантера, он гостил у своего младшего брата Роберта.

Когда-то Эд и Альфред были близкими друзьями и много времени проводили вместе, но в последние годы их пути разошлись.

— Я знаю, что он твой коллега и хороший приятель, — перебила отца Лора, — но ведь он археолог, как и ты. Как он может нам помочь в этом деле?

— Я имею в виду не Альфреда, а его брата Роберта. Он нейрохирург и работает в НИПИСе, Национальном институте прикладных исследований сознания в Болинасе. Возможно, это не совсем его область, но он блестящий ученый и автор нескольких замечательных исследований мозга. Я знал его еще ребенком, и, думаю, он меня еще не забыл. Если он сам не сможет нам помочь, то наверняка посоветует кого-нибудь в институте. Думаю, он именно тот, кто нам нужен.

— А чем конкретно он занимается? — спросила Лора. — Про институт в Болинасе ходят самые разные, порой совершенно дикие, слухи. Правда, что все исследования, которые там проводятся, строго засекречены, а финансируют их военные и ЦРУ?

— Разумеется, не все. Не думаю, чтобы Роберт стал работать на ЦРУ или военных. Но мне мало что известно и об институте в Болинасе, и об исследованиях Роберта. Я знаю только то, что рассказывал мне Альфред много лет назад. В детстве Роберт был не по годам развитым и одаренным. Когда бы я ни бывал у них дома, он всегда или играл на компьютерах или изобретал всякие любопытные невиданные штуковины. Еще учась в Стэнфорде, он сделал новаторские открытия в биоэлектронике.

— А ты не помнишь, какие именно? — спросила Лора.

— Как не помнить, — улыбнулся Эд. — Об этом столько писали, да и по телевизору показывали. Он вживлял микрочипы крысам и даже тараканам, а потом оборудовал их миниатюрными видеокамерами и прочими средствами связи. Этих маленьких биоэлектронных роботов можно было посылать для сбора информации в разные недоступные для людей места. Например, они могли сканировать развалины зданий после землетрясений и обнаруживать оставшихся в живых людей. Благодаря изобретению Роберта спасательные работы превратились из раскопок наугад в крайне эффективные операции. Это спасло много жизней и сэкономило много денег.

Лора слушала с интересом, но то, что сказал Эд, не развеяло ее сомнений: она по-прежнему не верила, что знания Роберта помогут им разгадать тайну черепа.

— Альфред рассказывал мне, — продолжал Эд, — что вскоре после того, как в прессе

сообщили об исследованиях брата, его посетила небольшая делегация из института в Болинасе. Они хотели узнать, над чем тот работает и какие у него планы на будущее. В результате все, чем занимался Роберт, было засекречено, а ему самому предложили хорошую должность в институте.

Лора была озадачена. Если Роберт не работает на военных, почему тогда его исследования засекречены? Визитеры, скорее всего, были специалистами из Пентагона и ЦРУ. Представив, с какой целью они засекретили исследования Роберта, Лора поежилась. Раньше она не стала бы особенно об этом задумываться, но после встречи с Баламом Ахау и переживаний, полученных во время эксперимента с грибами и находки черепа, девушка стала очень чутко воспринимать любые проявления неуважения к жизни или природе. Она даже знать не хотела, над чем сейчас работает Роберт. Тем более она сомневалась, стоит ли доверять череп такому человеку. Но было уже поздно.

— Уверен, что нам нужен именно Роберт, — с воодушевлением сказал Эд и, не дожидаясь согласия Лоры, обратился к головифеофону:

— Компьютер, найди номер НИПИСа в Болинасе, штат Калифорния, добавочный — доктор Роберт Хантер. — А когда на экране высветилась информация, добавил: — Набери номер и установи связь!

Антигравитационный аппарат «Тесла АГ-3» абсолютно бесшумно скользил по воздуху над бескрайним океаном, словно диск, брошенный рукой атлета-гиганта. Он был назван в честь Николы Теслы, эксцентричного и щедрого гения, который умер более трех столетий назад, не признанный при жизни и почти забытый на десятки лет после смерти. Современники сумели понять лишь самые земные из его революционных открытий, такие как «катушка Теслы», электромоторы, использующие переменный ток, и новые виды генераторов и трансформаторов, которые помогли обуздать энергию Ниагарского водопада. Только через много поколений ученые сумели по достоинству оценить наиболее глубокие и скрытые стороны его дарования.

Пророческий гений Теслы во многом заглянул далеко в будущее, в те области, о которых основная масса физиков двадцатого века не смела даже подумать. Вдохновляясь медитациями в электрическом поле напряжением в несколько миллионов вольт, он единолично заложил основы для создания антигравитационных устройств, для использования энергии северного полярного сияния, для беспроводной передачи энергии и многих других изобретений, которые теперь стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Аппараты серии «Тесла АГ-3», основанные на современных разработках принципа вращающегося магнитного поля, открытого Теслой, были только частью наследия, оставленного человечеству этим изобретателем.

Удобно устроившись в кресле командного отсека «Теслы АГ-3», Альдебаран смотрел на большой обзорный экран. Когда аппарат приблизился к группе островов, гнездящихся в аквамариново-голубом океане, он отключил автоматическое управление и уменьшил скорость, чтобы полюбоваться пейзажем. Альдебаран, один из лучших пилотов младшего поколения, с отличием завершил курс в Академии пространства и времени. Но напряженная научная работа и высоты, которых он достиг в своей области, не истребили в нем чувства прекрасного и художественных наклонностей. Он дважды менял курс корабля, чтобы получить самый удачный угол для обзора разворачивающейся перед ним панорамы.

— Взгляни, Альфекка, правда, потрясающе? — обратился он к своей спутнице, второму пилоту, показывая на главный монитор.

Альфекка добилась не менее блестящих успехов, чем Альдебаран, но сейчас она занималась совсем не тем, чему ее учили в академии. Ее внимание было сосредоточено на большом схематическом изображении солнечной системы, которое спроецировал на экран голографический прибор. Соединяющие планеты разноцветные линии отражали угловые соотношения между ними. Так выглядело небо в момент ее рождения. Сбоку на схеме было показано нынешнее положение планет. Альфекка увлекалась астрологией и, пока аппарат шел на автопилоте, использовала свободное время, чтобы исследовать свои астрологические транзиты.

Она всегда делала это в важные переходные периоды и поворотные моменты своей жизни. А сегодняшний день наверняка был именно таким! Они с Альдебараном летели на встречу с Аргосом, легендарным родоначальником хрононавтических исследований, — им предстояло работать с ним в одной команде. Как отражение этого благоприятного времени, транзитный Юпитер образовал трин с натальной конъюнкцией Уран-Нептун, а Сатурн — трин с натальной конъюнкцией Меркурий-Солнце. Самое подходящее время для встречи с мудрым старцем, знаменитым учителем в духовных и научных делах!

Услышав голос Альдебарана, Альфекка неохотно оторвалась от своей натальной карты и транзитных планет. И не пожалела об этом. Аппарат быстро приближался к острову, который

был конечным пунктом их полета. Оптический сканер нашел цель и явил поистине захватывающее зрелище. Альфекка забыла о гороскопе и стала смотреть на большой экран.

— Какая красота, просто не верится! — сказала она, зачарованная открывшимся видом.

Картина на экране была такого исключительного качества и высокого разрешения, что казалась почти нереальной. На ней красовался вулканический остров, сияющий на безбрежной глади океана как прекрасный бриллиант. Разбиваясь о берег, волны образовывали узкую извилистую полосу пены, окаймляющую все побережье. Ее первозданная белизна резко выделялась на фоне темно-синей морской воды. Восходящее солнце заливало остров золотистым светом, озаряя вершины деревьев тропического леса. На приподнятом плато, что тянулось с одной стороны, высилась колоссальная статуя птицы Феникс, выходящей из яйца посреди языков пламени, пожирающих ее гнездо.

— Посмотри на скульптуру — невероятное зрелище! Пожалуйста, увеличь изображение, — попросила Альфекка. Альдебаран произнес слова команды, и статуя заполнила весь экран. Птица высотой больше пятидесяти метров парила над равниной. Все ее тело и распахнутые крылья были облицованы блестящей плиткой, придающей гигантской скульптуре почти сверхъестественный блеск и неземную красоту. Тем не менее, главная функция плитки была не эстетической — материалом для нее служил специальный сплав, который обеспечивал беспроводной прием электрической энергии. Источниками этой энергии являлись северное и южное сияния — поля, создаваемые прохождением электронов «солнечного ветра» через геомагнитное поле Земли. Открытие, что вся планета, по сути, является электрическим генератором, обеспечило население Земли почти неограниченной энергией.

Таким образом, статуя была не только произведением искусства, но и важной частью огромной гелиоэнергетической установки. Союз передовых технологий и архетипических мотивов служил важной цели: он напоминал ученым и инженерам о божественной природе космоса и предостерегал от необоснованного высокомерия и самонадеянности. Поскольку солнечная энергия и электричество — два наиболее непосредственных проявления божественной энергии творения в материальном мире, многие установки, собирающие солнечную энергию и преобразующие ее в электричество, проектировались так, чтобы одновременно служить и духовным целям. Центр «Феникс» был одним из таких комплексов: в нем разместилась школа таинств, предлагающая избранному кругу посвященных возможность психодуховного преображения.

Феникс был на редкость удачным архетипическим символом для тех посвящений, которые здесь проводились. Согласно древней арабской легенде, эта мифологическая птица живет пятьсот лет. В конце срока она строит гнездо и откладывает одно-единственное яйцо. Лучи солнца воспаляют гнездо, и птицу-мать пожирает пламя. Но от огненного жара яйцо созревает, и из пепла поднимается новая птица. Так что птица Феникс стала ярким символом смерти-возрождения, несущим весть о бессмертии.

Альдебаран вернул изображению прежний масштаб, чтобы дать обзорную панораму всего центра. К статуе Феникса примыкали три комплекса зданий — подлинные жемчужины архитектуры, воплотившие в себе принципы геометрии святилищ. В том, что находился дальше от моря, размещалась гелиоэнергетическая установка. Два других располагались на полосе земли, протянувшейся между статуей феникса и океаном. В одном размещалась школа таинств с величественным залом посвящений, в другом — Институт хрононавтических исследований. Все три сооружения были спроектированы так, чтобы дополнять деятельность друг друга, и были связаны между собой.

Подлетев к посадочной площадке, «Тесла АГ-3» резко остановился и неподвижно завис в воздухе метрах в двух от земли. Из его корпуса выдвинулись четыре металлические ноги,

похожие на паучьи лапки. В нижней части аппарата открылся люк, из которого появилась удобная лестница. Несколько шагов — и Альдебаран с Альфеккой оказались на посадочной площадке. Там их уже ждала молодая загорелая женщина в темных очках, одетая в легкий удобный комбинезон. Подойдя и обменявшись с ними рукопожатиями, она представилась:

— Меня зовут Дафна. Добро пожаловать в наш центр.

— А мы — Альфекка и Альдебаран, — представил пилот себя и свою спутницу.

— Знаю, Аргос рассказывал о вас. Мы следили за вашим кораблем и видели, как вы подлетели, — сказала Дафна. — Ну что, хорош наш Феникс, правда? — добавила она, улыбаясь. — Многие, прибывая на остров, точно так же переходят на ручное управление, чтобы сбросить скорость.

— Да, фигура Феникса, сверкающая в лучах восходящего солнца, — очень впечатляет! — согласилась Альфекка и после короткой паузы добавила: — Но мы не ожидали, что нас будут встречать. Я думала, отсюда нас телепортируют прямо в институт, — сказала она, глядя на стоящую у посадочной площадки кабину молтрана — часть системы молекулярной транслокации.

— Это Аргос попросил, чтобы я встретила вас и перед тем, как доставить к нему, провела небольшую экскурсию по центру «Феникс». А потом я провожу вас к нему в кабинет. Он ждет и очень рад вашему прибытию.

Альдебаран и Альфекка входили в элитную группу, специально обученную управлению хроноскафами — средствами, которые для путешествий в другие точки пространства-времени пользуются устойчивыми ходами, которых астрофизики между собой называли безопасными червоточинами. Научно-исследовательский институт хрононавтики, являющийся частью центра «Феникс», попросил Академию пространства и времени откомандировать несколько лучших молодых пилотов для участия в особо важном исследовательском проекте Аргоса. Альфекка и Альдебаран прибыли первыми. Аргос лично отобрал их из множества кандидатов.

* * *

Сами по себе хроноскафные экспедиции в различные точки пространства-времени давно стали делом вполне обычным. Координаты конкретных целей выбирали независимые группы исследователей-специалистов. Они отыскивали во времени и пространстве особо интересные точки и вносили их в каталог. Этот сложный процесс был бы крайне трудоемким, выполняйся он в реальном масштабе времени. Ведь в него входили и розыски в исторических архивах, и разведывательные полеты через пространство-время, и непосредственные наблюдения.

Выбор ситуации для будущего рейса и его специфика зависели от цели полета. Большинство путешествий в другие исторические периоды и географические точки имели, прежде всего, научный интерес. Одни ограничивались только наблюдениями, задача других состояла в сборе биологических и прочих образцов, которые потом тщательно изучались. В некоторых случаях эти экспедиции имели важное практическое значение. Особый интерес в этой связи представляли генетические эксперименты, в которых образцы ДНК и зародышевых клеток, взятых из разных эпох и мест, использовались для оздоровления современного генофонда. Для отбора биологических образцов применяли микроскопические молтрановые процессы, что исключало хирургическое вмешательство и физическую боль.

Такие эксперименты требовали предельной осторожности. Яйцеклетку брали только в том случае, если была полная уверенность, что впоследствии она не будет оплодотворена и

женщина-донор не останется бездетной. Образцы спермы вызвали гораздо меньше беспокойства, поскольку вероятность того, что конкретный сперматозоид примет участие в оплодотворении, была крайне мала. Но и в этом случае было важно удостовериться, что образец не содержит генетического материала, который позже мог бы сыграть важную роль в истории вида.

Любое отступление от этих правил могло вызвать трудно предсказуемые последствия в развитии человечества, например помешать зачатию и рождению людей, которые внесли существенный вклад в историю, и таким образом нарушить ход грядущих событий. И даже куда менее серьезные изменения в естественных событиях могли иметь роковые последствия. Ведь любой, даже самый незначительный, сдвиг в прошлом, постепенно накапливаясь в течение столетий, мог привести к катастрофе. В худшем случае такое вмешательство могло вызвать парадоксальные ситуации и перерасти в грядущее бедствие.

* * *

Когда прибывшие подошли к главному комплексу зданий, аппарат, доставивший их сюда, автоматически поднялся на три метра над землей и, следуя предварительно введенной в компьютер программе, сам нашел путь к ангару-стоянке. Альдебаран и Альфекка вслед за Дафной подошли к главному входу. Как только они вошли в вестибюль, Дафна, взяв на себя роль гида, стала рассказывать об истории центра и его назначении:

— Когда-то центр «Феникс», как и многие известные вам учреждения такого типа, представлял собой гелиоэнергетическую установку, объединенную с Институтом психодуховного преображения. Первоначально его уникальность заключалась только в живописном природном окружении. Применяемые здесь «священные технологии» ничем не отличались от тех, что использовались во многих других местах: то было сочетание виртуальной реальности, различных электронных устройств для изменения сознания и психоактивных веществ с огромным исцеляющим, преображающим и развивающим потенциалом.

— И что же изменилось теперь? — спросила Альфекка.

— Первой важной переменной стало появление здесь Института хрононавтических исследований. Хотя поначалу он был независимым учреждением, учебные экскурсии в другие временные периоды скоро стали обычным дополнением к посвящению. Умение учиться на ошибках предыдущих поколений — ценный источник знаний и мудрости. Но именно Аргос, его идеи и энергия, сделали Центр «Феникс» уникальным.

— Потому что здесь Аргос осуществил перенос сознания из одного измерения в другое?

— Не только. Он разрабатывает перспективный проект, который свяжет в единое целое образование, научные исследования и практику посвящения. Сейчас я покажу вам новый зал посвящений, построенный в соответствии с его рекомендациями.

Зал посвящений представлял собой большое круглое сооружение, увенчанное куполом в виде полусферы. Его внутреннее убранство являло еще один пример идеального союза науки и духа. От центра, образуя красивую мандалу, радиусами расходились прозрачные контейнеры, современные версии саркофагов. Все элементы заполнявшего зал сложнейшего лабиринта электронного оборудования были выполнены в виде универсальных духовных символов.

— Что именно будет происходить в этом зале? — спросил Альдебаран, глядя на саркофаги.

— Об этом вам расскажет Аргос, все здесь построено в расчете на его проект, — ответила Дафна.

— Я просто мечтаю встретиться с Аргосом, — сказала Альфекка, когда они продолжили осмотр. — Сколько раз я видела его голоизображение — и на занятиях, и в новостях — и всегда восхищалась! С трудом верится, что скоро я увижу его во плоти и даже смогу дотронуться!

Аргос был легендарной личностью в области пространственно-временных путешествий, идеалом многих молодых хрононавтов.

Альдебаран разделял чувства Альфекки:

— Да, Аргос всегда был одним из моих кумиров, — признался он, — с тех самых пор, как я впервые услышал о переносе сознания между измерениями. Он поднял хрононавтику на совершенно новый уровень. Мне тоже не верится, что мы встретим его лично.

— Думаю, вы не разочаруетесь, — заверила их Дафна. — Что ни говори — Аргос необыкновенный человек. И ждать вам осталось совсем недолго, — добавила она, когда они подошли к большой резной двери в конце коридора. — Это вход в наш исследовательский центр.

На двери была большая надпись: «Кип-Торнский институт хрононавтических исследований».

Тысяча глаз Аргоса

Когда они подошли к апартаментам Аргоса, Дафна, воспользовавшись портативным аппаратом телесвязи, послала сигнал, сообщая о прибытии гостей. Аргос, который находился в своем кабинете, почти сразу же отозвался и нажал кнопку — деревянная дверь, украшенная затейливой резьбой, открылась. Они вошли в большую залитую солнцем комнату, которую оживляли тропические растения самых разнообразных форм, размеров и цветов. Увидев гостей, Аргос стремительно поднялся из-за стола и пошел им навстречу. Его мускулистое тело двигалось с легкостью и непринужденностью, неожиданных для столь почтенного возраста, — сказывались десятилетия ежедневной практики хатха-йоги. Испытывая робость перед великим человеком и ученым, Альдебаран и Альфекка застыли в учтивых приветственных позах, в совершенстве усвоенных за годы занятий.

— Вольно! — шутливо произнес Аргос, и в глазах его сверкнули смешинки. — Здесь вам не академия! Добро пожаловать в центр «Феникс»! — Помогая гостям преодолеть робость, он заключил обоих в медвежьи объятия.

В свои восемьдесят с лишним лет Аргос был высоким крепким, с длинными вьющимися волосами и пышной белоснежной бородой. Его седая шевелюра не вязалась с гладким лицом и выразительными глазами, которые придавали ему моложавый вид. Он окинул стройную, изящную фигурку Альфекки взглядом, исполненным глубокого эстетического удовольствия, которое по природе своей было чисто духовным и не имело никакого сексуального подтекста. Затем с таким же одобрением он оглядел Альдебарана. Аргоса восхищала красота творения во всех ее проявлениях. Великолепие и сложность, которыми было отмечено устройство вселенной, он считал неопровержимым доказательством существования и величия Вселенского Разума. Но больше всего он любил людей.

— Рад познакомиться, — приветствовал он гостей приятным мелодичным голосом, звучащим, как эолова арфа. — Видел ваши анкеты — очень впечатляют. Из нас получится отличная команда!

Альфекка и Альдебаран не ожидали такого теплого приема. Аргос явно не походил на замкнутого ученого-интроверта, обитающего в башне из слоновой кости, каким они его представляли, памятуя о его многочисленных научных открытиях. Их поразили его дружелюбие и простота в общении. Видимо, человеческие качества Аргоса не уступали его выдающемуся уму и глубокой духовности.

Глядя Альдебарану прямо в глаза, Аргос спросил с интонацией, которая могла означать и вопрос, и утверждение:

— Итак, вы Альдебаран?!

Молодой пилот кивнул, чувствуя себя все спокойнее и непринужденнее. Благодаря теплоте гостеприимства Аргоса его скованность быстро растаяла.

— Для меня большая честь лично встретиться с вами и иметь возможность работать вместе, — сказал он. — Вы не поверите, сколько раз я мысленно представлял эту ситуацию, и вот она стала настоящей, трехмерной реальностью! Даже не верится!

— А вы Альфекка, — продолжал Аргос, по-отечески ласково глядя на девушку. — Рад познакомиться с вами обоими.

Альфекка, которая, в отличие от Альдебарана, еще не успела побороть первое потрясение от встречи с Аргосом, нервно пригладила рукой коротко стриженные каштановые волосы, словно желая убедиться, что они не растрепались.

— Вы были моим кумиром в течение многих лет, еще до поступления в академию, — ответила она, чувствуя себя робеющим подростком. — Для меня большая честь быть сегодня здесь.

Находясь рядом с Аргосом, Альфекка с большим трудом справлялась с волнением. Казалось, его окружает какая-то загадочная аура, от чего он выглядит крупнее, чем на самом деле, и наполняет своим присутствием всю комнату.

Тут внимание девушки привлек огромный аквариум, размещившийся под незнакомым экзотическим растением. Крупные воронковидные цветы на длинных стеблях свешивались к самой воде, почти касаясь ее. В аквариуме, у самой поверхности, плавали невиданные рыбы. Поддавшись любопытству, Альфекка подошла поближе и увидела, что их выпуклые глаза, похожие на лягушачьи, наполовину выглядывают из воды, как миниатюрные перископы.

— Что это за рыбы? — спросила Альфекка. — Какие странные! Никогда не видела ничего подобного.

— Это анаблепсы, или четырехглазки, — ответил Аргос, довольный, что на рыб обратили внимание. — Они настоящее чудо природы. Горизонтальная перегородка делит их глаза на две части, каждая из которых имеет свою роговую оболочку, сетчатку и фокусное расстояние. Каждая из двух пар глаз идеально подходит для той среды, в которой действует: верхняя для зрения над водой, нижняя — в воде. Два разных набора глаз у одного организма! Четырехглазки могут видеть хищников и добычу одновременно под водой и над водой. Разве это не чудо?

Аргос выдержал эффектную паузу, наслаждаясь удивлением, написанным на лицах слушателей, а затем продолжал:

— Для меня это невероятное достижение биологической инженерии — наглядное доказательство существования высшего космического разума, направившего процесс эволюции. Я часто медитирую перед этим аквариумом и ощущаю осязаемое присутствие Создателя.

— Очень хорошо вас понимаю, — сказала Альфекка. — Я увлекаюсь астрологией — натальными картами и, в особенности, транзитами планет. Трудно представить масштаб разума, которому оказалось под силу задумать Вселенную, где движущие силы мира архетипов, процессов, протекающих в психике каждого отдельного человека, и коллективных событий на планете были бы увязаны с угловыми соотношениями движущихся небесных тел. Для меня это неопровержимое доказательство существования Бога.

— Такие факты окружают нас повсюду, — подтвердил Аргос. — Трудно представить, что были такие времена, когда ученые верили, будто вселенная возникла сама собой, а жизнь развилась без всякого участия Высшего разума. Мутации, естественный отбор, выживание сильнейших, ген эгоизма, «слепой часовщик» и всякая прочая чепуха. Взгляните, к примеру, на это растение — это еще один мой любимец!

Теперь Аргос показывал на крупные колокольцы цветов над аквариумом. Некоторые из них достигали полуметра в длину. Их зеленоватую поверхность покрывали причудливые красные узоры, а гофрированные края и внутренняя часть были ярко-алыми.

— Глаза рыбок-анаблепсов, предназначенные для разных целей, не могли быть порождением слепых механических сил, если учесть, насколько чувствительны оптические системы к малейшему изменению размера, положения и коэффициента преломления, — уверенно произнес Аргос. — А теперь взгляните сюда — вот еще одно чудо природы! Это *Nepenthes aristolochioides*, плотоядное растение. Можете себе представить, какая сложная инженерная мысль участвовала в создании такой гениальной ловушки для насекомых? Цветы должны вырабатывать нектар, чтобы привлекать насекомых, а еще кислоту и ферменты, чтобы их переваривать. У них одновременно присутствуют гофрированный ободок и восковая внутренняя поверхность, которые не позволяют насекомому вырваться из ловушки. А

напоследок полюбуйтесь на эту крышечку, защищающую внутренность цветка от дождя, который мог бы смыть нектар, кислоту и ферменты!

Альфекка, Альдебаран и Дафна с удивлением слушали Аргоса. В его устах эта маленькая лекция по биологии превратилась в необычайно красноречивую и убедительную проповедь.

— Я мог бы говорить об этом часами, но работа не ждет, — сказал Аргос, заставляя себя слезть с любимого конька. — Присаживайтесь, давайте поговорим. Мне хотелось бы кое-что рассказать вам о нашей программе. Уверен, у вас возникнет немало вопросов. Пожалуйста, не стесняйтесь, прерывайте меня в любой момент.

Дафна, которая слушала Аргоса с большим интересом, поняла, что начинается деловая часть встречи и ей пора прощаться. Когда она вышла, Альfekка и Альдебаран удобно устроились в больших мягких креслах. Аргос начал беседу с вопроса:

— Сколько времени вы изучали в академии перенос сознания между измерениями?

— Мы целый семестр изучали теоретические основы ПСИ, в том числе различные поля в квантовом вакууме и фермионном вакууме, энергии нулевых точек и казимирову силу, — доложил Альдебаран. — Ну и, конечно, взаимосвязь между виртуальными энергетическими полями и различные аспекты пространства-времени и материального мира, в том числе гравитацию, релятивистские феномены и физику частиц.

— А еще мы просмотрели цикл ваших лекций по практическим вопросам ПСИ, а ваша книга по этой теме входила в список обязательной литературы, — добавила Альfekка. — Ваши лекции доставили мне истинное наслаждение. Вы внесли потрясающий вклад в хрононавтику!

— Замечательно, я рад, что вы так хорошо подготовлены, — сказал Аргос, одобрительно кивая головой. — Что же касается моих достижений, то они не настолько впечатляющи и потрясающи, как может показаться, — попытался умирить восторги девушки Аргос. — Когда я начал свои исследования, все важнейшие компоненты, необходимые для разработки ПСИ, уже существовали. Перенос сознания в пространстве на большие расстояния стал уже почти привычным. С изобретением связи между измерениями появилась возможность посылать электронные сигналы через безопасные червоточины, а нанотехника достигла такого уровня, какого мы еще недавно и представить себе не могли. Я просто сложил все эти элементы на новый лад.

— Но ведь вы открыли, как можно перемещать сознание человека через барьер пространства-времени, а это феноменальное достижение! Вы слишком скромничаете! — перебила его Альfekка.

И она была права. Изобретение ПСИ было поразительным прорывом в хрононавтике. Микроустройства, детища Аргоса, позволили передавать сигналы, несущие переживания сознания, из одной точки пространства-времени в другую. Благодаря его открытию, пространственно-временные экспедиции могли больше не зависеть от наблюдений в реальном времени и аудиовизуальных записей исторических событий. Появилась возможность нехирургическим путем имплантировать ПСИ-микрпередатчики в мозг людей, принадлежащих к разным культурам и живущих в другие исторические периоды. После установки передатчики позволяли, используя гиперпространство как среду, постоянно наблюдать переживания этих людей через пространство-время. Такие передачи можно было записывать и хранить в архивах для последующего использования.

— Давайте забудем о заслугах и комплиментах и перейдем к делу, — продолжил разговор Аргос, чувствуя себя неловко от чрезмерных восторгов и похвал. — Действительно, ПСИ — очень полезный инструмент исторических исследований. Он позволил создать богатые архивы, в которых хранятся переживания людей многих эпох и культур. Но мы выбрали и пригласил вас сюда не для этого.

— Разве? — удивился Альдебаран. Он был уверен, что их взяли в институт, чтобы проводить хрононавтические исследования под руководством Аргоса.

— Вернее, не совсем для этого, — поправил себя Аргос. — ПСИ — важная часть того, чем вы будете заниматься, но только часть. Ведь вы видели новый зал посвящений? Его построили по моему проекту в ответ на мое предложение.

— А что вы предложили? — спросила Альфекка.

— Я предложил использовать архивы ПСИ не только для исторических исследований, но и как важную, неотъемлемую часть методики психодуховного преобразования. ПСИ-переживания могли бы стать важным элементом пороговых обрядов. Вот для чего построен зал посвящений.

— Для посвящений? А как они будут происходить? — заинтересовался Альдебаран. — Не могли бы вы рассказать поподробнее?

— Как вы знаете, пороговые обряды проводились в течение десятков тысяч лет, в частности как обряды при достижении зрелости. Наша цивилизация, призвав на помощь современную химию и электронику, отточила и усовершенствовала методики введения в особые состояния сознания. Использование ПСИ будет лишь еще одним шагом в этом же направлении.

— Как вы собираетесь ввести ПСИ в пороговые обряды, и какова будет наша роль во всем этом? — продолжал допытываться Альдебаран.

— Нашей задачей станут путешествия назад во времени и имплантация ПСИ-передатчиков специально отобраннным людям. Доступ к переживаниям этих людей даст посвящаемым уникальную возможность учиться на ошибках прошлого и поможет им осознать ценности, которые необходимы для гармоничной и умиротворенной жизни и крайне важны для сохранения нашей планеты.

— А как вы будете отбирать людей и определять самое подходящее место и время для ПСИ-записей? — спросил Альдебаран, до которого начала доходить гениальная идея Аргоса. Обучение методом прямого участия в исторических событиях должно предусматривать не только подлинные зрительные, слуховые и тактильные ощущения, но еще и все сопутствующие эмоции. Уж конечно, такое обучение более доходчиво, чем чтение исторических текстов или просмотр аудиовизуальных реконструкций исторических событий!

— Все наши вылазки будут сосредоточены только в третьем десятилетии двадцать первого века. Как вы знаете, это было очень сложное время для истории планеты, когда человечество и все живое на земле было на грани уничтожения. Я провел углубленное предварительное исследование этого периода, в том числе и неоднократные личные перемещения в хроноскофе, и нашел группу людей, которые идеально подходят для нашего проекта.

— Почему именно они так подходят для ваших целей? — спросила Альфекка.

— Этим периодом я заинтересовался еще в юные годы. Для меня всегда оставалось неразрешимой загадкой, что же так резко повернуло колесо истории в то время, когда земля была на грани катастрофы, казавшейся неизбежной и необратимой.

— И вы ее разгадали? — спросила Альфекка, которую начал увлекать рассказ Аргоса.

— Еще нет, но я нашел несколько важных ключей к отгадке, — ответил Аргос. — Здесь-то и выходят на сцену те люди, о которых вы спрашиваете. Все они — идеальные воплощения философской неразберихи и проблем своего времени. Все они пережили мощное преобразование в направлении, необходимом для сохранения жизни на планете. И, что самое важное, все они неоднократно пережили необычные состояния сознания, вызванные разными средствами.

— Почему вы считаете, что особые состояния сознания так важны? Как они связаны с этой проблемой? — спросил Альдебаран.

— После многолетних хрононавтических исследований я пришел к выводу, что в конечном итоге планету спасла эволюция сознания, подстегнутая необычными состояниями. Это

произошло в массовом масштабе и вызвало мощное психодуховное преобразование человечества.

— Что же могло вызвать глубокие изменения в сознании такого огромного количества людей? — удивилась Альфекка.

— Пока точно сказать не могу, — сказал Аргос, пожимая плечами, — но, надеюсь, мы сможем побольше разузнать об этом. Иногда эти состояния были вызваны разными известными методами и обстоятельствами, но иногда наступали по неизвестной причине. У меня есть сильное подозрение, что в последнем случае импульс исходил совсем из других измерений, — может быть, от Геи, а может, и от самого Вселенского Разума. Это было вмешательство свыше, преднамеренная попытка спасти жизнь на планете. Только так я могу объяснить, почему особые состояния сознания пережили сразу столько людей.

На молодых пилотов это произвело огромное впечатление. Предположение Аргоса, что поворот в истории, произошедший в двадцать первом веке, был вызван массовым изменением сознания людей, было фантастическим и в то же время вполне вероятным. Пока никто еще не предложил лучшей теории, которая объясняла бы эту важнейшую главу в эволюции жизни на планете.

— То, что мы сосредоточим внимание на особых состояниях сознания, поможет нам и в другом, — добавил Аргос.

— Что вы имеете в виду? — спросил Альдебаран.

— Время, когда сознание тех, за кем мы будем наблюдать, претерпело глубокие изменения, — лучшее время для хрононавтического вмешательства. В этом случае нам не придется прибегать к искусственной амнезии, чтобы стереть память о своем посещении. Люди просто посчитают нас частью своих переживаний, и без того настолько фантастических, что в них трудно поверить.

— В остальном правила такие же, как при обычных операциях? — поинтересовался Альдебаран.

— Да. Прибыв в назначенное место и время, мы, в зависимости от обстоятельств, или транспортируем отобранных людей в нашу лабораторию, или посылаем роботов, чтобы провести операцию на месте. Это сведет к минимуму контакт с точкой пространства-времени, которую мы посетим, и уменьшит риск необратимого вмешательства в историю, — ответил Аргос. — Имплантацию передатчиков будут проводить специально запрограммированные роботы, работающие под моим надзором. Так мы сможем избежать любых личных контактов с намеченными людьми.

— Каких роботов вы собираетесь использовать? — спросила Альфекка.

— Для таких операций лучше всего использовать насекомообразных роботов: их причудливый вид поможет скрыть наши цели от представителей посещаемой культуры. Все останется на уровне мифов и сказок или справочников по психиатрии. Когда видят нас или человекоподобных роботов, ситуация кажется гораздо более правдоподобной. Нас воспринимают более серьезно и удивляются, почему мы не хотим приземлиться и установить официальный контакт. Люди не понимают, что мы не можем сделать это без серьезного риска повлиять на будущее, а значит, и на наше настоящее, вплоть до создания временных парадоксов.

Аргос закрыл глаза и, сцепив руки за головой, откинулся в кресле. Немного помолчав, он добавил:

— Я только что понял, что забыл сказать вам кое-что важное. То, что отобранные люди пережили необычные состояния сознания, имеет для нашего проекта еще одно преимущество. Мы сможем использовать эти состояния, чтобы для тех, кому вживили ПСИ-передатчики, перемещение в наше время прошло гораздо более естественно и не так резко.

— Почему? — в один голос спросили Альдебаран и Альфекка.

— Особые состояния сознания обеспечивают эмпирический доступ к пси-полю Ласло. А как вы знаете, пси-поле содержит в себе трансвременную запись всей истории Вселенной, а также таит в себе мир архетипов, — объяснил Аргос. — Кроме того, оно тесно связано с квантовым полем и гиперпространством, которые мы используем для путешествий во времени. По этой причине зачастую трудно отличить особые состояния сознания от подлинных путешествий в пространстве-времени.

— Разумно, — согласился Альдебаран, вдруг задним числом поняв многое из того, что пережил во время посвящения, — но что-то по-прежнему не складывается. Как вы нашли этих людей? Как получили пространственно-временные координаты их необычных состояний?

— Это, разумеется, главный вопрос, тут вы попали в точку, — ответил Аргос, явно довольный тем, что Альдебаран так быстро вникает в проект. — Как я уже говорил, необычные состояния сознания позволяют установить особую связь с квантовым полем. К тому же они совершенно особым образом воздействуют на пси-поле Ласло. Следовательно, они отличаются от общих пространственно-временных схем, и их можно определить. Вы представляете, насколько это сложный технический процесс, но в нем вся суть. А когда передатчики на месте, можно очень быстро и без особого труда обнаружить любые важные переживания реципиентов.

— Боюсь, я не совсем поняла, что вы имеете в виду, — сказала Альфекка. — Ведь все равно придется наугад пробовать разные периоды их жизни, пока вы не найдете то, что ищете, ведь так?

— Нет, после того как передатчик будет на месте, мы можем просто путешествовать взад-вперед в воспоминаниях на нужной скорости, — объяснил Аргос. — Здесь используется тот же механизм, который имеет место в переживаниях на пороге смерти. Только в нашем случае обзор жизни будет не стихийным и обрывочным, а управляемым — с помощью электронной аппаратуры.

В глазах Альфекки фигура Аргоса приобрела мифическую величину. «Аргос! Какое подходящее имя для человека, который изобрел способ наблюдать тысячи ситуаций на протяжении всей истории! — размышляла она. — Ведь в древнегреческой мифологии так звали героя, чье тело было покрыто сотнями глаз. После его смерти Гера перенесла их на хвост павлина. Аргоса часто звали Паноптес, что значит «Всевидящий». То же самое можно сказать о гении, подарившем миру методику переноса сознания между разными измерениями».

— Ну, на сегодня хватит. У вас впереди... и позади еще много времени, чтобы задать мне вопросы, — сказал Аргос с лукавой улыбкой, намекая на непостоянство и причуды времени, так хорошо знакомые хрононавтам.

Путешествие за пределы пространства и времени

Альфекка вышла из душевого отсека, чувствуя себя свежей и бодрой. После утреннего ритуала, в который входили долгий душ, очищение чакр, молекулярная перестройка и противоокислительное промывание, она была готова встретить новый день. А день был не обычный. Сегодня им предстояло совершить первое пространственно-временное путешествие с Аргосом. Она вызвала Орландо, андроида многоцелевого назначения, запрограммированного на выполнение самых разных задач. Это была последняя модель серии РУР—31, названной в честь пьесы РУР (Россумовы универсальные роботы) чешского драматурга Карела Чапека, в которой впервые появился термин «робот».

Орландо явился почти мгновенно.

— Чем могу быть полезен, Альфекка? — спросил он приятным голосом.

— Принеси мне завтрак, обычный набор, — ответила Альфекка и усмехнулась, поймав себя на том, что чуть было не сказала «пожалуйста». Похоже, у нее с Орландо начинают завязываться почти личные отношения.

Альфекка любила начинать день с просмотра своих транзитов, а сегодня, учитывая грядущие события, ей захотелось взглянуть еще и на транзиты Альдебарана и Аргоса. Конечно, транзиты планет только определяют архетипические поля, воздействующие на человека в то или иное время, и не могут предсказать конкретные события, и все же они дают столько важной информации, что глупо не воспользоваться ею в моменты принятия важных решений.

Альфекка взглянула на карту Альдебарана и поняла, что о нем беспокоиться не стоит. Даже если бы она придирчиво перебрала карты всех своих сокурсников, ей вряд ли удалось найти более подходящего партнера, чем Альдебаран, которого Аргос предназначил ей в напарники. Юпитер в гороскопе Альдебарана стоял точно в зените, образуя большой трин с Солнцем и Венерой и секстиль с Сатурном. Неудивительно, что он баловень судьбы! Все сложные транзиты могли, в крайнем случае, нарушить ровное течение энергии, но никак не причинить серьезные невзгоды и страдания.

Собственная карта Альфекки внушала куда больше беспокойства. Главную проблему представлял Сатурн в асценденте. Суровый Сатурн, архетип, ведающий порядком, ограничениями и смертью, сильно влиял на ее жизнь, олицетворяя сдерживающую силу, с которой она вела ежедневную борьбу. Она особо болезненно ощущала смирительную рубашку, навязанную ей «великим чародеем», потому что благоприятная конъюнкция Уран-Нептун побуждала ее жаждать и искать безграничной свободы. Альфекка ненавидела жесткость и нежелание ослабить границы, которые Сатурн вносил в ее жизнь и, что самое неприятное, в ее отношения с мужчинами.

— Твой завтрак, Альфекка, — прервал ее астрономические размышления Орландо, вкатывая столик, на котором были тарелка тропических фруктов, чашка кофе, несколько тостов, масло, джем и мед. И, конечно, ежедневная доза пчелиной пыльцы с маточным молочком, минералами и витаминами.

Альфекка спроецировала карту Аргоса на экран и, жуя сочные ломтики папайи и ананасов, стала изучать его транзиты. Под стать самому Аргосу его натальная карта была загадкой из загадок. В его гороскопе был всего один главный аспект, но совершенно исключительный — стеллиум, тройная конъюнкция Солнца, Юпитера и Нептуна. Все эти три планеты расположились вокруг асцендента в пределах одного градуса. Вот откуда его духовная мощь, любовь, которую он излучает, глубина и широта его натуры. Но в его натальном гороскопе не

было ничего такого, что объясняло бы другие его качества и свершения: колоссальный ум, творческие способности и выдающиеся научные достижения.

Альфекке это показалось настоящей аномалией. А самым поразительным в натальной карте Аргоса было отсутствие важных аспектов как раз тех планет, которых можно было бы ожидать — Меркурия, Урана, Плутона и Сатурна. У девушки возникло подспудное чувство, что это имеет некий глубинный смысл, но пока у нее не было ключа, который позволил бы его разгадать. Альфекка припомнила: когда-то в статьях по парапсихологии она читала, что некоторые люди, чьи способности оценивались значительно ниже средних, демонстрировали поистине невероятные результаты. Она чувствовала, что тайна гороскопа Аргоса объясняется чем-то подобным.

Перейдя от теоретических размышлений к более практическим проблемам, Альфекка проверила транзиты всех трех гороскопов на грядущий день и убедилась, что ни один из них не содержит сложных, внушающих тревогу транзитов. Можно было расслабиться и ни о чем не тревожиться. Тут ей пришла в голову мысль проверить транзиты в разные периоды двадцать первого века, куда им сегодня предстояло отправиться, но полученный от Альдебарана вызов напомнил, что пора отправляться в путь.

* * *

Войдя через главный вход в хронодромный зал, Альфекка и Альдебаран направились прямо к громадному сооружению в центре, окруженному пугающим лабиринтом электронных приборов. Это был самый большой и мощный хронодром из существующих на Земле. В двенадцатигранной форме его внешней оболочки было что-то магическое. Загадка двенадцатигранника, или додекаэдра, уходила корнями глубоко в историю, в самую античность. Платон очень ценил эту геометрическую фигуру и считал одной из архетипических фигур, или «тел», — священных вселенских форм. Когда в Древней Греции был открыт принцип додекаэдра, его хранили в тайне, которая была известна только узкому кругу посвященных.

В одной из пятиугольных граней хронодрома находилось большое эллиптическое отверстие — автоматический люк. Напротив него, опираясь на длинные телескопические ноги, застыла на приподнятой платформе сверкающая чечевица хроноскофа. Новая модель хронодрома являла собой последний триумф пространственно-временной техники. Как и старые модели, он был способен создавать червоточины с ближним отверстием в хронодромном зале, а дальним — в другой пространственно-временной точке, выбранной оператором. Однако целый ряд выдающихся новаторских разработок позволил отодвинуть дальнее отверстие на расстояние в пятьсот миллионов миль и на одиннадцать веков назад. Это почти вдвое превышало радиус действия предыдущих моделей.

Такой прогресс отчасти объяснялся возросшей способностью нового хронодрома ускорять массу и сжимать пространство-время. Столь же, а может, даже более важным, было изобретение новых антигравитационных материалов, применяемых для стабилизации мостов Эйнштейна-Розена — пространственно-временных тоннелей, получаемых в результате соединения ближнего и дальнего отверстий червоточины. Червоточины, в отличие от своих кузин, черных дыр, не являются частью эволюционного цикла звезд. Они не вызваны гравитационным коллапсом звезд — их приходится создавать искусственно. Прежде чем через вновь проделанную червоточину может что-то проникнуть, она расширяется и сужается. Результатом становятся катастрофические приливные силы и внутреннее радиоактивное поле невероятной

интенсивности. Оставшемуся позади наблюдателю потребовалось бы бесконечно долгое время, чтобы пройти через необработанную червоточину.

Для путешествий через пространство-время решающей проблемой стало умение создать достаточно большую червоточину, сделать ее устойчивой и держать открытой. Это так называемое приручение червоточин стало возможным благодаря открытию класса решений для уравнений субквантового поля. Попутно было обнаружено существование ранее неизвестного макроскопического поля, которое можно использовать для того, чтобы предотвращать сжатие червоточин. А недавно открытый новый антигравитационный материал продемонстрировал замечательную способность раздвигать стенки ходов и стабилизировать их. В итоге получаются червоточины, которые не ставят проблем, характерных для черных дыр в целом и червоточин в частности. Приливные нагрузки стали гораздо меньше, а внутренние радиационные поля слабее. К тому же они обеспечивают доступ в обоих направлениях и быстрый переход, если судить по измерениям внешнего наблюдателя.

Аргос, Альдебаран и Альфекка поднялись по лестнице, ведущей на платформу, где стоял хроноскоф. На блестящей серебряной поверхности аппарата большими стилизованными буквами было написано «Бардо экспресс» — прозрачный намек на *бардо тодол* — выражение, которым в «Тибетской книге мертвых» обозначено промежуточное состояние между двумя последовательными воплощениями. Вполне подходящее название для средства, переносящего живые существа в другие точки времени и пространства.

Трое хрононавтов поднялись по узкой выдвинутой лестнице и вошли в хроноскоф.

— Ну вот, — сказал Аргос, когда они очутились внутри аппарата, — сейчас начнется наше первое путешествие! Готовы пахать пси-поле? — добавил он с лукавой искоркой в глазах.

— Всегда готовы! — ответил Альдебаран.

Альфекка ответила энергичным кивком.

— Приготовиться к старту! — скомандовал Аргос.

Членистые ноги втянулись внутрь хроноскофа. Диск завис над землей и медленно поплыл к отверстию в стенке хронодрома. Когда он исчез внутри додекаэдра, люк автоматически закрылся и заперся.

В хроноскофе было два командных отсека: один для движения в гиперпространстве и пространстве-времени, другой для управления роботами. Альфекка и Альдебаран заняли свои места в первом отсеке. Они приказали компьютеру произвести последнюю проверку. Аргос в последний раз проверил команду роботов, систему молекулярного транспорта и аппаратуры для переноса сознания между измерениями. Затем Альдебаран ввел в компьютер координаты высадок, намеченных Аргосом для этой экспедиции.

«Компьютер, изображение ГЛОБУС, цель номер один», — скомандовала Альфекка. Перед ней развернулось огромное трехмерное голоизображение Земли и повисло в воздухе. Когда она запросила географические координаты первой цели, Глобус пришел в движение и продолжал вращаться, пока прямо перед Альфеккой не появилась Южная Америка. Маленькая яркая точка света бежала по поверхности шара, пока не остановилась на побережье Колумбии.

— 11 августа 2036 года, 22 часа 35 минут, — задала она временные координаты, а когда цифры появились на экране, добавила: — Старт!

Все они были опытными путешественниками по пространству и времени и привыкли к кратким периодам глубоких изменений сознания, которыми сопровождается путь через тоннели Эйнштейна-Розена. Новичкам, поступившим в Академию пространства-времени, труднее всего было привыкнуть к психологическим эффектам, возникающим при воздействии гиперпространства и пси-поля Ласло. Эти переживания представляли собой такое сложное и напряженное испытание, что становились для некоторых курсантов непреодолимым барьером, о

который разбилась не одна многообещающая карьера. При прохождении через тоннель возникало ощущение, будто все сущее неумолимо всасывается в центр гигантского тора, сжимается в одну точку и выходит на его поверхность с другой стороны. В этой последовательности взрывного сжатия и расширения кажется, будто все выворачивается наизнанку и переворачивается вверх тормашками, будто едешь по многомерной ленте Мебиуса. Все это сопровождается вереницей стремительно сменяющих друг друга видений: проносятся пейзажи, сцены из истории человечества и архетипические образы мифологических существ и миров. Эти картины чередуются с такой быстротой, что невозможно толком ничего запомнить. При возвращении в прежнее пространство-время те же видения проносятся в обратном порядке.

На этот раз, за исключением привычных и предсказуемых психологических реакций, переход через гиперпространство оказался небогат событиями. «Бардо экспресс» вошел в заданное пространство-время в точке первой цели и теперь висел метрах в тридцати над землей. На мониторе с одной стороны виднелась залитая лунным светом гора, а с другой — лагерь, в котором не было никаких признаков жизни, кроме света в одной из палаток.

— Возьмите чуть подальше от лагеря и вверх по склону, — сказал Аргос, изучая показания приборов. Оттуда идет сильное излучение жизненной энергии. Должно быть, это тот, кто нам нужен.

Аппарат сделал стремительный горизонтальный маневр в указанном направлении, и инфракрасные датчики поймали контур быстро передвигающегося человека. Это был Крис Бэрни, который углублялся в джунгли, беспорядочными зигзагами пробираясь сквозь густую тропическую растительность.

Альдебаран и Альфекка пришли на очередную встречу с Аргосом. На этот раз он не встал, чтобы, как обычно, заключить их в объятия. Он сидел в позе лотоса на *зафу*, твердой подушке для медитации, — ноги скрещены, руки сложены пониже пупка. Сияющий свет его глаз резко выделялся на черном фоне расширенных зрачков. Эти глаза очень напоминали две яркие звезды, каким-то чудом сошедшие на его лицо с ночного небосвода. А еще Альдебаран и Альфекка заметили, что все его тело окутывает светящееся энергетическое поле. Он больше походил на святого или великого гуру, чем на ученого.

— Садитесь, пожалуйста, — ласково произнес Аргос, постепенно возвращаясь к обычному состоянию сознания. — Простите, что сегодня я не так общителен и разговорчив, как всегда. Я провел несколько дней, погружившись в переживания тех людей, которым мы имплантировали ПСИ-передатчики. И знаете, то были не просто обычные биографии — они содержали в себе яркие мистические состояния. Усвоив за короткое время такое множество человеческих судеб и переживаний, я значительно расширил свое сознание. Это произвело на меня глубочайшее впечатление, и мне нужно некоторое время, чтобы все это переварить.

Слушая Аргоса, Альфекка вдруг поняла, что таит в себе его натальная карта. Это было продолжение тех мыслей, которые начали складываться у нее несколько дней назад, во время одной из пространственно-временных экспедиций. В особом состоянии, вызванном переходом через гиперпространство, у девушки возникло ощущение, что ее сознание на краткий миг слилось с сознанием Аргоса. Оно было безбрежным и не имело никаких личностных границ и пределов — этого и следовало ожидать от человека, чье Солнце, символ архетипического принципа индивидуального и самодостаточного «я», находится в такой тесной связи с Нептуном, символизирующим нераздельное космическое единство и полное растворение личности. А Юпитер, «великий благодетель», улучшающий и развивающий все, к чему прикасается, только усиливал те качества, которые делали Аргоса космическим существом, а не человеком в обычном смысле слова. Очевидно, Аргос уже много раз рождался и в своих прежних воплощениях проделал большую духовную работу, а потому теперь был свободен от обычного груза кармы. Он явно не имел никаких личных целей и был чистым каналом связи с божественным, истинным бодхисаттвой, который живет для других и ради других. Именно поэтому большая часть его гороскопа выглядела такой обычной, за исключением сильных аспектов Нептуна, символизирующих связь с коллективным бессознательным, с космосом в целом. И его эксперименты с ПСИ-передатчиками прекрасно вписывались в эту картину. Он проживал жизни многих людей из самых разных эпох. В каком-то смысле он был всеми ими и в то же время никем из них конкретно. Эти догадки очень воодушевили Альфекку. Конечно, ей хотелось бы развить их дальше, но сейчас было не время для астрологических изысканий.

— Поразительное впечатление! — начал делиться своими переживаниями Аргос. — Теперь я гораздо яснее понимаю тот ужасающий глобальный кризис, который разразился в первые десятилетия двадцать первого века, и то, как его удалось преодолеть. Это совсем не та версия, которую обычно преподносят нам историки.

— В каком смысле не та? — спросили в один голос Альдебаран и Альфекка.

— Мы привыкли смотреть на тот период, как на время, когда после многовековой борьбы и безуспешных попыток установить мир на планете человечеству в конце концов удалось обуздать свои первобытные животные инстинкты и, призвав на помощь разум, справиться с ситуацией, — произнес Аргос с улыбкой, подчеркивающей наивность такого утверждения. — И мы думаем,

что важным фактором в этой критической, поворотной точке истории стала невероятная мощь оружия массового поражения, — именно она сделала войну немислимой. Таким образом человечество сумело изменить ход истории как раз в тот момент, когда она могла вот-вот закончиться глобальной катастрофой. Все это обычно преподносится как победа рационального начала и логики над иррациональными побуждениями.

— А разве все было не так? Что еще, кроме человеческого разума и интеллекта, смогло предотвратить катастрофу? — спросила Альфекка

— Один разум не смог бы обуздать и смирить всколыхнувшиеся стихийные силы, — покачивая головой и приподняв брови, ответил Аргос. — Только представьте себе природу и масштабы происходящего! Это было роковое сочетание глубоко укоренившихся животных инстинктов, унаследованных человеческим видом, и всего объема губительных эмоций, хранящихся в индивидуальном и коллективном бессознательном. Поле сознания человеческого вида было омрачено тысячелетиями всеобщих страданий и бессмысленных кровопролитий — следствиями войн и революций, а также эмоционального и физического насилия родителей над детьми, которое как проклятие передавалось из поколения в поколение. Добавьте к этому порабощающую власть техники и промышленности, нацеленных исключительно на получение прибыли, и вы увидите, что у разума было столько же шансов, сколько у снеговика в адском пекле.

— Какая же сила, более могущественная, чем разум, помогла человечеству разрешить эту проблему? Неужели чудо? — спросила Альфекка, не веря, что слышит такое от самого выдающегося ученого всех времен. Она поймала себя на том, что начинает ощущать смутное беспокойство: ведь ее заставляют усомниться в силе разума и научного прогресса, и делает это человек, мнением которого она не может пренебречь!

— Ты не так уж далека от истины, Альфекка. Во время одной из наших последних встреч я рассказывал вам о своих догадках. Тогда я говорил, что толчок, который предотвратил катастрофу и спас человечество, мог прийти из-за пределов разума, — напомнил Аргос. — Сейчас я абсолютно уверен, что он как-то связан с особыми состояниями сознания. Мы очень недооцениваем ту роль, которую эти состояния играют в предотвращении опасных саморазрушительных тенденций в истории человечества.

— Как вы пришли к такому выводу? — удивилась Альфекка.

— Думаю, что во многом благодаря счастливой случайности, — сказал Аргос. — Изучая взаимосвязь квантового поля и пси-поля Ласло, я наткнулся на следы мощного энергетического поля, оставленного в пространстве-времени каким-то загадочным источником. Здесь явно присутствовала связь с полями сознания совершенно особой группы людей. Со многими из них вы уже знакомы — мы посетили их, когда они переживали особые состояния сознания, и снабдили ПСИ-передатчиками.

— Что делает их такими «особыми»? — спросила Альфекка.

— Все они типичные представители своего безумного мира, а поэтому идеально воплощают дух времени. Все испытали мощные мистические переживания и коренное психодуховное преображение. Настроившись на их жизни и разделив с ними эти мистические состояния, я получил возможность разобраться в том периоде. И еще я понял, что же спасло человечество от коллективного самоубийства.

Выражение лица Аргоса и сияние его глаз красноречиво говорили о том, что он пережил какие-то исключительные откровения и прозрения.

— Не могли бы вы поделиться с нами своими открытиями? — попросил Альдебаран, все это время сгоравший от любопытства

— Если выразить это в двух словах, то шла упорная борьба двух мощных диаметрально

противоположных направлений, — для большей наглядности Аргос широко развел руки в стороны. — Вместе со стремительным наступлением технического прогресса склонности к разрушению и саморазрушению, присущие человеческой природе, приобретали все более опасные формы выражения. В частности, я имею в виду безудержную жестокость и ненасытную алчность — две силы, которые с самого начала формировали историю человечества. В двадцатом веке безумная гонка вооружений создала технику, способную полностью уничтожить жизнь на планете. К тому же экономика и бизнес были полностью одержимы идеями неограниченного роста и материального накопления. Наука и техника сотворили обезличенную промышленность — машину, которая, словно чудовищный динозавр, стала жить самостоятельной жизнью, независимой от интересов людей.

— Вы сказали, что существовали два противоположных направления. Каким же было второе? — вставила Альфекка, которой не терпелось узнать взгляд Аргоса на этот самый опасный период в истории человечества.

— Противоположной и единственной силой, способной противостоять этой убийственной и самоубийственной тенденции и в конечном итоге изменить ее, было стремительное преобразование сознания и возврат к духовности. И эта эволюция не была постепенной и линейной — то был квантовый скачок, вызванный и ускоренный различными мистическими состояниями.

— Должно быть, переход действительно произошел мгновенно, — сказал Альдебаран. — Читая об истории того периода, понимаешь, что человечество было на грани полного уничтожения. Это могло вызвать глобальную катастрофу, по сравнению с которой взрыв сверхновой звезды, погубивший динозавров, кажется рядовым генетическим экспериментом.

— Аргос, вы говорили о загадочном предмете, оставившем энергетические следы в пространственно-временном пси-поле, — напомнила Альфекка. — Как вы думаете, что бы это могло быть?

— Пока я работаю над этим, и сейчас рано об этом говорить. Знаю только, что это как-то связано с хрустальным черепом, удивительным предметом, который Лора Паркер нашла в колумбийских джунглях, в развалинах древнего города майя. Благоадрия ПСИ-передатчику мне удалось познакомиться с первым переживанием, которое испытала Лора при находке черепа. Произошло невероятное, такое не представишь даже в самых смелых фантазиях. Я вступил в телепатическую связь с мифическим женским божеством.

— Оно похоже на какую-нибудь известную богиню? — спросил Альдебаран.

— Нет. Очевидно, она не принадлежит ни к одной конкретной культуре. Такое ощущение, что это Космическая Мать, великая Богиня-Мать... высший источник всех матерей, архетипических и земных...

Речь Аргоса, обычно гладкая, размеренная и четкая, внезапно стала странно прерывистой. Казалось, он с трудом подбирает слова. — Я действительно говорил с ней... Я видел ее безграничную боль, слышал ее горестные сетования о той опасности, которая грозит планете... А потом она вручила мне череп и велела отнести моему народу... сказала, что он спасет человеческую цивилизацию.

— Если, вас так поразило это переживанием, какое же впечатление оно должно было произвести на Лору! — удивлялась Альфекка.

Было видно: вспоминая эту невероятную встречу и рассказывая о ней, Аргос испытывает глубокое волнение. Голос его дрожал, слезы стекали по его лицу, орошая густую бороду.

— Да, это потрясло меня до глубины души, — твердо произнес он, справившись с волнением. — Надеюсь, мне удастся проследить историю и судьбу черепа. Но, скорее всего, в ближайшее время, разгадать тайну его происхождения не удастся. Я уверен, что ее истоки лежат

за пределами временного радиуса действия нашего хронодрома.

* * *

Аргос сидел на подушке для медитации перед открытой шкатулкой. Она была сделана из редкого дерева коа и украшена прекрасной резьбой и инкрустацией, изображающей приключения космического героя Мауи. Внимание ученого было сосредоточено на паре пронизывающих глаз, красный свет которых сиял из изумрудно-зеленой глубины черепа. С тех пор как ему удалось проследить его в пространстве-времени, установить местонахождение и завладеть им, такая ежедневная медитация стала неотъемлемой частью его распорядка.

Прошло немало времени, пока ему удалось смотреть на череп продолжительное время, сохраняя покой ума. Аргос полагал, что значительную роль в этом процесс сыграли ПСИ-переживания, в которых он был Баламом Ахау. Теперь эти медитации были для него неисчерпаемым источником новых идей. Последний его план был посвящен усовершенствованию порогового обряда, который в качестве заключительного испытания будет включать коллективное переживание, связанное с черепом.

Разговор с Болинасом

Роберт Хантер с головой ушел в работу, стараясь найти самые свежие данные исследований по биоробототехнике. Он наслаждался удобством, которое обеспечивало новое кресло, специально сделанное для работы за компьютером. Его спинка и подлокотники могли располагаться под любым углом, давая возможность телу принимать самые разные позы, от строго вертикальной до почти горизонтальной. Благодаря большим мониторам с высоким разрешением, голосовым командам и дистанционному управлению можно было проводить за компьютером много часов, не опасаясь неприятных последствий, которые в прошлом грозили заядлым путешественникам по киберпространству.

Зоркие глаза Роберта следили за быстро бегущим текстом, который знакомил его с исследованиями и новыми идеями коллег. Он так сосредоточился на работе, что не сразу услышал настойчивый сигнал головифеофона. Роберт прервал работу и дал машине команду установить связь. В воздухе перед ним возникло изображение смутно знакомого мужчины с венчиком седых волос и щегольской бородкой.

Нескольких мгновений Роберт силился вспомнить, где он видел этого человека, но в конце концов сдался и официальным тоном произнес:

— Здравствуйте, я доктор Хантер. Чем могу быть полезен?

Мужчина улыбнулся и назвал себя:

— Привет, Роберт. Вижу, ты не меня узнал. Много воды утекло! Я Эд, Эд Паркер, друг и коллега твоего брата Альфа. Часто бывал у вас дома, когда ты был еще мальчишкой. А это моя дочь Лора.

Теперь Роберт припомнил Эда и то, как приезжал к ним домой.

— Конечно, Эд, я тебя помню, — сказал он, — вы с Альфом были не разлей вода. Все подшучивали над вами, называя сиамскими близнецами. Тогда я не понимал, что это значит, и все время удивлялся. Прости, что сразу тебя не узнал, — извинился Роберт.

Его голос сразу утратил былую уверенность и официальность и стал ломким, почти мальчишеским. Но не Эд Паркер и его репутация в научном мире были причиной такой внезапной метаморфозы. Все дело было в Лоре, ее тонком лице и точеной фигуре — она неожиданно появилась из-за спины отца, когда тот назвал ее имя. От неожиданности и удивления у Роберта даже дух захватило.

— Привет, Лора, рад видеть тебя снова, — с трудом выдавил он банальное приветствие, глядя на девушку так, будто она была призраком, видением из других измерений. — Когда я видел тебя последний раз, ты была еще маленькой девочкой. Как же ты изменилась, просто не верится! — добавил он, изо всех сил пытаясь скрыть волнение и взять себя в руки.

— Роберт, мы звоним тебе, чтобы договориться о встрече, — вступил в разговор Эд, давая Роберту возможность снова принять официальный вид. — Мы с Лорой сейчас в Колумбии, на раскопках древнего города майя.

— Древний город майя в Колумбии? — недоверчиво спросил Роберт, удивленный тем, что услышал. Стараниями брата он неплохо разбирался в археологии и знал, что такая возможность очень маловероятна.

— Да, для нас самих это тоже было неожиданностью, — согласился Эд, — но теперь мы вполне уверены. Лора изучает антропологию в Беркли и приехала ко мне на несколько недель, чтобы совместить практику и отдых. Здесь мы столкнулись с совершенно необычной проблемой, и нам нужна помощь профессионала твоего уровня. Дело в том, что Лора нашла очень

интересный и загадочный предмет: человеческий череп в натуральную величину, сделанный из горного хрусталя, вероятно, очень древний. Он оказывает непонятное психологическое воздействие на тех, кто с ним соприкасается.

— О каком воздействии идет речь? — спросил Роберт рассеянно, не выказывая ни особого удивления, ни профессионального интереса. Он делал вид, что слушает Эда, но все его внимание занимала Лора. Роберт смотрел на нее страстно и зачарованно, как томимый жаждой путник, заблудившийся в раскаленной пустыне и пораженный видом вождя источника.

С юных лет он привык ставить на первое место науку, пожертвовав ради нее личной жизнью. Его неудачный брак и скоропалительный развод еще больше усугубили такое положение дел, и Роберт перестал встречаться женщинами. Это сделало его крайне восприимчивым и уязвимым для женских чар как психологически, так и физически. Лора вторглась в этот мучительный вакуум в его изголодавшемся сердце, выпустив на волю яркие эмоции и фантазии, которые может породить только образ анимы*.

— Воздействие самое разнообразное, — ответил на вопрос Роберта Эд. — В реакции людей на череп не прослеживается никакой определенной, узнаваемой модели. Это могут быть яркие встречи с архетипическими существами, мистические состояния, параноидальные эпизоды, похищения инопланетянами и странные энергетические явления, — пояснил он свои слова. — Я ищу знающего ученого, который захотел бы разобраться в этом явлении и изучить его. Может быть, тебя это заинтересует?

Внимание Роберта было приковано к голографическому образу Лоры, грациозно парящему в воздухе.

«До чего красивая женщина», — подумал он, а вслух сказал:

— Буду рад увидеться с вами, когда вернетесь в Калифорнию. Когда вы собираетесь приехать?

Роберт не сомневался, что хочет встретиться с Лорой. Ради этого он был готов пойти на все, даже исследовать таинственное творение майя. Но сейчас, это, конечно, не было его главной заботой.

— Мы с Лорой прилетаем через несколько дней, в следующий четверг, — ответил Эд. — Я планирую пробыть дома пару недель. Так что годится любое время после четверга. Ты человек занятый, поэтому назначь время, а мы уж как-нибудь подстроимся.

— Сейчас посмотрю календарь... У меня как раз есть окно на следующий день после вашего приезда, в пятницу. Правда, это девять утра, наверное, для вас это слишком рано — вы захотите отдохнуть.

Роберт соврал: в обозримом будущем никакого окна у него не предвиделось. Но ему так хотелось увидеть Лору, что он назвал ближайшее время, решив уладить все детали потом.

— Никаких проблем, мы приедем, — поспешила ответить Лора, и Эд согласно кивнул.

— В НИПИСе очень строгий режим, — предупредил Роберт, — ведь мы работаем на оборону и многие наши исследования засекречены. В институте есть специальная приемная для посетителей, она находится отдельно от остального комплекса. Охранник проводит вас туда. И учтите, что череп понадобится мне на несколько дней.

Как только лицо Роберта растаяло в воздухе, Лора почувствовала, что вместе с ним растаяли ее сомнения и опасения по поводу научного исследования черепа. Она пришла к выводу, что эта мысль совсем не так плоха.

«Что мы теряем? — подумала она. — В худшем случае Роберт, как и мы, не сможет объяснить воздействие черепа на людей». Но у нее хватило ума и честности, чтобы признаться самой себе, почему она изменила мнение. Роберт был привлекательным, умным, интересным мужчиной, и ей не терпелось встретиться с ним лично.

Прощание с Баламом Ахау

Лора не раз поражалась, как быстро начинает бежать время, когда случается что-то необычное. К сожалению, и пребывание в Колумбии, несомненно, самый важный и захватывающий период ее жизни, не был исключением из этого правила. Он подошел к концу так внезапно и неумолимо, что это застало ее врасплох. Девушка разобрала и уложила свои подробные записи, упаковала спартанские пожитки, которые брала с собой в тропики, и быстро распрощалась со всеми обитателями лагеря. Последнее, что оставалось перед отъездом, — прощание с Баламом Ахау.

По дороге из лагеря в деревню Лора несколько минут постояла у водопада. С тех самых пор как она впервые встретила здесь старого шамана, это идиллическое место в тропическом лесу приобрело для нее особое значение. А яркое переживание, которое она здесь испытала, возвращаясь после эксперимента с грибами, сделало для нее водопад и озеро священным местом паломничества, сосредоточием исключительной духовной силы.

Лоре с трудом верилось, какое глубокое преобразование пережила она с тех пор, как Балам Ахау впервые явился ей во сне. Западные учебные программы внушают студентам-антропологам глубокую веру в превосходство материалистической науки, рационального начала и промышленной цивилизации. Лора приехала в Колумбию, разделяя снисходительное отношение к здешнему народу, свойственное многим ее коллегам. Она считала себя цивилизованным и образованным человеком, чья задача — наблюдать и изучать примитивную культуру.

Конечно, Лору интересовали ритуалы и духовная жизнь других народов, но интерес этот был чисто интеллектуальным. Ей было любопытно узнать, во что верят разные группы людей и как проявляются эти верования в их религиозной деятельности. Ей и в голову не приходило, что они могут быть чем-то большим, нежели предрассудки, примитивное магическое мышление и недостаток образованности. Встречи с Баламом Ахау и собственные переживания с грибами и черепом полностью изменили ее отношение. Теперь она питала глубокое уважение к мудрости здешних жителей, к их пониманию тех обычно незримых измерений реальности, с которыми промышленная цивилизация утратила связь. Духовное измерение бытия больше не было для нее вопросом веры — это была реальность, живая и пережитая.

Лора всегда любила природу, но никогда прежде не испытывала ничего, даже отдаленно напоминающего ту сильную, почти инстинктивную связь со всем живым, которую она ощущала теперь. Столь же новой была для нее глубокая забота о будущем всей планеты. Многие из того, что она раньше едва замечала или даже избегала, теперь имело для нее первостепенно значение. Она чувствовала свою глубокую причастность к трагедии человечества, перед которым маячил призрак коллективного самоубийства. Ей было ясно, что единственная надежда на спасение — это коренное преобразование сознания, причем в достаточно большом масштабе. И она намеревалась сделать все возможное, чтобы это произошло, если время еще осталось.

Дорога, ведущая из лагеря в деревню, показалась ей длиннее и круче, чем обычно. С тоской и печалью Лора поднималась по плитам древней лестницы, пересекала горбатые мостики, нависшие над быстрыми потоками, прислушивалась к шуму водопадов. Она ощущала тяжесть в сердце, и от этого подъем казался куда труднее, чем обычно, хотя она очень окрепла с тех пор, как приехала сюда. Девушка не сомневалась: все дело в том, что она идет в деревню в последний раз перед возвращением в Сан-Франциско. И Балама Ахау она сегодня видит в последний раз...

Показавшиеся вдали крыши прервали ее грустные мысли и воспоминания. Проходя по деревне, она ненадолго останавливалась поговорить со встречными. Часто бывая в здесь, Лора

достаточно освоила местный язык, чтобы сказать, что уезжает, и попрощаться со всеми.

Сидя перед домом, Балам Ахау пел, сопровождая себя на маленьком струнном инструменте, который сам сделал. Увидев Лору, шаман отложил инструмент.

— *Буэнос тардес*, Лора, — приветствовал он девушку, вопросительно глядя на нее. — Ты пришла навестить друга, а вид у тебя такой, будто собралась на похороны. Что случилось?

Когда Балам Ахау говорил это, Лора заметила, что он не лучится обычной жизненной энергией.

— *Муй буэнос*, Балам Ахау, — ответила она. — Сегодня не лучший день. Завтра я уезжаю и пришла проститься. Я вообще не люблю прощаний, но дело не в этом. По дороге у меня было много времени подумать, и я поняла, как полюбила эту гору, этот лес, людей в деревне и особенно тебя. Мне будет тебя очень не хватать. Как подумаешь, какая даль нас разделяет...

— Близко мы или далеко друг от друга, это не всегда измеряется километрами, — утешил ее Балам Ахау. — Можно находиться в одной комнате и быть бесконечно далекими, а можно уехать за тысячи километров и никогда не расставаться. Скоро я тоже собираюсь в дальний путь. Но я всегда буду с тобой, Лора, даже когда умру.

Ответ Балама Ахау озадачил Лору и заставил по-новому посмотреть на происходящее.

— Думаю, я поняла тебя, — сказала она, вспомнив яркий образ Балама Ахау в ее сан-францисском сне. — Но все-таки хорошо видеть тебя, прикоснуться к тебе. — Лоре не хотелось слышать о возрасте Балама Ахау и о том, что он может умереть.

Они прошли к площадке, откуда открывался великолепный вид. Это было то самое место, где они сидели несколько дней назад после порогового ритуала для молодых охотников. Они сели и стали смотреть на величавый горный хребет, покоящийся под шатром синего неба. Высоко над ними, еле различимый глазом, кружил орел, ловя распростертыми крыльями воздушные потоки. Возможно, это был тот самый орел, которого они видели в день ритуала.

— Душа человека свободна, как орел, — сказал Балам Ахау, указывая на царственную птицу. — Препятствия и расстояния для нее ничто. Она умеет летать и попадать в любое место, куда только пожелает.

Оба долго молчали. Лора знала, что молчание Балама Ахау дало ей больше знаний, чем лекции и пространные объяснения других людей. Обычно в присутствии шамана она испытывала удивительное чувство покоя и простора, но сегодня казалось, что их что-то разделяет. У нее не было сомнений, что его энергетическое поле резко изменилось. Казалось, Балам Ахау взвалил на себя огромное бремя печали и тоски, которое обволакивало его, как густая темная туча.

— Что-нибудь случилось, Балам Ахау? — спросила Лора. — У тебя печальный вид. Никогда не видела тебя таким.

— Ты очень чуткая, Лора, — ответил Балам Ахау. — Мне и правда нехорошо. Происходит что-то ужасное, какое-то страшное несчастье. Я поел грибов, и мне было видение — одно из тех, про которые я тебе рассказывал, когда мы встретились в первый раз. Они связывают меня с разными местами на планете и никогда не обманывают. Я увидел очень сильный взрыв, который убил множество ни в чем не повинных людей, сотни тысяч, может быть, миллионы.

— А ты узнал место? Где это было? — испуганно спросила Лора. Она очень почтительно относилась к видениям Балама Ахау и знала: к тому, о чем он говорит, нужно относиться со всей серьезностью.

— Точно не могу сказать, но где-то на Дальнем Востоке, если судить по тому, как люди были одеты, и по их виду. Разрез глаз, строение скул, цвет кожи и волос... они явно азиаты... может быть, китайцы... — ответил Балам Ахау тихо и печально.

Сказав это, он погрузился в долгое молчание, словно читал заупокойную молитву, реквием

по душам всех жертв страшного бедствия, которые теперь странствуют в промежуточном мире между этой жизнью и загробным царством.

Когда Лора собралась возвращаться в лагерь, Балам Ахау сказал ей очень серьезно и озабоченно:

— Начинается последняя битва между Жизнью и Смертью. Это может стать началом конца. Слушай меня внимательно, Лора! Может быть, еще есть время! Обязательно отнеси хрустальный череп своему народу. Твой мир в опасности и нуждается в нем. Череп сам найдет нужный путь. Именно для этого судьба свела нас с тобой в такое время.

И сразу выражение лица его изменилось. Казалось, он стряхнул с себя невероятный груз. Печаль исчезла с его лица, словно ее унес легкий ветерок, ласково овевающий склон горы, и лицо озарила ласковая улыбка. Шаман достал из кармана пакетик, тщательно завернутый в листья.

— Знаю, как ты любишь тортильи с эскамола, сказал Балам Ахау, протягивая Лоре местный деликатес. — Вот я и подумал, что муравьиные яйца пригодятся тебе для последнего ужина.

— Какой ты внимательный, *мучас грациас*, — сказала Лора со слезами на глазах. — Огромное спасибо!

Подарок был сделан от чистого сердца, и Лора растрогалась.

— У меня тоже есть для тебя кое-что, — сказала она, снимая с шеи цепочку с золотым египетским анком. Лора любила египетское искусство и религию, и это было ее любимое украшение.

Протянув руки, она надела цепочку Баламу Ахау на шею.

— Это нильский крест, священный символ египтян, олицетворяющий возрождение и вечную жизнь, — объяснила она, думая, что Баламу Ахау он незнаком, и, увидев протестующий жест шамана, добавила: — Это очень эгоистичный подарок. Я даю его тебе, чтобы ты меня помнил и не забывал.

Они погуляли вместе, побывав в тех местах, которым отныне было суждено глубоко храниться в душе Лоры, — то были места ее посвящения и преображения. И вот настало время прощаться. Лора обняла старика и расцеловала в обе щеки.

— До свидания, Балам Ахау, я так благодарна за все, что ты мне дал! — сказала она. — Никогда тебя не забуду.

— *Ааста ла виста*, — тихо, но твердо произнес Балам Ахау, — мое благословение с тобой, Лора. *Йо те амо. Вайя кон дио.**

Уходя Лора заметила несколько слезинок, скатившихся по глубоким морщинам, избородившим лицо шамана, и поняла, что он тоже тронут. Его духовное знание дало ему великую силу, но не сделало неуязвимым для человеческих чувств. Лора ощутила волну любви и нежности к старому шаману и его ответную любовь. Что за необыкновенный человек! Какое счастье, что судьба позволила встретиться с ним и провести рядом все это время!

Лора стала спускаться с горы, держа в руках небольшой сверток с эскамола, маленький знак великой любви Балама Ахау. Теплые слезы стекали по ее щекам, затуманивая красоту джунглей. Несколько раз она останавливалась, чтобы еще раз увидеть духовного наставника и лучшего друга. Каждый раз она махала ему рукой и Балам Ахау махал ей в ответ. С каждым разом фигура шамана становилась все меньше и меньше, пока совсем не исчезла в густых зарослях тропического леса.

Путь звериной силы

После долгого перелета самолет, доставивший Эда и Лору из Боготы в Сан-Франциско, наконец коснулся земли. Его стремительный бег по посадочной полосе постепенно сменился мягким змеиным скольжением, и вот самолет окончательно остановился у ворот аэропорта. Лора достала с полки для багажа тщательно упакованную коробку с черепом. Это был слишком ценный груз, чтобы доверить его сотрудникам авиалинии.

После долгих споров и размышлений Эд и Лора решили попытаться обойти обычную процедуру оформления археологических находок. У колумбийских властей были очень строгие правила на этот счет, поэтому официальный путь означал бы очень долгие бюрократические проволочки и потерю времени или крупную взятку. Лора предложила полностью взять на себя ответственность за провоз черепа. Она простая студентка и не так уязвима, как ее прославленный отец. Публичный скандал, связанный с провозом контрабанды, был Эду совершенно ни к чему — он мог подмочить его профессиональную репутацию и скомпрометировать в международных научных кругах. И Эд, и Лора понимали, что их действия в высшей степени возмутительны и незаконны, но чувствовали, что исключительные события, происходящие вокруг черепа, полностью оправдывают их поступок.

Борьба с наркотиками была в самом разгаре, и досмотры с американской и колумбийской стороны проводились дотошно и безжалостно. И все же опасность попасться с черепом не казалась такой уж страшной. Более традиционные произведения доколумбовой эпохи: вазы, тарелки, свистульки или статуэтки — немедленно привлекли бы внимание властей. Но череп не был обычной археологической находкой и при поверхностном осмотре мог сойти за современный стеклянный сувенир. В случае необходимости Лора была готова вручить таможенникам фальшивый чек, выписанный в магазине сувениров в Боготе, и сказать, что череп куплен там.

Но ничего подобного не понадобилось. По странному стечению обстоятельств коробка с черепом совершенно не привлекла внимания проверяющих ни на колумбийской, ни на американской стороне. Это была единственная вещь из багажа Эда и Лоры, которую таможенники не открыли и не осмотрели. Как ни странно, несмотря на размер коробки, ее просто не заметили. У Лоры было сильное ощущение, что это не просто счастливая случайность.

— Тебе не кажется невероятным, что череп не заметили ни на одной границе? Просто чудо какое-то! — шепнула Лора Эду, когда они шли к выходу из зоны досмотра багажа.

— Возможно, нам просто крупно повезло. Если бы череп обнаружили и поняли, что он относится к доколумбовым временам, у нас могли быть крупные неприятности.

— Не думаю, что дело только в везении, — качая головой, возразила Лора.

— А в чем же еще? — удивился Эд.

— У меня такое чувство, что это череп повлиял на таможенников, — смущенно призналась Лора, предвидя реакцию отца. — Думаю, он ввел их в состояние временного транса или создал у них дефект зрения, который называют слепым пятном, так что они просто не увидели коробку.

Лора помнила слова Балама Ахау, который говорил о черепе как о могущественном живом существе, способном найти верный путь.

Как и следовало ожидать, Эд не согласился с теорией Лоры. Помня, как повлиял череп на сознание Криса, он тревожился, видя, как обычное Лорино здравомыслие уступает место мистицизму. Но не успел он обратиться к дочери с просьбой не приписывать черепу человеческих, а то и сверхъестественных, качеств, как увидел ожидающую их за воротами

Изабель. После горячих объятий и поцелуев все семейство направилось к автостоянке.

По дороге в город Изабель засыпала их вопросами, желая знать все, что произошло с тех пор, как они виделись последний раз. Они решили отпраздновать воссоединение семьи обедом в любимом ресторане «Мандарин» на площади Гирарделли, хотя Лоре очень не хотелось оставлять ценный груз в гараже без присмотра.

Изысканное северокитайское меню приятно отличалась от простой и довольно однообразной пищи в колумбийском лагере. Беседа продолжалась за мисками горячего острого супа и ассорти из сычуаньских креветок, пекинской утки и юнаньской говядины. Им было о чем поговорить: о приключениях Лоры с Баламом Ахау, о раскопках команды Эда, об уникальных находках. Ну и, конечно же, о черепе!

Рассказывая Изабель о переживаниях, связанных с Баламом Ахау и хрустальным черепом, Лора предпочла не вдаваться в подробности. Разумеется, она не собиралась ничего скрывать и намеревалась со временем поделиться с матерью всем, что с ней произошло. Лора знала, что мать ее любит и во всем поддержит. К тому же как психотерапевт-юнгианец Изабель с уважением относилась к духовной стороне жизни и была неизмеримо более открыта для восприятия нового, чем психологи и психиатры, придерживающиеся традиционных взглядов. Наверняка ее очень заинтересует то, что случилось с Лорой, и она сумеет ее понять, хотя бы отчасти. Просто сейчас не место и не время говорить об этом.

К тому времени, как Паркеры вернулись домой, любопытство Изабель, подогретое рассказами о черепе, достигло предела, и ей не терпелось увидеть таинственный предмет. После некоторых колебаний Эд и Лора согласились распаковать его и позволить Изабель взглянуть одним глазком. Но ей пришлось пообещать ограничиться этим, пока Роберт Хантер не проведет исследования и не оценит потенциальную опасность. Изабель неохотно приняла это условие, и тогда Лора развернула череп с ритуальной торжественностью, будто это был святой Грааль.

Впечатление было сильным. Изабель думала о воздействии, которое этот таинственный предмет оказал на Лору и других людей в лагере. Видения архетипических существ, сцены из истории человечества, пробуждение Кундалини, мистический восторг... — все переживания, которые, согласно теории Юнга, хранятся в глубоких тайниках человеческой психики. Может быть, череп способен пробуждать и активизировать коллективное бессознательное, его исторический и архетипический аспекты? Просто невероятно, какое широкое поле для исследований! Изабель понимала беспокойство Эда и Лоры, но, будучи по природе любознательной и предприимчивой, была полна решимости в скором времени познакомиться с черепом поближе и вывести его тайны.

Как только Изабель взглянула на череп, Лора тщательно прикрыла его большим куском ткани и положила на комод из красного дерева, который стоял в гостиной. К тому времени Эд и Лора совершенно вымотались и мечтали об отдыхе. Длительный перелет и трехчасовая разница во времени не прошли для них даром. А на следующее утро назначена встреча с Робертом Хантером, так что поспать подольше не удастся. У Изабель тоже был трудный день, и она была не прочь отдохнуть. Поэтому все единодушно решили, что пора укладываться спать.

* * *

Посреди ночи Эд проснулся — он только что видел яркий, захватывающий сон. Еще не совсем очнувшись, он сел в постели и постарался восстановить содержание сновидения, но смог припомнить только самый конец. В ярком свете солнца он стоит на крутой лестнице пирамиды,

перед ним верховный жрец. На священнослужителе тяжелые золотые украшения и яркое одеяние из перьев кецаля. Пытаясь вспомнить весь сон, Эд вдруг услышал какие-то странные звуки, доносящиеся снизу, из кухни или гостиной. Он поискал взглядом Изабель — тело жены вырисовывалось под одеялом, она дышала медленно и размеренно и явно спала. «Наверное, Лора встала перекусить или попить», — подумал Эд. Почувствовав жажду, он решил спуститься вниз и выпить стакан апельсинового сока. Стараясь не разбудить Изабель, Эд тихонько выскользнул из спальни.

С галереи второго этажа просторная гостиная была хорошо видна. Эда удивило, что на первом этаже не горит свет — только снаружи через окна лился лунный свет. Играя бликами на мебели и отбрасывая длинные тени, он создавал в комнате таинственную атмосферу. Спускаясь по лестнице, Эд снова услышал непонятный шум. В какой-то момент он был уверен, что видел возле камина огромную кошку размером с пантеру, грациознодвигающуюся по комнате.

«Наверное, я еще не совсем проснулся, — подумал Эд, пытаясь найти хоть какое-нибудь рациональное объяснение происходящему. Ему пришло в голову, что, если внизу кто-то есть, это явно чужой. Ведь Изабель спит наверху в их широкой постели, а Лора включила бы свет. Совершенно озадаченный, он медленно шел через зал. И вдруг увидел череп, который до этого был скрыт от его глаз.

Эд помнил, что Лора тщательно прикрыла его куском ткани, но сейчас ткань лежала на полу у комода, а череп был полностью открыт. Хрусталь, словно огромная линза, собирал и концентрировал лунные лучи. Вся поверхность черепа светилась зеленым сиянием, а из глазниц вырывались ярко-красные лучи. Его окружал сияющий ореол света радиусом никак не меньше метра. Эд был изумлен и озадачен.

«Должно быть, это Бэйси запрыгнул на комод и стянул ткань с черепа», — сказал он себе.

В данных обстоятельствах разумнее и логичнее всего было свалить вину на кота. Но как тогда объяснить самое важное — странный оптический эффект? Известно, что при определенных условиях горный хрусталь может концентрировать свет, а луна была достаточно яркой, но то, что видел Эд, казалось призрачным, мистическим и сверхъестественным и не укладывалось в рамки разумных объяснений. Любопытство взяло верх над осторожностью, к которой явно призывала ситуация. Эд решил подойти к черепу поближе и как следует его рассмотреть.

Когда окружавший череп световой ореол коснулся его лица, Эд остановился и пристально посмотрел в пустые глазницы, излучающие красный свет. Он неотрывно глядел на светящийся череп, и ему казалось, что таинственный предмет оживает. Теперь вид у него был грозный и зловещий, словно это пришелец из другого мира или другого измерения. Череп уже не был символом смерти и бренности — то была сама Смерть! По телу Эда пробежали мурашки, зубы застучали, его пронзило чувство надвигающегося конца. Сомнений не было: его жизни угрожает серьезная опасность, хотя откуда придет беда, Эд совершенно не представлял. Его захлестнула волна бездонного ужаса.

На его глазах череп превратился в чудовищную кошку с огромной зияющей пастью и дьявольскими глазами, рассыпающимися яркие искры красного света. От одного ее вида волосы у Эда встали дыбом. Но вот пасть кошки выросла до невероятных размеров и стала его заглатывать. Внутри у Эда что-то взорвалось, а потом внешний взрыв выбросил его в другое измерение.

Он очнулся в диких джунглях, в окружении сотен звуков и запахов. По всему телу пробежала волна первобытной инстинктивной энергии и ударила в пальцы, которые скрючились и превратились в кошачьи лапы. Челюсти сжались, и он, сверкнув зубами, предостерегающе зарычал. Потом из горла вырвался громкий гортанный звук. Эд больше не

ощущал себя человеком, он понял, что превратился в огромного ягуара. Дикий голод, который он испытывал, не был похож ни на одно из человеческих ощущений. Эд чувствовал острую потребность вгрызться во что-нибудь живое и теплое, разорвать когтями сырое мясо и почувствовать вкус свежей крови.

Он быстро пробирался сквозь джунгли, преследуя стадо оленей, ловя ноздрями их резкий мускусный запах. Чувство, которое гнало его вперед, становилось все сильнее, пока не превратилось в нечто большее, чем ощущение голодного ягуара. То была стихийная сила природы, странная смесь агрессии и сексуальности, неумолимая энергия инстинктов, вращающая колесо эволюции.

Затем перед глазами стали стремительно проноситься сцены из истории человечества. Он понял, что века цивилизации не смогли не только истребить, но даже укротить эту страшную и мощную тягу. Она всегда властно повелевала человеческой душой и научилась принимать самые разные облики, постоянно прорываясь сквозь тонкий налет запретов и ограничений цивилизованного поведения.

«Мы обманываем себя, утверждая, будто переросли своих первобытных предков и перестали быть дикарями, — во внезапной вспышке озарения понял Эд. — Мы хотим верить, что эта могущественная сила больше не властна над нами. А потом постоянно удивляемся необъяснимым всплескам жестокости и звериных инстинктов — ужасам гитлеровских концлагерей и сталинского архипелага ГУЛАГ, китайскому геноциду в Тибете, жестокостям апартеида, кровавой бойне индийско-пакистанской войны, братоубийственной резне в арабских странах!..»

Студентом Эд читал Фрейда и понимал, какую важную роль могут играть инстинкты в жизни человека. Но одно дело читать о зонах либидо и биологических инстинктах в учебниках психологии и совсем другое — ощущать их самому! К тому же то, что сейчас переживал Эд, далеко выходило за пределы биологии и психологии. Это были не просто агрессия и секс, но космическая сила творения — энтелехия*, элан виталь**!

Пока в голове Эда возникали эти поразительные видения и озарения, он не терял связи со своим звериным «я».

Сейчас он настолько приблизился к стаду, что видел, как оно пасется на маленькой поляне. Подошел осторожно и совершенно беззвучно, двигаясь навстречу ветру, и выбрал молодого оленя, слабого и неопытного на вид, который казался легкой добычей. Подкрался еще ближе и стремительно напал!

Погоня и борьба были недолгими. За несколько секунд он догнал оленя, бестолково мечущегося в смертельном страхе, и пригвоздил его к земле. Зубы вонзились в шею, вспарывая сонную артерию. С ненасытной жадностью он рвал сырое мясо, лизал и глотал теплую кровь, все глубже и глубже вгрызаясь в тушу, раздвигая головой диафрагму и ребра. Насытившись внутренностями оленя, он ощутил удовлетворение и невероятную энергию.

Но счастье длилось недолго. Он понял, что попал в беду: его окружили охотники-туземцы и теперь подходят все ближе с сетями и длинными копьями. Увлечшись трапезой, он забыл о самых важных правилах дикой жизни: бдительности и осторожности. На мгновение яркий солнечный свет омрачила стремительнодвигающаяся туча или тень и, не успев понять, что случилось, он забился и заметался, опутанный прочной сетью. Через несколько секунд он почувствовал удары и острую боль — это охотники вонзили в него копьё.

Затем яркий свет солнца погас, и действие перенеслось из джунглей в зловещий загробный мир. Эдвард, все еще в теле ягуара, был распростерт на жертвенном алтаре. Но его убийцами были не охотники-туземцы, а причудливые мифологические существа. Заметив истощенные, похожие на скелеты тела некоторых из них, Эд первым делом подумал о Читипати, двух

божествах-скелетах тибетского пантеона, символизирующих пляску смерти. Но потом, заметив огромные выпяченные животы и украшения из глазных яблок, несказанно удивился.

Да ведь он в Шибальбе, нижнем мире, изображения которого встречаются на погребальных вазах майя! Ближнее к нему страшное чудовище, которое, источая отвратительный запах гнили, мечется в диком танце, — это наверняка коварный бог смерти Кисин! Возле алтаря, следя за жертвоприношением, сидел огромный пес, похожий на одноглавого Цербера. Во мраке светились странные холодные огни на теле громадных светляков. Да, сомнений быть не может: Эд и вправду стал молодым ягуаром, которого вот-вот принесут в жертву. Жрец поднял богато украшенный топор и нанес смертельный удар. Эд пережил долгое падение в темную бездну. Когда он рухнул на дно, в голове его вспыхнул ошеломляюще яркий свет. Границы тела растворились, и Эд утратил ощущение самостоятельной личности. Обратившись в ничто, он стал неразделен со всем сущим.

Жарким калифорнийским летом Лора любила спать обнаженной. Ей нравилось прикосновение мягких атласных простыней и наволочек. Это внушало убаюкивающее чувство комфорта и защищенности — возможно, полузабытый отзвук тех чувств, которые она испытывала в раннем детстве. И еще она любила, чтобы организм сам подсказывал, когда пора проснуться. Но сегодня в ее сон вторгся звон будильника, настойчивый и пронзительный. Проснувшись, Лора лениво потянулась всем телом и неохотно открыла глаза. Протянув руку к столику, чтобы утихомирить несносную шпуковину, Лора вдруг вспомнила, для чего включила будильник. Была четверть седьмого, а встреча с Хантером назначена на девять, да еще и в Болинасе!

Она распахнула дверь и вышла на галерею, выходящую в гостиную. Мельком увидев, что творится внизу, она застыла в изумлении. В гостиной, ее любимой комнате, царил невероятный беспорядок. Стулья и кресла сдвинуты с места и перевернуты. А посреди этого хаоса Лора увидела тело отца, неподвижно лежащее на ковре. Ужасно испугавшись, что с ним случился удар или сердечный приступ, девушка бросилась вниз по лестнице и подбежала к Эду.

И тут заметила зловещую ухмылку хрустального черепа. Полностью открытый, он возлежал на комод, торжественно возвышаясь над запустением как символ богини хаоса. На полу, у самого комода, уютно свернувшись клубком, мирно спал Бэйси. Черно-белый, словно одетый в смокинг, он, как в гнезде, устроился в скомканной ткани, которой Лора вчера вечером покрыла череп.

Сердце девушки бешено колотилось, руки тряслись, она чувствовала, что вот-вот впадет в панику. Собрав всю волю в кулак, она прежде всего бросилась к комоду. Сбросив Бэйси с ткани, девушка тщательно укрыла череп, боясь, что в открытом виде он может усугубить и без того опасную ситуацию. Теперь нужно позаботиться об отце. Лора прошла курс первой помощи и знала, как важно в таких ситуациях проверить показатели жизненно важных функций. Пульс у Эда оказался ровный, дыхание в норме, цвет лица здоровый. В общем, особых причин для волнений не было.

Лора пришла к выводу, что отец, скорее всего, жив и здоров, но, чтобы полностью убедиться в правильности диагноза, нужно услышать подтверждение от самого пациента. Она встала перед отцом на колени, положив одну руку ему на лоб, а другую на плечо. Наклонившись и приблизив губы к самому уху Эда, Лора энергично встряхнула его и голосом, в котором сочетались горячая мольба и приказ, произнесла:

— Папа, очнись! Очнись, пожалуйста!

Эд открыл глаза и смущенно посмотрел на Лору.

— Господи, да что это с тобой? Ты в порядке? — со вздохом облегчения спросила она.

— Не волнуйся, Лора, все хорошо, — ответил Эд не совсем уверенно. — Просто я видел очень яркий и живой сон.

Оглядевшись вокруг, он понял, что находится не в спальне, а заметив разгром, почувствовал, что ситуация требует более убедительного объяснения.

— Это был очень необычный сон, — добавил он, — нечто среднее между кошмаром и мистическим переживанием. Сейчас попробую вспомнить, что именно случилось и как я сюда попал. Должно быть, я ходил во сне. Но что бы это ни было, здесь определенно замешан череп. В этом творении майя заключена мощная энергия!

Придя в себя, Эд вдруг забеспокоился. Он поспешно поднялся и стал убеждать Лору:

— Нужно навести здесь порядок, пока Изабель не встала и не спустилась вниз. Я не хочу, чтобы она узнала о том, что произошло. Ее легко встревожить, и лишние переживания ей совершенно ни к чему. И потом, нам скоро нужно выезжать, а то опоздаем. После этой ночи у меня есть личная причина выяснить, в чем тут дело.

Лора тщательно завернула череп в мягкое одеяло и положила обратно в коробку поверх голограмм. Потом они с Эдом быстро расставили мебель по местам и прибрали в гостиной. Через несколько минут после того как они управились с уборкой и скрылись в ваннах, чтобы привести себя в порядок перед поездкой, Изабель спустилась вниз и принялась быстро готовить завтрак. Она спокойно занималась привычным делом, совершенно не подозревая, что в доме случилось нечто необыкновенное.

Волнение и предвкушение утренней встречи подхлестывало и Эда, и Лору. Четверть восьмого они уже сидели в машине, направляясь к мосту Золотые Ворота. Они пересекли залив, проехали тоннель Сосалито и через выезд на Стинсон-Бич устремились к Милл-Вэлли. Когда машина свернула на Береговое шоссе, они решили отключить киберводителя.

Эд взялся за руль и направил машину по Панорамному шоссе, живописной дороге, взбирающейся на гору Тамалпэс. Это дорога показалась им более подходящей, чем путь через Мьюир-Бич. Маршрут пролегал по тем местам, где жил и работал Фрэнк Дорланд, хранитель черепа Митчеллов-Хеджесов. Таким образом, их поездка была сродни паломничеству. К тому же с горы Тамалпэс открывались отличные виды Тихого океана и Стинсон-Бич.

Поездка продолжалась чуть больше часа, и у Эда было достаточно времени, чтобы рассказать Лоре все, что сохранилось у него в памяти о прошедшей ночи. Хотя случившееся походило на сон, Эд отлично помнил все подробности. Им обоим показалось очень странным, что Эд лично испытал на себе воздействие черепа перед самой встречей с Робертом Хантером. Интересно, сыграл ли Бэйси какую-то роль в этом загадочном эпизоде, и если да, то какую именно. Они так увлеклись беседой, что время пролетело незаметно. Вот и поворот на Болинас!

Длинная прямая дорога привела их от поселка к океанскому побережью. Охранники у ворот НИПИСа уже знали об их приезде и после надлежащей проверки попросили поставить подписи. Потом их проводили в здание для посетителей, расположенное отдельно от главного исследовательского комплекса. Несмотря на его изолированность, режим секретности был весьма строг. Тем не менее, коробка с черепом прошла через детектор, не возбуждив никаких подозрений. Охранник провел их в приемную и позвонил Роберту Хантеру. Роберт явился мгновенно, чуть запыхавшись и такой стремительной походкой, которая не вязалась с его положением известного ученого.

После первой голографической встречи образ Лоры прочно засел в голове Роберта, и ему не терпелось увидеться с ней лично. За прошедшую неделю он несколько раз ловил себя на том, что думает о Лоре и мысленно репетирует первую встречу с ней. Их реальная встреча развивалась по намеченному им сценарию, по крайней мере, вначале. Лора и Роберт обнялись и расцеловались. Среди калифорнийцев это стало будничным ритуалом, которому никто не придавал особого значения. Гораздо более красноречивыми были долгие испытующие взгляды, которыми они обменялись. Когда с формальностями было покончено, все трое сели и для начала обменялись новостями о своих семьях.

Помня о цели приезда, Эд не хотел терять время на болтовню о семейных делах. Он воспользовался первой же возможностью сменить тему и навести разговор на НИПИС. Хотя он знал, что это важный исследовательский комплекс, его поразили размеры зданий и огромная территория

— Вы здесь неплохо устроились, — сказал он Роберту, — и охрана на уровне. Можно подумать, что это не исследовательский институт, а штаб армии.

— Ни для кого не секрет, что некоторые наши исследования выполняются для военных, — ответил Роберт, — и то, что НИПИС служит целям национальной безопасности, находит отражение в щедрой финансовой поддержке, которую оказывает нам правительство. При этом часть денег попадает в лаборатории вроде нашей, которые занимаются чисто теоретическими исследованиями.

— А что, разве исследования в области сознания тоже интересуют военные круги? — удивилась Лора, демонстрируя свою политическую наивность. — Я-то думала, что их главная забота — гонка вооружений.

— Ты бы еще не так удивилась, Лора, если бы знала обо всем, что происходит на свете, — ответил Роберт. — Эта область представляет для военных кругов огромный интерес, и не только у нас, но и во всем мире. В прессе уже было много публикаций, так что, рассказывая об этом, я не выдам никаких секретов. Все началось в пятидесятые годы двадцатого века, вскоре после открытия способности ЛСД оказывать сильное стимулирующее воздействие на психику.

— Ты хочешь сказать, что психоделики можно использовать как оружие? — спросила Лора. — Но каким образом?

— ЛСД — самое мощное из известных человечеству психотропных веществ. Оно способно вызывать глубокие изменения в психике при дозировке в миллионные доли грамма. Если добавить нужное количество в систему водоснабжения, можно парализовать огромный город.

— И что, кто-нибудь уже пытался? — поинтересовался Эд.

— Насколько мне известно, нет. К этому средству пока не прибегали ни в одном реальном военном конфликте. Но разные способы его использования прорабатывались в специально поставленных для этого экспериментах. Например, отряды боевиков подвергали действию ЛСД — в виде таблеток или аэрозолей, — а потом приказывали выполнять сложные задания. При этом их действия тщательно наблюдали, записывали и оценивали. Пытаясь найти способы вывести из строя или скомпрометировать иностранных военачальников и дипломатов, ЛСД тайно давали ничего не подозревающим людям — от клиентов завербованных ЦРУ проституток до бойцов армейских отрядов.

— Из того что ты говорил раньше, можно сделать вывод, что использование психоделиков в качестве химического оружия — не единственная область в исследовании сознания, имеющая военное применение, — бросила пробный камень Лора, надеясь выяснить, насколько работа самого Роберта имеет отношение к военному ведомству.

— Разумеется, не единственная. Еще одна важная глава в истории психического оружия была начата в 1959 году, в разгар холодной войны, когда французские журналисты раструбили по всему свету сенсационную историю об американской ядерной подводной лодке «Наутилус». Этот корабль осуществил исторический переход подо льдами, покрывающими северный полюс. Французы объявили, что «Наутилус», отрезанный толстым слоем льда от традиционных средств электронной связи, смог успешно обмениваться со своей базой телепатическими сигналами.

— Это, наверняка, вызвало переполох у русских! Как они на это отреагировали? — спросил Эд.

— Незамедлительно и на удивление бурно. В 1960 году в своем докладе на конференции советских ученых, посвященной изобретению радио, всемирно известный психолог, лауреат Ленинской премии академик Леонид Васильев упомянул об этом успехе американцев. По его прогнозам, овладение энергией, лежащей в основе экстрасенсорного восприятия, будет равнозначно открытию атомной энергии.

— И русские, скорее всего, не пожелали остаться позади в такой важной области? — предположил Эд.

— Точно! Советское правительство встревожилось, что США может получить военное

преимущество. Не прошло и года, как академик Васильев возглавил специальную лабораторию парапсихологии в Ленинградском университете. Так начался золотой век советских парапсихологических исследований, проводившихся под эгидой Министерства обороны и КГБ и ежегодно получавших субсидии, которые оценивались в двадцать миллионов рублей. А рубль в то время был почти равен доллару.

— Я кое-что читала о достижениях русских специалистов в области психокинеза, — заметила Лора, — но думала, что они представляют интерес главным образом для парапсихологов.

— Поначалу все так и было, — объяснил Роберт, — но вскоре пошли слухи о Нине Кулагинной, которая могла останавливать сердце лягушки, а вслед за ними появились сообщения об психотронном генераторе. Про этот аппарат, разработанный чехословацким исследователем Робертом Павлитой, говорили, что он способен усиливать психическую энергию. Павлита демонстрировал свою способность уничтожать мух в массовом масштабе, используя психокинез, усиленный с помощью психотрона.

— Начинаю понимать, почему парапсихология вызвала интерес в военных кругах, — заметил Эд.

— Когда вести об этом дошли до США, перспективы использования парапсихологии и исследований сознания в военных целях вызвали большой интерес, — продолжал Роберт. — В последующие несколько десятилетий военные исследования в этой области резко возросли, а их оснащённость современной электронной и компьютерной техникой быстро достигла уровня научной фантастики. После временной разрядки, последовавшей за развалом Советского Союза, стало ясно, что продолжение военных исследований во всех возможных направлениях полностью оправданно.

— Нынешняя ситуация в мире чрезвычайно далека от разрядки. Международная ситуация выглядит так, будто глобальный кризис может разразиться в любую минуту, — подытожил Эд невеселый рассказ Роберта.

— Ты абсолютно прав, — согласился Роберт. — С начала этого тысячелетия нам приходится все больше опасаться арабского мира, который угрожает нам джихадом, священной войной против неверных. А в последнее время появились новые опасности — стремительное техническое развитие Китая и разгул международного терроризма, который становится все более организованной силой; к тому же за ним стоят большие деньги.

— Учитывая критическую ситуацию в мире, понятно, почему военным кажется абсолютно необходимым подготовиться к наихудшему сценарию на всех фронтах, где могут развернуться военные действия, в том числе и в области прикладных исследований сознания.

— Совершенно верно, — подтвердил Роберт. — Не думаю, чтобы наше правительство было заинтересовано в гонке вооружений ради каких-то агрессивных целей, чтобы добиться мирового господства. Хочется верить, что в нашей стране демократические корни слишком глубоки, чтобы такое могло произойти. Это реакция на действия наших врагов, попытка не отстать от них. Мне бы не хотелось лично участвовать ни в каких разрушительных проектах, но я способен понять позицию и мотивы нашего правительства.

Вдруг Роберт спохватился, что Эд с Лорой пришли к нему не просто поболтать. К тому же он поймал себя на том, что в присутствии Лоры ему практически все равно, в каком направлении пойдет разговор.

— Мировой кризис можно обсуждать бесконечно, — сказал он, — но вы ведь пришли не за этим. Расскажите мне свою историю и дайте взглянуть на череп.

— Череп и несколько его голографических снимков в этой коробке, — сказал Эд, указывая на сверток с робостью туземца, старающегося держаться на почтительном расстоянии от

предмета, на который наложено табу. — Странно, но голограммы оказывают на людей такое же воздействие, как и сам череп. Так что, если ты не против, я бы предпочел не открывать коробку сейчас. У меня есть вполне здравые причины опасаться ее содержимого.

— Ты считаешь, что череп действительно очень опасен? — удивился Роберт.

— Я думал прийти к тебе и дать объективную информацию, но этой ночью у меня был личный опыт общения с черепом. Я натерпелся немало страха, так что эта проблема уже не является для меня чисто теоретической. Мне бы не хотелось испытывать судьбу еще раз.

— А что случилось? — спросил Роберт, заметив, что Эд явно потрясен тем, что с ним произошло.

— Я проснулся среди ночи и услышал непонятный шум, который доносился снизу, — начал Эд, чувствуя, что теперь может подробно воспроизвести весь эпизод. — Спускаясь по лестнице, я увидел, что в гостиной что-то движется, опрокидывая мебель. Оно было похоже на огромную кошку. Лунный свет взаимодействовал с черепом, создавая вокруг него большой светящийся ореол. Чтобы рассмотреть череп получше, я подошел и заглянул в его глазницы. Это дало толчок необычайно яркому переживанию, которое трудно описать. У меня возникло невероятно убедительное ощущение, что я молодой ягуар, преследующий, убивающий и пожирающий оленя. Все это сопровождалось чрезвычайно яркими проявлениями инстинктов ягуара, его телесными ощущениями — я даже чувствовал вкус сырого оленьего мяса и крови!

— Ты говорил, что это было нечто большее, чем просто отождествление с животным, — напомнила отцу Лора. — Ты сказал, что ягуар олицетворял силу — двигатель истории человечества.

— Верно, — подтвердил Эд. — Все это сопровождалось множеством видений, показывающих, что смесь агрессии и секса и есть та сила, которая управляет эволюцией жизни и развитием человеческого общества. А потом меня, то есть ягуара, поймали и убили охотники. Это ощущалось еще и как обуздание слепой стихийной силы, бушующей во мне, и достижение совершенно иного уровня владения собой. Внезапно мне открылся смысл скульптуры, которую я видел много лет назад в Центральной Индии, когда осматривал тантрийские храмы Каджурахо. Она изображала человека, сражающегося с сидящим в нем зверем. Необыкновенное приключение этой ночи стало для меня необычайно ярким мистическим переживанием. Я почувствовал, что все это имеет какое-то отношение к сценам жертвоприношения, изображенным на погребальных вазах майя, и к месту, где мы ведем раскопки.

— Потрясающе, — проговорил Роберт, а потом обратился к Лоре:

— Я так понял, что это ты нашла череп. А у тебя самой что с ним связано?

Присутствие Лоры действовало на него очень благотворно, и Роберту хотелось насладиться им в полной мере. Ее мелодичный голос, повествующий о глубинах души, немало этому способствовал.

— Череп вызвал у меня сильнейший отклик в тот же миг, как я его увидела, — сказала Лора, — только мое переживание не было таким страшным, как у папы.

Девушка вкратце рассказала Роберту о том, что с ней произошло, стараясь, чтобы ее повествование звучало как можно более объективно и беспристрастно. Она решила пока не упоминать ни о своих экспериментах с грибами, ни о миссии, которую на нее возложили великая Богиня-Мать и Балам Ахау. Лора боялась, что отец не одобрит психоделической части ее приключений, и не была уверена, как воспримет ее Роберт. Вдруг полная версия ее рассказа покажется ему слишком эксцентричной и даже предосудительной?

— И мы не единственные, на кого череп оказал столь сильное влияние, — вставил Эд. — У человека, который первым подверг череп детальному исследованию, случился тяжелый приступ психического расстройства, сопровождавшийся ужасающим экзистенциальным кризисом и

переживанием смерти и последующего возрождения. Он ощущал до того убедительное чувство тождественности с Иисусом, что некоторое время и вправду думал, что наступило Второе Пришествие. Сильная паранойя заставила его убежать из лагеря и спрятаться в джунглях. Сейчас он пришел в себя, но еще далек от нормы. Думаю, дай ему волю, он попытался бы реформировать христианство.

— А что, идея не так уж плоха, — сказала Лора шутливо. — Христианской церкви это пошло бы на пользу. И я не согласна с твоим диагнозом. После того что мы пережили, я бы не назвала случай с Крисом психическим расстройством. Думаю, это было мистическое переживание, которое протекало не совсем гладко. Не такая уж это редкость в истории духовности. Вспомни Святую Терезу Авильскую, Святого Антония, Рамакришну или даже Иисуса и Будду.

— А случай с Таней? — возразил Эд. — Ее видения и всплески эмоций сопровождались явными неврологическими симптомами, в том числе сильным тремором и припадками, похожими на эпилепсию. Нет никаких сомнений, что ее состояние было патологическим.

— Не обязательно, — не соглашалась Лора, — это тоже зависит от точки зрения. Я долго разговаривала с Таней и разобралась в том, что с ней произошло. Потом я обсудила это с Майклом — он большой знаток мифологии и восточной философии. Так вот, Майкл сказал, что Танины переживания очень похожи на то, что в тантрийской философии называют пробуждением Кундалини. Он полагает, что ее эмоциональные всплески и волны телесной энергии — это, возможно, то, что в Индии называют *крия*. В древней индийской литературе *крия* рассматривается как очищение старых травм, полученных в этой жизни или даже в прошлых рождениях. Я не говорю, что мы наблюдали именно это, просто на то, что с ней случилось, можно взглянуть и по-другому.

Замечания Лоры произвели впечатление на Роберта. Ему стало интересно, дошла ли она до этого сама или знала, что в последние десятилетия психиатры ведут горячие дискуссии о природе мистических переживаний. Традиционное мнение заключалось в том, что между мистицизмом и психозом нет никакого различия. Альтернативные теории рассматривали духовные переживания как истинные проявления человеческой психики. Некоторые исследователи даже считали, что многие переживания, обычно диагностируемые как психозы, на самом деле являют собой психодуховный кризис, который может исцелять.

Роберт чувствовал, что готов влюбиться. Его всегда влекло к умным женщинам, поэтому ум Лоры сам по себе был достаточным аргументом, чтобы пробудить в Роберте глубокое чувство. Но сочетание блестящего ума с красотой и обаянием поразило Роберта как приворотное зелье — средневековый любовный напиток, вызывающий непреодолимую страсть. Он безошибочно узнавал характерные симптомы безнадежной влюбленности: предательские сомнения по поводу своего возраста, внешности, статуса разведенного мужчины и множество других причин для беспокойства. Ему хотелось, чтобы эта встреча длилась вечно, но неумолимое давление плотного графика взяло верх, и он неохотно распрощался с гостями.

Когда они расстались, охранник проводил Эда и Лору до стоянки. Девушку озадачило впечатление, которое произвел на нее Роберт. Она чувствовала в мыслях и в крови бурное волнение, как будто весь ее организм взбунтовался, и не могла провести границы между своими эмоциями, мыслями и физическими ощущениями. И все это из-за Роберта, который был для нее чистым листом, *табула раса*. Она почти ничего о нем не знала, кроме того, что слышала о его исследованиях от отца. Личность Роберта и его характер были для нее чем-то вроде черного ящика. Во время их встречи Роберт или слушал, или говорил о самых общих вещах, главным образом о политике и науке. О себе он не сказал ровным счетом ничего и не проявил никаких личных качеств. И все же у Лоры было странное ощущение, что она знает его всю жизнь.

Девушка чувствовала, что не готова вернуться в безумную суету города. Ей нужно было спокойно поразмыслить, чтобы разобраться в своем необычном состоянии. По ее просьбе на этот раз они выбрали прибрежную дорогу через Мьюир-Бич и неспешно пообедали в кафе «Пеликан».

Когда Роберт Хантер наконец закончил работу в лаборатории и вернулся в свой кабинет, шел уже десятый час вечера. Он часто работал по вечерам и редко уходил из лаборатории раньше десяти, а порой задерживался и до полуночи. Но сегодня он считал каждую минуту и с трудом дождался конца работы. Сегодня утром во время встречи с Паркерами он был слишком очарован Лорой и обратил на череп мало внимания. Но после их ухода его интерес к загадочному творению майя стал расти. Правда, Роберт не был уверен, что тому причиной: любознательность ученого или то, что загадка черепа привела к нему Лору.

Роберт втайне надеялся, что их отношения продолжатся и перерастут рамки деловых встреч. Фантазии, главной героиней которых была Лора, стремительно уносили его в будущее, намного опережая трезвую реальность утренней встречи. Со времени своего мучительного развода, который произошел два года назад, Роберт жил затворником. Большую часть времени он был так погружен в работу, что у него почти не оставалось времени ни на что другое. Результатом такого аскетического образа жизни стал изрядный сексуальный голод, поэтому он не всегда беспристрастно судил о женщинах. Но это не могло повлиять на его чувство к Лоре. Вполне объективно и по любым меркам Лора была необычайно привлекательна и умна. Она произвела бы на него столь же сильное впечатление и в пору его юности, когда он отдавал должное сексу. Роберт не мог припомнить, чтобы еще какая-нибудь женщина поразила его так же глубоко, как Лора. Нет, она ни на кого не похожа.

Но Лоры рядом не было, и внимание Роберта переключилось на череп как на предмет, тесно связанный с предметом его желаний. Он вынул череп из коробки, развернул и осторожно положил на стол. Затем включил настольную лампу и установил ее под таким углом, чтобы она как можно лучше освещала загадочный предмет. От первого же взгляда на череп по телу его пробежали мурашки. Красный свет, вырвавшийся из пустых глазниц, был резким и пронзительным, что странно контрастировало с мягким зеленоватым сиянием самого черепа.

Несомненно, череп — замечательное произведение искусства, с этим Роберт был полностью согласен. Но, к его великому разочарованию, этим все и ограничилось. Никаких всплесков энергии Кундалини, никаких галлюцинаций, никаких поразительных прозрений — ничего подобного! С одной стороны, скептицизм ученого подсказывал ему именно такой результат, но ради Эда и Лоры ему хотелось бы чего-то иного. Наверное, люди, на которых череп оказал такое сильное воздействие, очень внушаемы или даже находятся на грани нормы. Но потом Роберт вспомнил, что первой ощутила на себе воздействие черепа Лора. А она кажется вполне зрелой, рассудительной и уравновешенной! А если даже она не такая, у Роберта были веские причины видеть ее такой.

«Может, нужно больше времени, чтобы воздействие было полным? — подумал Роберт. — Люди, которые рассказывали о необычных переживаниях, наблюдали череп более или менее продолжительное время».

Как добросовестный ученый Роберт решил не делать скоропалительных выводов и точно воспроизвести условия, при которых наблюдался эффект. Он удобно откинулся на спинку кресла и сосредоточил внимание на красном свете, выходящем из глазниц. Пришло ощущение покоя. Оно все усиливалось, и Роберт стал погружаться в гипнотическое состояние. Черты черепа постепенно растворялись, его зеленый цвет слился с красным мерцанием глазниц. Теперь перед Робертом была бездна, по которой плыли бесформенные облака. Устремив взгляд на завихрения, напоминающие трехмерный динамический тест Роршаха, Роберт стал думать о своей работе.

Несомненно, это целый ряд профессиональных достижений, большой научный успех! Роберт вспомнил забавные и образные названия, которые он давал своим проектам: всю серию экспериментов по биоробототехнике он назвал «Коппелия» по имени очаровательной куклы-танцовщицы из сказки Гофмана. Для проекта подготовки программно-управляемых китов он выбрал название «Моби Дик», для дельфинов — «Флиппер», для дистанционно управляемых летучих мышей — «Дракула», для приматов, усовершенствованных средствами робототехники, — «Кинг Конг», а для людей, в мозг которых будут вживлены электроды и микрочипы, — «Голем».

Но это приятное состояние длилось недолго — Роберт стал ощущать растущее беспокойство. Внезапно ему пришло в голову, какая это невероятная бесчувственность, жестокость, и даже кощунство — использовать столь легкомысленные названия для проектов, причиняющих столько страданий. И прежде всего, какая глубокая ошибка с его стороны — участвовать в таких проектах. Размышляя о своей работе, он увидел стайку дельфинов — они игриво скользили по аквамариновой поверхности океана, описывали плавную кривую в воздухе и, завершая изящный прыжок, возвращались в родную стихию. Роберт без всякого труда ощутил себя одним из них и разделил их веселье и радость жизни.

Ум дельфинов поистине удивителен! И какими бы опасными ни казались их зубы, эти животные никогда не нападают на людей. Роберт невольно вспомнил истории о дельфинах, спасших людей в океане, от легендарного греческого сказителя Ариона, воспетого Овидием, до русского акушера Игоря Чарковского. Наблюдая сцены дружеского общения людей и дельфинов, Роберт растрогался и глаза его наполнились слезами.

А потом он увидел несколько гигантских тел, мирно плывущих в океане, и понял, что это стая серых китов. Мозг кита равен человеческому, а иногда превосходит его, причем не только по весу и размеру, но и по площади и сложности коры. Все эти показатели явно говорят о наличии ума. Осознав это, Роберт удивился и задумался: что делают киты в океане с таким огромным мозгом, как используют его колоссальные возможности?

Почему он никогда не задумывался об этом раньше? Киты плавают, резвятся в океане, заглатывают пищу и спариваются. Но все эти действия не так уж отличаются от поведения разнообразных рыб. Эти функции не требуют такого совершенного мозга, каким обладают киты. Миллионы лет назад предки китов и дельфинов были наземными животными, но почему-то решили вернуться в океан, где зародилась жизнь. Их жизнь на суше была гораздо сложнее и потребовала большего мозга. Но и в океане они должны использовать все возможности своего мозга, должны упражнять его, иначе он бы давным-давно атрофировался. Природа не сохраняет органы, которые не имеют полезной функции!

Роберт думал о том бесконечном разнообразии, с каким использует свой мозг человек — от изготовления орудий труда до искусства и науки, в том числе и математики. Но, чтобы иметь смысл, любой из этих видов деятельности должен обретать какое-то конкретное и осязаемое выражение. Хотя... может быть, и нет. Обязательно ли умственная деятельность должна быть связана с производством, требует ли она наличия хватательных органов? У китообразных есть система акустической связи, и звуки, издаваемые китами, могут распространяться в океане на многие сотни миль. Похоже, у них есть высокоразвитый язык, понятный только им одним.

На протяжении тысячелетий человеческую культуру хранили в памяти и передавали исключительно средствами языка. А вдруг киты обладают «акустической культурной традицией» и передают из поколения в поколение эпические сказания, почерпнутые из миллионов лет эволюции, свидетелями которой они являются? Возможно, у них есть свои песни или другие музыкальные формы, сравнимые с нашими и способные передавать сложный смысл. Можно ли преобразовывать вибрации, издаваемые акустической системой кита, в

голографические образы? Может быть, киты способны создавать и посылать своим сородичам картины или даже проигрывать нечто вроде кино?

Что-то подобное вполне может существовать — ведь должны же они как-то использовать свой мозг! А может, есть и что-то еще более фантастическое. В сознании людей, погруженных на несколько часов или дней в особо сконструированные бассейны, полностью изолированные от внешних раздражителей, происходят глубокие изменения. Может быть, киты, пребывая в океанском уединении, способны входить в особые состояния, подобные трансу шаманов или отрешенности йогоинов? Это могло бы открыть доступ к широкому спектру переживаний, схожих с психоделическими состояниями, таких как мистический экстаз, переживание выхода за пределы тела, астральная проекция, видение на расстоянии, экстрасенсорное восприятие и Бог знает что еще.

Потом в голове Роберта мелькнула еще более невероятная идея. А вдруг киты следят за жизнью на суше и даже влияют на нее, не покидая океана? Чтобы освоить эти навыки, у них было пятнадцать миллионов лет! Сознание Роберта переполняли образы; мысли стремительно мчались, вспыхивая ошеломляющими прозрениями. За все годы работы с китами и дельфинами у него никогда не возникало таких бредовых идей. Тем не менее приходилось признать, что все гугучие вопросы и ответы, которые на него навалились, в высшей степени законны и логичны.

А потом переживание изменилось. Теперь Роберт уже не наблюдал жизнь китов со стороны — его сознание проникло в их удивительный и чуждый внутренний мир. Он и вправду стал одним из них. Все его существо захлестнула волна глубокого метафизического ужаса. Его ум проник в измерения, которые были ему совершенно незнакомы, существование которых он даже не мог себе представить. Этот новый мир настолько отличался от прежнего, что казался инопланетным. Роберт ощутил сильный страх, граничащий с паникой. А вдруг киты и дельфины — посланцы иных миров? Почему при всем своем уме они так легко становятся добычей людей?

Напрашивался единственный ответ: они становятся добычей умышленно. Они добровольцы, явившиеся по собственному желанию. ОНИ ПРИШЛИ НАС ИЗУЧАТЬ! Роберт отверг эту мысль, едва она возникла: «Нет, это невозможно. Став добычей людей, китообразные полностью зависят от их воли. Они рискуют навсегда потерять свободу и даже погибнуть». Но потом Роберт припомнил странное событие, произошедшее в его лаборатории несколько лет назад. У него были два дельфина, самец и самка — явно пара, которую связывала нежная любовь. Однажды самка заболела пневмонией и, несмотря на интенсивное лечение антибиотиками, через несколько дней умерла. Самец очень тяжело переживал ее смерть — он перестал есть, а через два дня опустился на дно бассейна и оставался там, пока не задохнулся. Это был его выбор, он просто решил покинуть свое тело. Возможно, страх смерти не играет здесь никакой роли. Каким бы невероятным и запредельным это ни казалось, китообразные победили смерть и не боятся ее.

Атмосфера становилась все более мрачной и зловещей. Переживание снова изменилось — теперь Роберт оказался в своей лаборатории. Он был дельфином, которого оперировали, потом — вторым, третьим. Тела животных перемещались на гигантской ленте, а им в мозг вживляли микрочипы и электроды. Бесконечный конвейер пыток... Потом дьявольские опыты перешли на других животных: голубей, летучих мышей, крыс и обезьян. И все это время Роберт переживал свою общность со всеми ими и в то же время ощущал все страдания, которые причинил экспериментальным животным, как свои собственные.

Вдруг переживание изменилось еще раз: Роберт почувствовал, что какой-то загадочный всасывающий механизм перенес его в другое место. Он находился не в знакомой лаборатории, а в мире научной фантастики. На этот раз эксперимент проводили не люди, а группа похожих на насекомых пришельцев с большими темными миндалевидными глазами. Пока двое из них держали Роберта, третий приблизился к нему с продолговатым металлическим предметом и

ввел трубку ему в нос. Мозг пронзила мгновенная вспышка боли, и на какое-то время Роберт потерял сознание.

Когда он пришел в себя, перед ним с мучительной настойчивостью снова предстали картины его научной деятельности. Роберт был потрясен, осознав, как много страданий причинил живым существам. Наслаждение свободой в родной стихии и адские муки в лаборатории — поистине невыносимый контраст. Потом ему пришлось задуматься о том, почему большая часть НИПИСа находится в подчинении у военных и ЦРУ. То была территория, окутанная завесой тайны и недостижимая даже для сотрудников института, ведущих общетеоретические исследования, вроде него самого.

Какие же дьявольские планы там вынашивают? Какие грязные тайны скрываются за зловещей формулой «Совершенно секретно»? Эти серые кардиналы человеческой истории имеют доступ ко всем данным Робертовых исследований, а взамен платят ему внушительное жалованье. Внезапно это показалось ему интеллектуальной проституцией. Что они делают с этой информацией? И какую роль играет во всем этом загадочный Крэйг Энрайт? Трудясь сразу на двух фронтах, он одной рукой орудует в лаборатории Роберта, а другой неизвестно где. Как он использует то, что узнал, будучи первым заместителем Роберта?

Роберт вдруг понял, что НИПИС — дурное место, а работа, которую там ведут, противоречит главным неписанным космическим законам. Как он мог столько лет жить в башне из слоновой кости, не задаваясь важными этическими вопросами, которые пришлось задать себе сегодня? С головой уйдя в научную работу и отгородившись от остального мира, он не видел ничего вокруг, словно тетерев на току, и таким образом мог стать невольным пособником ужасных преступлений! Все его существо захлестнула волна мучительной вины за участие в проектах НИПИСа и собственные прегрешения против космического порядка. Он понял, что когда-нибудь ему придется пережить кармическое воздаяние за содеянное.

А потом он почувствовал, что его тело увеличилось до громадных размеров, руки и ноги стали невероятно тяжелыми, и он движется в жидкой тьме как гигантская торпеда. Роберт пытался понять, кто же он теперь, и вскоре осознал, что вновь стал китом. Только на этот раз он не плыл спокойно, не скользил игриво, не выпрыгивал в воздух — он мчался вперед, гонимый неумолимым и настойчивым приказом. Его мышцы работали в полную силу, но ощущения усталости не было. Все происходило механически, без всякого участия с его стороны. Необычайно богатый и многомерный внутренний мир прекрасного животного сузился до примитивной цели — достичь места назначения.

Миллионы электрических импульсов безжалостно бомбардировали его мозг, подчиняя себе все естественные наклонности. Роберт понял, что это пульсирующие команды имплантированных электродов, которым невозможно сопротивляться или возражать. И что-то еще мешало животному — какая-то громоздкая неудобная штука под брюхом. Огромный груз крепился к телу тесным поясом, еще больше стесняя свободу движений. Полностью слившись с сознанием кита, Роберт внезапно понял, что попал в ситуацию, которой ему очень хотелось бы избежать. Каждой клеточкой своего тела он знал, что стал Левиафаном, одной из несчастных жертв своих экспериментов.

Но что происходит? Насколько было известно Роберту, Левиафан никогда не находился в таких обстоятельствах. Если, конечно, это не дело рук Крэйга, если Левиафан не перешел под опеку военных. Но что бы это могло быть? Роберт перестал размышлять; он полностью сосредоточился на переживании и позволил ему завладеть собой. Время от времени он делал отчаянные попытки прорвать заслон электронных сигналов, подчинивших его волю, заставляющих его идти точно к лежащей впереди цели. Но он не мог сделать абсолютно ничего. Сознание было безнадежно поймано в ловушку тела, превращенного в огромную живую торпеду,

которая стремительно приближалась к своему концу.

Мощная интуиция кита подсказала Роберту, что он переживает последние мгновения жизни Левиафана. Несомненно, кит каким-то непостижимым образом знал, что его конец близок. Еще пять миль, две, две, одна... и вот он, конец пути! Во время последовавшей краткой передышки акустические локаторы кита обнаружили вокруг скопление больших объектов, отдаленно похожих на его сородичей. А потом он получил последний сигнал. Колоссальная энергия, выпущенная из плена материи, с победоносным ревом вырвалась на свободу, как вулканическая магма, разорвавшая гигантское тело вулкана Кракатау. Превратившись в наводящий ужас огненный шар, который стремительно разрастался во всех направлениях, она выпаривала моря, разрывала и сжигала земную кору архипелага, испепеляла людей и машины, плавил ядерные ракеты и разносила ядовитые радиоактивные пары до самого горизонта.

Казалось, ядерный взрыв, разорвавший кита на тысячи клочьев, одновременно разрушил тело и душу Роберта. Освободившись от грузного тела кита, Роберт превратился в лишенное телесной оболочки сознание Левиафана. Его удивило, что и здесь, так же как на земле, кит был самым большим существом в царстве животных, — его бестелесное сознание было огромным. Таким огромным, что вобрало в себя несметное количество рассеянных частиц света, представляющих собой разбросанные сознания других живых существ, которых взрыв тоже лишил тела. Казалось, он успокаивает их, утешает, говоря с ними на безмолвном языке, который Роберт умел понимать. В этот момент Роберт осознал, что парит высоко над землей. Сквозь клубящуюся массу газа и пыли он узнал поверхность океана, очертания островов и далекую береговую линию.

И тут он связал это с сообщениями о ядерном инциденте в Китае. ЭТО БЫЛА КАТАСТРОФА НА АРХИПЕЛАГЕ ЧЖОУШАНЬ! Они ВОСПользовались РЕЗУЛЬТАТАМИ его исследований В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ! убили Левиафана, А вместе с ним — бесчисленное количество невинных жертв!

Зрелище раскаленного источника ослепительного света, более яркого, чем тысячи солнц, навеяло воспоминание о Роберте Оппенгеймере, отце водородной бомбы. Наблюдая чудовищную энергию, вырвавшуюся на волю во время взрыва первой атомной бомбы, Оппенгеймер припомнил обращенные к Аржуне слова Кришны, из «Бхагавадгиты»: «Я смерть, сокрушитель миров». В этих словах Роберту открылась глубокая истина. То, что с ним произошло, было полным и безжалостным уничтожением, разрушением всех жизненных ориентиров.

В следующий миг он стал просто точкой сознания в бескрайнем океане бытия. «Должно быть, это то, что Будда называл нирваной, — мелькнула в сознании Роберта последняя мысль, прежде чем оставшиеся следы его личности растворились в первозданном Ничто, в Пустоте. — Прошли эпохи, и из космической ночи возник огромный золотой лотос, сияющий всеми цветами радуги И словно по волшебству сотворил райский, или небесный, мир невообразимой красоты...»

Роберт, начавший вновь обретать ощущение собственной личности, понял, что этот мир имеет некую глубинную связь с драгоценными камнями, но не с материальной их формой, а с космической сущностью. Он чувствовал, что купается в поле первозданного сияющего сознания, обладающего качеством алмаза. Сколько длилось это состояние — несколько минут, или тысячелетия? Узнать это не было никакой возможности: время как измерение бытия полностью утратило свой смысл.

Свидание в Каса Мадроне

Среди друзей Лора слыла девушкой рассудительной, способной принимать верные решения и быстро их осуществлять. Ей никогда бы не пришло в голову считать себя жертвой невроза навязчивых состояний. Но с тех пор как она встретила Роберта, все говорило в пользу такого диагноза. Мысли все время возвращались к Роберту, руясь вокруг воспоминаний об их встрече в Болинасе, как пчелы вокруг банки с медом. В голове рождались романтические фантазии — разнообразные сценарии их совместного будущего. Она разрывалась между сильным искушением позвонить ему и пониманием, что это совершенно недопустимо. Несколько раз она начинала набирать его номер, но довести дело до конца так и не смогла.

Лора пыталась понять, что происходит. Конечно, Роберт блестящий ученый и привлекательный мужчина, но она видела его всего один раз и едва с ним знакома. К тому же у нее есть серьезные опасения по поводу его работы в НИПИСе. Большинство проектов этого института строго засекречено, и о них очень мало что известно. Но слухов о том, что там творится, вполне достаточно, чтобы забеспокоиться, особенно в свете того, что она пережила с Баламом Ахау, грибами и черепом. Да и все направление деятельности института казалось ей крайне подозрительным и даже предосудительным. Может быть, отсюда все ее метания? Неужели все дело в конфликте между физическим влечением и этическими принципами?

Лора ненавидела себя за глупые колебания, усматривая в них детскую незрелость, недостойную разумного взрослого человека. В конце концов, у нее есть очень веская причина позвонить Роберту. Он ведь должен сообщить ей и отцу новости о черепе. Чтобы справиться с непонятными сомнениями, она собрала всю волю в кулак и решительно включила голововидеофон. Как раз в тот миг, когда Лора собиралась дать компьютеру команду соединить ее с Робертом, раздался звонок. Она ответила, несколько раздосадованная неожиданной помехой. Ну почему это произошло именно в ту секунду, когда она, наконец, решилась на разговор, который так долго откладывала? К изумлению Лоры, перед ней возник не кто иной, как Роберт.

— Привет, Лора, — бодро сказал он, стараясь сделать беззаботное лицо и скрыть волнение. «Насколько проще была жизнь, когда люди разговаривали по телефону, не видя друг друга, да еще крупным планом», — подумал Роберт. Тем не менее, он был рад, что на звонок ответила Лора, а не кто-то из ее родителей.

— Прошло больше недели с тех пор, как вы приезжали в Болинас, — продолжал он с еле заметной дрожью в голосе. — Тебе, наверное, интересно, что произошло за это время и почему я так долго не звонил. И еще, должно быть, не терпится узнать, что я обнаружил, исследуя череп. — Роберт замялся, явно пытаясь подобрать нужные слова. — Дело... несколько... осложняется... и... я не знаю, что предпринять.

— Что случилось? — спросила Лора, постепенно оправляясь от впечатления, вызванного очередной поразительной синхронизацией. Ведь Роберт позвонил как раз в тот момент, когда она окончательно решила позвонить ему сама. Похоже, в последние два месяца необычные стечения обстоятельств стали обычным делом.

— Я сделал то, чего раньше никогда не делал, — признался Роберт. — Вместо того чтобы наблюдать других, самому оставаясь сторонним наблюдателем, я решил стать подопытной мышкой и испытать воздействие черепа на себе.

— И что же? Череп как-то повлиял на тебя? — спросила Лора, взволнованная тем оборотом, который принял их проект. Ей было куда интереснее услышать о внутреннем мире Роберта, чем о направлениях его исследований и объективных данных.

— Нет никаких сомнений, череп очень сильный предмет, способный вызывать глубокие изменения сознания. Я все еще разбираюсь в своих переживаниях и пытаюсь их усвоить. Это было потрясающе! Сначала я подумывал привлечь к исследованию коллег, чтобы обеспечить междисциплинарный подход, но теперь не уверен, что это лучший вариант. Мне нужно время, чтобы решить, что же делать дальше.

— Переживание оказалось сильнее, чем ты ожидал? — спросила Лора, надеясь заглянуть в душу Роберта.

— Да, намного. Когда вы с Эдом рассказывали о том, что испытали, я не представлял, о чем идет речь. Я не мог даже отдаленно предположить, какая огромная сила заключена в этом предмете. Должен признаться, переживание было для меня очень поучительным. Вы пришли ко мне за советом как к специалисту, изучающему связь между сознанием и мозгом. Но я совершенно ясно понял, что о мистических переживаниях не узнаешь из специальных книг и лабораторных опытов. Ведь подросток вряд ли сможет представить, что такое оргазм, читая учебник по физиологии размножения

— Я уже слышала это от другого специалиста по измененным состояниям сознания, — лукаво сказала девушка, вспоминая беседу с Баламом Ахау. — Но что именно тебе пришлось пережить? Ты можешь мне об этом рассказать? — допытывалась Лора, чье любопытство росло с каждым словом Роберта.

— Это долгая история, и я предпочел бы поговорить об этом в другой раз и лично, — ответил Роберт, подозревая, что их головифеофонный разговор может прослушиваться. Учитывая природу его работы и интерес, который Пентагон и ЦРУ проявляли к исследованиям НИПИСа, это было вполне вероятно.

— Знаешь, Роберт, после нашей встречи в институте я несколько раз хотела тебе позвонить, — призналась Лора. — Мне очень неловко, потому что, рассказывая о своих переживаниях с черепом, я не была с тобой вполне откровенна. Я не рассказала тебе всей истории. Но мне бы хотелось когда-нибудь досказать ее до конца, если, конечно, тебе интересно.

Роберт тряхнул головой, не веря в реальность предложения Лоры. Теплая волна пробежала по спине, сердце забилось чаще. Фантазии, которые он лелеял со дня их первой встречи, начинали осуществляться.

— Я был бы счастлив встретиться с тобой и обменяться нашими историями, — сказал он радостно, больше не пытаясь скрывать свой восторг. — Можно пригласить тебя на ужин в следующую пятницу?

— Следующая пятница вполне подходит! — ответила Лора. — А где? Есть какие-нибудь идеи?

Роберт предложил «Каса Мадрона» в Сосалито, свой любимый ресторан, который находился не очень далеко от дома Лоры, — нужно только пересечь мост Золотые Ворота. Роберт сам не верил, что только что сделал. Ему так хотелось увидеть Лору, что он, не подумав как следует, предложил ей встретиться в следующую пятницу. А ведь как раз на пятницу у него назначены сложные лабораторные эксперименты, которые продлятся с раннего утра до позднего вечера и потребуют участия других людей. Будет нелегко перекроить график, договориться на другое время и, прежде всего, объяснить, почему его планы так внезапно изменились. Роберт не мог себе представить другие обстоятельства, которые заставили бы его выкинуть что-нибудь подобное.

Когда Лора появилась в ресторане, Роберт уже сидел за столиком у окна, потягивая полусухой херес. «Каса Мадрона» в Сосалито был особым заведением, где было приятно поужинать в теплой компании. Из окна открывалась живописная панорама. Ресторан располагался на холме, который спускался к бухте Сосалито и плавучей деревне. Большие окна зала выходили на залив, кишасший лодками и маленькими суденышками. Вдали виднелся Сан-Франциско, живописно освещенный закатом и сотнями городских огней, которых с каждой минутой становилось все больше.

Увидев входящую в зал Лору, Роберт просиял и пошел ей навстречу. Не дойдя несколько шагов, он остановился и стал молча смотреть на нее, потрясенный ее красотой. Лора провела перед зеркалом больше часа, выбирая подходящий наряд и доводя макияж до совершенства. Для встречи в Болинасе, которая не сулила ничего особенного, Лора оделась очень буднично и поспешно. Сегодня же, в маленьком платье цвета бордо, плотно облегающем ее стройное тело, с темно-красным гранатовым ожерельем на шее и с такими же клипсами в ушах, она выглядела просто неотразимо.

— Привет, Лора, ты выглядишь великолепно! Какое красивое платье! — комплиментом приветствовал ее Роберт. — Очень рад увидеть тебя снова, — добавил он, подходя ближе. Заглянув Лоре в глаза, он нежно обнял ее и расцеловал в обе щеки.

— Как хорошо, что ты смог прийти, Роберт. Представляю, какой у тебя напряженный рабочий день, — сказала Лора, непроизвольно добавляя третий поцелуй к двум поцелуям Роберта. — Три поцелуя — я научилась этой манере здороваться в Париже, и она мне нравится, — объяснила она, разжигая пыл Роберта очаровательной улыбкой.

Когда они сели за столик, Лора не стала терять времени даром и сразу перешла к делу:

— А теперь, Роберт, расскажи мне о своем эксперименте с черепом, мне не терпится услышать, что произошло.

— Может быть, сначала сделаем заказ? — предложил Роберт. — После того как я начну рассказывать, будет трудно переключаться на такие мелочи.

Лора неохотно согласилась, и они как можно быстрее завершили ритуал заказа.

— Переживание было ужасающее, — начал свое повествование Роберт. Он не случайно выбрал именно это прилагательное: в слово «ужасающее» Роберт вложил и величие переживания, и ужас, который оно внушало. — Даже в самых смелых своих фантазиях я не мог представить, что моя реакция окажется такой сильной! Я ожидал, что после долгого сосредоточения у меня, возможно, возникнут какие-нибудь оптические иллюзии или галлюцинации, — ничего подобного! Переживание пришло очень быстро и было таким ошеломляющим, что я не мог с ним совладать.

И Роберт подробно рассказал обо всем, что ему удалось запомнить: свою реакцию на череп, от первых изменений в восприятии и до бурного финала, в котором участвовали Левиафан и ядерная катастрофа. Мысль о возможности, пусть пока еще неподтвержденной, что его работа могла послужить орудием самого страшного бедствия в истории человечества, вызвала у Роберта взрыв сильного чувства, на глаза навернулись слезы. Он явно еще не освободился от своего переживания.

— Еще до вашего приезда в Болинас я чувствовал, что нахожусь на важном распутье. Я думал о своей жизни, сомневался, правильно ли я живу, правильный ли выбор сделал. Опыт с черепом поразил меня до глубины души, — продолжал Роберт. — Он стал решающим событием и дал мне толчок в совершенно новом направлении. Все мои убеждения, ценности, вся моя

личность полностью изменились. То, что произошло со мной, можно назвать коренным внутренним преображением, полным переворотом! Нужно несколько дней, а то и недель, чтобы свести все воедино, а потом увязать с повседневной жизнью!

— Ты говоришь о глубоких изменениях, но это общие слова. Не мог бы ты рассказать более конкретно? — попросила Лора, очень благодарная Роберту за честность и готовность обнажить самые сокровенные глубины своей души.

— Когда во время первой нашей встречи вы говорили мне о воздействии черепа, я рассчитывал в лучшем случае обнаружить какой-то новый феномен, который вдохновит меня на будущие проекты, — признался Роберт. — Сейчас я не допускаю даже мысли о том, чтобы когда-нибудь продолжить работу над старыми проектами. Не думаю, что смогу и дальше заниматься исследованиями, и, уж конечно, речи быть не может о том методе, которым я пользовался до сих пор, — об имплантации электродов в мозг живых существ! Я чувствую глубокое сострадание ко всему живому и даже подумать не могу о том, чтобы причинить боль живому существу.

Слушая Роберта, Лора чувствовала, что он становится ей все ближе. Она не сомневалась, что Роберт хороший человек, чьим главным недостатком была безграничная научная любознательность. Страсть исследователя затуманила и усыпила его сознание. Сотрудничество с НИПИСом, несомненно, объясняется тем, что его увлекла перспектива получить идеальные условия для исследований. Лора почувствовала, что недавнее пробуждение Роберта разрушило последнюю разделявшую их преграду, и теперь можно быть с ним совершенно откровенной и рассказать обо всем: о Баламе Ахау, о своих «грибных» переживаниях, о встрече с инопланетянами и о послании великой Богини-Матери.

Роберт слушал Лору с напряженным вниманием, не сводя с нее глаз. Ее рассказ увлек его и заморозил, и, что самое удивительное, он смог без всяких следов научной предвзятости принять все те невероятные вещи, о которых она говорила. Раньше любое упоминание о космическом сознании, архетипических существах и визитах пришельцев немедленно заставили бы его задуматься о наиболее подходящем клиническом диагнозе. Но теперь он на собственном опыте убедился, что «меж небом и землей сокрыто много»*, причем такого, о чем ни психиатры, ни психологи не имеют ни малейшего представления.

Роберт чувствовал, что перед ним распахнулись совершенно новые измерения реальности, и жаждал пойти путем этого тайного знания. И еще он был абсолютно уверен в одном: он хочет, чтобы рядом была Лора. Ему отчаянно хотелось увидеть ее снова и как можно скорее, и он старался подыскать подходящий предлог для следующей встречи. Но получилось, что они уже обсудили все возможные темы. И вдруг его осенило: ведь можно ничего не объяснять, ничего не придумывать, а просто взять и попросить о свидании! Вначале он отбросил эту мысль как слишком безрассудную, но потом решил рискнуть.

— Лора, у меня есть дом на побережье Биг-Сур, я иногда езжу туда на выходные, — сказал он напрямик. — Место очень тихое, уединенное, а вид на океан просто потрясающий! В следующую пятницу я собираюсь туда на уикэнд. Не хочешь ко мне присоединиться? — Прежде чем Лора успела ответить, он решил смягчить дерзость предложения. — Прости, я не спросил, может, ты занята, — извинился он. — Если мое предложение кажется тебе неприемлемым, пожалуйста, так и скажи. Дом большой, и у тебя, конечно, будет отдельная комната.

— Занята? — улыбнулась Лора. — Ты имеешь в виду планы на выходные или прочные отношения? Нет, уикэнд у меня свободен, а с последним приятелем мы расстались уже довольно давно. Думаю, идея замечательная, и я с удовольствием составлю тебе компанию.

Она не стала говорить Роберту, что отсутствие отдельной комнаты ее тоже не особенно беспокоило бы. Кстати сказать, у нее самой уже возникли кое-какие фантазии о том, что может

произойти между ними во время уикэнда.

— Вот и отлично, — обрадовался Роберт, видя, что его мечты начинают сбываться. — Я заеду за тобой в следующую пятницу, в час. Тогда мы не попадем в самый разгар движения.

— Я буду ждать, — сказала Лора и после короткой паузы с добавила с озорным блеском в глазах: — С нетерпением!

Их договоренность о следующей встрече стала естественным завершением вечера. Ужин закончился десертом из мороженого-ассорти в виде цветка лотоса, густо посыпанного хрустящим миндалем, и земляничного ликера и сопровождался оживленной беседой... Роберт оплатил счет, и они направились к лифту, из которого вышли прямо на улицу в Сосалито. Оба сочли, что вечер прошел великолепно.

Проезжая через мост Золотые Ворота, Лора думала то о предстоящей поездке с Робертом в Биг-Сур, то о разных эпизодах его переживаний. Среди всех тайн, окружающих хрустальный череп, была одна, которую Лора находила особенно загадочной. У всех людей, проявивших сильную реакцию на череп, переживания были очень разными и отражали черты конкретной личности. И все же Роберт был третьим человеком, помимо нее и Криса, который пережил встречу с инопланетянами.

Если оба мужчины во время этого эпизода находились под воздействием черепа, то сама Лора незадолго до него попробовала волшебных грибов. Что же объединяет их переживания? Лора долго билась над этой задачей, но поняла, что это выше ее разумения. Когда машина остановилась у тротуара перед ее домом, она вышла и, прежде чем открыть дверь, несколько минут смотрела на небо, усеянное бесчисленными звездами. Лора всегда знала, что небосвод таит в себе самые сокровенные загадки бытия. Сегодня вечером она живо ощущала одну из них: существует ли жизнь еще где-нибудь во вселенной? И если да, возможно ли, что ее встреча с пришельцами не галлюцинация, вызванная наркотическими веществами, а реальное событие?

На этот раз выражение лица и поведение Генри Фабинга резко отличались от того, что обычно наблюдал Роберт, бывая у шефа. Фабинг с начальственным видом восседал за большим столом красного дерева, а глаза его, устремленные на Роберта, метали молнии.

— Я вызвал тебя, чтобы ты представил мне доклад о ходе работы над проектом «РС — 14 МУСОН», прорычал он. — Когда мы разговаривали в последний раз, я сказал, что это первоочередной проект, и давно хочу услышать, как идут дела.

— Вынужден принести свои извинения, — сказал Роберт, чувствуя, что сейчас разразится буря, — но пока сделано еще мало. А если точнее, я еще не начинал над ним работать.

— Что? Ты еще не начал работать над проектом «РС — 14 МУСОН»? — так и вскинулся Фабинг. Он не верил своим ушам. Шеф знал, что дела с проектом обстоят не лучшим образом, но, услышав, что Роберт даже не приступал к работе, отбросил все церемонии. — Говоришь, даже не приступал? Черт бы тебя подрал! И чем же ты это объяснишь?

— В последнее время мне нездоровится, и к тому же накопилась масса старых незавершенных дел. Я утратил былую энергию и вообще переутомился. — Роберт пытался придумать правдоподобные оправдания. Но он не умел лгать, и его объяснения выглядели не слишком убедительно. — Я как раз хотел просить о годовичном отпуске, между прочим, он уже давно мне полагается, — добавил он. — Я не помню, когда последний раз нормально отдыхал. Мне действительно нужно прийти в себя.

— Ты в своем уме? Годичный отпуск? В НИПИСе? Нет, это просто неслыханно! — Фабинг хотел было перевести разговор в шутливое русло, но гнев пересилил. — И как раз в то время, когда ты так нужен здесь! Это проект, который имеет решающее значение для национальной безопасности! Самый срочный! — бушевал он, брызгая слюной. — Ты прекрасно знаешь, что мне нечем тебя заменить. Отпуск на год?! Даже не думай об этом!

— Очень сожалею, Генри, — сказал Роберт спокойно и твердо, — но меня тревожит состояние моего здоровья, я должен позаботиться о себе. Это для меня самое срочное. Уверен, Крэйг Энрайт с успехом заменит меня и продолжит работу.

Роберт знал, что лукавит, знал об этом и Генри Фабинг. Крэйга Энрайта даже при самом огромном желании нельзя было сравнивать с Робертом! Он был способен работать под руководством Роберта или воплощать на практике результаты его творческой мысли. Но он не мог заменить его в том, что касалось разработки новых идей и проектов. А жалобы Роберта на плохое самочувствие и недостаток энергии? Очень неуклюжий предлог, хорошая мина при плохой игре! Генри видел Хантера насквозь — это было его любимое выражение, к которому он всегда прибегал в подобных случаях.

— Чушь собачья! Ты не хуже меня знаешь, что Крэйг может и чего не может! Так что избавь меня от этого вздора, — накинулся на Роберта Фабинг. — И что же с тобой такое? Ты прошел последний медосмотр?

— Еще нет, но в ближайшее время собираюсь этим заняться, — ответил Роберт. — Я был слишком занят, на меня навалилось столько дел.

Генри Фабинг не поверил ни единому слову Роберта. У него были свои соображения по поводу происходящего. Курт Беринджер, начальник службы безопасности НИПИСа, недавно попросил его о срочной встрече. Во время разговора он выразил серьезное беспокойство по поводу того, как Роберт ведет себя в последнее время. Его поведение выглядело необычным и очень подозрительным. В последние две недели, с того самого дня как в НИПИСе побывали Эд

и Лора Паркер, рабочий день Роберта все укорачивался. Он забросил работу в лаборатории и не появлялся в институте в выходные. Пытаясь разобраться в этих странных переменах, Беринджер стал проверять последние головифофонные разговоры Роберта, в том числе и беседы с Эдом и Лорой. Их содержанием он поделился с Фабингом.

— Знаю, какие дела ты имеешь в виду, — злобно прорычал Генри, повысив голос. — Я получил сигнал от службы безопасности, что ты возишься с каким-то дурацким черепом доколумбовой эпохи, который вызывает изменения сознания. Их ребята подслушали твои разговоры с подружкой, в которых ты упоминал о своих «переживаниях». Поначалу я им не поверил. Я думал, ты слишком умен, чтобы ставить под удар мозги и карьеру. Но теперь вижу, что это правда, и мне вдруг все стало ясно. Похоже, твое поведение как-то связано с этим чертовым пугалом древних майя. Ведь так?

Как и все работники НИПИСа, Роберт знал, что разговоры между институтом и внешним миром могут прослушиваться. В душе он осуждал этот обычай, но разоблачение Фабинга его не особенно удивило. Разъярило его то, что этот мерзкий шпионаж коснулся его разговоров с Лорой.

— Вы лезете в мою личную жизнь? Прослушиваете мои частные разговоры? Ну и местечко! А я-то думал, что живу в демократической стране! — кричал Хантер на шефа. От внезапного прилива крови лицо Роберта покраснело, вены на лбу вздулись.

— Значит, у тебя было мистическое переживание! — произнес Генри тоном, в котором мешались страх и отвращение, — наверное, в библейские времена так говорили о проказе. — Вот уж хуже не придумаешь! Мистическое переживание — самое скверное, что может случиться с человеком, работающим на правительство и национальную безопасность! Это почище, чем шашни с коммунистами. Уж лучше бы ты читал Маркса и Энгельса, — продолжал Генри все более похоронным тоном.

— А что вы имеете против мистических переживаний? — осведомился Роберт.

— Ты знаком с американской историей? Знаешь, что произошло в шестидесятые годы прошлого века, когда эти идиоты хиппи помешались на наркотиках? Как это подорвало гордость нации и ослабило военную мощь нашей страны. Может, то, что с тобой приключилось, похоже на воздействие психоделиков?

— Я уверен, что стараниями службы безопасности вы прекрасно знакомы с моим прошлым, — язвительно заметил Роберт, чувствуя растущее раздражение. — Поэтому вы должны знать, что у меня никогда не было опыта употребления психоделиков, а значит, сравнивать мне не с чем. Все, что мне известно по этому поводу, я почерпнул из книг.

— Не могу поверить, что ты так изменился. Что это за переживание такое, от которого у тебя ум за разум зашел?

— Про переживание скажу вам только одно, Генри. Что бы это ни было, оно открыло мои глаза. Я больше не могу проводить опыты с животными, не говоря уже о людях. Просто не могу, и точка. На том стою, и пути назад нет.

Голос Роберта звучал твердо и уверенно, и у Фабинга не было сомнений, что Хантер говорит совершенно искренне.

— Думаю, тебе стоит подождать несколько дней и остыть, прежде чем принимать какие-то решения, — сказал Фабинг примирительным тоном. — Подумай, какие у тебя здесь условия — где еще в мире ты найдешь такие?. Ты же не хочешь рисковать своей работой?

Последние слова Роберта всерьез обеспокоили Фабинга, он понял, что может его потерять.

— Если уж речь зашла о прекрасных условиях у вас в НИПИСе, позвольте я расскажу вам кое-что еще о своем переживании. Оно заставило меня задуматься о Левиафане. Где он и когда вернется? — спросил Роберт, полный решимости выяснить, имеют ли его видения и прозрения

о судьбе Левиафана какую-то реальную почву.

— Тебе же известно, что Энрайт часто берет дистанционно управляемых животных для разных испытаний. Сейчас он как раз выполняет ответственное задание, связанное с национальной безопасностью страны, — ответил Фабинг уклончиво.

Роберт вдруг понял каждой клеточкой своего тела, что открывшееся ему в переживании было правдой.

— Вы использовали его, чтобы доставить ядерную бомбу на базу китайских подводных лодок, а потом с легкостью принесли в жертву! Как это подло, как отвратительно! — крикнул он.

— Если знаешь, зачем спрашиваешь? — пожал плечами Генри. — У нас не было выбора. Приказ пришел из самых верхов.

— Так это правда! Мою работу использовали как орудие массового уничтожения! Слушайте внимательно, Генри, и зарубите у себя на носу: я передумал, забудьте об отпуске, я увольняюсь немедленно, — отчеканил Роберт, так что у Фабинга не осталось ни малейшего сомнения, что это решение окончательное.

— Так я и знал! Я понял, чем это пахнет, как только ты вошел в мой кабинет и раскрыл рот! — взвизгнул Генри, явно подавленный. — Хорошо, пусть будет по-твоему. Не могу поверить, что можно так легко пустить коту под хвост столь блестящую карьеру. Только позаботься, чтобы хватило денег на черный день, потому что я, в свою очередь, позабочусь, чтобы ты не нашел другой работы! Нигде во всех Соединенных Штатах! Лицо Генри побагровело, он был в ярости и уже не владел собой.

Роберт стремительно вышел из кабинета Фабинга, ощущая ликование и торжество. Ожесточенная стычка с Генри помогла радикально разрешить связанный с работой этический конфликт, который мучил его много лет. Роберт чувствовал, что у него гора свалилась с плеч. Уход из НИПИСа открыл перед ним новые захватывающие пути, которыми можно идти всю оставшуюся жизнь. При этом Роберт втайне надеялся, что рядом с ним будет Лора. К счастью, за годы хорошо оплачиваемой работы в НИПИСе он скопил достаточно средств, чтобы продержаться несколько лет, а то и вовсе не работать, если он выберет такой путь.

* * *

Как только Роберт вышел из кабинета, Генри Фабинг связался по головифеофону с Куртом Беринджером, начальником службы безопасности.

— У нас серьезная проблема, Курт. Роберт Хантер действительно спятил, и в таком состоянии от него можно ожидать чего угодно. Мы серьезно повздорили, и он собрался уходить. С его знаниями и доступом к сверхсекретной информации он представляет помеху и опасность для института.

— Понял, господин директор. Что от меня требуется? — спросил Беринджер, изобразив учтивый поклон и всем своим видом выражая почтение, граничащее с угодливостью. Его поведение не вязалось с тем фактом, что в юности он был классным борцом, а позже прошел суровую подготовку в специальном диверсионном отряде. Следуя традициям своих прусских предков, он был столь же подобоострастен с начальством, сколь властен и жесток с подчиненными.

— Сделай все, чтобы конфисковать этот артефакт майя и голограммы, — с нажимом сказал Фабинг. — Мы не можем оставить это в его руках. Из того что ты мне рассказал, воздействие

череп на сознание — если, конечно, подтвердится, что это правда, — кажется мне весьма многообещающей темой. Возможно, у этой штуковины большое будущее и она еще послужит нашим целям. Давай проведем собственное исследование и выясним, в чем тут суть.

— Можете положиться на меня, господин директор, — заверил его Беринджер. — Считайте, что дело сделано! Что-нибудь еще?

— Сейчас это самое неотложное дело. Дальнейшие шаги обсудим позже.

Почему драгоценные камни драгоценны?

Незадолго до часа дня Лора выглянула в окно и увидела приближающийся к дому «мерседес» Хантера. Когда машина подъехала к тротуару, Лора выбежала встретить Роберта. Ей не терпелось показать ему дом, полный археологических сокровищ. Особенно ей хотелось, чтобы Роберт побывал в ее кабинете, атмосфера которого, как она считала, была сродни ее душе. После краткой экскурсии по жилищу Паркеров они отбыли в Биг-Сур. Компьютер выбрал самый короткий и удобный путь, но Роберт его перепрограммировал, предпочтя более живописное шоссе № 1. Спешить им некуда, а эта дорога позволит насладиться чудесными видами океана.

Лора была несколько разочарована тем, как воспринял Роберт ее гостеприимство, и вообще его поведением. Он казался озабоченным и отстраненным и не выказывал того энтузиазма по поводу совместного уикэнда, который ощущала сама Лора. Возможно, со дня их встречи в Сосалито что-то случилось, и Лора терялась в догадках, что бы это могло быть. Она не любила неопределенности, зная, что в таких ситуациях фантазия начинает рисовать самые худшее, а потому решила действовать напрямик и выяснить, в чем дело.

— У тебя все в порядке, Роберт? — спросила она, когда они удобно устроились на мягких сидениях машины. — Ты сегодня сам не свой. Тебя что-то тревожит?

Роберта поразило Лорино чутье. Сегодня он действительно был не в лучшем настроении, и для этого были веские причина. Придя утром в свой кабинет, Роберт обнаружил, что там был обыск и хрустальный череп с голограммами исчезли. Операцию провели вчера вечером или ночью, всего через несколько часов после перепалки с Генри. Слишком подозрительно для простого совпадения. Роберт сообщил о взломе шефу службы безопасности и самому Фабингу. Как и следовало ожидать, они заявили, что ничего не знают и не считают случай важным, поскольку ничего из похищенного не является собственностью НИПИСа.

Роберт ощущал тяжесть на сердце и отчаяние. Пропажа хрустального черепа и то, что ему предстоит сообщить эту плохую новость Лоре, почти полностью омрачили радость от поездки в Биг-Сур. С первой минуты их встречи он мучительно думал, как лучше сказать Лоре о случившемся. Ее неожиданный вопрос застал его врасплох, но вместе с тем Роберт почувствовал благодарность за тот выход, который она ему предоставила.

— Ты абсолютно права, Лора. У меня очень плохие новости, и я не мог решиться выложить их тебе, — признался он.

— Что случилось? — спросила Лора, чувствуя внезапную тревогу. Первой ее мыслью было: сейчас Роберт скажет, что они больше не смогут встречаться.

— В институте сложилась неприятная ситуация. Нужно было сразу тебе позвонить, но я не мог говорить об этом по головифонону. Теперь я совершенно уверен, что все мои звонки прослушиваются. Вчера у меня произошел скандал с Генри Фабингом, директором НИПИСа. Он потребовал объяснений, почему работа не двигается. Я пытался свалить все на здоровье, но он на это не купился. Служба безопасности доложила ему о нашей встрече, о черепе и даже о моем переживании с ним...

— Они подслушали нашу личную беседу? — недоверчиво перебила Лора.

— Фабинг знал все. Он догадался, что именно вызвало изменения в моем поведении, по крайней мере, в общих чертах. Мы крупно поговорили, и я решил прямо сказать ему, что больше никогда не буду ставить опыты над животными. Это испугало и взбесило Фабинга. Он испробовал все, чтобы отговорить меня, но я был непреклонен и сказал, что ухожу.

— Ты ушел? И что ты собираешься теперь делать? Это окончательно? — спросила Лораэ.

Зная, как важна для Роберта его работа, она понимала всю серьезность ситуации.

— Уход — самая мелкая из моих неприятностей. Я подумывал об этом уже давно и, наверное, все равно пришел бы к этому, раньше или позже. Но я уверен, что теперь Генри считает меня ненадежным и даже опасным. Я в черном списке, и теперь он и люди из службы безопасности не дадут мне покоя.

— С чего ты взял? — спросила Лора, пораженная, что события принимают такой неожиданный оборот.

— Тут-то и начинается самая трудная часть моего рассказа. Если у меня озабоченный вид, то только потому, что я все время пытаюсь набраться мужества и рассказать тебе всю правду. Когда сегодня утром я пришел в институт, выяснилось, что кто-то проник в мой кабинет и произвел там обыск. Замок и дверь не были сломаны, значит, у тех, кто ко мне наведалься, был ключ. Скорее всего, это служба безопасности, и действовали они наверняка по приказу Фабинга. Они перевернули все вверх дном. Я тщательно перебрал все вещи, пытаясь выяснить, что пропало. Взяли некоторые мои записи и компакт-диски. Но это небольшая потеря: все хранится у меня в голове или на запасных дисках, которые я хорошо спрятал. Но потом я обнаружил, что украли коробку с черепом и голограммами.

Сказав, наконец, правду, Роберт почувствовал странную смесь величайшего облегчения и чувства, что земля уходит у него из-под ног.

— Я чувствую себя ужасно, Лора. Ведь череп — бесценная археологическая находка, к тому же я знаю, как много он значит для тебя лично. Вы с Эдом доверили череп мне, а я вас подвел. Я признаю свою вину, но в то же время не знаю, как можно было предотвратить пропажу. Разве что вчера вечером взять череп домой. Но я не уверен, что его не украли бы и оттуда.

Прошло некоторое время, прежде чем Лора оправилась от потрясения и смогла продолжить разговор.

— Зачем они это сделали? — выдавила она, задыхаясь.

— Они считают, что перемены в моем поведении и решение уйти из института — серьезная проблема, угрожающая национальной безопасности. И еще они подозревают, что эти перемены каким-то образом связаны с черепом. Они с самого начала следили за нашими разговорами и записывали их. На их взгляд, при подобных обстоятельствах оправданны любые средства. К тому же их наверняка заинтересовало воздействие черепа, и они захотели выяснить, как можно использовать его в своих целях.

— Неужели ты не можешь ничего с ними сделать? Например, обратиться в суд? — спросила Лора, чувствуя, как в ней закипает гнев.

— Ты не представляешь, с чем мне придется сражаться! Их власть практически безгранична. Им позволено все! А если уж они вобьют себе в голову, будто что-то угрожает национальной безопасности, то смогут пойти против любых законов и правил. Они от всего отвернутся, а всю вину взвалют на меня. И то, что ты незаконно провезла череп в страну, не оформив официальные документы, тоже им на руку. Такое признание поставит в очень опасное положение и тебя, и твоего отца.

Лора медленно отходила от шока и душевной боли, вызванной утратой черепа. Этот уникальный предмет, представляющий исключительную археологическую ценность, имел для нее большое личное значение. Он был тесно связан с воспоминаниями о Баламе Ахау и ярких духовных переживаниях, через которые она прошла сначала на горе, а потом на развалинах древнего города, после того, как нашла череп. И потом — слова великой Богини-Матери о том, как он важен для судьбы человечества. Что же будет теперь, когда он в руках негодяев?

Погруженная в свои раздумья, Лора вдруг явственно ощутила присутствие Балама Ахау. Это чувство было настолько сильным, живым и осязаемым, что она почти видела его сияющие глаза,

его ободряющую улыбку. Прислушавшись к монотонному шуму мотора, Лора услышала успокаивающий шепот старого шамана: «Верь, Лора, верь! Помни, что я говорил тебе: череп сам найдет путь!» Эти слова, повторяясь вновь и вновь, эхом отдавались в голове Лоры, и она вдруг почувствовала веру в силу, которую воплощали Балам Ахау и череп. Ее взгляд на произошедшее изменился, как по мановению волшебной палочки, и теперь она была настроена более оптимистично.

Может быть, у провидения свои пути и череп попал именно туда, где ему и надлежит быть, чтобы выполнить свое предназначение! Лора нашла в этой ситуации и еще одну положительную сторону. Когда Роберт впервые упомянул о серьезной проблеме, она в первую очередь подумала, что он имеет в виду обстоятельства, которые могут их разъединить. Теперь она чувствовала облегчение и благодарность: это их общая забота, а не препятствие, которое может принести разлуку.

Роберт был безутешен, ему нужно было убедиться, что Лора для него не потеряна. И Лора была готова убедить его в этом.

— Ты не виноват, Роберт, — успокоила она его, а потом наклонилась и нежно поцеловала в щеку. — Ты ничего не мог изменить. В жизни и не такое случается. Пережить это нелегко, но мы справимся. И не волнуйся за моего отца. Он не питает иллюзий по поводу наших государственных учреждений; я уверена, он все поймет.

— Спасибо, Лора, я ценю твое понимание и поддержку. Не могу выразить, какой это для меня удар, — сказал Роберт, чувствуя искреннюю благодарность.

— Знаешь, Роберт, больше, чем сама потеря черепа, меня печалит то, что я собиралась использовать его для новых внутренних путешествий, — сказала Лора, придавая разговору новый поворот. — Я так надеялась на это! Мои переживания в Колумбии открыли для меня совершенно новый мир, другое измерение реальности, о существовании которого я и понятия не имела. То, что я там нашла, кажется мне невероятно важным, важнее, чем жизнь!

— После опыта в Болинасе у меня точно такое же ощущение, и мне бы очень хотелось продолжить эти исследования с тобой, Лора, если ты, конечно, не против, — проговорил Роберт. А потом добавил твердо и уверенно: — Пусть они украли череп, но остановить нас им не удастся. Есть и другие пути.

Последние слова Роберта удивили Лору.

— Ты говоришь просто так или у тебя есть какой-то конкретный план? — спросила она.

— Совершенно конкретный, — подтвердил Роберт. — Я все время об этом думаю, с тех самых пор, как увидел череп. Помнишь, я говорил тебе, что в моем переживании был отдельный фрагмент, связанный с драгоценными камнями? Я много размышлял и читал об этом. Уверен, что это и есть путь!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Лора. Она никак не могла понять, куда клонит Роберт.

— Чтобы разобраться в том, что я собираюсь сделать, тебе придется прослушать маленькое предисловие. Позволь, я сначала расскажу тебе о своих прозрениях, связанных с драгоценными камнями, — предложил Роберт. — В один прекрасный миг я внезапно понял, почему драгоценные металлы и камни играют такую важную роль в мифологии и религии. Во всех культурах райские и небесные миры изобилуют золотом и алмазами. В описаниях чудесного мистического странствия Магомета архангел Гавриил ведет пророка через семь небес, и каждое из них связано с тем или иным драгоценным камнем.

— Это правда, — согласилась Лора, — теперь и я припоминаю, что в духовных книгах очень часто упоминаются драгоценные камни. Раньше я этого не замечала.

— И тем не менее, это так. В своем откровении Иоанн Богослов называет Новый

Иерусалим, град небесный, «сверкающий драгоценный камень», — продолжал Роберт. — А возьми знаменитую буддийскую мантру ом мани падме хум. В ней Будда сравнивается с драгоценностью в цветке лотоса. Средневековые алхимики использовали символ Великого Камня для обозначения высшего уровня психодуховного развития. А Кетер, венец высшего Сефирота каббалистического Древа Жизни, выложен драгоценными камнями. Это архетип всех земных корон, которые испокон веков украшают головы священников, пророков и царей.

— Я вижу, ты основательно подготовился, — одобительно заметила Лора.

— На самом деле многие из этих сведений пришли ко мне в переживании, — ответил Роберт. — Оно же подсказало, к каким источникам обратиться. Особенно интересными были видения, в которых участвовали алмазы, — они отличались поразительной подробностью и конкретностью. В какой-то миг я почувствовал, что купаюсь в поле чистого лучезарного сознания, чье сияние походило на блеск алмаза. И сразу нахлынул поток мыслей, будто я заглянул в сокровищницу природы и узрел глубочайшие тайны космоса.

— А мне можно услышать что-нибудь из этих тайн? — спросила Лора. — Или они запретны и слишком сложны для такого профана, как я?

— Кое-что и в самом деле понять сложновато, но ты далеко не профан. Ты умница и схватишь суть без труда, — заверил ее Роберт. — Алмаз действительно занимает среди драгоценных камней совершенно особое место. Все его физические свойства указывают на метафизические: красоту, прозрачность, блеск, стойкость, неизменность и способность преобразовать белый свет в изумительную разноцветную радугу. По химическому составу алмаз — это чистый углерод, элемент, который, как известно, лежит в основе всего живого. Почему-то в переживании мне показалось очень важным, что алмаз — творение колоссальной энергии и рождается в условиях высочайших температур и давлений.

— Пока мне все понятно, но что из этого следует? — спросила Лора, которой не терпелось услышать, как это поможет возместить потерю хрустального черепа.

— Пожалуйста, потерпи еще немного. Это может походить на бред сумасшедшего, но ты увидишь, что в нем есть своя логика, — умоляюще сказал Роберт. — На другой день, проводя какое-то компьютерное исследование драгоценных камней, я наткнулся на лекцию по измененным состояниям сознания, которую в середине прошлого века Олдос Хаксли прочитал для сотрудников Лос-Аламоса. Она называлась «Мистические переживания». В этой лекции Хаксли намного опередил свое время, соединив в блестящий сплав сведения о психоделиках, ограничении внешних раздражителей, духовности, медитации и йоге. Есть в этой лекции отрывок, в котором говорится о связи мистицизма и духовности с драгоценными камнями.

— Точь-в-точь как в твоём переживании! И к какому же выводу он пришел?

— Хаксли заинтересовался этой проблемой благодаря одному маленькому мальчику. Однажды писатель услышал разговор между женщиной и ее любознательным малышом. Как и многие дети его возраста, он донимал мать бесконечными вопросами. Среди множества вопросов, которые он задал за короткое время, был и такой: «Мама, а почему драгоценные камни — драгоценные?» Мать притворилась, что не слышит вопроса, потому что не знала, что ответить, и скоро разговор переключился на другую тему. Но Хаксли потрясла глубина проблемы, поднятой мальчуганом. Почему драгоценные камни драгоценные?

— Не ребенок, а вундеркинд! — заметила Лора. — Ухватил самую суть!

— Разве не удивительно, что мы, такие прагматики, платим запредельные суммы за маленькие сверкающие камешки, не имеющие почти никакой практической ценности? То же самое можно сказать и о драгоценных металлах — золоте и серебре. Хаксли почувствовал, что это должно иметь какое-то рациональное объяснение! Он на несколько недель заперся в кабинете, читая многочисленные книги по этой теме и предаваясь размышлениям. И в итоге

получил к совершенно невероятный ответ.

— Какой? — не выдержала Лора, которой не терпелось узнать, к чему клонит Роберт.

— А вот послушай! Он пришел к выводу, что драгоценные камни и металлы драгоценны потому, что их красота и блеск напоминают нам о запредельных мирах, которые открываются в мистических переживаниях. Страсть человека к драгоценным камням и золоту отражает его стремление пережить слияние с божественным. Какое блестящее прозрение!

Взглянув в окно машины, Лора увидела кусочек Тихого океана, быстро промелькнувший с правой стороны. Он был на редкость безмятежен и кроток, оправдывая название, которое дал ему португальский путешественник Магеллан после бурного плавания, — наверное день тогда был такой же, как сегодня. Лучи полуденного солнца превращали покрытую легкой рябью поверхность океана в мириады ярко сверкающих алмазов. Это заставило Лору вспомнить «грибное» переживание, и она мгновенно поняла, что имел в виду Хаксли.

— Потрясающе! — промолвила девушка. — Здесь явно заложен глубокий смысл. Но как это может помочь нам? — в очередной раз попыталась она вернуть разговор в нужное русло.

— Мои видения полностью совпали с выводами Хаксли, но они шли гораздо дальше. Здесь есть нечто гораздо большее, чем чисто внешнее сходство! Как показали наши переживания с черепом, хрусталь тоже может вызывать глубокие мистические переживания. Хрусталь имеет кристаллическую структуру. Возможно, есть какая-то глубокая таинственная связь между сознанием и кристаллами, которую стоит исследовать.

— Понимаю, — сказала Лора, находя некоторую связь со своей специальностью. — Во многих культурах шаманы используют кристаллы, работая с измененными состояниями сознания, особенно в целительской и гадательной практике. Они считают кристаллы объектами силы, которые могут собирать, концентрировать и передавать энергию. Кристаллы для них — застывший солнечный свет. В шаманских культурах есть поверье, что после мистического путешествия тело шамана превращается в хрустальное тело, состоящее в основном из энергии света. После опыта с Баламом Ахау, я поняла, что они имеют в виду не столько физическую реальность, сколько внутренние переживания.

— Не следует недооценивать и материальные свойства кристаллов, — сказал Роберт, привыкший искать во всем рациональное объяснение. — Их замечательные свойства научно доказаны. Стоит вспомнить об их роли в первых радиопередатчиках, в лазерной технике и в оптической голографии! А несколько лет назад, когда я был в Бразилии, один видный бразильский ученый сказал мне, что паранормальные явления особенно часто встречаются в тех областях Бразилии, где расположены богатые месторождения золота и драгоценных камней. А Бразилия, как ты знаешь, очень необычная страна: здесь можно столкнуться со многими странными явлениями, от трансовых состояний, спиритизма и духовной хирургии до встреч с НЛО и похищений людей пришельцами. Все это считается там чуть ли не нормой жизни.

Лора напряженно слушала Роберта, не сводя глаз с его лица. Она восхищалась его умом, который извергал интереснейшие идеи, как фейерверки, а потом сплетал их в яркую ткань. При обычных обстоятельствах согласилась бы слушать Роберта часами. Но одной из главных черт Лориного характера было неумное любопытство. Она умирала от желания поскорее узнать все до конца.

— Прости, что я тебя все время перебиваю и нарушаю ход твоих мыслей, но мне не терпится узнать, как ты собираешься применить свои прозрения на практике.

— Во время переживания меня посетила одна поразительно конкретная идея. Я абсолютно уверен: сумей мы слить свое сознание с внутренней структурой драгоценных камней, как делали это с кварцем, из которого состоит хрустальный череп, это смогло бы вызвать яркие мистические состояния. Это была не просто мысль — она пришла вместе с потоком

замечательных озарений, которые дали ей строгое научное обоснование. Они охватывали широчайший спектр знаний, от квантово-релятивистской физики, компьютерной техники и оптической голографии до мифологии и исследований сознания. Эти видения были очень четкими и убедительными и подкреплялись математическими выкладками. Конечно, есть одна проблема: обычно алмазы очень маленькие, а поле, на которое нужно настроиться, чтобы потом с ним слиться, должно быть очень большим.

— И что ты намерен делать? Нам предстоит проникнуть в лондонский Тауэр и украсть большой алмаз — Кохинор или Звезду Индии? — пошутила Лора. Но в глубине души она знала, что идея Роберта имеет вполне здравую основу и проект уже захватил ее.

— Должен тебя разочаровать, ничего даже отдаленно похожего на столь захватывающие приключения. Мы законопослушные граждане и не пойдем на преступление, — шуткой ответил Роберт. — Для меня проект уже обрел совершенно конкретные очертания. Видения, вызванные черепом, были настолько убедительны, что я не мог выбросить их из головы. Я много размышлял обо всем этом, исписал десятки страниц — наброски, эскизы и расчеты.

— И какой же следующий шаг? — спросила Лора, не в силах сдержать любопытство.

— Я возьму голограммы драгоценных камней, увеличу их во много раз! Нужно будет построить на моем участке в Биг-Суре геодезический купол. Внутри будет аппарат, с помощью которого можно будет заполнять всю внутренность купола увеличенными голографическими изображениями внутренней структуры драгоценных камней. Мы сможем медитировать, в буквальном смысле слова сидя внутри этих камней, погрузившись в их внутреннюю кристаллическую структуру и слившись с ними сознанием. Я совершенно убежден, что это вызовет сильнейшие мистические состояния.

Наконец-то Лора получила то, чего так жаждала, — конкретный план, маршрут следующего путешествия в мир сознания.

— Звучит потрясающе! Когда начнем? — спросила она.

— Есть кое-какие технические проблемы, над которыми придется поломать голову. В частности, как увеличить голограммы камней до таких больших размеров и спроецировать их внутрь купола, так чтобы они заполнили все его пространство. Это не так-то просто, но я проконсультировался у специалистов, и они заверили меня, что это возможно.

— Какие драгоценные камни ты собираешься использовать в этом эксперименте? — поинтересовалась Лора.

— Забавно, что ты спрашиваешь об этом! — засмеялся Роберт. — В какой-то момент переживания, когда мысли совсем обезумели, меня посетило мимолетное видение, иллюстрирующее возможность коммерческого использования этой идеи. Я увидел громадный купол, расположенный в фантастическом парке аттракционов. Внутри свободно висели в пространстве прозрачные платформы, на которых, поодиночке и парами, лежали или сидели погруженные в медитацию люди. Каждый вечер там предлагалось путешествие в сознание с одним из драгоценных камней. Программы носили броские, завлекательные названия: аметистовая месть, Опаловое опахало, Циркониевый цирк и Сапфировое сафари.

— волшебное царство доктора Роберта Хантера! По-моему, звучит неплохо! — рассмеялась Лора, представляя Роберта в роли зазывалы, приглашающего на диковинный аттракцион.

— Здесь мое эго слегка раздулось и увлекло меня не в ту сторону, — признался Роберт. — Тем не менее в моих планах есть здравое зерно. Разумеется, я не собираюсь строить грандиозный и доходный Диснейленд Сознания, присутствовавший в моем видении. Купол будет куда меньше, что же касается выбора драгоценных камней, то, думаю, стоит остановиться на алмазе. Я уверен, что именно алмазы таят в себе ключ к разгадке тайны творения.

— Вполне разумно, — одобрила Лора. — А тебе известно, что в тибетском буддизме

Ваджраяну часто называют «Алмазная колесница»? Для тибетцев алмаз — символ несокрушимого сознания, которое лежит в основе творения и питает его, — заметила Лора.

— Да, знаю. Это еще один пример глубинной связи между драгоценными камнями и мистическими переживаниями. Поистине... — начал новое предложение Роберт, но не успел его закончить. Их беседу перебил вежливый голос компьютера: «Простите за беспокойство, горячее на исходе. Необходимо остановиться в Монтеррее для заправки».

— Надеюсь, у нас получится! — с энтузиазмом воскликнула Лора, когда машина свернула с шоссе № 1 и двинулась к ближайшей заправочной станции.

Ряды мотелей, жилых домов и магазинов, мимо которых они проезжали, напомнили Роберту и Лоре, что, увлекшись разговором, они пропустили множество живописных морских видов на пути от Сан-Франциско до Монтеррея. Правда, впереди лежало прекрасное побережье Биг-Сур.

Когда машина миновала Кармель и пересекла Рио-Роуд, Роберт отключил автоводителя и сам взялся за руль. Из-за наплыва туристов узкая, извилистая часть шоссе № 1 между Монтерреем и Сан-Луис-Обиспо отличалась напряженным движением и была одной из тех трасс, где настойчиво рекомендовалось ручное управление. Разговор между Робертом и Лорой перешел с драгоценных камней и мистицизма на проносящиеся мимо пейзажи..

Каждый поворот дороги приносил новые виды гор, поросших травой, которую лучи летнего солнца превратили в сверкающее золото. То тут, то там мелькали островки чапареля, полыни, можжевельника и большие серебристые метелки ковыля. Изредка попадались изысканные канделябры соцветий юкки — казалось, их девственно белые цветы, отражающие солнечные лучи, по ошибке попали в это суровое окружение. Еще выше горный хребет венчали сосны и дубы

Своей яркостью закат над океаном был обязан сильной загрязненности воздуха — именно она окрашивала облака в кроваво-оранжевый цвет. Красота неба создавала резкий контраст с поверхностью океана, являвшую собой весьма печальную картину. Для того кто смотрел издалека, Тихоокеанское побережье еще сохраняло былую красоту, но вздымающиеся из воды живописные скалы, некогда окаймленные полоской белоснежной пены, теперь купались в отвратительном мусоре и грязи. Гористые берега были загажены нефтью и мазутом — следами недавних разливов и аварий на буровых платформах. Игры выдр, тюленей и дельфинов теперь можно было увидеть только на старых фотографиях да в кинофильмах давно прошедших лет.

Глядя вокруг, было трудно не заговорить об экологии. Это дало Лоре повод поделиться с Робертом знаниями, которые она получила от Балама Ахау. Рассказала она и о переживании, которое испытала в Колумбии, купаясь в озере под водопадом. Благодаря этому разговору призрак глобального загрязнения стал для них очень живым и реальным.

— Как ты думаешь, чем все закончится? — спросила Лора. — Удастся ли спасти положение?

— Конечно, все выглядит далеко не лучшим образом, — согласился Роберт, — общие перспективы довольно безрадостные. Даже если мы образумимся, прекратим войны, избавимся от ядерной энергии, может быть, уже слишком поздно повернуть вспять и заняться очисткой воздуха и океанской воды от химических загрязнений. Наверное, дело зашло слишком далеко. Мы еще могли бы справиться, но не могу поручиться за будущие поколения — за наших детей и детей наших детей. Не знаю, что сможет их спасти, разве что чудо.

Ближе к поселку Биг-Сур шоссе повернуло в глубь материка, удаляясь от океана.

— Ты не проголодалась? — спросил Роберт и, прежде чем Лора успела ответить, добавил: — Куда бы ты предпочла зайти: в «Вентану», «Пост Ранч», «Занаду» или «Непенти»? — Он назвал четыре лучших места в районе Биг-Сур, где можно было вкусно поесть.

— А правда, что «Непенти» первоначально была виллой и Орсон Уэллс* подарил ее Рите Хэйуорд? Раз уж мы с тобой так много говорили о пришельцах, давай пойдем туда, — предложила Лора, подумав о другом Уэллсе, Герберте, и его «Войне миров».

Роберт проехал через поселкок Биг-Сур, мимо магазинов, ресторанчиков и заправочных станций, выстроившихся вдоль дороги. С 2015 года, когда здешние жители проиграли затяжную войну с правительством и побережье Биг-Сур обрело статус национального парка, поселок утратил свой первоначальный сельский вид. Теперь здесь находились большой туристический

центр, несколько отелей и мотелей, модные магазины, ресторан «Планета Голливуд» и галерея виртуальной реальности. Появилась и еще одна новинка — отлично оснащенный полицейский участок, в котором разместился отряд особого назначения, главная задача которого — не допускать, чтобы местные жители выращивали на горных склонах и близлежащей Вентанской пустоши знаменитую сансамиллу, особо забористую разновидность марихуаны.

Когда шоссе № 1 снова направилось в сторону океана, Роберт свернул на дорогу, ведущую к ресторану «Непенти» и припарковал машину перед магазином «Феникс». Они прошли по залу, восхищаясь превосходными товарами, которыми славилось это место. В секции, где были выставлены ювелирные изделия индейцев навахо, Роберт выбрал чудесное серебряное ожерелье в виде стилизованных цветов тыквы, украшенных бирюзой и красными кораллами. Он надел его на стройную шею Лоры и бережно поправил ее длинные темные волосы, которые от этого слегка растрепались.

— Как тебе нравится? — спросил он.

— Изумительное! — ответила Лора, глядя в зеркало и восхищаясь мастерством, с которым было сделано украшение.

— Оно твое, Лора. Это знак моей благодарности за то удовольствие, которое доставляет мне твое общество, — сказал Роберт, доставая бумажник. — Маленький сувенир из Биг-Сура. Он будет напоминать тебе о времени, которое мы провели здесь вдвоем.

Он застал Лору врасплох, и она не очень охотно приняла дорогой подарок. Они поднялись наверх и нашли столик рядом с большой деревянной скульптурой Феникса, восстающего из пепла. Это было великолепное произведение искусства, высеченное из большого куска дерева-плавника причудливой формы. От их столика открывался чудесный вид, позволявший любоваться закатом над Тихим океаном. Наблюдая великолепное сочетание светлого золота и всевозможных оттенков красного и оранжевого, они спокойно потягивали ананасовую колу. Роберт заказал бургер «Амброзия», популярное блюдо, которым уже почти столетие славился этот ресторан. Они ели, обмениваясь долгими взглядами и почти не разговаривая.

— Странно, — вдруг прервала молчание Лора, — мы вместе всего несколько часов, а у меня такое чувство, будто мы знакомы сто лет.

— И у меня такое же ощущение, — сказал Роберт, пристально глядя ей в глаза и пытаясь разобраться в странном чувстве близости и глубокой связи, которое росло с каждой минутой, проведенной в обществе Лоры.

Он взял руку Лоры и несколько минут нежно держал ее в ладонях.

— Уже поздно, поедem ко мне, — предложил Роберт, не зная, что делать на людях с ошеломляющими чувствами, которые пробудило в нем это прикосновение.

Он расплатился, и они пошли вниз, к стоянке. Пришлось вернуться примерно на милю к северу, чтобы попасть к воротам, охраняющим въезд на Горное шоссе, цель их поездки.

Дорога шла вдоль гребня первой гряды гор, отделяя их обращенный к океану склон от Вентанской пустоши. Дом Роберта находился у въезда в Пик-Вэлли, где когда-то было поселение эсаленских индейцев и до сих пор сохранились могильные холмы. Отсюда открывался великолепный вид на Тихий океан.

Несколько каминов и со вкусом подобранное сочетание красного дерева, камня и стекла создавали в большом роскошном доме Роберта атмосферу тепла и уюта. После пары часов, проведенных рядом у огня, вопрос об отдельной комнате для Лоры утратил свою актуальность. Как-то само собой получилось, что они оказались в удобной, широкой постели Роберта.

Сомнительное алиби

Бэйдайхэ, элитный морской курорт на берегу залива Бохай, охранялся на совесть. Десятки вооруженных автоматами солдат в форме цвета хаки виднелись среди купальщиков на оживленном пляже и в толпе пешеходов на улицах. Время от времени можно было встретить представителей китайской политической элиты, когда они проезжали по узким улочкам в своих лимузинах с развевающимися красными флажками, — как правило, это были черные «мерседесы».

Еще с тех пор, как председатель Мао впервые выбрал Бэйдайхэ местом своих широко освещаемых в прессе летних заплывов и размышлений о революционных преобразованиях, эта старинная рыбацкая деревушка стала местом, где члены Политбюро и правительственные чиновники проводили лето и намечали курс, которым должна пойти страна. Бэйдайхэ, построенный в 1890 году английскими инженерами-железнодорожниками для отдыха иностранцев, со времени победы коммунистического режима часто был местом, где вынашивались важные исторические события.

Именно здесь, под гостеприимными тенистыми кронами плакучих ив, задумывал Мао Цзедун свой Великий Скачок — губительный план коллективизации, который повлек за собой страшный голод, уничтоживший десятки миллионов китайцев. Именно здесь в разгар жаркого лета Дэн Сяопин разрабатывал проект в поддержку рыночных реформ, ознаменовавший коренной отход от плановой стратегии Мао Цзедуна и обеспечивший бурное развитие Китая на протяжении последних пятидесяти с лишним лет. В прежние времена Бэйдайхэ был удовольствием для избранных: политической элиты страны и героев труда. Теперь он открыт для китайских нуворишей, имеющих достаточно денег, чтобы позволить себе супердорогие городские отели.

Знаменитый пляж Бэйдайхэ разделен на две части, которые отличаются друг от друга как день и ночь. На одной яблоку негде упасть — везде столько людей, загорающих на солнце или прячущихся в тени разноцветных тентов, что патрулирующим солдатам часто приходится перешагивать через лежащие тела. Другая — полоска земли, отделяющая от моря роскошные виллы с кремовыми стенами цвета и красновато-оранжевыми крышами, протянувшиеся вдоль береговой линии, была почти пуста. Самый охраняемый во всем Китае пляж с суши окружен глухим металлическим забором, к которому подведен ток высокого напряжения. Со стороны океана доступ к нему преграждают толстые сети, якобы для защиты именитых купальщиков от нападения акул. На самом деле здесь никто не видел акул-людоедов, а сети поставлены, чтобы обезопасить китайских бонз на случай появления подводных лодок или аквалангистов, задумавших предпринять покушение на их жизнь.

На полупустынном пляже, метрах в пяти от моря, на покрытом купальной простыней шезлонге лежал адмирал Юань Сяопин. Сбоку стоял сервировочный столик с изысканными китайскими деликатесами. Глаза Сяопина вглядывались в океан, пытаясь разглядеть там хоть какие-нибудь признаки жизни, но не находили ничего. Ему невольно вспомнились стихи Мао, написанные об этом месте много десятилетий назад:

В безбрежном океане
Не видно рыбацких лодок.
Куда они ушли?

Во времена правления Мао ответ был прост: лодкам было запрещено приближаться к пляжу, где отдыхала привилегированная политическая элита. Любое нарушение границ встретило бы серьезный отпор береговой охраны. А теперь добавились и другие причины. Сточные воды и промышленные отходы сильно загрязнили океан вокруг Бэйдайхэ, а хищнический промысел истощил морскую фауну. Местным рыбакам не за чем было выходить в море — оно больше не могло их прокормить. Рестораны закупали морепродукты в менее загрязненных районах.

Было жарко, и Сяопину захотелось пить. Он дал знак своему адъютанту, который часами томился рядом в ожидании приказов адмирала.

— Принеси большую порцию «Особого», только не в сахарной трубочке, а в креманке! — отдал приказ адмирал. Мороженое под названием «Особое» кондитерская Кислинга готовила специально для высших китайских чинов, которые питали к нему слабость.

— Может, еще и Маотай, адмирал? — спросил адъютант, предлагая крепкий ликер, популярный среди китайской верхушки. Во время банкетов многие поглощали его в таком количестве, что желудок не выдерживал.

— Нет, не сегодня. Принеси мне двойной Джонни Уокер, неразбавленный, без льда, — последовал ответ.

Адмирал был не в духе. Бэйдайхэ, место, где он любил отдыхать, думать и писать, стремительно портилось. Последней каплей в этом безобразии стал призрак радиоактивного загрязнения. Эпицентр чжоушаньской трагедии находился более чем в тысяче километров, но, учитывая масштаб ядерной катастрофы и непредсказуемость воздушных потоков и океанических течений, ни один район в Китае не мог считаться вполне безопасным от радиоактивной угрозы. А Бэйдайхэ подвергался двойному риску: с воздуха и с океана. Временами уровень радиоактивности подходил к угрожающей отметке.

Но радиоактивное загрязнение Бэйдайхэ лишь отчасти объясняло дурное настроение адмирала. Атомный взрыв чудовищной силы на архипелаге Чжоушань уничтожил цвет китайского подводного флота и привел к заражению больших пространств океана и побережья. Он сделал множество боевых кораблей и стратегически важных военно-морских установок совершенно бесполезными. За несколько роковых секунд мечты адмирала о победе над Японией и о собственном восхождении к вершинам власти были разбиты и погребены под слоем радиоактивного пепла. Теперь Китаю придется собрать все силы, чтобы справиться с этой катастрофой, и надолго забыть о вторжении в Японию. Сяопин был в глубокой тоске.

На миг уныние адмирала сменилось волной ярости, отчаянно ищущей мишень. Ядерный инцидент? Об этом сразу же после взрыва заявили военные круги США, а теперь без устали повторяют китайские эксперты. Что за чушь! Он был возмущен и ни на грош не верил этой истории. Но что еще это могло быть? Что на самом деле произошло на архипелаге Чжоушань и какова причина бедствия? Ответить на эти вопросы будет нелегко. Как найти разгадку в эпицентре катастрофы — в районе, до неузнаваемости разрушенном взрывом и залитым расплавленным металлом от десятков ядерных двигателей и сотен ракет?

Сяопин нервно прикурил очередную «Лаки страйк», и тут его осенило: «Калипсо»! Как он не подумал об этом раньше? Конечно все дело в «Калипсо!» Он почуял недоброе, как только получил известие, что этот корабль шныряет в Восточно-Китайском море. Адмирал доверял своей интуиции, и она почти никогда его не обманывала. Он вскочил и бросился к расположенному неподалеку особняку, где находились его роскошные покои, оставив на пляже,

будто подношение солнцу, остатки своего любимого «Особого» мороженого, а вместе с ним и нетронутый бокал Джонни Уокера.

Он вбежал в свой кабинет, сел за компьютер и вновь просмотрел секретный файл военно-морской разведки, в котором содержались сведения о перемещениях «Калипсо». Адмирал изучал его снова и снова, на этот раз особо тщательно, с новым интересом и прицелом. Спутниковые записи маршрутов «Калипсо» подтвердили его подозрение. Корабль появлялся только в тех местах, которые имели реальное или потенциальное военное значение. С какой стати этот его рейс должен быть исключением?

Сяопин поднял самые последние данные — путь «Калипсо» во время чжоушаньской катастрофы — и застыл в изумлении. От Тайваня до Нагасаки корабль шел прямым курсом, пока не достиг тридцатой параллели. Потом неожиданно повернул и на максимальной скорости направился к островам Рюкю, что к югу от Кюсю, а оттуда по прямой двинулся к Гавайям. То, что «Калипсо» повернул именно в тот момент, когда находился ближе всего к месту чжоушаньской катастрофы, и на всех парах покинул Восточно-Китайское море, несомненно, подтверждает подозрение, что экипаж «Калипсо» имел какое-то отношение к бедствию или, по крайней мере, знал, что оно надвигается.

Адмирал откинулся на стуле и закурил очередную «Лаки страйк». Курение всегда помогало ему собраться с мыслями. Сяопин полностью сосредоточился на загадке, с которой столкнулся, и призвал на помощь последовательный логический анализ. Во-первых, необходимо выявить возможную связь между «Калипсо» и чжоушаньским бедствием. Радары не засекали ни одного объекта, который бы двигался от точки поворота «Калипсо» к архипелагу Чжоушань. Это, конечно, еще ни о чем не говорит. Американцы могли усовершенствовать свои секретные устройства и успешно замаскировать носитель ядерной боеголовки.

Он стал думать дальше. Анализ радиоактивных осадков показал, что они соответствуют китайской ядерной технике; никаких следов иностранных источников радиации обнаружено не было. Но, принимая во внимание масштаб катастрофы, можно предположить, что доля иностранного материала была ничтожно малой, поэтому его просто не удалось обнаружить. Кроме того, американцы могли извлечь из моря часть потерянных китайских ракет и теперь использовать их или имитировать их устройство. Мысли адмирала снова вернулись к «Калипсо». Этот корабль вполне мог извлечь ракеты с затонувших подводных лодок.

Ключевая операция с участием «Калипсо» должна была происходить ночью, поэтому нельзя полагаться на спутниковые данные. Разве что есть запись того, что происходило в этом районе, сделанная с помощью инфракрасных датчиков... Сяопин почувствовал прилив возбуждения, дыхание его участилось. Он ощущал себя гончей, учуявшей запах свежей крови. Когда в ответ на его команду компьютер воспроизвел инфракрасное изображение Восточно-Китайского моря вдоль тридцатой параллели, он сразу понял, что нашел недостающее звено.

На снимке был четко виден большой объект, формой похожий на торпеду, отходящий от «Калипсо» и направляющийся к китайскому берегу. Но адмирала озадачили два странных факта, понять которые он не мог. Большую часть пути траектория носителя была прямолинейной, но потом в какой-то момент ненадолго изменялась, превращаясь в неправильную ломаную линию. Другая странность — крайне медленное движение носителя. По скорости он был несравним ни с одной известной адмиралу ракетой или торпедой.

Сяопин чувствовал некоторое замешательство и в то же время торжество. Поспешно включив горячую линию своего головидеофона, он вызвал Хуан-Чу, председателя Китайской коммунистической партии и главнокомандующего вооруженными силами.

— Хуан, у меня есть для тебя невероятная новость, — гордо объявил адмирал. — Я только что выяснил, что чжоушаньская катастрофа — не случайность, а диверсия американцев!

Эта новость была столь важна, что адмирал позволил себе обратиться к председателю запросто, что нечасто бывало при их обычном официальном общении.

— Мои военные специалисты не докладывали мне ничего подобного. Они проанализировали все данные радаров, образцы радиоактивности и многое другое и не нашли ничего подозрительного, — холодно ответил Хуан-Чу. Его покорило нарушение партийного этикета.

— Пусть посмотрят данные инфракрасной съемки со спутника. Там явно виден объект, выпущенный с американского корабля «Калипсо» и направляющийся к архипелагу Чжоушань, — твердо произнес адмирал. — Есть, правда, некоторые вопросы, которые предстоит прояснить. Этот объект шел на необычно малой скорости — около двадцати миль в час — и на короткий промежуток времени нарушил свой линейный курс и начал двигаться беспорядочными зигзагами.

— Американская ядерная торпеда, ползущая со скоростью двадцать миль в час и меняющая курс на беспорядочные зигзаги? Ты серьезно? Может, ты пьян? — насмешливо спросил Хуан-Чу.

— Я полагал, ты знаешь меня лучше. Разве похоже, что я шучу? Я прав и докажу это! — не сдавался адмирал. — Я позвоню снова, когда у меня будут все факты, — сказал Сяопин и отключил связь.

«Круглый идиот, ни капли воображения!» — разрядил он свой гнев, недовольный реакцией председателя. Но тут же вспомнил, что у него самого нет ни малейшего представления, как объяснить загадочное открытие. Он закурил еще одну сигарету и вернулся к компьютеру, чтобы продолжить расследование.

Крылья смерти

— Я вызвал тебя, потому что мы стоим перед лицом серьезного политического кризиса, — вместо приветствия заявил Генри Фабинг Крэйгу Энрайту. — Мы получили срочное послание из Вашингтона, — добавил он со значительным видом. — Если передать его содержание в двух словах, китайцы учуяли в чжоушаньском инциденте что-то неладное. Очевидно, тайфун не обеспечил ожидаемого прикрытия.

— Они все поняли? — спросил Энрайт.

— Не думаю, — ответил Фабинг. — Похоже, они не знают точно, что произошло, но сильно подозревают, что это была диверсия, к которой причастны США. В своем расследовании они уже упоминали странный курс «Калипсо» — корабль приблизился к месту катастрофы, повернул под прямым углом и поспешно удалился.

— Понимаю ваше беспокойство, — сказал Энрайт, оценивая серьезность ситуации.

— Это еще не все, — продолжал Фабинг. — Есть и много другого! Арабы явно подозревают, что ЦРУ приложило руку к убийствам нескольких их влиятельных лидеров.

— Вы имеете в виду пластиковые бомбы, доставляемые крысами? — спросил Энрайт.

Это было одно из заданий Энрайта: развить первоначальный замысел Роберта, создать серию дистанционно управляемых грызунов. Потом их можно было запрограммировать и направлять на разные стратегические объекты, к которым обычными способами подобраться было трудно. Эти животные оказались особенно полезны в операциях по устранению конкретных людей, там где нужно было обойтись без особых разрушений.

— Ты добился успеха, вот в чем дело! — подтвердил Фабинг. — Говорят и о некоторых других прицельных акциях. Не думаю, что они и здесь вычислили что-то конкретное, но у них возникли серьезные подозрения. Слишком уж много было таких акций, и все они построены по одной узнаваемой схеме. Этого наверняка достаточно, чтобы подтолкнуть арабов к решительным действиям.

— И что же они собираются предпринять? — осведомился Энрайт.

— Есть достоверная информация, что китайцы заключили тайный союз с арабскими странами, — сказал Фабинг мрачно. — Главная цель этого сговора — координировать совместную террористическую деятельность против Соединенных Штатов.

— Китайцы и арабы? Что за невероятная коалиция! — изумился Энрайт. — Не зря говорят: «Враг моего врага — мой друг».

— Ключевые фигуры этой новой инициативы собираются провести секретное совещание на вилле на окраине Гонконга, чтобы выработать совместную стратегию тайных терактов, субсидируемых правительствами стран-участниц, — продолжал Фабинг. — Они планируют использовать ядерные устройства, чтобы нанести удары по различным стратегическим целям на территории Соединенных Штатов. Это будет их ответом на наши тайные диверсии. Можно представить, какие катастрофические последствия нас ожидают. Вашингтон требует, чтобы мы немедленно приняли упреждающие меры.

Понимая, что для решения проблемы такого масштаба нужен нетривиальный подход, Энрайт спросил:

— Какие упреждающие меры они имеют в виду?

— Нам известно время и место встречи. В назначенный час все главные действующие лица соберутся в одном зале. Вот примерный список участников. Судя по фамилиям, это встреча исключительной важности. Люди в Вашингтоне требуют, чтобы мы разработали план

радикальной атаки, используя ресурсы проекта Немезида.

— Для такой операции понадобится правдоподобная легенда, причем желательно хорошая, — сказал Энрайт. — Такой комбинированный удар по арабским и китайским лидерам запросто может привести к мировой войне. Есть у них подходящие козлы отпущения?

— Я задал тот же вопрос, — ответил Фабинг. — Конечно, в таком деле крайне важно найти правдоподобное объяснение. Люди в Вашингтоне работают над этим, у них есть кое-какие идеи. Недавно китайское правительство провело в Гонконге крупную операцию против организованной преступности. Можно постараться обставить дело так, чтобы все выглядело как возмездие китайской мафии за эту облаву.

— Сколько времени у нас на подготовку? — спросил Энрайт.

— Сопровождение состоится через неделю, так что времени в обрез, — сказал Фабинг. — Справишься, Крэйг?

— Для проекта такого масштаба срок чертовски мал, — сказал Энрайт. — За такое короткое время нужно успеть очень много. Необходим хороший план виллы и точное описание ее конструкции. Еще нужно проверить, сколько у нас в запасе людей и животных для операции на Дальнем Востоке.

— Мои ребята уже работают над этим. Они установят точное время начала и конца встречи, координаты здания и все архитектурные данные, которые тебе нужны. Вам нужно срочно собраться и вместе проработать все детали.

— Какой материал нужно будет доставить на место? — спросил Энрайт.

— Ежу понятно, что на этот раз мы не станем пользоваться ядерным устройством, — сделал Генри слабую попытку пошутить. — Логичнее всего остановить выбор на одной из новых пластиковых взрывчаток. Может быть, кракатит? Его легко достать, так что версия о том, что это дело рук китайских террористов, будет выглядеть вполне правдоподобно.

Во второй половине двадцатого века, когда в Чехословакии царил коммунистический режим, контролируемый Советским Союзом, чешские химики изобрели очень мощную пластиковую взрывчатку, которая первоначально предназначалась для угольных шахт Моравии и Силезии. Эти синтетические соединения имели много замечательных свойств, которые делали их идеальными для подобных целей. Им можно придать любую форму, залить в расщелину скалы и взорвать с помощью дистанционного устройства.

Те же свойства делали их очень полезными для террористов. После того как были обнаружены ценные возможности этих веществ для подрывной деятельности, чешские коммунистические власти стали щедро снабжать ими террористов по всему свету. С тех пор химики изобрели еще более мощные взрывчатые вещества того же класса. Самым современным из них был кракатит — взрывчатка непревзойденной силы. Оставалась только одна проблема: как точно и надежно доставить это вещество к намеченной цели. Здесь-то и выходил на сцену проект Немезида.

В этом проекте, который возглавлял Крэйг Энрайт, были задействованы образцы животных-биороботов, разработанные Робертом Хантером, — их повторяли и использовали в различных военных целях. Кроме дельфинов и китов, ставку делали на мелких животных и птиц, которым отводились совершенно особые роли. После долгих неудачных попыток устранить враждебных лидеров, таких как Фидель Кастро на Кубе, Каддафи в Ливии, Саддам Хусейн в Ираке, глава шиитов Нусрат аль-Садик и китайский диктатор Чан Кайши, ЦРУ решило, что проект Немезида может обеспечить идеальное решение этой стратегически важной проблемы.

— Придется доставить столько кракатита, чтобы полностью уничтожить здание вместе со всем содержимым. Выжившие свидетели нам абсолютно не нужны, — сказал Генри. — Как ты думаешь, какие носители лучше всего подойдут для этой цели?

Энрайт знал ответ еще до того, как Фабинг задал вопрос. При данных обстоятельствах идеальными курьерами для кракатида будут летучие собаки, самые крупные из летучих мышей. Теракт можно спланировать и организовать так, чтобы первые взрывы разрушили здание снаружи. Тогда остальные летучие мыши смогут доставить груз прямо в зал заседаний.

На работу с летучими мышами Энрайта вдохновил американский проект времен Второй мировой войны, в котором использовалась их привычка устраиваться на ночлег под карнизами японских деревянных домов. Это делало их хорошим средством доставки самовоспламеняющихся веществ на горючие кровли японских селений. Энрайт значительно усовершенствовал эту идею, сделав проект независимым от природных инстинктов летучих мышей.

Ему удалось заинтересовать в работе с летучими мышами Роберта Хантера, которого увлекли принципиальные трудности, связанные с необходимостью контролировать полет мышей и их ориентацию. После того как Хантер разрешил эти сложнейшие теоретические проблемы, Энрайту оставалось скопировать процесс, а потом программировать летучих мышей и направлять их в такие места, которые они сами вряд ли выбрали бы. Как и сонар дельфинов, радар летучих мышей, использующий высокочастотные звуковые волны, позволяет им обходиться без света, что делает их пригодными для ночных операций.

Для этих целей можно использовать и голубей, но им для ночных полетов необходима инфракрасная система наведения. Это создает дополнительные технические трудности и ведет к удорожанию проекта. То же самое относится и к летучим собакам — самым крупным из летучих мышей, которых в Южной Азии продают на рынке как редкий деликатес, — в полете они используют в основном зрительную ориентацию. Однако этот недостаток компенсируется их большими размерами. Имея размах крыльев больше полутора метров, они могут переносить значительные грузы. Тем более что усталость им не грозит, поскольку движения крыльев усилены электрическими импульсами и животные будут двигаться вперед до полного изнеможения. Как только носители будут у цели, смертоносный груз можно будет мгновенно взорвать с помощью электронных сигналов, посланных за сотни или даже тысячи миль.

— У тебя достаточно этих мышек? Сможешь доставить их к сроку? — спросил Фабинг.

Энрайт заверил его, что благодаря эффективности проекта Дракула на военных базах Филиппин, Японии и Гуама скопилось вполне достаточное количество летучих собак с имплантированными системами наведения. Времени на то, чтобы доставить небольшой отряд этих мышей поближе к китайскому побережью, а оттуда отправить к месту назначения, вполне хватит. Их можно выпустить с маленького рыболовного судна, которое не возбудит никаких подозрений.

Генри Фабинг был доволен. Когда Энрайт вышел, он налил себе стакан бурбона. Фабинг чувствовал большое облегчение: он смог справиться с приказом из Вашингтона и найти подходящее решение. Интересно, сколько еще продержится проект Немезида на старых ресурсах, без постоянных творческих вложений Роберта Хантера?

— Мне нужна твоя помощь. Роберт Хантер меня совсем допек, — пожаловался Генри Фабинг, когда в ответ на срочный вызов шеф службы безопасности явился к нему в кабинет. — За последние несколько дней он позвонил раз пять: все пристаёт ко мне со своим хрустальным черепом.

— На что он рассчитывает? Он ведь не глуп и должен понимать, что это дохлый номер, — удивился Беринджер. Явная абсурдность поведения Роберта не укладывалась у него в голове.

— Я тоже думал, что он достаточно разумный человек, чтобы сообразить: шансов у него не больше, чем у снеговика в пекле, — сказал Фабинг. — Он превосходно знает систему, а потому не может не понимать, что затевать судебную тяжбу бессмысленно. А если учесть, что череп ввезен в страну незаконно, это могло бы доставить его подружке и ее папаше массу неприятностей.

— Тогда какого черта он не уймется? Совсем спятил? — спросил Беринджер, неодобрительно качая головой.

— Может, и спятил или близок к тому. До сих пор мы говорили о логических причинах, которые могли бы убедить Роберта, каким мы его знали раньше, что он проиграл. Но то, что на него нашло, совершенно его изменило. Это другой человек, и трудно предположить, что он будет вести себя разумно. Кое-что из того, что он мне сказал во время нашего головифонного разговора, убедило меня, что Роберт уже не рассеянный ученый, замкнувшийся в башне из слоновой кости, а воинствующий пацифист, ярый противник насилия и военных действий.

— Должна быть еще какая-то причина, заставляющая его вести себя так странно, — осмелился высказать свои психологические наблюдения Беринджер. — Должно быть, ему не дает покоя вина перед Эдом Паркером и особенно перед Лорой Паркер. Видели бы вы записи их разговоров! Он по уши втрескался в эту телку.

— Когда мы виделись с ним последний раз, он был явно на взводе. Угрожал раздуть публичный скандал вокруг Левиафана, если я не верну череп. Он способен выйти на средства массовой информации и натворить бед.

— Тогда дело еще хуже, чем я предполагал. Он действительно опасен, — согласился Беринджер. Брови его сошлись на переносице, так что морщины образовали явственно различимую букву «омега». Это было свидетельством того, что шеф службы безопасности сильно озабочен или напряженно думает. — Он знает слишком много и уж, конечно, предостаточно, чтобы насолить нашему институту самыми разными способами: от передачи информации туда, где бы мы совсем не хотели ее видеть, до прямого вредительства.

— Я рад, Курт, что ты понимаешь всю серьезность положения, — похвалил его Фабинг. — Я уже послал подробный отчет в ЦРУ — они обыщут дом Роберта в Стинсон-Бич и конфискуют все материалы, которые он мог бы использовать против нас. Но, боюсь, этого недостаточно. Необходимо принять какие-то гораздо более радикальные меры. Есть предложения? — спросил он Беринджера, многозначительно приподняв бровь.

Вместо ответа тот прибег к языку жестов, понятному без всяких слов: поднес правую руку к щеке и, вопросительно глядя на Фабинга, резко провел ребром ладони по горлу.

Фабинг кивнул, а потом уточнил свою просьбу:

— Только это не должно быть слишком явным. Меньше всего нам нужно, чтобы какой-нибудь ушлый журналист связал смерть Роберта с его уходом и раздул вокруг этого громкий скандал. Все нужно сделать очень тонко, чтобы комар носа не подточил!

— Пожалуй, я знаю, как поступить, — сказал Беринджер. — Ребята в отделе психотроники как раз дошли в своих исследованиях до той стадии, когда их психотронный генератор, усиливая психокинез, может вызывать гибель млекопитающих. Уверен, они обрадуются возможности проверить свое устройство на практике. Что если как следует пришпорить сигналы, идущие от водителя ритма к сердцу, — ведь этого никто не заметит? Разработка совсем новая, и нет гарантии, что Хантера это прикончит, зато перепугает до чертиков — это уж точно — и заставит одуматься.

— Блестящая идея! — согласился Фабинг. — Как раз несколько дней назад Рэй Киркхоф просил разрешения провести опыты на нескольких специально отобранных людях. Он будет рад услышать, что разрешение получено. Я позвоню ему прямо сейчас и назначу удобное время для встречи.

В детстве и юности Рэя Киркхофа дразнили недоноском и сморчком. Он уступал своим сверстникам силой и ростом, а единственной его выдающейся чертой были оттопыренные уши. Поэтому в любой компании ему была уготована роль козла отпущения. Исполнение всех своих самых смелых мечтаний он обрел в НИПИСе, где стал главой отдела психокинеза и повелителем психотронного генератора.

Мощная машина, способная достигать животных и людей в любой точке планеты и глубоко воздействовать на их психику, стала воплощением его грез. Можно ли найти лучший выход для запасов черной ненависти и мизантропии, которые скопились в тайниках его души за многие годы унижений? У Киркхофа были непомерные амбиции, граничащие с манией величия. Они помогали ему компенсировать противное чувство неполноценности и неуверенности, которое породила его роль вечной жертвы. Но чтобы поднять свои честолюбивые устремления на более высокую ступень общественной и профессиональной лестницы, ему не хватало душевных качеств и умения общаться с людьми.

Звонок директора и перспектива особого задания убедили Киркхофа, что его час настал. Вот он — случай, который сам идет в руки, не требуя ни малейших усилий с его стороны! У Киркхофа как раз был перерыв между опытами, и он смог сразу встретиться с Фабингом и Беринджером, чтобы предварительно обсудить дело. Да будь он хоть трижды занят, ради такого случая время все равно нашлось бы! Киркхоф нервно прохаживался по лаборатории, проверяя, все ли в порядке. Последнее дело, чтобы в такой ответственный момент возникли какие-нибудь неожиданные неполадки!

Очень довольные тем, что все так хорошо складывается, Фабинг и Беринджер закончили разговор и направились из директорского кабинета в отдел психокинеза. Они решили прихватить с собой череп и в общих чертах обрисовать Киркхофу ситуацию. Важно, чтобы он понял неотложность дела. К тому же благодаря опыту с психотронным генератором у него могли возникнуть интересные догадки по поводу странного воздействия черепа на человеческую психику.

— За последние десятилетия научные исследования психокинеза сделали фантастический скачок, — говорил Фабинг, когда они с Беринджером шли по коридору. — Разве в конце двадцатого века кто-нибудь мог предположить, что в ведущем научно-исследовательском институте будет отдел психокинеза? Что именно психокинез может стать средством разрешения серьезной и рискованной ситуации?

И он был абсолютно прав. Эта область давно вышла за пределы первых опытов с ПК-ДЦ, когда исследования ограничивались изучением одаренных людей, способных оказывать психокинетическое воздействие на различные движущиеся цели, например на кости, метаемые специальными машинами, на электронные часы, течение жидкостей, эмиссию электронов при радиоактивном распаде. Успешно преодолев более сложную стадию, ПК-НЦ — исследование

психокинеза при воздействии на неподвижные цели, — ученые НИПИСа теперь сосредоточились исключительно на ПК-ЖЦ, психокинетических экспериментах с живыми целями.

На первых порах исследования ПК-ЖЦ включали плановое изучение скорости заживления ран у животных, роста растений и активности ферментов. Потом они перешли на стадию серьезного биологического вмешательства, затрагивающего весь организм. Теперь попытки влиять на сознание других людей достигли такого совершенства, что стало возможным управлять сознанием на расстоянии. Способность заставить человека оглянуться, пристально глядя ему в затылок, мухобойные сеансы Роберта Павлиты и даже опыты Нины Кулагиной по остановке сердца лягушки сегодня, в свете новых исследований, выглядели незатейливыми детскими играми.

Теперь самой обычной процедурой стало использование психотронно усиленного психокинеза для воздействия на водителя сердечного ритма млекопитающих. Вот-вот должны были начаться первые исследования на отобранных для этой цели людях. Одновременно проводились новейшие эксперименты, в которых использовались такие принципы, как астральное проецирование, внетелесное вмешательство (ВТВ) и управляемая биолокационная деятельность (УБД), позволяющие телу человека появляться сразу в двух местах.

Киркхоф принял их в комнате, где стоял психотронный генератор. Это была огромная, сложная и очень тонкая машина. Увенчанный переплетением проводов и баллонами с жидким азотом, психотронный генератор выглядел творением внеземного разума. Усиление психической энергии требовало охлаждения до сверхнизких температур, чтобы уменьшить сопротивление в электрических цепях до абсолютного минимума. Киркхоф очень гордился этим замечательным аппаратом и относился к нему так, будто тот был его продолжением. Из соображений секретности Киркхоф не мог с ним сфотографироваться — а ведь именно это он сделал бы в первую очередь! А еще лучше, если бы как можно больше людей смогло увидеть его рядом с этой установкой!

Генри Фабинг кратко изложил Киркхофу проблемы, возникшие с Робертом Хантером, отложив обсуждение хрустального черепа на потом. Слушая его рассказ, Киркхоф все больше воодушевлялся. Он уже видел, как в результате этого особого задания поднимется в высшие сферы НИПИСа. Еще никогда ему не поручали дела, которое по своей важности можно было хотя бы отдаленно сравнить с этим. По счастливому стечению обстоятельств он мог преподнести Фабингу и Беринджеру очень приятный сюрприз. Именно сегодня в НИПИС для опытов с психотронным генератором должен был приехать один из лучших его людей.

Киркхоф старался говорить спокойно и небрежно, хотя в действительности с трудом сдерживал волнение.

— Кстати, если у вас есть время, можно начать эксперимент прямо сейчас, — сказал он Фабингу и Беринджеру. — Через двадцать минут у нас запланирован сеанс с Джефом Гилроем, блестящим экстрасенсом, особо одаренным в психокинезе. Эти способности проявились у него после того, как в двадцать один год его ударила молния и он чуть не умер. Сегодня мы хотели для начала провести ряд опытов с овцами и свиньями, но их можно отложить. Гораздо интереснее приступить к экспериментальному проекту с участием людей.

Генри Фабинг был доволен, что все идет так гладко.

— Для эксперимента нужна какая-нибудь специальная подготовка? — спросил он.

— Вовсе нет. Нужно только позвонить в отдел кадров и затребовать фотографию Хантера. Это поможет Джефу сконцентрировать энергию. Видите ли, наша работа чем-то похожа на колдовство туземцев, основанное на внушении. Но мы значительно усовершенствовали практику вуду, — с ухмылкой сказал Киркхоф, указывая на огромную машину.

Пока из архива доставляли фотографию Роберта Хантера, Фабинг и Беринджер несколько минут пообщались с Джефом Гилроем, у которого возникли некоторые сомнения по поводу столь быстрой смены цели с животных на человека. Разговор был коротким, но они постарались рассеять сомнения экстрасенса. Им удалось убедить его: предстоящее дело — благородный, патриотический и даже героический поступок, который принесет стране огромную пользу.

Когда принесли фотографию Хантера, Джеф был уже готов к эксперименту. Его пристегнули к удобному креслу, расположенному рядом с психотронным генератором, на голову водрузили тяжелый шлем, внутренняя поверхность которого была сплошь покрыта датчиками, — они регистрировали электрическое поле мозга и через оптико-волоконные проводники передавали сигналы усилителю. Чтобы сосредоточить психическую энергию, Джеф закрыл глаза и погрузился в краткую медитацию. Эксперимент должен был вот-вот начаться.

— Сосредоточься на лице Хантера, особенно на глазах, и постарайся установить контакт! Как можно точнее представь, что его окружает! — наставлял Джефа Киркхоф. — Когда обнаружишь его, держи в фокусе. А когда настанет подходящий момент — раз, и готово! Об этой части опыта тебе не нужно рассказывать: ведь ты проделывал это много раз.

На самом деле Джеф был очень опытным экстрасенсом и едва ли нуждался в каких бы то ни было наставлениях. Поучая его, Киркхоф тешил свое эго. Уж очень ему хотелось показать гостям, особенно шефу, что он возглавляет эксперимент и вообще большой начальник. Не желая разочаровывать Киркхофа, Джеф вежливо кивнул и сосредоточил внимание на фотографии.

Киркхоф включил психотронный генератор, и машина ожила. На ее поверхности, словно хоровод эльфов и фей, весело затанцевали разноцветные огоньки. Монотонный шум цепей, настойчивый и гнетущий, создавал атмосферу беспокойного ожидания. Время шло — напряжение в комнате постепенно нарастало, пока не стало почти осязаемым. Фабинг и Беринджер, непривычные к психотронным экспериментам, нервно наблюдали за машиной, вцепившись в ручки кресел. Киркхоф сохранял самоуверенный и небрежный вид опытного профессионала, знающего свое дело... Пока все не пошло кривь и вкось.

Внезапно коробка с черепом вспыхнула. В считанные доли секунды языки пламени испепелили картон, обнажив содержимое. Череп превратился в безудержный вихрь красной и зеленой энергии, которая сияла, как солнечная корона. Окружавший череп ореол достиг нескольких метров и сверкал так ярко, что слепил глаза. Вероятно, поле, созданное психотронным генератором, пробудило таинственную энергию черепа. Пока все присутствующие в беспомощном ужасе наблюдали происходящее, энергетическое поле приняло величавый облик старца в ритуальном наряде и богато украшенном сомбреро. Он выглядел таким древним, что казался старше самого времени.

Из призрачной фигура старика стремительно превратилась в материальную. Теперь он стоял перед ними, огромный и устрашающий, словно разъяренное гневное божество! С суровым и непреклонным видом он повернулся к психотронному генератору и простер к нему руки, обратив ладони вперед. Ни у кого не было сомнения, что значит этот жест. Он явно говорил: «Нет!» — машине, Джефу, эксперименту.

Тихий гул психотронного генератора усилился и быстро перешел в зловеющий грохот и свист. Гигантская машина задрожала частой дрожью. Из цепей вышли два мощных потока энергии, напоминающие высоковольтные разряды, и ударили в ладони старика. Он принял их не шевельнувшись, даже не моргнув глазом. Еще несколько минут машина продолжала испускать слепящие молнии, посылая в ладони старика стихийную энергию. Он стоял как скала, не проявляя ни малейшего признака напряжения или усталости. Напротив, казалось, ему это нравится — с каждой секундой он становился сильнее, словно электрические разряды питали его, наполняя энергией.

Этот странный обмен энергиями внезапно завершился чередой вспышек. Многочисленные взрывы внутри психотронного генератора в клочья разорвали сложное нутро машины, сожгли провода, разрушили транзисторы, расплавили электронные цепи. Азот, издавая злобное шипение, стал под огромным давлением вытекать в воздух, покрывая все на своем пути белым слоем льда. Внутренние повреждения были настолько серьезными, что каркас машины рассыпался. Картина являла собой полное крушение. Не было сомнений, кто вышел победителем из этого сурового поединка между современной техникой и оккультными силами. Некогда гордая машина теперь выглядела так, будто ее выбросили на свалку много веков назад и оставили там на милость времени и погоды.

Фигура старика быстро утратила осязаемость и материальность, стала прозрачной и снова исчезла внутри черепа. Световой ореол уменьшился, и череп постепенно принял свой обычный вид — снова стал твердым, только глазницы светились, как две красные лампочки, спрятанные в зеленом сиянии хрусталя. Казалось, в нем изменилось только одно — похоже, нижняя челюсть слегка сдвинулась, потому что его выражение больше не было беспристрастным. На нем явно виднелась довольная ухмылка. Психотронный генератор, машина, стоившая десятки миллионов долларов, была непоправимо испорчена. Наверняка пройдет много времени, прежде чем можно будет продолжить опыты с психотронным усилением психокинеза!

Встревоженные взрывами, несколько человек из отдела Киркхофа прибежали на место происшествия и вызвали подмогу. Пожарники прибыли через несколько минут и быстро затушили пламя. Пока они работали, врачи хлопотали над Джефом Гилроем. Он лежал на полу без сознания, и вид у него был такой, будто он чуть жив. Но краткое обследование показало, что все показатели жизненно важных функций в норме и серьезной угрозы для жизни нет. Его переправили в медицинский отдел НИПИСа для наблюдения и лечения.

Киркхоф был убит: он понимал, что его карьера, неразрывно связанная с психотронным генератором, погибла вместе с машиной. Этот аппарат был его идолом, и у него было ощущение, что его бог мертв. После того что случилось сегодня, он утратил смысл жизни — ведь для него все вращалось вокруг лаборатории и работы. Он представлял себя в петле и чувствовал, что жизнь для него закончилась.

Фабинг и Берингер тоже были потрясены и подавлены. Кроме жуткого зрелища, которое им довелось наблюдать, оба испытали глубокое внутреннее переживание, подорвавшее самые основы их системы убеждений и ценностей. Содержание этих переживаний и послание, который получил каждый, было слишком личным и политически опасным, чтобы делиться друг с другом. Оба чувствовали, что потребуются недели, а то и месяцы, чтобы обрести утраченное равновесие и переварить то, что случилось с ними в эти невероятные минуты.

— Мы с Альдебараном уже несколько недель летаем с вами — находим нужных людей и имплантируем им ПСИ-передатчики, но с проектом знакомы очень поверхностно, — посетовала Альфекка своему наставнику, после того как они вернулись из очередной хрононавтической экспедиции. — Нам очень хочется испытать действие этих передатчиков на себе. Вам не нужны лабораторные мыши? Если нужны, может, поставите нас на очередь? — попросила она умоляющим, почти детским голоском.

— Да, конечно! Я ждал, когда вы сами заговорите об этом, — ответил Аргос. — Процедура сравнительно новая, все еще находится на стадии эксперимента, и пока я не могу предвидеть все обстоятельства. Поэтому мне не очень хочется привлекать к эксперименту людей со стороны. Тем не менее я почти уверен, что процедура не представляет никакой опасности, и буду рад добровольцам, которые проявляют серьезный интерес.

Эта просьба явно обрадовала Аргоса. Он любил молодых коллег-хрононавтов и чувствовал в них близких по духу людей. Их юная энергия и жизнерадостность бодрили — с ними он ощущал себя моложе. Он ценил их любознательность, искренность и открытость. Оба были хороши, но каждый по-своему. Альдебаран всегда в отличном настроении — непринужденный в общении, отзывчивый к жизненным ситуациям, казалось, он легко скользит по жизни. Альфекка — более серьезная, она отважно и решительно преодолевает жизненные испытания. Ее блестящий ум, пытливый и глубокий, исследует многие направления — похоже, она пытается проникнуть в сокровенные тайны бытия.

— Может, тогда посмотрим графики и наметим время эксперимента? — поспешно предложил Альдебаран, будто беспокоясь, что Аргос может передумать.

— Кстати, сегодня последний рабочий день недели, и у меня нет никаких планов на остаток дня и вечер. Если вы тоже свободны, то почему бы не делать это прямо сейчас? Как говорится, куй железо, пока горячо! — предложил Аргос.

Альдебаран с Альфеккой радостно приняли предложение учителя и отправились за ним в зал посвящений.

Аргос привел их в центр зала, где, образуя своеобразную мандалу, стояли тридцать два саркофага с плотно прилегающими крышками. В воздухе витал сладкий аромат сандаловых благовоний. Их чувственный запах смешивался с приглушенной музыкой, в которой сплетались томные протяжные звуки флейт и тихий барабанный бой. Аргос любил это сочетание инструментов, считая его совершенным выражением сочетания элементов инь и ян. У флейты — мужская форма и женский звук, а у барабана, имеющего явно женскую форму, — звук сугубо мужской.

Альфекка и Альдебаран выбрали два соседних саркофага и переоделись в комбинезоны, специально созданные для ПСИ-приема. Когда они удобно расположились в капсулах, Аргос надел им на головы ПСИ-шлемы. Увенчанные большими пучками разноцветных оптоволоконных проводов, они походили на причудливые головные уборы какого-то экзотического туземного племени. Теперь новички были готовы к перемещению сознания в другое измерение.

— Думаю, я нашел для вас подходящих маяков, — с лукавой улыбкой сказал Аргос. — Оба вам хорошо знакомы — ведь вы были со мной, когда им имплантировали ПСИ-передатчики. Надеюсь, приключение вам понравится.

Аргос включил передатчики, и хрононавты вскоре потеряли связь с повседневной реальностью и обычным ощущением своего «я». Начальная фаза ПСИ-процесса имела некоторое

сходство с тем, что они переживали во время путешествия в хронокафе, проходя через гиперпространство. Ощущение внутреннего взрыва, распад, снова взрыв, но уже внешний, и восстановление — все почти так же, только слабее.

Когда процесс стабилизировался, старые личности Альфекки и Альдебарана стерлись и исчезли без следа. Двое хрононавтов перенесли на три столетия назад, в 2035 год, а их сознания слились с сознаниями мужчины и женщины, едущих в комфортабельной машине вдоль изумительно живописного побережья.

— Сегодня, Лора, тебя ожидает большой сюрприз, — сказал сидящий за рулем мужчина, обнимая за шею сидящую рядом красивую девушку.

— Какой, Роберт? — нетерпеливо спросила Лора. Ее спутник не ответил и с таинственным видом продолжал вести машину.

— Договаривай, раз уж начал, — стала настаивать Лора, пуская в ход все свои чары. Она решила, что это, наверное, очередной подарок. Лора любила получать подарки, но была так любопытна, что ей с трудом давалось томительное ожидание, предшествующее их вручению.

— Если я скажу тебе сейчас, это испортит весь сюрприз, — нежно сказал Роберт, не поддаваясь на уговоры. — Скоро узнаешь. Мне самому не терпится показать его тебе!

Лора неохотно согласилась, и разговор переключился на другую тему. Машина удалилась от побережья и, миновав оживленный туристический центр, поравнялась с большим указателем, на котором было написано: «Кафе Вентана». Одолев подъем, машина въехала в ворота, за которыми начиналась грунтовая дорога, прорезанная в горном хребте, и взяла курс на Пик-Вэлли.

После того как они добрались до дома и разгрузили машину, Роберт повел Лору на экскурсию по своим владениям. Девушка не верила своим глазам: как много успел сделать Роберт с тех пор, как она была здесь последний раз! Метрах в ста от дома красовался новый геодезический купол* метра четыре в высоту и пять в диаметре. Лора застыла на месте, не спуская глаз с постройки.

— Боже мой! Что это? — спросила она.

— Дом Чинтамани, — ответил Роберт.

— Чинтамани? — удивилась Лора. — Что это значит?

— Это санскритское слово, которое буквально означает «драгоценность мысли». В индийской мифологии так называется камень, исполняющий все желания своего владельца. Чинтамани принадлежал Брахме, созидательной ипостаси индуистской троицы. В одном тантрийском тексте повествуется о том, как Верховная Богиня соединяется со своей владыкой в покое из камня Чинтамани, окруженном рощей небесных деревьев на острове драгоценностей, расположенном в океане нектара.

Лора вспомнила их разговор о драгоценных камнях в Каса Мадроне, когда Роберт пообещал построить геодезический купол. Она ощущала все большее волнение. Они вошли внутрь, и двери за ними закрылись. Несколько секунд Роберт и Лора стояли в полной темноте и тишине. Потом Лора услышала голос Роберта, обращенный к компьютеру: «Создай эффект Чинтамани!» В тот же миг все внутреннее пространство купола наполнилось сверкающим светом, образующим тысячи причудливо пересекающихся граней. Лора и Роберт находились в лабиринте кристаллических решеток, искрящихся всеми цветами радуги.

— Невероятно! — воскликнула Лора, замороженная утонченной красотой переживания. — Мы внутри огромного алмаза! Как ты это сделал?

— Это голографическое изображение, точно воспроизводящее внутреннюю структуру алмаза, только увеличенное почти в тысячу раз, — объяснил Роберт. — Впечатляет, правда? Но гораздо важнее то, что оно мощно воздействует на сознание, изменяя его. Именно так, как мне

это привиделось в переживании с черепом. Теперь мне смешно вспоминать о том, как я полагал, будто в исследованиях сознания будущее принадлежит микроэлектродам и микрочипам. Думаю, меня сбила с толку статья Сидни Коэна, которую я прочитал еще студентом.

— Сидни Коэн? А кто это такой? — спросила Лора.

— Один из первых исследователей ЛСД, он жил в середине прошлого века. В той статье приводится воображаемый диалог между родителями, которые в юности хипповали, и их сыном-подростком. Сыну пытается убедить родителей, насколько лучше новое увлечение его поколения — безопасное и гарантированно улетное, которое вызывается электродами, имплантированными прямо в центры удовольствия головного мозга. Паренек и его сверстники не одобряют прием ЛСД, считая его азартной игрой с совершенно непредсказуемым результатом — нечто вроде игры в русскую рулетку с собственным сознанием.

— А что, молодежь в самом деле экспериментировала с имплантированными электродами? — спросила Лора.

— Нет, это более или менее правдоподобные прогнозы Коэна: он считал, что следующим шагом после психоделиков будет имплантация электродов. Но его статья очень на меня повлияла и на многие годы определила мою профессиональную карьеру. Сейчас я вижу, что пошел по ложному пути. Даже современные микрочипы и микроэлектроды — весьма грубые средства, если сравнивать их действие с тонким действием ЛСД. Это вещество даже в микроскопической дозировке влияет на биохимические процессы в мозгу на молекулярном уровне. Теперь я уверен, что единственный путь дальнейшего развития и усовершенствования исследований в области сознания — метод, использующий свет и кристаллы.

— Фантастика! — проговорила Лора, ощущая чарующее воздействие игры света под куполом. — Когда начнем?

— Все готово. Если хочешь, завтра можно попробовать, — пообещал Роберт.

— Здорово! Я просто сгораю от нетерпения! — с воодушевлением сказала Лора. — Если бы я не так устала, попробовала бы прямо сейчас! Но сегодня выдался трудный день.

Лора чувствовала, что ее стремительно уносит в другую реальность, но не хотела впасть в транс просто так, без должной психологической подготовки. С трудом верилось, что краткое пребывание в этой пьянящей атмосфере так сильно подействовало на ее сознание.

«Компьютер, отключи эффект Чинтамани!» — сказал Роберт.

Сверкающая решетка алмазного лабиринта мгновенно исчезла, и Роберт с Лорой оказались в полной темноте. Они вышли из здания, провожаемые голосом компьютера, который вежливо попрощался и пожелал им спокойной ночи.

Вечер выдался прекрасный. Горизонт над Тихим океаном был залит светом и мягко окрашен последними лучами заходящего солнца. На небе загорались первые звезды, освежающий бриз принес сильный хвойный запах соснового леса. Вдруг тишину нарушило звонкое кваканье. К нему присоединились другие голоса, и вскоре они слились в громкую лягушачью симфонию.

— Что это? — спросила Лора. — Похоже на кваканье лягушек, но откуда их столько здесь, в горах? Где-то поблизости есть пруд?

— Теперь есть — я его построил, — ответил Роберт, ведя Лору в том направлении, откуда доносились лягушачьи трели. — Сейчас я покажу тебе свою жабью ферму.

— Жабью ферму? — удивилась Лора, с изумлением глядя на пруд и террариум, кишаший жабами. — Вижу, тебя скоро ждет пополнение, — пошутила она, заметив совокупающиеся пары. — Ты используешь их для своих опытов?

— Только не для таких, какие я обычно ставил раньше, — ответил Роберт. — Это совершенно особый вид жаб — *Bufo alvarius*. Их кожные выделения содержат

сильнодействующее психоделическое вещество, 5—метоксидиметилтриптами́н. У некоторых туземных племен эти жабы считались священными, а на американском юго-западе даже возникла Церковь жаб света.

— «Есть две заботы, два труда: огонь горит, кипит вода», — с улыбкой процитировала Лора заклинание ведьм из шекспировского «Макбета». — Это проливает совершенно новый свет на средневековые рецепты для ведьмовских шабашей. Я всегда удивлялась, зачем они использовали в своих зельях жаб.

— Триптамины, которые содержатся в коже жаб, — очень сильнодействующие вещества, — сказал Роберт. — Это те же самые компоненты, которые входят в состав нюхательных порошков, которые используют в своих ритуалах народы Карибского бассейна и Южной Америки.

— Теперь понимаю, — сказала Лора, думая об «Изумрудном лесе» — фильме, предсказавшем все приключения, которые ей довелось пережить. Круг замкнулся. — Что ты собираешься делать с этими жабами? — спросила она Роберта.

— Ты заметила над платформой Дома Чинтамани маленькую трубку с распылителем? — спросил Роберт. — Мой друг, химик, научил меня, как получать триптамины из секрета кожи жаб. Небольшое количество экстракта, впрыснутого в воздух купола в виде аэрозоля, колоссально усиливает воздействие алмазной голограммы.

— Я просто сгораю от нетерпения! — горячо воскликнула Лора. — Похоже, у нас есть все, чтобы продолжить наши приключения по исследованию самих себя.

Они вернулись в дом и сменили дорожную одежду на кимоно. Роберт принес из сарая охапку поленьев земляничного дерева и развел огонь в большом камине, занимавшем в гостиной особое место. Обнявшись, они легли на удобный диван среди вышитых подушек, наслаждаясь близостью друг друга.

— Я так люблю тебя, Лора. Ты изменила всю мою жизнь, — прошептал Роберт и приник к ее губам в долгом поцелуе.

— И я люблю тебя, Роберт, — ответила Лора, когда снова обрела способность говорить. — Я и не думала, что могу так любить. Я чувствую, мы предназначены друг другу судьбой.

Их губы вновь встретились, и надолго. Ласки становились все смелее. Лора отдалась движению и его опьяняющему ритму. Память перенесла ее в колумбийские джунгли, словно она снова купалась в лесном озере после грибного эксперимента с Баламом Ахау. Она ощущала тело Роберта, слившееся с ее собственным телом, как струи водопада. «Именно такой должна быть любовь!» — как тогда, сказала себе Лора.

Возбуждение и восторг Роберта росли с каждой секундой. Его глубокая любовь к Лоре, сливаясь со всепоглощающей сексуальной страстью, стремительно перерастала в духовный экстаз. Когда Роберт приблизился к вершине возбуждения, ему показалось, что весь дом содрогнулся до самого основания. Сквозь сомкнутые веки он видел поток яркого света, который, казалось, заполнил его голову и распространился по всему дому. Сила этого переживания была поразительной. За всю свою мужскую жизнь Роберту не доводилось испытывать ничего даже отдаленно похожего.

Роберт и Лора достигли оргазма почти одновременно. Когда волны энергии, бушевавшей в их телах, утихли, они медленно открыли глаза и посмотрели друг на друга. Оба не ощущали тишины и покоя, которые, казалось бы, должны были настать после бурного экстатического восторга, который они только что пережили. В воздухе стоял прерывистый стрекот, а дом продолжал сотрясаться. Снаружи в комнату врывались ослепительные вспышки света и плясали на мебели. Атмосфера была бредовой и нереальной и не имела никакого отношения к их занятиям любовью! Происходило что-то другое, жутковатое и непонятное.

— Что там, черт возьми, творится? — проворчал Роберт, соскальзывая с дивана и

накидывая на себя кимоно.

Он выглянул в окно и увидел военный вертолет, только что севший посреди лужайки метрах в сорока от его дома. Его лопасти еще вращались. Второй вертолет висел над землей, готовясь к посадке. Сквозь шум Роберт услышал неистовые и настойчивые трели дверного звонка.

— Накинь что-нибудь на себя, Лора, да побыстрее, — сказал Роберт, разъяренный несвоевременным вторжением. — Пойду посмотрю, что там приключилось. Торопливо накинув купальный халат поверх кимоно, он пошел к входной двери.

За ней в сопровождении вооруженной охраны стоял человек в штатском.

— ЦРУ, — заявил он официальным тоном, махнув удостоверением. — Доктор Хантер, у меня ордер на обыск вашего дома и участка.

— В чем меня обвиняют? — спросил Роберт, прекрасно зная, что ответа не получит. И тут заметил топчущегося на заднем плане Генри Фабинга.

— Вы, Генри? — выдохнул он, когда отряд црушников ворвался в дом, будто боевой взвод, берущий штурмом военный объект. — Вам не кажется, что поздновато для столь неожиданного визита? Может, объясните, что все это значит?

— Все шутишь, Роберт? — ответил Фабинг, качая головой. — Ты же не вчера родился, спустись на землю! Разве непонятно, что ты представляешь серьезную угрозу для национальной безопасности? Согласись, все вполне разумно — обычные меры предосторожности.

— Полагаю, ордера на обыск у вас нет, — сказал Роберт, заранее зная ответ.

— Ты достаточно долго работал у нас, чтобы знать: если речь заходит о национальной безопасности, ЦРУ не очень-то заботят детали, — парировал Фабинг. — Ты, конечно, понимаешь, что за ордером дело не станет. Пустячное дело, так зачем зря терять время?

Роберт понимал, что любое сопротивление бессмысленно, и смирился с ситуацией. Он подбросил в огонь пару поленьев и присоединился к Лоре, которая, наспех одевшись, сидела в шезлонге, явно предназначенном для влюбленной пары. Вдвоем они наблюдали, как двенадцать вооруженных мужчин шныряют по дому, обшаривая все внутри. Участники налета рылись на полках и в ящиках, вываливая содержимое на пол. Фабинг тем временем сел за компьютер Роберта и стал просматривать и копировать файлы.

Неожиданный налет раздражал Роберта, но не слишком беспокоил. Он предвидел, что его уход будет иметь последствия, и сделал все необходимые шаги, чтобы уберечь важную информацию и не дать ей попасть в чужие руки. Прежде чем уйти из института, Роберт стер с жестких дисков своих компьютеров — и рабочего и домашнего — все файлы, содержавшие самые важные данные исследований. Копии он надежно спрятал, а то, что осталось, защитил сложным паролем, основанным на перемножении двух особых рядов цифр — десятичных знаков числа пи и ряда Фибоначчи. Не самая простая задача для ребят из ЦРУ!

Наблюдая за попытками Фабинга, Роберт откровенно забавлялся.

— Удачи вам! — насмешливо сказал он, совершенно уверенный в надежности своих цифровых стражей, а потом добавил: — Сами знаете, материал очень деликатный и секретный, так что пришлось защитить его от назойливых гостей. Придется изрядно попотеть, чтобы взломать пароль и добраться до информации. Кто-то получит массу удовольствия.

Лору мучил страх и чувство вины. Она понимала, что именно ее встреча с Робертом положила начало цепочке событий, приведших к этому ужасному событию. Именно из-за нее Роберт попал в беду. Но сидевшая в ней любопытная девчонка с удовольствием наблюдала за поведением Роберта. Перед ней был совсем другой человек, которого она не знала..

— Запаситесь терпением на несколько лет, Генри, и не очень-то надейтесь на успех, — продолжал Роберт свой саркастический монолог. — По сравнению с моим кодом кубик Рубика — детская игрушка! И не рассчитывайте на мою помощь. Ваши манеры просто возмутительны!

Нужно было прийти как положено, проявить учтивость — тогда ваши шансы были бы куда выше.

Все это время Генри Фабинг не отрывался от монитора и, не глядя на Роберта, терпеливо продолжал работу. При этом он умудрялся пропускать мимо ушей и страстные тирады Роберта, и оскорбления в свой адрес. Такая безмятежность бывшего шефа возымела действие: Роберт постепенно успокоился и взял себя в руки. Ему уже не верилось, что он так бурно реагировал на ситуацию и осыпал Генри злыми и насмешливыми словами. Неожиданность налета и то, что он случился в такое неподходящее время, задели в его душе струны, о существовании которых он и сам не подозревал.

Так и не сумев вовлечь Фабинга в словесную перепалку, Роберт снова сосредоточил внимание на Лоре. Он был уверен, что обыск закончится ничем, и совершенно не беспокоился. Самым неприятным в этой скверной ситуации было то, что вторжение прервало исключительное по силе любовное переживание, которое он пережил с Лорой. Впервые в жизни секс стал для него не просто физиологическим актом и источником эмоциональных ощущений, но подлинно духовным событием. Трудно было выбрать худшее время для вторжения! Роберта беспокоило, удастся ли вернуть утраченную атмосферу, если незваные гости уйдут в обозримое время. Перебирая в памяти эпизоды этого вечера, он поймал себя на том, что они рождают у него странно знакомый отклик.

— Ты помнишь «Тристана и Изольду» Вагнера? — неожиданно спросил он Лору.

— Это одна из любимых моих опер, — ответила она. — Странно, что ты спросил, — я тоже о ней подумала.

— То, что случилось сегодня вечером, очень напоминает сцену из первого акта, когда Бранжбена подала Тристану и Изольде вместо смертельного яда любовный напиток, — сказал Роберт. — Когда они были на вершине блаженства, оно было грубо прервано прибытием в Корнуолл и появлением короля Марка. Никогда в жизни занятие любовью не приносило мне такого наслаждения, и пробуждение было столь же тяжким.

— Я подумала о том же, — сказала Лора. — Но это еще не конец света. К счастью, в отличие от Тристана и Изольды, мы оба свободны, и ничто не помешает нам повторить сцену еще раз с более счастливым финалом.

Генри Фабинг кончил возиться с компьютером и положил изъятые диски в портфель.

— Прошу прощения за доставленное беспокойство, — сказал он Роберту, и это прозвучало на удивление искренне. — Прежде чем уйти, я хотел бы спросить, что это за геодезический купол появился у тебя на участке. Это явно новое дополнение к твоей собственности. Не мог бы ты показать его мне и объяснить, зачем он тебе понадобился?

Роберт неохотно оставил Лору и пошел с Фабингом к Дому Чинтамани. Подойдя ближе, они увидели, что люди из ЦРУ уже с тщательным обыском обыскали постройку внутри и не нашли ничего подозрительного. Им явно не хватало воображения, чтобы представить, с какой целью ее можно использовать. Когда Роберт и Генри хотели войти, несколько црушников двинулись было за ними, но Фабинг остановил их жестом руки:

— Оставайтесь снаружи, — сказал он. — Я справляюсь без вашей помощи.

Люди окружили здание и заняли привычные позы с оружием наизготовку, чтобы в случае необходимости немедленно принять меры.

Генри вошел в здание вслед за Робертом. Когда они оказались внутри, Фабинг закрыл дверь, огляделся и спросил:

— Скажи, для чего ты это соорудил? Что ты собираешься здесь делать?

— Это зал для медитации, — объяснил Роберт, включая обычное освещение и показывая на платформу, расположенную в центре сооружения. — После переживания с черепом я заинтересовался духовной практикой.

Поначалу Роберт собирался сделать вид, что переживание с черепом запутало его и выбило его колеи, и в результате он решил удариться в некую духовную деятельность, чуждую основной массе людей, но в общем безвредную. Но потом, повинувшись внезапному внутреннему порыву, он приказал компьютеру включить эффект Чинтамани.

— Чтобы облегчить медитацию, я изобрел небольшой спецэффект, — сказал он, когда голограмма алмаза заполнила пространство купола. Предчувствуя, какое воздействие это окажет на Фабинга, Роберт с трудом сдержался, чтобы не приказать компьютеру распылить под куполом самую высокую концентрацию жабьего эликсира.

— Попробуйте сосредоточиться на гранях кристаллической структуры, — с тайным умыслом предложил Роберт Фабингу, — это поможет расслабиться и настроиться на свой внутренний мир.

Фабинг пристально смотрел на тонкую паутину окружающей его решетки, явно замороженный игрой лазерных лучей, вспыхивающих яркой радугой красок. Неожиданно он вздрогнул, повернулся и пошел к выходу. Как только он вышел из здания, ему пришло сообщение: «Заканчиваем, возвращаемся на базу».

Поскольку его люди собирались отправиться восвояси, Генри выключил коммуникатор и, предусмотрительно оглядевшись, обратился к Роберту дружелюбным тоном:

— Должен извиниться перед тобой, Роберт. Когда я начал понимать, что к чему, было уже слишком поздно. Машина завертелась, ЦРУ было поставлено в известность и готово нанести удар. Я уже не мог это остановить. Но что бы ты ни пытался тут делать, можешь рассчитывать на мою поддержку. Могу заверить: тебя больше не потревожат без крайней необходимости.

— Вы просто удивляете меня, Генри, — сказал Роберт, ошеломленный такой внезапной переменной в суровом президенте НИПИСа. — Как я могу вам верить?

— Я знаю, то, чем ты собираешься здесь заняться, родилось не у тебя в голове, — объяснил Фабинг, показывая на купол. — Это не похоже на творение твоего старого «я». — Генри снова бдительно огляделся и, убедившись, что вокруг нет посторонних глаз и ушей, прошептал: — У меня тоже было переживание с черепом. То, что стоит за этой штуковиной, гораздо сильнее любого из нас! Удачи тебе во всем, что ты тут затеваешь!

Перед тем как вернуться к вертолету, Генри сказал еще одну вещь, казалось бы, никак не связанную с их разговором и прозвучавшую загадочной шифровкой:

— Хочу, Роберт, чтобы ты запомнил два слова: «Кальвария» и «Немезида». Когда-нибудь они тебе пригодятся.

Он пожал Роберту руку и, еще раз извинившись за вторжение и причиненное беспокойство, распрощался.

Через несколько минут, когда Роберт все еще размышлял об их загадочном расставании, оба вертолета поднялись в воздух, и шум их пропеллеров быстро затих в ночном небе. Вернувшись в дом, Роберт заключил Лору в объятия и долго не отпускал.

— Прости, что из-за меня тебе пришлось вынести все это, — извинился он, целуя девушку в лоб.

— Это не твоя вина, Роберт. С таким же успехом можно сказать, что это я навлекла на тебя столько неприятностей. Между прочим, сегодня вечером, глядя на все это, я терзалась виной. А потом вспомнила свою любимую поговорку: «В жизни бывают неприятности — главное, чтобы они не задерживались». Будем надеяться, что такое больше не повторится, — ответила Лора, целуя его. Этот страстный поцелуй был явной попыткой вернуться к тому, на чем они остановились. Но момент был упущен. — Давай приберем здесь немного и пойдем спать, — предложила она.

Обыск проводился на совесть, и в доме царил невероятный хаос. Роберт и Лора смогли

только слегка разобрать вещи, чтобы привести дом в более или менее приличный вид. Чтобы полностью все убрать, понадобилось бы куда больше времени. Сейчас оба чувствовали, что гораздо важнее восстановить нарушенную близость, чем хлопотать по дому, поэтому они решили выключить свет и пойти спать. День выдался долгий и богатый событиями.

— Я до сих пор не могу прийти в себя после разговора с Фабингом, — заметил Роберт, пересказав Лоре то, что случилось между ним и бывшим шефом. — Он был настроен покровительственно и обещал поддерживать меня во всех делах. Еще я выяснил, что ничего из информации не пропало: Генри сделал для меня копии со всех дискет, которые забрал. Ты можешь в это поверить? Он сказал, что у него было свое переживание с черепом. Если череп смог изменить душу такого человека, как Генри, это говорит о многом!

* * *

Альдебаран и Альфекка открыли глаза и увидели высокую фигуру Аргоса, стоящего между их саркофагами.

— Ну, что вы об этом думаете? — спросил он, широко улыбаясь.

— Невероятно, — ответил Альдебаран, — абсолютно убедительно! Пока я был там, моя прежняя личность исчезла без следа. Какое изумительное изобретение, какое обучающее устройство! Я и не предполагал, Аргос, что вы такой шутник! Ни словом не обмолвились, что я буду женщиной. Может быть, я не пришел бы в восторг от такой перспективы, но теперь, побывав Лорой, могу сказать, что это прекрасное и очень интересное переживание.

— И в выборе событий тоже был элемент шутки, — согласилась Альфекка. — Пик сексуальной страсти и внезапное отрезвление! Оргазм в ощущении мужчины! Это нечто! К тому же все это очень интересно и с астрологической точки зрения: как раз сегодня в гороскопе моего рождения Марс проходит через Венеру. Но независимо от всего этого, сам по себе феномен ПСИ — совершенно потрясающая вещь! Мои поздравления, Аргос!

— Я подумал, что смена пола поможет вам оставить свои переживания в двадцатом веке и не распространять их на настоящее, — пошутил Аргос, усмехаясь. — Ведь после такого переживания могут возникнуть серьезные проблемы с переходом туда и обратно.

Иерос гамос: священный брак

Когда Роберт и Лора проснулись, солнце уже поднялось над горами Вентаны. После волнующих испытаний прошлой ночи им обоим нужно было хорошенько выспаться. Зная, что голодание усиливает измененные состояния сознания, Роберт предложил воздержаться от завтрака. Приняв душ вместе и ненадолго погрузившись в просторный бассейн с горячей водой, они посидели на веранде, потягивая только что выжатый апельсиновый сок и наслаждаясь великолепным видом Тихого океана.

Потом, набросив кимоно, Роберт и Лора направились к Дому Чинтамани, взволнованные тем, что ждет их впереди. После того что случилось ночью, они надеялись, что их уединение больше никто не нарушит. Войдя внутрь, они удобно устроились на центральной платформе, в уютном гнездышке из подушек и одеял. После краткой медитации и размышления Роберт включил эффект Чинтамани. Мгновенно все внутреннее пространство здания превратилось в магическую картину сложного переплетения алмазных решеток. Пересекаясь, идеальные бриллиантовые грани образовывали сложные геометрические узоры, которые, казалось, уходят в бесконечность. Оказавшись посреди этого кристаллического лабиринта, Роберт и Лора несколько минут не размыкали объятий.

— Пора, — шепнул Роберт, неохотно отпуская подругу. — Компьютер, распыли эликсир и включи музыку, — сказал он и, повернувшись к Лоре, с улыбкой добавил: — Жребий брошен!

В ответ на его команду распылитель стал медленно вращаться, рассеивая тонкую дымку сильнодействующего психоактивного вещества. Тишину нарушили переливы индийской раги, наполняя пространство атмосферой вечной страсти и томления. И без того зачарованные зрелищем алмазного лабиринта и взаимной близостью, Лора и Роберт почувствовали влияние эликсира почти сразу. Все остатки трезвой повседневной реальности растворились и исчезли без следа. Уже через несколько секунд оба психонавта оказались в странном мире таинственной магии.

— Какое чудо! — прошептала Лора, нежно обнимая Роберта. — Сейчас я зародыш в матке, а ты — мой близнец. Все ощущения невероятно реальные!

— Просто не верится, — изумленно откликнулся Роберт. — Я чувствую то же самое. Мы — два близнеца в одной матке. Я прикреплен к пуповине и ощущаю вкус околоплодной жидкости. А твоя кожа мягкая и гладкая, как атлас.

— До чего удивительно, — продолжала недоумевать Лора. — Вот уж не ожидала, что у нас окажется один внутренний мир на двоих. Я думала, у каждого будет свое переживание. Так часто бывает?

— Очень редко! Я читал, что такое случается, но, конечно, не часто, а наш случай — совершенно особый, — подтвердил Роберт. — У меня сильное ощущение, что мы с тобой вместе не в первый раз. Думаю, наша история началась давно, очень давно.

Некоторое время оба молчали, захваченные переживанием. Последние слова Роберта оказались пророческими. Тесный и уютный мир матки постепенно исчез, и они с Лорой вновь стали взрослыми. Теперь они парили в воздухе внутри глубокой пропасти, медленно опускаясь по спирали ко дну. Скоро стало ясно, что на самом деле этот спуск — путешествие назад во времени. На стенах пропасти открывались сцены событий, происходящих в разные периоды истории, в разных культурах. И Лора с Робертом были не просто наблюдателями, а главными действующими лицами этих событий.

Вот они в Египте эпохи фараонов, во времена хеттского нашествия. Они влюблены и

пытаются обрести счастье в атмосфере, пропитанной жестокостью и насилием. Потом бурный и страстный роман в Древней Греции в эпоху Пелопонесской войны. В сцене из Французской революции их любовь расцвела в мире кровопролития и интриг. Но самая интересная история ожидала их у майя во времена испанского завоевания, когда Лора была жрицей, а Роберт — воином. Внешние обстоятельства делали их связь сложной и опасной.

— До чего все это реально, просто поразительно, — шептала Лора. — Мы не могли бы такое выдумать, наверное, это правда! Мои переживания необычны, но явно не новы. Я отчетливо помню, что это действительно происходило с нами, только очень давно. Когда я смотрю на тебя, твое лицо постоянно меняется, и я вижу тебя таким, каким ты был в разные периоды прошлого. Мы встречались много раз, прежде чем череп свел нас в этой жизни!

Роберт поцеловал ее и стал ласкать пальцами длинные волосы, бархатистую кожу. Лора отвечала на его ласки, тесно прижавшись к нему всем телом. Их движения вторили ритму музыки; страсть и напряжение росли с каждой секундой.

— Можно я сяду к тебе на колени? — спросила Лора, когда возбуждение Роберта проявилось явно и недвусмысленно.

Вместо ответа Роберт уселся, скрестив ноги в позе лотоса. Лора устроилась к нему лицом, сцепив руки и ноги у него за спиной. Когда она почувствовала его плавное движение у себя внутри, по ее позвоночнику взвился мощный поток электрической энергии. Лора мечтала испробовать сексуальные практики йоги с тех самых пор, как впервые увидела тантрийские изображения пар, слившихся в позе яб-юм. И лучшего партнера для первого опыта, чем Роберт, трудно было придумать.

Когда их тела слились, они согласовали дыхание, глядя друг другу в глаза. У них и раньше бывали мгновения сексуального экстаза, но их даже отдаленно нельзя было сравнить с тем, что происходило теперь. Переживания выходили за границы, доступные человеческому восприятию, и достигали поистине космических высот. Их языки ласкали мягкую пещерку, образованную слившимися губами, пальцы на разные лады пробегали по коже, и каждое прикосновение превращалось в брачный танец самых разных живых существ. Все еще сохраняя ощущение своей принадлежности к человеческому роду, они участвовали в апофеозе творения. То был оргиастический праздник мощи полового влечения — божественной силы, создающей и увековечивающей жизнь.

— Лора, — прошептал Роберт, ошеломленный тем, что с ними происходит, — это больше, чем мы, это вся природа. Ты тоже это чувствуешь?

Они с Лорой только что сливались в обликах орла и орлицы и вот уже порхают в воздухе парой бабочек-данаид, тесно сплетясь хвостами в любовном восторге. Соединяясь с Лорой, Роберт, казалось, соединялся с древней филогенетической памятью, много веков назад отпечатанной в живой материи. Им завладели глубокие первобытные ощущения, унаследованные от первых живых существ, обитателей океана.

— Еще как, — смеясь ответила Лора. — Только что я пережила нечто очень забавное. Я была паучихой, «черной вдовой», и с любовью съела тебя после спаривания. Но я бы не сказала, что это больше, чем мы. Мне кажется, мы больше, чем нам казалось. Может быть, Роберт, мы и есть природа — все вместе и каждый в отдельности.

— Наверное, ты права. Я думаю, такое понимание гораздо ближе к истине, — согласился Роберт, глядя на Лору с восторгом и страстью. Пока он смотрел на нее, его переживание вернулось из царства животных в мир людей. Лицо Лоры постоянно менялось, она принимала облики разных людей. Вот она маленькая невинная девочка, а в следующий миг — коварная и соблазнительная искушительница. Затем последовала быстрая череда превращений: чувственная юная красавица с островов Полинезии, средневековая ведьма и дряхлая старуха, излучающая

мудрость столетий. Только он хотел поделиться увиденным с Лорой, как услышал ее слова:

— Роберт, это совершенно поразительно: я вижу в тебе не конкретного человека, а всех мужчин, которые жили на протяжении веков. Ты был средневековым королем, потом — жестоким наемником, ученым, крестьянином, охотником... Ты был всеми ими. И продолжаешь непрерывно меняться...

Вдруг телом Лоры овладела первобытная архетипическая сила. Она почувствовала себя тантрийской жрицей, преданной служанкой Богини-Матери, обладательницей священной вековой женской мудрости. Ведомая интуицией, почти инстинктом, она точно знала, что делает. Ее тазовые мышцы плавно сокращались в математически выверенных движениях, порождая колоссальную энергию в том месте, где она чувствовала внутри себя Роберта. Напряжение росло, пока не стало почти невыносимым. Эта первозданная энергия захватила и унесла Роберта. Преображенный силой переживания, он восхищенно наблюдал, как меняется облик Лоры. Ее тело стало прозрачным и наполнилось сверхъестественным светом. Она излучала возвышенную, неземную красоту. Не было сомнений: она — существо из высших сфер, богиня, источник всех женских образов, которые он видел раньше.

— Лора! — благоговейно воскликнул Роберт. — Ты больше не земная женщина, ты — богиня!

И сам он претерпел в глазах Лоры такое же преобразование. Теперь его облик дышал величием, которого она раньше в нем не подозревала. Казалось, он воплощает не только архетип мужского начала, но высшую тайну бытия. Несомненно, оба они поднялись до божественных высот.

— Мы стали Шивой и Шакти, — догадалась Лора, — мужским и женским началом, инь и янь.

Колоссальный источник энергии, вихрем кружащейся там, где сливались их тела, больше невозможно было сдерживать. Он взорвался, породив двух гигантских огненных змей. Их сплетенные тела стали подниматься медленными плавными движениями, будто замороженные звуками небесной свирели. Обольстительный танец змей растворил границы между Лорой и Робертом в их божественных проявлениях. Бог и Богиня слились в одно божество, в котором нераздельно сплелись качества их обоих. Этот божественный андрогин постепенно растворился в райской обители, состоящей из тысяч тончайших лепестков лотоса. Остались только Жизнь, Сознание и Блаженство — чистые и абсолютные, лишённые всякой формы.

* * *

Вечернее солнце медленно клонилось к горизонту, золотя облака и покрытую рябью гладь Тихого океана.

Роберт и Лора отдыхали в бассейне с горячей водой, потягивая ледяной фруктовый сок и жуя свежую землянику и сочные кусочки охлажденного ананаса. Сегодняшнее переживание было огромным, ошеломляющим и одновременно странно отрезвляющим, несмотря на все свое космическое величие. Оба чувствовали, что потребуется время, чтобы полностью вернуться к повседневной реальности и усвоить все поразительные открытия. Их тела вновь обрели самостоятельную жизнь, хотя они противились этому, сохраняя тесный физический контакт.

— Теперь участь сиамского близнеца не кажется мне такой уж плачевной, — пошутила Лора, — разумеется, если у тебя подходящая половинка.

— Не думаю, что после сегодняшних событий мы когда-нибудь снова почувствуем себя

отдельными друг от друга, — сказал Роберт. — Это ощущение тесной связи, продолжающейся из жизни в жизнь, было поразительным и абсолютно достоверным!

— Скажи, до сегодняшнего дня ты верил в перерождение? — спросила Лора.

— Шутишь? Почтенный ученый муж вроде меня? — рассмеялся Роберт. — Я всегда думал, что вера в перерождение — изобретение первобытных людей, неспособных смириться с суровой реальностью своей бренности и смерти. Вся эта теория казалась мне слишком эксцентричной, чтобы принимать ее всерьез.

— Но подумай, сколько разных человеческих обществ независимо друг от друга пришли к идее перерождения! — сказала Лора. — Ее можно найти не только во всех религиях Индии и Дальнего Востока, но и среди гавайских кахунов и американских индейцев, в доколумбовых культурах, а также в Древнем Египте и Древней Греции. Мне кажется, она играла важную роль даже в раннем христианстве, до шестого века нашей эры, когда была запрещена специальным собором в Константинополе и стала считаться ересью.

— Думаю, не трудно объяснить, почему вера в перерождение получила такое широкое распространение, особенно после сегодняшних событий, — перебил ее Роберт. — Я абсолютно уверен, что эта теория основана на переживаниях, сходных с теми, которые испытали мы с тобой. И переживания эти, несомненно, универсальны. Идея перерождения не просто «вера» в обычном смысле слова, то есть некое беспочвенное и произвольное допущение или фантазия, но весьма прагматичная задача. Вполне вероятно, что это попытка людей объяснить и осмыслить некоторые свои очень убедительные переживания и наблюдения.

— Для меня эта теория очень даже осмысленная, — сказала Лора. — Как иначе объяснить то странное чувство близости, которое не покидает меня с тех пор, как головидеофон впервые принес твой образ в нашу палатку в Колумбии?

— А ты заметила, что во всех ситуациях из прошлых жизней, в которых мы с тобой были вместе, угадывается одна и та же общая тема, некая повторяющаяся модель? — спросил Роберт. — Один из нас всегда сбивался с пути, шел неверной дорогой, а другой играл роль спасителя. В нашем случае эта роль досталась мне: я оторвался от жизни, от природы, от духовного измерения. Ты открыла мне глаза и научила любить — тебя, других людей, жизнь в целом. Не знаю, как благодарить тебя за все...

— Самое главное, что мы нашли друг друга, — прервала его Лора. — Я так счастлива, что мы вместе!

— Меня беспокоит только одно, — сказал Роберт. — Я заметил, что во всех предыдущих жизнях между нами всегда была глубокая эмоциональная связь, но каждый раз нас разлучали какие-то враждебные обстоятельства. Давай в этой жизни сыграем свои роли получше! — Роберт замолчал, было видно, что он переживает глубокую внутреннюю борьбу. Наконец он овладел собой и закончил с торжественной ноткой в голосе: — Прежде чем мы уйдем в дебри теоретических дискуссий, я хотел бы задать тебе один вопрос. Ты станешь моей женой?

— Я уже стала ею, Роберт, — со счастливой улыбкой ответила Лора. — Разве можно представить бракосочетание более торжественное, исполненное более глубокого смысла, чем то, которое состоялось сегодня в Доме Чинтамани! Моя мама не раз говорила о том, что последователи Юнга называют *иерос гамос*, священный брак. Он означает соединение не только на физическом, эмоциональном и психическом уровнях, но и в мире архетипов — с божественными составляющими нашего существа. Я никогда не понимала этой идеи до конца, но теперь у меня нет никаких сомнений, что сегодня с нами произошло именно это. И в сравнении с ним любая официальная церемония кажется пустяком. Если ты имеешь в виду это, то я отвечу решительным «да»!

Мэтью Рэмси сидел за столом, диктуя компьютеру отчет, в котором обобщал сведения по археологическим раскопкам в Колумбии, которые ему удалось разыскать. Мэт уже почти закончил, когда ход его мыслей нарушил приглушенный сигнал головидеофона. Он включил связь, и перед ним появилась парящая в воздухе стройная фигура Лоры Паркер.

— Привет, Мэт, как дела? — сказала она, ласково улыбаясь. — Не ожидал меня увидеть?

— Здравствуй, дорогая! Должен признаться, это действительно маленькая неожиданность. Я думал, вы с Робертом скрылись на пустынном острове где-нибудь в Микронезии и забыли старых друзей. Рад, что ошибся. До чего приятно снова тебя увидеть! Что случилось?

— Да ладно, Мэт, ты говоришь так, будто мы не виделись тысячу лет. Не так уж давно мы с тобой болтали почти целый час — это было сразу после того, как ты вернулся из Колумбии, — сказала Лора в ответ на упреки Мэта. — А сегодня у меня есть новость, которая может тебя заинтересовать.

— Дай-ка я угадаю! Генри Фабинг с душераздирающими извинениями вернул череп и голограммы, подарил фото со своим автографом и выплатил солидную денежную компенсацию за нанесенную эмоциональную травму, — пошутил Мэт.

Лора подробно рассказала ему про обыск в НИПИСе и пропажу черепа.

— Не совсем, но очень близко. Роберт сумел создать кое-что такое, что производит очень похожий эффект. Мы провели предварительные испытания, и результаты оказались потрясающими. Думаю, тебя это очень заинтересует.

Мэту стало любопытно. Со времени краткого эпизода с черепом он часто вспоминал о том состоянии сознания, которое ему довелось пережить, и был не прочь продолжить эти опыты. Он не раз пробовал марихуану, и в компании, и в одиночку, но никогда не испытывал таких глубоких и ясных прозрений, как те, которые открыл ему череп. Желая побольше узнать о методе изменения сознания, который разработал Роберт, Мэт попросил Лору рассказать подробнее. Но еще не закончив фразы, понял: возможно, дело весьма деликатного свойства, и Лора не захочет обсуждать его по головидеофону.

— Давай оставим подробности до лучших времен, — ответила Лора уклончиво, подтверждая его подозрения. — А если вкратце, то мы надеемся, что нашли способ, помогающий получить доступ к потрясающим данным, которые могут произвести переворот в целом ряде наук: в психологии, психиатрии, биологии, антропологии и сравнительном религиоведении. Но это еще не все! Это открытие может в корне изменить не только понимание человеческой природы, но и мировоззрение индустриальной цивилизации в целом.

— Звучит грандиозно! Если бы я тебя не знал, то мог подумать, что ты не в себе или шутишь, — сказал Мэт, качая головой. — Но я еще тогда, в Колумбии, немного приобщился к тому, о чем ты, наверное, хочешь сказать. Разумеется, мне интересно. Скажи, что вы собираетесь делать дальше?

— Мы с Робертом решили собрать небольшую группу друзей, специалистов в разных областях, чтобы провести совместные исследования, — объяснила Лора. — Мы будем регулярно встречаться и делиться своими переживаниями и наблюдениями.

Потом она коротко рассказала о приглашенных. Одни уже имели опыт особых состояний сознания, другие были новичками в этой области. Роберт позвал пару своих старых друзей — известного биолога Соко Масайоси и профессора Калифорнийского университета Лео Левенштейна, психиатра с большим опытом исследовательской и практической работы. Сами

собой напрашивались кандидатуры Криса Берни и Кроуфордов, Майкла и Тани, которые как члены археологической экспедиции были знакомы с историей черепа. Изабель жаждала присоединиться к группе, и Эд тоже обещал приехать, когда окажется в районе Залива.

— Мы долго искали название для нашего кружка искателей истины и сокровенной мудрости, — продолжала Лора, — а потом решили так и назвать: «Круг мудрецов».

— «Круг мудрецов»? Звучит очень возвышенно и многообещающе. Вижу, от скромности мы не умрем! — Мэт не смог удержаться, чтобы не подшутить над этим несколько напыщенным названием. Но тут же, словно извиняясь, поспешил заверить Лору: — Можешь на меня рассчитывать. Я обязательно к вам присоединюсь. Когда начнем?

— Мы собираемся в следующую пятницу в Биг-Суре, в доме Роберта, и останемся там на уикэнд, — сказала Лора. — Майкл и Таня согласились ночевать в куполе, который недавно построил Роберт, так что места хватит всем. Я на днях позвоню тебе и расскажу более подробно.

— Давайте для начала помолчим несколько минут, — обратился Роберт к маленькой группе друзей, собравшихся в солнечный воскресный день в гостиной его просторного дома в Биг-Суре. — После многочисленных и ярких переживаний, увлекших нас в разных направлениях, это поможет нам собрать энергию воедино и сосредоточиться на беседе.

Все закрыли глаза и приняли позы медитации. Роберт не стал закрывать глаза — он глядел на друзей и думал о громадном интеллектуальном потенциале, собранном в этой группе.

Разные профессии и интересы, которые представляли собравшиеся, обещали богатый и продуктивный обмен мнениями. Лео Левенштейн — психиатр, ориентированный на биологический подход, обладает внушительными познаниями в области психологии и биохимии мозга. Скорее всего, он будет играть роль «адвоката дьявола» и внесет в группу будоражащую игру ума и противоречия. Если, конечно, полученные переживания не вызовут коренную перемену в его научном кредо. Изабель, психолог-юнгианец, представляет другой полюс спектра — психодуховный аспект человеческого сознания. Соко Масайоси, биолог, специалист по ДНК и геной инженерии, сможет внести в дискуссию новую струю, особенно когда речь пойдет о наследственной, коллективной, филогенетической и кармической памяти.

Вдобавок здесь есть несколько членов команды Эда. Помимо общего интереса к археологии, каждый из них имеет глубокие познания еще в какой-то области или интересное хобби, и это поможет задать обсуждению новые направления. Конек Майкла Кроуфорда — мифология и сравнительное религиоведение, а Таня живо интересуется шаманизмом. Мэт, компьютерный гений, может внести свежую струю в теоретические рассуждения о работе человеческого мозга. К тому же при необходимости он сумеет быстро найти нужную информацию в киберпространстве. Крис, специалист по голографии и лазерам, — очень ценный член команды, если учесть, какую важную роль играет голографическая модель в исследовании мозга и сознания.

Присутствие Эда стало для всех сюрпризом, а его интерес явно был следствием невероятных переживаний, связанных с черепом. То, что он смог непосредственно пережить спуск в Шибальбу, мифологический загробный мир древних майя, показывает, что знание особых состояний сознания важно и для археолога. Участие Эда и членов его группы будет недолгим, так как они все, кроме Мэта, через несколько недель возвращаются в Колумбию. Лора, подающий надежды антрополог, обладает уникальным опытом: ведь она провела несколько недель рядом с Баламом Ахау. А интересы самого Роберта лежат на стыке нескольких дисциплин — главным образом, сравнительной анатомии и психологии, нанотехники, компьютерного моделирования и искусственного интеллекта.

— Вчера в Доме Чинтамани все вы прошли через личные переживания, — сказал Роберт, завершая период безмолвной медитации. — Знаю, что многие из вас сначала возражали против названия «Круг мудрецов», — оно казалось вам слишком напыщенным и претенциозным. Да и сам я произносил его с легкой иронией. Но, надеюсь, после переживаний в Доме Чинтамани, вы согласитесь, что особые состояния сознания — это замечательный путь к знанию.

Многие из собравшихся закивали в знак согласия, и Роберт, довольный этим молчаливым одобрением, продолжал:

— Мы подумали, что было бы интересно посвятить последнюю на этой неделе беседу обсуждению наших переживаний и предпринять маленький «мозговой штурм». Нам нужно поговорить о многом: о природе переживаний и их возможных источниках, о том, что нового

они открывают в понимании человеческой природы и природы реальности. Кто-нибудь готов начать?

Поскольку все медлили, Лора решила взять слово первой.

— Давайте я начну, раз уж мы с Робертом организовали эту встречу. К тому же я собирала всю информацию, — сказала она. — Собрать вас здесь нас побудило то, что две недели назад мы с Робертом провели в Доме Чинтамани необычайно яркий сеанс. Мы увидели очень убедительные картины из прошлых жизней, которые превратили нас из скептиков в людей, твердо верящих в вероятность перерождения. Вслед за этим последовала тантрийская часть наших переживаний: мы испытали слияние мужского и женского начал и воссоединение с божественным источником. Теперь я совсем по-новому понимаю слова из Упанишад: ТАТ ТВАМ АСИ — Ты есть То! Мысль, что каждый из нас тождествен божественному началу, Брахману, каким бы именем мы ни называли Всевышнего, уже не кажется мне такой абсурдной, как прежде. После этого переживания мы с Робертом не могли представить ничего более интересного, чем дальнейшее исследование этой области вместе с группой друзей.

— Искренне завидую, — шутливо посетовала Изабель. — Вы путешествовали в небесные миры, пережили единение со Всевышним, а мое странствие увлекло меня в противоположном направлении, в глубочайшие бездны преисподней.

— Мне очень жаль, — сказала Лора, вдруг почувствовав ответственность за переживание матери.

— Не волнуйся Лора, я шучу, — успокоила ее Изабель. — У меня нет абсолютно никаких причин жаловаться. Это было невероятное путешествие, и я не променяю его ни на что на свете! Оно началось с лабиринта подземных тоннелей, которые походили на канализационную систему какого-нибудь огромного города — Нью-Йорка, Парижа, Лондона или Токио. Потом начался спуск, и мне показалось, что я нахожусь в глубочайших недрах Земли. Это был мифологический мир, населенный громадными и странными архетипическими существами, похожими на чудовищное потомство греческой богини Геи: Ехидну, Тифона, Химеру и Цербера. Все они были наделены титанической энергией, наводящей на мысль о тектонических сдвигах, землетрясениях и извержениях вулканов.

— Жуткое, должно быть, было зрелище, — сочувственно заметила Лора, вспоминая свое грибное переживание в Колумбии, когда она побывала в подземном мире и увидела грозную архетипическую суть нефти.

— Вовсе нет, — возразила Изабель. — Я понимала, что они играют важную роль в процессе творения.

И она рассказала, что невольно ощутила большую признательность к этим смиренным созданиям, которые живут во тьме и терпеливо выполняют неблагодарную работу — управляют космической машиной. Изабель удивило, что они явно обрадовались ее приходу и с благодарностью приняли ее признательность и невысказанные похвалы. Привыкшие к тому, что все их боятся и отвергают, они, как дети, жаждали любви и одобрения.

— Как последовательница идей Юнга я, конечно, много знала об архетипических мирах и мифологических существах, но то, что я увидела их воочию, придало моим знаниям совершенно новое измерение. Мне было очень важно получить неоспоримое доказательство того, что мир архетипов действительно существует, представляет собой онтологическую реальность.

— Очевидно, наши переживания очень индивидуальны и отражают личные интересы каждого, — вступила в разговор Соко. — В моем не было никаких мифологических измерений, оно было почти полностью ограничено миром биологии. Я совершенно по-новому увидела разные виды живого. Ощущения были очень яркими, и мне не хватит времени, чтобы рассказать обо всем, что произошло.

— Может, ты приведешь нам хотя бы пару примеров? — попросила Лора, вспомнив о своем переживании с Баламом Ахау.

Соко согласилась и очень красочно поведала о том, как была гусеницей, пережившей превращение в бабочку: как плела кокон, как ее тело полностью растворилось и стало жидким, как эта жидкость затвердела и превратилась в бабочку и как она появилась на свет. В другой раз Соко явственно ощущала себя плотоядным растением, Венериной мухоловкой, переваривающей муху. Все детали этого переживания были абсолютно подлинными и достоверными, вплоть до того, что Соко чувствовала вкус проглоченных гусеницей листьев и мухи, растворяющейся в пищеварительном соке растения.

— А были в твоём переживании какие-нибудь высшие организмы: птицы или млекопитающие? — поинтересовался Роберт, вспоминая собственное захватывающее переживание в Болинасе, когда полное слияние с китами и дельфинами заставило его отказаться от дальнейших опытов на животных.

— Конечно, были, — подтвердила Соко. — Самым впечатляющим было чрезвычайно убедительное тождество с беременной самкой кита, рожаящей детеныша. Я до сих пор помню все ощущения, сопутствовавшие родам. Они были не человеческими, а явно китовыми. Это было поразительно, просто невероятно!

— А мое переживание во многом продолжало то внутреннее странствие, которое я предпринял в Колумбии, только на более высоком уровне, — заметил Крис. — Передо мной вставали видения невообразимых разрушений, апокалипсические картины конца света. Нет слов, чтобы описать масштаб запустения, которое я увидел, и ужаса, который испытал. На какой-то миг я решил, что кто-то нажал на кнопку и началась ядерная война. Но, к счастью, на этот раз я смог перенести увиденное вглубь и различить внутреннее и внешнее. Я понял, что переживание развивается в мифологическом мире. Это был архетип Апокалипсиса, а не картины материального мира.

— Ты упомянул, что это было продолжение твоего колумбийского переживания. В чем ты видишь связь между ощущением тождества с Христом и видением Апокалипсиса? — удивилась Лора.

— Когда я стал Христом и пережил собственную смерть на кресте и последующее возрождение, то понял, что я не материальное тело, а дух, — объяснил Крис. — А картины Апокалипсиса показали мне, что мир, в котором мы живем, это не материальный мир, как мы привыкли думать, а божественный, игра космического сознания. Царство Божье здесь, но люди не видят его. Мы должны пережить глубокое внутреннее преображение, чтобы узреть истинную природу реальности. Если что и разрушилось во время моего переживания Апокалипсиса, так это моя вера в реальность материального мира.

— Что дало тебе это переживание? — спросил Эд.

— Я пережил несколько важных прозрений, касающихся древних мистерий и всего, что связано со «смертью при жизни». Я понял, что переживание психодуховной смерти и возрождения — главная цель мистерий — освобождало посвящаемых от страха смерти. Оно в корне меняло их образ бытия в мире, помогая полнее жить в настоящем и радоваться жизни. Им удавалось преодолеть чувство отчужденности и обрести глубокую связь друг с другом и природой.

— Как жаль, что мы утратили эти обычаи! — сказал Майкл, с большим интересом слушавший рассказ Криса. — Технологическим обществам это пошло бы на пользу. Ведь всякий знает, что главные болезни современной эпохи — это отрицание смерти, страх собственной бренности, экзистенциальная тоска и глубокое чувство отчужденности друг от друга и от природы.

— Когда ты упомянул об отчуждении от природы, я вспомнила, что забыла рассказать нечто совершенно поразительное, — перебила Майкла Соко.

И стала рассказывать о том, что благодаря своей профессии всегда отличалась более острым экологическим восприятием, чем обычные люди. Но вчерашнее переживание глубокого тождества с разными биологическими видами вызвало у нее почти воинственное стремление защищать жизнь на планете. Оно переросло в решимость, которая живет в каждой клетке ее тела.

— Теперь я знаю, что это такое — быть рыбой в Эльбе и плавать в ядовитых отходах немецкой промышленности или тюленем на тихоокеанском побережье Соединенных Штатов, загаженном разливами нефти с буровых платформ, — говорила Соко. Ее лицо непроизвольно исказилось гримасой отвращения, по телу пробежала дрожь. — Знаю, что мы тесно связаны со всем живым и то, что мы делаем с природой, сказывается на нас самих.

Тут к беседе присоединился Мэт:

— Меня занимает вопрос, где могут храниться все эти переживания. Они явно не записаны в мозгу. Со мной произошло нечто ошеломляющее! Некоторые цепочки событий были филогенетическими по своей природе, в них участвовали наши предки-животные, населявшие Землю до появления хомо сапиенс. Я пережил тождество с некоторыми живыми организмами, которые вообще не имеют центральной нервной системы. А в довершение ко всему я наблюдал геофизические процессы до зарождения жизни на Земле и даже астрономические процессы, предшествовавшие образованию Солнечной системы.

— Что же дали тебе эти наблюдения? К какому выводу ты пришел? — спросил Роберт. — Эти вопросы преследуют меня с тех самых пор, как я пережил первый опыт с черепом. Все, что я, как мне казалось, знал о мозге и сознании, внезапно испарилось. Представь, насколько болезненно это было для ученого, посвятившего жизнь исследованию мозга!

— В свете этих переживаний и наблюдений все, что говорят в наших университетах о природе реальности, о сознании и мозге, — всего лишь сказки, не имеющие никакого отношения к реальности, — заявил Мэт. — Например, истории о том, что вселенная возникла сама по себе, без участия созидательного разума, или выдумка о том, что жизнь сама зародилась из влаги первобытного океана в результате случайного танца атомов и молекул.

— Есть и много других научных сказок, — добавила Соко. — Одна из них — теория Дарвина, объясняющая эволюцию видов просто случайной мутацией и выживанием сильнейших, без всякой направляющей роли творческого разума! Но самая невероятная из них — это странное утверждение, будто сознание есть продукт материи и что оно возникло каким-то непостижимым образом в результате сложных нейрофизиологических процессов в мозгу!

— Так ты пришел к какому-нибудь выводу о том, где могут храниться эти воспоминания? — повторил свой вопрос Роберт, решив не давать Мэту отклоняться от темы, казавшейся ему жизненно важной.

— Я знаю одну теорию, которая близка к тому, чтобы дать некоторые ответы на этот вопрос, — ответил Мэт. — Но она настолько невероятна и запредельна, что я никогда не воспринимал ее всерьез.

— Что же это за теория? Выкладывай, не томи! — настаивал Роберт, чье любопытство достигло предела.

— Около пятидесяти лет назад венгерский ученый Эрвин Ласло предпринял серьезную попытку сформулировать науку, объединяющую материю, жизнь и мозг, — объяснил Мэт. — Важной частью его теории был принцип самомодулирующегося субквантового вакуумного поля, которое он назвал пси-полем. Ласло рассматривал это поле как голографическую среду, которая кодирует на века все события, происходящие в пространстве—времени. Чтобы подробно

изложить его идеи, необходимо углубиться в теорию, говорить об уравнениях Шредингера, преобразованиях Фурье, гиперпространстве Вилера, о солитонах и скалярных волнах и многих других специальных вопросах. Но ты хотел получить ответ, Роберт, и я его дал, как сумел. Если вас это заинтересовало, можно копнуть глубже.

— Если я правильно тебя понял, — продолжал Роберт, — Ласло считал, будто можно научно определить среду, способную голографически кодировать все, что когда-либо происходило в материальном мире. Это означает, что информация обо всех пространственно-временных событиях может быть извлечена из любого места в материальной Вселенной?

— Совершенно верно, — подтвердил Мэт.

— А сознание, где же оно вступает в действие? — настаивал Роберт. — Ведь именно сознание обладает способностью извлекать эту информацию, разве не так?

— Боюсь, если мы будем продолжать в том же духе, все остальные разбегутся, — запротестовал Мэт. — Я с удовольствием вернусь к этой теме, но в другой раз — с тобой и любым, кого она заинтересует. А сейчас скажу только, что Ласло рассматривал пси-поле как разновидность разума, некую обобщенную «психику», действующую в природе и в космосе. Если взять мозг и сознание, то, согласно его теории, пси-поле отвечает за связь между мозгами людей, а также между мозгом и окружающей средой.

— Раз уж мы заговорили о психике, давайте послушаем, что скажет специалист, — вставил Эд, указывая на Лео.

— Если я и считал себя специалистом в вопросах человеческой психики, то после пребывания в Доме Чинтамани это мнение, конечно же, в корне изменилось, — сказал Лео. — Такое ощущение, будто я потерял почву под ногами. Я больше не знаю, во что верить, и убежден, что понадобятся недели, а может, и месяцы, чтобы сжиться со случившимся. Мне, действительно, необходимо время.

— Да ладно тебе, Лео, — сказал Роберт. — Уверен, что, несмотря на ранний час, ты способен на большее!

— А я уверен только в одном, — ответил Лео. — У меня нет сомнений, что в современной психиатрии понимание того, что мы называем психотическим состоянием, просто смехотворно. Сама мысль, будто сложная система образов архетипического мира или широкий круг кармических явлений может быть продуктом каких-то особых патологических процессов, влияющих на мозг, настолько абсурдна, что мне не верится, как я мог воспринимать ее всерьез. Думаю, Юнг был прав, когда полагал, что психика имеет космическую природу и что наши индивидуальные души просто взяты из бесконечно большого космического чрева, *анима мунди*. Уверен, что многие переживания наших пациентов представляют собой сверхъестественное восприятие действительности, а не патологические явления.

— То, чем могу с вами поделиться я, тесно связано с тем, о чем говорил Лео, — присоединилась к беседе Таня. — Думаю, для вас не будет неожиданностью то, что это имеет некоторое отношение к шаманизму. Карьера многих шаманов начинается с того, что антропологи называют «шаманской болезнью». Ее-то я перенесла в своем переживании. Это было мистическое путешествие в нижний мир, только он не был дружелюбным, как тот, о котором рассказала нам Изабель. Мне пришлось перенести нападения злых духов, мучительные испытания, смерть и расчленение — все то, о чем можно услышать в фольклоре сибирских шаманов. А потом — изумительное переживание возрождения и волшебный полет в солнечный мир на гигантском орле.

— Ты сказала, что твое переживание связано с рассказом Лео. В чем же ты видишь эту связь? — спросила Лора.

— И психиатры, и антропологи рассматривают шаманский кризис как приступ душевного

заболевания и спорят лишь о том, какой диагноз больше подходит для шаманов: шизофрения, циркулярный психоз, тяжелая форма истерии или, может быть, эпилепсия. На самом же деле шаманы-новички обычно получают от подобных переживаний большую пользу. Эти приступы часто приводят к эмоциональному, психосоматическому и даже физическому исцелению. К тому же, пройдя такой кризис, человек занимает в обществе более высокую ступень — целителя, провидца и жреца. Эти переживания, которые современные психиатры считают патологическими, на самом деле являются мощным средством исцеления и преобразования.

— Ты абсолютно права, Таня, — согласился Лео. — Я уже вижу, что это могло бы в корне изменить подход к психотическим расстройствам.

— Все вы поведали такие красочные истории — яркие, содержательные, героические, — начал свой рассказ Майкл. — Моя же получилась совершенно абстрактной, так что ее не выразишь словами. Наверное, жабий эликсир, который Роберт сварил для меня, получился слишком крепким, — пошутил он. — Так или иначе, на несколько мгновений моей единственной реальностью стал ярчайший источник Света, Сознания и Разума — если хотите, Бог. Совершенно запредельный пространству, времени, феноменальному миру, нечто вроде дхармакаи, изначального Ясного Света из «Тибетской книги мертвых». Ничего общего с рождением, смертью, прошлыми жизнями или архетипами!

— И только!? Всего-то и случилось, что ты узрел Бога? Да, не повезло тебе! — с притворным сочувствием произнесла Лора. Ей нравилось поддразнивать Майкла.

— Ты отлично понимаешь, что я имею в виду, Лора, — махнул рукой Майкл в ответ на ироническое замечание девушки. — Это было грандиозно, и я не жалею. Но ты же знаешь, что моя страсть — мифология и религия, поэтому я надеялся глубже заглянуть в тайны смерти и перерождения, встретить каких-нибудь невиданных божеств или что-то еще в этом роде. Я ожидал чего-нибудь похожего на переживание Криса, но этого не произошло. Был только Абсолют, суть всего бытия. Как будто ничего другого никогда и не было.

Тут к беседе присоединился Эд:

— Я единственный, от кого вы еще ничего не слышали, — сказал он. — Но если я стану описывать свое переживание, то повторю многое из того, что уже сказали другие. Лучше я попробую кратко изложить свои впечатления о том, что мы уже узнали. Наше исследование только начинается. Я дважды пережил необычное состояние сознания и выслушал ваши истории. Тем не менее мне ясно, что пережитое нами бросает серьезный вызов тому мировоззрению, которое мы все усвоили благодаря своей принадлежности к индустриальной цивилизации и научному сообществу.

Эд переживал сильнейший внутренний конфликт. То, что он собирался сейчас высказать, должно было разрушить идеалы, в которые он верил всю свою сознательную жизнь. Выбросить их на свалку, как ветхое, старомодное, изъеденное молью пальто. Тем не менее, это трезвый поступок, который принесет обновление и освобождение. Эд ощущал себя калекой, который, попав в Лурд, только что пережил чудесное исцеление и готов отшвырнуть костыли. Он огляделся и, чувствуя эмоциональную поддержку группы, произнес то, что сам в шутку назвал «исповедью выздоравливающего материалиста-мониста».

После того что Эд пережил сам и узнал из переживаний других, ему с трудом верилось, что человеческое сознание является продуктом мозга. Теперь он видел, что это начало, которое пронизывает все сущее. Он признался друзьям, что ему уже трудно считать Вселенную просто механической системой, огромной ньютоновской супермашиной. Очевидно, что она является творением Высшего космического разума. Пережитое в особых состояниях сознания убедило его, что границы, которые мы ощущаем в повседневной жизни, условны и преодолимы. Душа каждого из нас по своей глубинной природе тождественна всему сущему.

— Очень логичный и верный вывод, — согласился Роберт. — Что меня поистине удивляет, так это то, что передовая наука не открыла этого давным-давно. Ведь не в первый же раз люди испытывают или изучают особые состояния сознания.

Но потом он осознал, что сказал, и рассмеялся:

— И это говорю я? Ведь я и сам был одним из представителей передовой науки! И, конечно же, не обращал никакого внимания на слова парапсихологов, танатологов, исследователей психоделиков и многих других ученых, которые пытались сказать нам, что наши теории нуждаются в коренном пересмотре.

— Видимо, чтобы поверить им, нужно было пройти через все это самому, — сказал Лео. — Только так можно принять идеи, которые кажутся странными и неправдоподобными.

— Мне бы хотелось кое-что добавить к твоему выводу, Эд, — вставила Соко. — Это кажется мне крайне важным, поэтому хочу подчеркнуть особо. Уверена, что современное человечество платит огромную цену за то, что игнорирует особые состояния сознания, вроде тех, которые пережили мы с вами, и объявляет их патологией. Это просто не укладывается в голове — мы скорее уничтожим себя и всю жизнь на планете, чем воспользуемся мощными исцеляющими возможностями, которые предлагают эти состояния! Пора понять, что нас может спасти только глубокое внутреннее преобразование.

— Встреча прошла отлично, и я надеюсь, что мы продолжим совместные исследования. — Роберт решил закругляться, понимая, что гостям нужно собираться в путь, чтобы добраться до Сан-Франциско не слишком поздно. — Но прежде чем попрощаться, хочу сделать одно важное объявление, — сообщил он с сияющим лицом.

Выдержав многозначительную паузу, Роберт обратился к Эду и Изабель:

— Лора рассказала вам о нашем общем эксперименте, но упустила важную деталь. Мы еще раньше полюбили друг друга, но это переживание подняло наши отношения на совершенно новый уровень. Перед Богом мы уже считаем себя мужем и женой, но нам хотелось бы дополнить эти отношения обычной земной свадьбой. Я безмерно люблю и уважаю Лору и обещаю заботиться о ней. Прошу у вас обоих благословения.

Эд и Изабель были взволнованы, но не удивлены. Они уже заметили, что Лору и Роберта связывает глубокое чувство, и одобряли выбор дочери. В ответ на слова Роберта они обняли и расцеловали обоих. Все принялись наперебой поздравлять жениха и невесту. Заседание «Круга мудрецов» завершилось всеобщим ликованием.

Неужели Земля — голодром?

После свадьбы Лора переехала в дом Роберта в Стинсон-Бич. С тех пор как Роберт ушел из НИПИСа, они почти все время проводили вместе и редко расставались. Сегодняшний день был одним из таких редких исключений. Лора была дома одна и ожидала Роберта, который уехал в центр Сан-Франциско на встречу со старым другом. Хотя мужа не было всего несколько часов, Лора уже соскучилась и не могла дождаться, когда же он, наконец, вернется. Без него просторный дом казался странно холодным и пустым.

Уютно устроившись на большой квадратной кушетке, заваленной яркими подушками всех цветов и размеров, Лора любовалась изумительным закатом над Тихим океаном и смотрела вечерние новости... Они с Робертом любили этот уголок и называли его своим гнездышком... Рядом на маленьком столике стояла оправленная в серебро тыква-горлянка с парагвайским чаем мате. Его ввела в обиход семейства Паркеров Изабель, и у них образовался своеобразный чайный ритуал, совершаемый с той же серьезностью, с какой проводят свои чайные церемонии японцы. Лора неторопливо потягивала мате через *бомбилью*, трубочку, заканчивающуюся очень тонким ситечком, которое задерживает чаинки, не давая им попадать в рот.

Лора не раз клялась себе не смотреть новости, но любопытство и жажда информации всегда брали верх. Сегодня новости угнетали и наводили тоску еще больше, чем обычно. Безумная биржевая лихорадка во всемирной киберсети, где крутились астрономические суммы, полученные в результате спекуляций и оторванные от реальных сделок, сделала мировую экономику чрезвычайно уязвимой для кризиса. Недавняя волна паники, вызванная массовой и повсеместной продажей акций, породила хаос в мире бизнеса. Специалисты прозвали эти дьявольские волны, непредсказуемые и неведь где возникающие, виртуальным цунами. Несколько международных банков потерпели крах, не обладая достаточным капиталом, чтобы выдержать этот шквал.

Из сферы большого бизнеса бедствие стремительно перекинулось на обычных людей. В одночасье миллионы семей по всему миру потеряли все свое имущество, пополнив ряды бездомных и безработных, численность которых росла с катастрофической скоростью. Логическим итогом такой экономической катастрофы был рост насилия и беззакония. Еще более тревожными были сообщения о дальнейшем глобальном потеплении и стремительно растущей напряженности между Соединенными Штатами и Китаем. Лора была поражена, услышав о природе этих новых проблем и о том, какой масштаб они приобрели.

«В течение этого столетия все мы узнали о быстром подъеме уровня моря, вызванном повышением температуры морской воды и таянием полярных льдов, — вещал комментатор. — Недавно общий подъем мирового океана превысил один метр. Мы наблюдаем критическое отступление береговой линии и затопление низин, повышение полосы прилива и повсеместное засоление прибрежных запасов пресной воды. Многие густонаселенные береговые районы серьезно пострадали, десятки миллионов людей вынуждены переселяться в глубь суши.

Быстро сменяя друг друга, промелькнули виды затопленных районов Австралии, Египта, Бангладеш и Малайзии. Затем возникла картина плавающих в океане огромных глыб льда, и комментатор продолжал:

«Сегодня эта катастрофическая ситуация еще более усугубилась. В западной Антарктиде от ледяного массива откололся гигантский айсберг величиной со штат Вермонт и в окружении множества более мелких ледяных гор начал разгуливать по океану. Прогнозы обещают самые катастрофические последствия: разрушение целых побережий, опустошение мелких островов и

землетрясения, вызванные высвобождением тектонических сил и давлений при выбросе огромных масс льда на материки. Возникшая ситуация представляет серьезную угрозу для морского транспорта. Здесь нельзя не вспомнить о трагедии «Титаника»».

На экране появилось изображение явно взволнованного и бурно жестикулирующего Шень Пу-Хая, министра обороны Китая. Содержание его темпераментной речи синхронно переводилось на английский язык:

«Специальный комитет, созданный китайским правительством, подготовил окончательное заключение, касающееся длинной череды катастроф, произошедших в нашей стране, причем некоторые из них затронули ядерные установки, — тоном, не сулящим ничего хорошего, произнес китайский лидер. — Расследования недвусмысленно показали, что все эти трагические события, которые капиталистическая пресса пыталась представить как несчастные случаи, в том числе и катастрофа на архипелаге Чжоушань, на самом деле были террористическими и диверсионными актами, тайно вдохновленными и осуществленными Соединенными Штатами и их лакеем Японией.

Экстренное заседание китайского правительства, которое состоится в Пекине через неделю, определит нашу реакцию на эти возмутительные проявления враждебности, унесшие несметное количество человеческих жизней. Уже многие десятилетия капиталистический мир старается задуть и раздавить наше коммунистическое общество. Этому пора положить конец! Мы больше не позволим капиталистам лишать наш народ воздуха. Их цепкие пальцы будут сброшены с горла Китайской Народной Республики. Миллионы китайских солдат готовы выступить в едином порыве и нанести смертельный удар по преступникам-империалистам!»

В заключительной части своей гневной обличительной речи Шень Пу-хай недвусмысленно пригрозил Соединенным Штатам войной:

«США пора очнуться от иллюзии своего превосходства и технического первенства и узнать силу и мощь нашего народа, нашей великой страны, — бушевал он. — Мы не хотим войны, но и не боимся ядерной конфронтации, если она окажется неизбежной!»

Слушая устрашающую речь Шень Пу-Хая, Лора вдруг почувствовала, что теряет ощущение реальности. Она ощущала слабость, головокружение, глаза застилал туман. Комната стала напоминать плохую телевизионную картинку: все линии искривились и заплясали в диком танце. Потом все вокруг внезапно исчезло, и Лора мгновенно перенеслась в совершенно другой мир. То, что с ней происходило, никак не походило на ее обычную жизнь. Она была девушкой лет двадцати и лежала в прозрачной капсуле. Голову плотно охватывал большой шлем, присоединенный к сложной системе проводов. Искажения, создаваемые кривизной контейнера и свойствами материала, из которого он был изготовлен, не позволяли четко видеть окружающее пространство. Тем не менее Лора знала, что находится в огромном зале, стены которого покрывали сложные устройства и приборы в виде странных космических символов. Все они имели совершенно определенный смысл, и Лора почувствовала, что понимает их значение. Она интуитивно ощущала присутствие сверстников и знала, что все они вместе участвуют в каком-то важном ритуале. Потом ее сознание вышло за стены зала, и в воображении она увидела огромную статую мифической птицы, возвышающуюся над полем, где стояло несколько космических аппаратов, формой напоминающих чечевицу. Тело птицы и ее распростертые крылья ярко горели в лучах солнца.

Лора ощущала себя частью утопической цивилизации, где народы живут в согласии друг с другом и природой. Она интуитивно знала, что это общество владеет невероятной техникой, покорившей гравитацию, подчинившей энергию северного сияния, преодолевшей границы пространства и времени. В этом мире летающие тарелки были обычным средством передвижения, а не кораблями космических пришельцев или галлюцинациями душевнобольных.

Эта фантастическая техника целиком служила миру и благосостоянию народа, составляющего эту благословенную цивилизацию. О насилии и войнах тут знали только из исторических книг и произведений искусства. Это был рай наяву, место, куда она всегда стремилась всей душой, исполнение давней мечты. Лора чувствовала, что это ее дом.

К ее глубокому разочарованию, через несколько секунд эта странная реальность исчезла так же внезапно, как появилась, и она снова очутилась в своем доме в Стинсон-Бич. Хотя все, казалось бы, вошло в норму, Лора чувствовала, что ей потребуется время, чтобы оправиться от этого невероятного переживания. Она выключила новости, села, скрестив ноги в позе лотоса, и закрыла глаза. После получасовой медитации Лора впала в глубокий транс. Когда приезд Роберта вывел ее из медитации, она уже достаточно расслабилась и вернулась на землю, но так и не получила никаких прозрений, помогающих понять, что с ней произошло.

Лора встала и приветствовала Роберта объятием и поцелуем.

— Как хорошо, что ты, наконец, дома, — сказала она, не выпуская его из объятий. — Со мной произошло нечто очень странное, и я до сих пор не могу понять, что это было. Я смотрела новости, и совершенно внезапно меня выбросило в другую реальность, в другой мир. Само по себе переживание было интересным, только я не представляю, откуда оно пришло и что означает. Я все еще теряюсь в догадках.

— Лора, в это невозможно поверить! — изумился Роберт. — С полчаса назад у меня тоже было чрезвычайно странное переживание. Началось как гром среди ясного неба, без всякого предупреждения. На несколько секунд я полностью выпал из реальности. К счастью, когда это случилось, я был еще на Прибрежной трассе в Милл-Вэлли и машина управлялась автоматически. Я как раз подъезжал к тому месту, где обычно начинаю вести машину сам. Будь я за рулем, непременно попал бы в аварию. Я был так потрясен, что всю оставшуюся дорогу проехал на автоводителе.

Роберт изложил Лоре все, что ему привиделось, до мельчайших деталей. К ее изумлению, его воспоминания почти полностью повторяли то, что пережила она сама... Роберт описал тот же самый интерьер зала, украшенного космическими символами, круг полупрозрачных саркофагов и тот же пейзаж за стенами здания. Как и Лора, Роберт почувствовал себя членом идеальной утопической цивилизации. Лора несколько раз перебивала рассказ Роберта и заканчивала за него многие предложения или дополняла его описания конкретными деталями.

— Роберт, это удивительно, просто невероятно! — изумлялась она. — Я знаю, что в последнее время мы настроены на одну волну и несколько раз между нами возникала связь, напоминающая телепатическую. Но то, что случилось сегодня, гораздо глубже. В одно и то же время у нас было абсолютно одинаковое сложное переживание. Это уже слишком! Что происходит?

— Если бы я знал! Можно попытаться выяснить это, обсудив между собой все, что придет в голову. Если через несколько дней мы не придем ни к какому выводу, то расскажем об этом друзьям на следующей встрече «Круга мудрецов», — предложил Роберт.

* * *

Роберт открыл встречу в своем доме в Биг-Суре рассказом о том, что пережили они с Лорой на прошлой неделе. Он отметил необычное содержание переживаний и их удивительную синхронизацию. Слушая рассказ Роберта, Крис чувствовал все большее изумление и волнение. Наконец, не в силах больше сдерживать возбуждение, он выпалил:

— Ты сказал, что это случилось с тобой и Лорой одновременно, но в разных местах? Какой это был день и час?

— Прошлый вторник, примерно семь двадцать пять вечера. А что? — спросил Роберт.

— А то, что со мной произошло то же самое, причем примерно в то же время! Я обедал со своей подругой Кэти в кафе «Ларк Крик». Когда это случилось, я подносил ко рту бокал вина. Кэти сказала, что я неожиданно замер, не закончив движения, выронил бокал и секунд десять сидел, как зомби, с тупым видом и остекленевшими глазами. Когда я вернулся в обычную реальность, разбитый бокал лежал на полу, а вино пролилось на стол и мне на колени. К счастью, это было белое «Шардоне».

— Что еще заметила Кэти? — спросила Лора. — Ты единственный из нас троих, у кого был свидетель.

— Я как раз собирался об этом рассказать! Она думала, что со мной случился легкий эпилептический припадок, пока я не сказал ей, что у меня было совершенно особое переживание и я его отлично помню, — пояснил Крис. — Оно полностью совпало с тем, о чем вы рассказали несколько минут назад. К сожалению, я не посмотрел на часы, но знаю, что было около половины восьмого. Нужно спросить Кэти, обратила ли она внимание на время.

Роберт был поражен. Три человека из группы испытали одно и то же переживание в одно время, но в трех разных местах! Вероятность того, что это случайное стечение обстоятельств, так ничтожно мала, что ее не стоит принимать всерьез. Должен быть какой-то общий знаменатель, некая общая причина. Наверняка во всем этом скрыт какой-то более глубокий смысл! И если это испытали трое из их маленькой группы, может быть, есть и другие? Что это — эпидемия или явление, которое имеет отношение к работе, которой они занимаются?

— Скорее всего, мы все испытали это одновременно, — сказал он Крису. — А если и была разница в несколько минут, от этого происшествие не становится менее загадочным. Все это абсолютно невероятно! Я не знаю, что думать и даже с чего начать. У кого-нибудь есть идеи?

— Для меня это переживание было умопомрачительным и из ряда вон выходящим, даже когда я думал, что пережил его один, — начал обсуждение Крис. — Но сразу трое, причем одновременно?! Дайте мне прийти в себя. Мы явно столкнулись с очень странным, и даже пугающим, явлением. Вряд ли можно рассчитывать на простые и здравые логические объяснения.

— А у тебя вообще есть какие-нибудь объяснения, здравые или не здравые, — явно озадаченно спросил Лео. Эта поразительная синхронизация нанесла еще один удар по системе представлений, усвоенной им еще в те времена, когда он был студентом-медиком.

— Мы столкнулись с чем-то таким, что разрушает наши коренные представления о реальности, — ответил Крис. — Ясно, что, какие бы объяснения мы ни выдвигали, все они будут весьма нетрадиционными. Вот вам одна дикая идея для затравки!

Это его замечание привлекло внимание собравшихся и вызвало всеобщее любопытство. Все глаза устремились на Крису, и в комнате стало непривычно тихо.

— У многих из нас были переживания, в которые входили воспоминания из коллективного бессознательного, из прошлого человечества. Из того мимолетного видения, когда я ощущал себя частью передовой цивилизации, мне запомнилось, что в их культуре передовые технологии сочетаются с высокой духовностью. К примеру, их энергетическая установка одновременно является производением высокого искусства. Я отчетливо помню, что огромный солнечный коллектор имел облик восстающего из пепла Феникса. И еще у меня было ощущение, что рядом находится посадочная площадка для космических аппаратов, похожих на летающие тарелки.

— К чему ты клонишь? — удивился Эд. — Какое отношение все это имеет к прошлому человечества и коллективному бессознательному?

К всеобщему удивлению, Крис обратился к истории Атлантиды, легендарного затонувшего континента, которому на протяжении веков уделяли много внимания как ученые, так и приверженцы оккультных наук. Он согласился, что с тех пор, как Платон впервые описал ее в своих диалогах «Тимей» и «Критий», эта тема вызвала множество противоречивых мнений. Но потом привел впечатляющие факты из разных областей знания, которые дают основание считать, что Атлантида — нечто более реальное, чем миф или легенда. Крис подчеркнул, что все источники сходятся в одном: обитатели Атлантиды стояли на очень высоком уровне развития, и не только духовном, но и техническом. В заключение он высказал предположение, что их общее видение могло быть воспоминанием об Атлантиде, пришедшем из коллективного бессознательного, — возможно, отголоском особых состояний сознания, пережитых в Доме Чинтамани.

Роберт, очень внимательно следивший за доводами Криса, несколько раз за время его рассказа отрицательно качал головой.

— Цивилизация, с которой я соприкоснулся за несколько секунд своего переживания, владеет техникой, которая не могла существовать в отдаленном прошлом, а потом исчезнуть, не оставив никакого следа. Я говорю об антигравитационных летательных аппаратах, привычных путешествиях в пространстве-времени, молекулярной телепортации и других подобных вещах, — возразил он..

— Целиком согласен с тобой, Роберт, — поддержал его Мэт. — К тому же этим было бы трудно объяснить, почему трое из вас испытали одинаковое переживание в одно и то же время. У разных людей особые состояния сознания проявляются очень по-разному — вспомните хотя бы о тех, которые мы уже здесь обсуждали!

— Не всегда, — вставила Лора. — Во время совместного эксперимента у нас с Робертом было много общих переживаний и реальностей. А что, Мэт, у тебя есть более удачная версия?

— Могу предложить свой сценарий! — ответил Мэт. — Только имейте в виду, что я помешан на компьютерах, обожаю виртуальную реальность и научную фантастику. Мое объяснение — такое невероятное, что версия об Атлантиде меркнет в сравнении с ним. Из ваших рассказов следует, что все вы соприкоснулись с какой-то высокоразвитой цивилизацией, все находились в прозрачных контейнерах, а на головах у вас были мудреные шлемы. А что если это была репродуктивная установка, на которой это общество выращивает своих членов?

— Наверное, я не совсем поняла, — удивилась Изабель. Разве это что-нибудь объясняет?

— Пожалуйста, дайте мне договорить, — попросил Мэт. — Скоро вы поймете, что я имею в виду. Всем вам знакома виртуальная реальность. Даже сейчас наша примитивная техника позволяет создавать правдоподобные эмпирические миры на любой вкус. А визуальная реальность существует всего около полувека. Представьте себе развитую цивилизацию, которая несколько веков совершенствовалась и шлифовала этот процесс. Помню, я как-то читал книгу Станислава Лема, польского психиатра и писателя-фантаста. Она повествует о межпланетных путешествиях Йиона Тихого, вымышленного капитана космического корабля.

И Мэт вкратце пересказал эпизод из книги Лема, который произвел на него особо яркое впечатление. В одном из своих путешествий в другие миры капитан Тихий посещает лабораторию компьютерного гения, который разрабатывает электронный мозг, способный порождать осознанные переживания виртуальной реальности. Среди прочего изобретатель показывает капитану несколько больших металлических цилиндров, соединенных системой проводов. В одном из этих цилиндров хранится сознание девушки в тот период, когда она была влюблена и переживала первую половую близость, в другом — сознание физика, который вот-вот откроет закон гравитации для своей планеты.

— Там было еще несколько цилиндров, каждый из которых содержал переживания какого-

то виртуального мира, сейчас я уже не помню подробностей. Как вам понравится гипотеза, что наше обычное восприятие материального мира — продукт чрезвычайно сложного голодрома?

— До меня все еще не дошло, — призналась Изабель, — какая связь между голодромом, воссоздающим нашу действительность, и твоим внеземным инкубатором?

— Давайте предположим, что есть некая внеземная цивилизация, основанная на очень высоких этических принципах. Но ее члены осознают, что их организмы таят в себе некоторые атавистические черты. Это вызывает глубокую озабоченность по поводу инстинктивных побуждений, которые могут быть потенциально опасны и даже разрушительны для общества в целом, — объяснил Мэт. — Возможно, в истории этой цивилизации произошел кризис, похожий на тот, который мы переживаем сейчас. Чтобы не допустить его повторения, эти люди решили подвергать своих будущих потомков сложной психодуховной проверке, прежде чем позволить им присоединиться к обществу.

— Кажется, я понял, куда ты клонишь, — сказал Роберт. — Тут-то и выходит на сцену твоя высокоразвитая виртуальная реальность, которая служит чем-то вроде испытательного полигона!

— Точно! Зародыши должны выбрать в виртуальном мире правильное поведение или правильные роли, сориентироваться на определенные ценности, найти нужное решение или что-нибудь еще в этом роде. В противном случае их либо уничтожают, либо подвергают какому-нибудь лечению или перевоспитанию.

— Правильно ли я поняла тебя, Мэт? — спросила Лора. — Ты предполагаешь, что наша земля и вся наша Вселенная — не что иное, как голодром, виртуальный испытательный полигон, который отбраковывает потенциальное потомство для какого-то реального мира? То есть на самом деле мы — эмбрионы другой реальности, а то, что пережили мы трое, было мгновенным сбоем в работе какого-то суперкомпьютера, создающего наш мир?

— Ты правильно поняла, Лора, именно это я и хотел сказать. По этой версии наш мир — архисложная игра, в которой каждый должен показать, что его психодуховная природа имеет жизнеутверждающий настрой, что его способность к согласию и сотрудничеству сильнее, чем эгоистические и корыстные побуждения.

— Но участие в такой сложнейшей игре никак не под силу эмбрионам, — запротестовал Крис.

— Может быть, она не под силу эмбрионам, как их понимаем мы, но не их эмбрионам, — ответил Мэт. — К тому же у них может существовать совершенно другой метод размножения. Даже у нас, на нашем относительно примитивном уровне научного развития, есть существенные альтернативы физиологической беременности. Мы можем выращивать младенцев вне матки и значительно ускорять их развитие на стадии зародыша. А ускоренное клонирование человека превратилось в нашем обществе в привычную альтернативу.

— В твоей теории есть гораздо более серьезная нестыковка, — присоединилась к обсуждению Соко, — или, может быть, допущения, которые мне трудно принять. У меня не было такого смещения реальности, о котором рассказываете вы трое. Как его объяснить? Почему сбой компьютера, создающего наш мир, никак не повлиял на меня? Значит ли это, что в реальности меня не существует, что я просто часть виртуального кордебалета для вас троих, не связанная ни с каким живым существом? Это было бы забавно, если учесть, что я выбрала своей профессией биологию! Да и ты, Мэт, тоже не испытал такого переживания. Значит, ты аннулируешь сам себя, отрицаешь собственное существование!

— На какое-то время эта версия меня захватила, — признался Майкл, когда общий смех затих. — Я вспомнил о мистических традициях, считающих нашу земную жизнь просто учебным или испытательным полигоном, подготовкой к жизни на более высоком уровне. Усвоив здешние

уроки, мы переходим в другую реальность. Твоя гипотеза показалась мне интересной вариацией на данную тему в стиле хай-тек. Но получается, что для нашей ситуации она не подходит.

— Мне тоже твоя версия сначала показалась интересной, особенно когда ты упомянул возможность некоего внеземного источника, — добавил Роберт. — Ведь у всех нас троих и прежде были видения летающих тарелок.

Изабель напомнила ему, что встречи с летающими тарелками не обязательно предполагают внеземное вторжение, равно как не означают, что тот, кто их испытал, страдает психозом или другим душевным заболеванием. Она сослалась на Юнга, который в своей книге об НЛО представляет множество впечатляющих фактов, говорящих о том, что тарелки могут быть образами коллективного бессознательного, сравнимыми с другими архетипическими явлениями.

Лео добавил, что более полувека назад Элвин Лоусон сформулировал теорию, согласно которой переживания эпизодов, в котором человека похищают инопланетяне, являются символическим отображением его памяти о биологическом рождении.

— Похоже, несмотря на все рассмотренные варианты, ясности у нас нет. Мы почти не сдвинулись с места, — подытожил Эд. — И что же дальше? Есть еще какие-нибудь возможности, которых мы не учли?

Таня, уже давно проявлявшая признаки нетерпения, решила вступить в спор. Уж лучше пусть тайна останется неразгаданной, чем слушать, как разумные люди серьезно обсуждают версии, которые, на ее взгляд, нелепы и могут сойти только для какого-нибудь научно-фантастического романа.

— Если уж хотите услышать действительно невероятную теорию, что скажете о такой? — спросила она с лукавой улыбкой, решив довести ситуацию до абсурда и тем самым положить конец обсуждению. — Что если ваши переживания не имеют никакого отношения ни к Атлантиде, ни к цивилизации из другой галактики? Что если это общество, которое существует в далеком будущем? Если это видение будущего, значит, оба мира могут реально существовать и никто из нас не обречен быть бесплотным призраком, порождением некой машины. Конечно, это не объясняет, почему у троих из вас было переживание, а у остальных не было. Но вполне возможно, что у этой цивилизации из будущего были какие-то особые причины установить контакт с вами троими, а не с кем-то другим.

— Или это была простая случайность, за которой не скрывается никакой подспудной причины, — с улыбкой сказал Роберт. — Однажды я читал рассказ человека, которого в двадцатом веке похитил НЛО. Он спросил пришельцев, почему они выбрали для контакта именно его. А те ответили: «У вас горел свет».

— Вот вам еще одно объяснение, — полушутя сказал Майкл. — Может быть, ни один из этих миров не реален, включая и всех нас как отдельных личностей. Может быть, правы индуисты и реальны только Жизнь и Абсолютное Сознание. Все остальное — *лила*, божественная игра, созданная *майей*, силой космической иллюзии. Все, кроме Брахмана, — виртуальная реальность, как бы мы ее ни переживали — как прошлое, настоящее или будущее, земное, инопланетное или архетипическое. То, что с вами произошло, — просто игра сознания, следующая божественному космическому замыслу.

Большой побег

Последние три дня Роберт и Мэт провели за компьютером, не отрывая глаз от экрана. Они с головой ушли в работу, совершенно не замечая, что творится вокруг. Лоре не хватало общения с Робертом, но она поддерживала его во всем. У Роберта возник дерзкий план — освободить китов, дельфинов и обезьян бонобо, которых он использовал в НИПИСе в качестве подопытных животных. Но после его ухода служба безопасности защитила доступ к главному институтскому компьютеру новым паролем. Чтобы осуществить этот план, нужно было взломать пароль, но, несмотря на превосходное знание компьютера, эта задача оказалась Роберту не по зубам.

Тут-то и пригодился Мэт. Вламываться в хитро защищенные компьютеры, запускать и выслеживать вирусы — эти и многие другие проделки в киберпространстве были для него любимым развлечением и хобби начиная с семилетнего возраста. Он увлекался им, как другие увлекаются шахматами, кроссвордами и головоломками. Мэт пришел в восторг, когда Роберт пригласил его участвовать в своем рискованном проекте, напоминающем детскую игру в полицейских и воров. А уникальная возможность объединить знания Роберта с собственным компьютерным талантом делало игру еще более заманчивой. К тому же Мэт понимал, что Роберт задумал правое дело, за которым стоят благородные цели.

То, что люди из НИПИСа сочли необходимым защитить информацию в своем суперкомпьютере, говорило о том, что они опасаются возможных последствий внезапного преобразования Роберта. Взломать новый пароль оказалось гораздо труднее, чем предполагали Роберт с Мэтом. Со времени их первой попытки прошло больше тридцати часов, а они так и не получили ощутимых результатов. К счастью, Мэту удалось принять необходимые меры, чтобы поиски можно было продолжать, не опасаясь разоблачения.

Мэт перепробовал все имевшиеся в его арсенале приемы, объединив полученную от Роберта информацию о НИПИСе со своим огромным компьютерным опытом. Но цифровые бастионы НИПИСа оставались неприступными. Смеркалось, и над океаном загорались первые звезды, соперничая с блекнущими красками заката. Позади был долгий день напряженной работы, и Роберт начинал ощущать усталость и сонливость. Сосредотачиваться становилось все труднее, он то и дело клевал носом. И вот в этом сумеречном состоянии сознания перед ним стали возникать мимолетные видения. Внезапно он четко увидел сцену прощания с Генри Фабингом после обыска в Биг-Суре и услышал загадочные слова, которые тот произнес напоследок. Вся усталость исчезла как по мановению волшебной палочки.

— Мэт, попробуй слово кальвария! — воскликнул он.

— С чего бы это? Ты что, увидел во сне Иисуса? — спросил Мэт, заметивший, что Роберт то и дело засыпал.

— Не задавай вопросов, просто попробуй! Я потом все объясню! — нетерпеливо перебил его Роберт.

Поколебавшись немного, Мэт уступил.

— Глазам не верю, мы вошли! — недоверчиво сказал он, когда на экране появилась надпись: Доступ разрешен. — Счастливая догадка, если, конечно, это была догадка. Понятия не имею, в чем тут фокус, но это сработало!

Роберт же совсем не выглядел удивленным. Все вдруг обрело смысл. Он понял: Кальвария, Голгофа, или Лобное место, — это место, где распяли Иисуса, холм близ Иерусалима, который формой напоминал череп! А пароль сменили после появления хрустального черепа — смерти, несущей новое рождение! Какой отличный, значимый пароль! У Курта Беринджера или другого

человека, кто его придумал, воображение было развито куда больше, чем мог ожидать Роберт.

— Остальное не составит труда, — будничным тоном заметил Роберт.

Он был уверен: перекрыв доступ к главному компьютеру, служба безопасности сочла это достаточной мерой предосторожности и ничего больше не предприняла. К тому же он не думал, чтобы за такое короткое время успели изменить программы для всех животных. Единственным, кто имел для этого достаточно знаний и мог бы это сделать, был Крэйг Энрайт. Но он часто находился за границей с разными заданиями и обычно был слишком занят, чтобы взяться за такую большую работу.

Как и предполагал Роберт, больше никаких проблем не возникло. Похоже, его данные не претерпели изменений, так что ничто не мешало ему осуществить свой план. Работая со своими копиями НИПИСовских файлов, которые все это время были надежно спрятаны, Роберт заранее разработал детальную программу для китов. Теперь в файлы Моби Дик входили инструкции для трех оставшихся китов с имплантированными в мозг электродами и микрочипами. Они предписывали животным покинуть бассейн в Болинасе и, минуя Фарралоновы острова, направиться на запад, в открытый океан. Точно так же файлы Флиппер теперь содержали цифровые инструкции для семи находящихся в НИПИСе дельфинов. Они тоже должны покинуть бассейн и направиться в открытый океан, но в несколько ином направлении, чем киты.

Загрузив новые программы в главный компьютер НИПИСа, Роберт добавил команду, которая должна будет стереть все программы микрочипов, имплантированных в мозг китов и дельфинов. Команда вступит в действие через два часа после того, как киты и дельфины выйдут в море. Это даст гарантию, что в будущем животные будут недостижимы для компьютерного управления и их нельзя будет обнаружить в открытом океане и перепрограммировать. Роберт работал очень быстро и исключительно четко: нужно было свести до минимума риск, что их засекут, обнаружат и поймут с поличным. Мэт, компьютерный взломщик со стажем, наблюдал за Робертом с явным одобрением.

— Твоя взяла! — сказал он, видя сноровку и скорость, с которой действовал Роберт. — Из нас двоих получилась бы отличная шайка. Какой следующий проект? Так ведь можно и на хлеб заработать! — добавил он, смеясь.

Роберт не отвечал на шутки Мэта. Когда он работал, его способность целиком сосредоточиваться на деле, была поистине безграничной. Осталось последнее: найти программу, управляющую воротами, которые отделяют бассейны от океана. Роберт вывел из строя системы обратной связи и сигнализации, а затем велел компьютеру показать изображения с камер, следящих за бассейнами и океаном. Инфракрасные датчики показали три больших объекта и семь маленьких, похожих на торпеды, — они вышли из открытых ворот бассейнов и взяли курс на Фарралоны.

— Мэт, у меня к тебе еще одна просьба, — сказал Роберт, закончив операцию. — Я вывел из строя все системы обратной связи, но им не потребуется много времени, чтобы обнаружить пропажу. Думаю, у такого электронного мага, как ты, есть в запасе способ замести следы, чтобы они не привели ко мне. Разумеется, в НИПИСе поймут или, во всяком случае, сильно заподозрят, что без меня здесь не обошлось, но главное — не оставить никаких явных улик. Сможешь это сделать?

— У меня есть как раз то, что тебе надо, — с торжеством сказал Мэт. — Не найдется такой компьютерной гончей, которая сможет разнюхать, кто тут побывал! А если попытается, то сильно об этом пожалеет! Я посыплю наши следы самым жгучим кибер-перцем. Не беспокойся и положишься на меня.

Мэту понадобилось не больше десяти минут, чтобы проделать сложные манипуляции, способные сбить с толку всех потенциальных следопытов.

— Победа! — торжествующе воскликнул Роберт, крепко обнимая Мэта. — Наконец-то бедняги на свободе! Я был перед ними в долгу. Мысли об их печальной участи и о том, что в этом виноват я, не дали бы мне покоя ни днем, ни ночью. Не знаю, как тебя благодарить. Без тебя мне бы не справиться.

Мэт отмел все изъявления благодарности. Он наслаждался каждой минутой этого компьютерного поединка и не представлял занятия более увлекательного. Да и цель была на редкость благородная!

Лора была вне себя от радости, когда Роберт с Мэтом явились и рассказали, что их усилия увенчались успехом. Последние несколько дней она чувствовала себя одинокой и брошенной. Одаренная и очень любопытная, Лора с детства не любила бывать участницей интересных, захватывающих ситуаций, которые были выше ее понимания. И с годами такое отношение не изменилось. Она обладала вполне достаточной компьютерной грамотностью и каждый день пользовалась достижениями цифровой технологии, но уровень, на котором общались Мэт и Роберт, был для нее недостижим. Несколько раз она пыталась вникнуть в их работу, но быстро поняла свои пределы и оставила эту затею. Теперь она ликовала: они вернулись и можно снова нормально поговорить.

Во время позднего обеда Роберт поведал Мэту о заключительных минутах разговора с Генри Фабингом во время налета на Биг-Сур. Он рассказал, как Генри шепнул ему на ухо пароль, обеспечивший доступ в компьютер НИПИСа. Вспоминая о случившемся, Роберт осознал, что в этой истории было нечто такое, чего он не понимал. После связанного с черепом переживания Фабинг явно перешел на его сторону. Он совершенно недвусмысленно предложил свою помощь и поддержку. Но пароль... Неужели он предвидел, что Роберт захочет освободить животных, и назвал пароль, чтобы облегчить ему задачу? Или это было приглашение тайно наведаться в институт?

— Как вы думаете, зачем Генри дал мне пароль? Что было у него на уме? — спросил Роберт Мэта и Лору.

— А вдруг пароль поможет вернуть череп? — спросила Лора. — Ведь главный грех Фабинга в том, что он украл у тебя череп. Может, он чувствует вину и угрызения совести?

— Не уверен, что именно это было у него на уме, но идея блестящая! Лора, ты гений! — воскликнул Роберт. — Как же я не подумал об этом раньше?

— О чем ты не подумал? Нельзя ли поподробнее? — заинтересовался Мэт.

— Если череп все еще в кабинете у Фабинга, то, прежде чем освободить обезьян, можно послать их за черепом, — сказал Роберт. — Так мы сразу убьем двух зайцев!

— Как ты собираешься это сделать? — удивилась Лора.

— Можно направить их в кабинет Генри по вентиляционной системе, а потом вывести из здания, — объяснил Роберт. — Это не составит особого труда — ведь их дистанционное управление прекрасно отлажено.

Мэт был в восторге от идеи.

— Чего же мы ждем? Скорее за дело! — заторопил он друзей, радуясь, что увлекательное приключение еще не закончено.

Роберт с трудом уговорил Мэта подождать несколько часов. Если в НИПИСе обнаружили пропажу, все уже подняты по тревоге и несколько опытных специалистов занимаются компьютером, пытаясь выяснить, что произошло. В таком случае, прежде чем предпринять новую цифровую атаку, необходимо выждать, пока страсти утихнут. В курсе люди из НИПИСа или нет, все равно ближе к ночи обстановка будет спокойнее и безопаснее..

Мэт был разочарован и недовольно брюзжал:

— Черт, до чего ненавижу сидеть и ждать! У меня руки чешутся поскорее ринуться в бой!

Роберт тем временем думал о гигантском НИПИСовском компьютере. Сколько дьявольских программ хранится в этой ужасной машине — планы операций, вроде той, что отправила Левиафана в роковой путь. А какая масса черновой информации, в том числе и данные его

собственных исследований, которые можно использовать в будущем для создания новых чудовищных проектов! Операции, которые причинят невообразимые страдания. И тут Робертом овладела внезапная решимость: этим программам не бывать! Он понял, что не найдет душевного покоя, пока последний из гнусных файлов не будет стерт или безвозвратно испорчен. Мэт жаждет работы? Он ее получит!

— Есть у меня одно дельце, которое поможет тебе скоротать время, — сказал он Мэту. — Можешь изобрести какой-нибудь особо вредный вирус или у тебя уже есть какой-нибудь в запасе?

— Что ты задумал, Роберт? Уж не хочешь ли ты, чтобы я запустил вирус в главный компьютер НИПИСа? — недоверчиво спросил Мэт.

— Ты попал в точку, — подтвердил Роберт. — Можешь что-нибудь придумать? Я ведь знаю, когда-то ты увлекался компьютерными вирусами. Воспринимай это как услугу человечеству, поступок, который позволит тебе накопить хорошую карму, причем не на одну жизнь, — добавил он шутливо.

— Пожалуй, есть у меня на примете подходящий микроб, — сказал Мэт, постепенно осваиваясь с мыслью стать благородным разбойником во имя добрых целей.

— Вот видишь, я же говорил, что нашел тебе подходящую работенку! Уверен, выводя свою цифровую оспу, ты забудешь обо всем. Только постарайся придумать такую, которую их противовирусный фильтр не засечет и не вылечит.

— Если ты сравниваешь мой вирус с оспой, значит, не представляешь, о чем я говорю, — засмеялся Мэт. — Он куда больше похож на ВИЧ или вирус Эбола*!

* * *

Было уже за полночь, когда друзья возобновили свою подрывную работу. Они пошли в гараж и сели в «мерседес» Хантера. Роберт снял антенну, соединяющую машину со спутником. Мэт сел за руль и, не прибегая к услугам автоводителя, повел машину по извилистой дороге по направлению к Стинсон-Бич. Это было необходимо, чтобы сохранить поездку в тайне. Ведь в целях безопасности маршруты всех машин с кибер-управлением регистрировались в огромном центральном компьютере, после чего данные хранились в нем несколько недель. Друзья миновали Стинсон-Бич и нашли укромное место в придорожном лесу в конце бухты. Там Мэт остановил машину и выключил фары.

Роберт захватил с собой систему дистанционного управления обезьянами, которую сам сконструировал. Она состояла из портативного компьютера, беспроводного модема, микрофона для словесных команд и набора очков для восприятия зрительного изображения.

Компьютер был запрограммирован для перевода словесных команд в сложные сигналы, которые, воздействуя на микроэлектроды в центральной нервной системе обезьян, обеспечивали выполнение желаемых действий. Присоединенное к очкам оптическое устройство, используя принципы преобразований Фурье, переводило электрические сигналы, поступающие из подзатылочной части коры головного мозга обезьян, в зрительные образы. Роберт включил оборудование и проверил его работу. Удовлетворившись результатом, он произнес команды, необходимые для входа в главный компьютер НИПИСа и в файлы программы Кинг Конг. Теперь оставалось установить связь с Йодой и Кали, двумя бонобо, оставшимися в лаборатории НИПИСа, и, прибегнув к электронному управлению, открыть их клетки. Адресуя команды то одной обезьяне, то другой, Роберт подвел их к лабораторному шкафу и заставил забраться на

него. Потолок в лаборатории был низкий и состоял из перфорированных панелей, свободно лежащих на металлических балках. Йоде и Кали легко удалось их сдвинуть. Они залезли в пространство между панелями и потолком, а потом положили панель на место. Это открыло им доступ к сложному лабиринту вентиляционных каналов, соединяющих все помещения. Подчиняясь командам Роберта, они отправились на задание.

Роберт хорошо знал расположение институтских помещений. Диск с подробным планом НИПИСа, который он после ухода хранил в надежном месте, уцелел во время обыска. К тому же он представлял, где Фабинг может прятать череп и голограммы. Роберт следил за перемещениями обезьян и направлял их, время от времени сверяясь с планом здания, который вывел в маленьком окне на экране компьютера.

Когда бонобо дошли до комплекса, где обитал Генри Фабинг, Кали сняла потолочную панель в одной из комнат, потом спрыгнула вниз, на стол, а оттуда — на пол. Подчиняясь команде Роберта, она старательно обыскала все шкафы, но тщетно. Роберт понял, что Фабинг, должно быть, унес хрустальный череп из своего отдела или даже из института. Он был подавлен и разочарован. Роберт не мог знать, что Генри Фабинг забрал череп домой, потому что имел на него свои виды и разработал тайный план его использования.

— Его здесь нет, — обреченно сказал Роберт Мэту. В глубине души он по-прежнему чувствовал большую вину за потерю черепа и был бы счастлив вернуть его Лоре и Эду.

— А голограммы? — напомнил ему Мэт. — Ведь они действуют так же, как череп, а чтобы спрятать их, нужно гораздо меньше места. Смогут обезьяны их отыскать?

Роберт воспрянул духом и стал руководить Кали, которая принялась последовательно обыскивать все оставшиеся места, особенно ящики столов. На этот раз им повезло больше. Кали понадобилось не так уж много времени, чтобы найти в одном из ящиков коробку с надписью: «Голограммы хрустального черепа». Роберт приказал ей принести коробку к отверстию в потолке и отдать Йоде. Та помогла Кали забраться в вентиляционный канал и положить панель на место. Затем Роберт направил Йоду и Кали к ближайшей вертикальной шахте и вывел на крышу здания.

Дальше было достаточно простейших движений, которые за время пребывания в институте животные сумели отработать до автоматизма. Под руководством Роберта они спустились с крыши, легко соскользнув по водосточной трубе. Взбираясь вверх по шахте и спускаясь вниз по трубе, Йоде пользовалась только правой рукой, а левой крепко прижимала к себе коробку с голограммами. Под покровом темноты Роберт провел обезьян мимо датчиков системы наблюдения и направил к дальнему концу территории. Он помнил, что там есть подходящее дерево с горизонтальной веткой, нависающей над забором на безопасном расстоянии от проводов, по которым пропущен ток высокого напряжения.

После короткой пробежки обе бонобо добрались до дерева и вскарабкались по стволу до нижней ветки. Раскинув длинные руки для равновесия, они друг за другом дошли по ней до конца. Движение Йоды затрудняла коробка с голограммами, но и ей удалось пройти этот путь, лишь слегка пошатнувшись. Спрыгнув вниз на безопасном расстоянии от забора, обезьяны спрятались в придорожных кустах, терпеливо ожидая появления Роберта. Операция успешно завершилась, не оставив никаких следов вторжения, за исключением, конечно, опустевших клеток в лаборатории и исчезнувшего содержимого ящика, в котором Генри Фабинг хранил голограммы хрустального черепа.

Роберт и Мэт без труда нашли обезьян и посадили их на заднее сидение машины, нахлобучив им на головы старые шапки и обмотав шеи шарфами. Среди ночи их легко можно было принять за людей. Задерживаться у здания НИПИСа дольше, чем диктовала абсолютная необходимость, было неразумно. В столь позднее время поток движения, как обычно, почти иссяк, и ничто не говорило о том, что побег китов и дельфинов обнаружен. Тем не менее дело

было нешуточное, и Роберт с Мэтом, не желая рисковать, поспешно убрались.

В пути Роберт открыл коробку и обнаружил в ней две большие голограммы. Не было никаких причин сомневаться, что это голограммы хрустального черепа. Но, чтобы окончательно убедиться в этом, придется подождать, пока под рукой не будет лазерного светильника. Роберт терялся в догадках: почему им не удалось найти череп, что сделал с ним Генри? Он отдался полету фантазии, стараясь найти правдоподобный сюжет для следующей главы в истории черепа. Зная, что Генри и сам имел связанное с черепом переживание, Роберт чувствовал, что все должно закончиться благополучно. Он не сомневался: несмотря на некоторую неясность деталей, все идет по плану. Теперь Роберт, как и Лора, безоговорочно верил в то, что сказал Балам Ахау: череп сам найдет себе дорогу.

Мэтью вел машину через к Стинсон-Бич, мимо горы Тамалпэс, по направлению к Милл-Вэлли. Роберт вспомнил, что захватил для обезьян несколько бананов, чтобы вознаградить их за отлично выполненную работу. Кормя животных, он похлопывал и поглаживал их, чувствуя, как виноват перед ними. Он уже далеко ушел от своего прежнего «я», которое было способно проводить опыты на живых существах и превращать их в автоматы. Казалось, эта часть его работы осталась в другой жизни. К счастью, имплантированные детали настолько миниатюрны, что не будут беспокоить животных после уничтожения программ, навязавших им чужую волю.

Роберт еще острее ощущал свою вину оттого, что бонобо совершенно неагрессивны и на редкость добродушны, не то что их родственники шимпанзе, которые часто устраивают жестокие схватки, убивая и поедая своих же собратьев. Даже в поединке «генов эгоизма», которые, по теории Дарвина, являются движущими силами эволюции, эти обезьяны никогда не прибегают к насилию и используют для победы над соперниками сексуальную доблесть и способность вырабатывать большое количество спермы. Половая жизнь бонобо порой напоминает человеческую и не ограничивается периодом течки у женских особей. В отличие от других животных, эти обезьяны нередко спариваются в положении лицом к лицу, а во время акта заглядывают друг другу в глаза и сливаются в долгих поцелуях. Некоторые ученые даже высказывали глубокое сожаление, что генетически *хомо сапиенс* ближе к шимпанзе, чем к миролюбивым бонобо.

Через компьютер Роберт вызвал муниципальную службу такси.

«Говорят из Института для глухонемых в Сан-Рафаэле, бывшего Доминиканского колледжа, — сказал он. — Будьте добры, пришлите в два часа ночи машину для двух наших пациентов к главному административному корпусу. Они поедут по бульвару Слоут и сорок пятой улице к Зоопарку Флейшакер и воспользуются карточкой предоплаты.

Ехать через мост Золотые Ворота на своей машине было слишком рискованно, потому что проезд будет зафиксирован и чек пришлют на личный счет Роберта. Нельзя оставлять никаких следов операции, которые потом смогут использовать как улики. При подобных обстоятельствах вполне разумно воспользоваться институтом в Сан-Рафаэле как прикрытием. Время было рассчитано точно — едва они подъехали к административному корпусу и остановились у обочины, как прибыло такси.

Роберт открыл дверцу машины, вставив в прорезь карточку предоплаты, посадил Йоду и Кали на заднее сидение, и такси тронулось. Пока Мэт вел «мерседес» обратно в Стинсон-Бич, Роберт надел очки и наблюдал за такси, используя зрительные системы Йоды и Кали. Такси добралось до места назначения, когда «мерседес» был еще на Панорамном шоссе. Осмотревшись через очки и убедившись, что улицы пустыньны, Роберт приказал Йоде и Кали выйти из машины.

За несколько секунд бонобо добрались до ограды зоопарка и быстро перелезли на другую сторону. Роберт побывал здесь несколько дней назад, и планировка была ему хорошо знакома. Как только животные оказались на земле, он направил их в большой открытый вольер, где

обитала большая группа шимпанзе. Он рассчитывал, что бонобо и шимпанзе — достаточно близкие родственники, чтобы ужиться в зоопарке, где не нужно бороться за жизнь.

Чтобы перемахнуть через ограду вольера, Кали и Йода воспользовались длинной гибкой веткой росшего поблизости дерева. Как только они оказались внутри, Роберт отключил цифровое управление и вернул обезьян к естественному поведению. Еще несколько минут он следил за ситуацией через очки, желая убедиться, что их примут не слишком враждебно. Обо всем остальном им придется позаботиться самим.

Благополучно поставив «мерседес» в гараж, Роберт принес лазерную лампу и осветил голограмму. Увидев развернувшийся в воздухе трехмерный мираж хрустального черепа, он пришел в восторг, но сразу выключил свет, поскольку ни он, ни Мэт не были готовы к очередному странствию по внутреннему миру. Потом оба сели за компьютер.

— Я все думаю о компьютере НИПИСа, — сказал Роберт. — Пароль «Кальвария», который дал мне Генри, позволил нам проникнуть только в ту его часть, куда у меня был доступ. Но должна быть и другая, которой пользуются военные. Если, конечно, у них нет своей, отдельной системы.

— И что ты предлагаешь? — спросил Мэт.

— Генри дал мне еще одно слово, — сказал Роберт. — Может быть, это как раз то, что мы ищем. Попробуй-ка пароль Немезида!

В следующее мгновение все самые худшие предположения и опасения Роберта подтвердились. Открылась мерзкая клоака, где таились проекты военных и ЦРУ, во многих из которых использовались результаты исследований Роберта. Подчиняясь командам Мэта, ее содержимое хлынуло на экран. Перед глазами, один за другим, замелькали самые чудовищные

— Где твой вирус, Мэт? — с омерзением воскликнул Роберт, вне себя от увиденного. — Хватит с меня этой дряни!

Мэт немедленно взялся за дело. Работая быстро и точно, он запустил смертоносный вирус в цифровые недра главного НИПИСовского компьютера. Вирус внедрился в его нутро и с прожорливостью африканских термитов принялся уничтожать все на своем пути. Распространяясь со скоростью света, он стирал и портил файл за файлом, разоряя чувствительные сверхсекретные программы.

Роберт следил за действиями Мэта с восхищением и признательностью.

— Если бы только ты знал, сколько бед и страданий это предотвратит, — сказал он, а потом со смехом добавил: — Ты не просто накапливаешь массу благой кармы — твой поступок причисляет тебя к сонму бодхисаттв.

— Отличная идея! — захихикал Мэт. — Назовем наш вирус «Бодхисаттва»!

— Доброе утро, заговорщики, — приветствовала их Лора, неожиданно появляясь в дверях в ночной рубашке. — Ищете духовных оправданий для своей преступной деятельности?

Подойдя, она обняла обоих и расцеловала.

— Ну и видок у вас! Обоим не мешало бы выспаться. А если хотите еще поработать, давайте принесу вам по чашке крепкого кофе.

Но на сегодня дел больше не было, осталось только найти надежный тайник для голограмм. Прежде чем предаться заслуженному отдыху, Роберт и Мэт подробно рассказали Лоре о своем дерзком набеге, который позволил вырвать голограммы из самого нутра строго охраняемого и сверхсекретного исследовательского комплекса. Невероятное предприятие завершилось полным успехом! Все трое сошлись на том, что это приключение достойно научно-фантастического романа или кинофильма.

Пятидесятница в Пятиугольнике

Секретный национальный саммит в Пентагоне должен был вот-вот начаться. Созвать его побудили последние отчеты ЦРУ, которые не оставляли никаких сомнений, что китайские военные советники выскажутся за неожиданный ядерный удар по Соединенным Штатам. Отношения между двумя странами настолько накалились, что мирный исход был маловероятен. Мир стоял на краю невиданной катастрофы.

Опираясь на весьма зыбкие предположения, китайские военные эксперты приняли безрассудное и самоубийственное решение — начать войну, которая не сможет принести победу ни одной из сторон. В этой адской схватке, итоге ядерного противостояния между Китаем и Соединенными Штатами, ничто не даст решающего преимущества: ни высокая концентрация американской промышленности, ни огромное население Китая, ни элемент неожиданности. Столкновение такого масштаба поставит под угрозу будущее не только Соединенных Штатов, но и всего человечества, а скорее всего, и всей жизни на планете.

Генри Фабинг осматривался и размышлял о том дерзком плане, который задумал осуществить. Он привык иметь дело с людьми из высших эшелонов американской власти, но состав участников сегодняшней встречи был особенно впечатляющим. Среди тех, кто собрался за большим столом для переговоров, были президент и вице-президент Соединенных Штатов, министр иностранных дел, министр и заместитель министра обороны, главнокомандующий вооруженными силами США, председатель объединенных штабов, директор ЦРУ, начальники штабов армии и ВВС, командующий военно-морскими силами, командующий морской пехотой, командующий тихоокеанским флотом и несколько ключевых представителей военной промышленности.

Когда у Фабинга впервые возникла мысль подвергнуть воздействию хрустального черепа высших правительственных чиновников и представителей военно-промышленного комплекса, она показалась ему очень естественной и убедительной. Пока он думал о магическом действии черепа, усиленном психотронным генератором, все казалось очень простым. Теперь же, в обстановке встречи видных политических и военных деятелей, собравшихся здесь принять решения, от которых зависит судьба планеты, собственный замысел вдруг стал казаться ему бредом шизофреника.

Как правдоподобно объяснить свое намерение и познакомить военно-политическую верхушку с ритуальным предметом древних майя? Он станет всеобщим посмешищем и закончит жизнь в психушке! Но потом Фабинг вспомнил, как череп непостижимым образом миновал все проверки при входе в Пентагон. Разве может это быть простой случайностью? Нет никакого сомнения, что череп охраняют высшие силы. Эти мысли приободрили Генри, и он решил осуществить свой план. В любом случае менять решение слишком поздно: по его просьбе отчет НИПИСа уже включен в повестку дня.

— Дамы и господа, разрешите приветствовать всех вас на этом национальном саммите, — открыл заседание Стюарт Гордон, президент Соединенных Штатов. Когда он, поднявшись с места, обратился к своим высокопоставленным слушателям, многим показалось, что важность исторического момента придала ему небывалое величие. Полноватый и невысокий, сегодня он казался значительно крупнее, чем обычно. Произнеся слова приветствия, президент сделал внушительную паузу, приподнял указательным пальцем очки в золотой оправе, а потом позволил им снова опуститься на переносицу. Только после этого он начал свою речь.

Он довольно многословно напомнил собравшимся о колоссальной ответственности,

возложенной на их плечи. Ведь встреча происходит в экстренной обстановке, перед лицом кризиса, беспрецедентного в истории не только Соединенных Штатов, но и всей планеты. Судьбы человечества и всего живого на Земле будут зависеть от решений, которые будут приняты здесь, на этой встрече. Заканчивая выступление, Стюарт Гордон обратился к Богу с просьбой ниспослать мудрость и ясность, которые так нужны всем сегодня. Потом он попросил вице-президента Джона Мюррея председательствовать на этой встрече и передал ему слово.

— Вслед за господином президентом хочу приветствовать вас на этой исторической встрече, — начал Мюррей. Его лысина покрылась блестящими капельками пота, голос звучал необычно напряженно.

Он обратил внимание собравшихся на повестку дня, которую все получили заранее, и объявил, что в последнюю минуту в ней произошли важные изменения.

— Причиной послужило то, что в нашей встрече важное место отводится НИПИСу. Его директора пригласили принять участие в совещании в надежде, что программы и ресурсы института будут иметь огромное значение для принятия решений, — сказал Мюррей.

Это прозвучало вполне естественно и логично, если учесть ту роль, какую институт и прежде играл в вопросах национальной безопасности.

— Однако недавние события подорвали и парализовали деятельность института, причем до такой степени, что отныне и на неопределенный срок никакие формы сотрудничества невозможны, — ошеломил он аудиторию тревожной новостью.

При этом вице-президент сделал знак Генри Фабингу, который не нуждался в подсказках и был готов представить свой отчет. Он сам напросился на выступление, заявив, что его сообщение имеет решающее значение не только для этой встречи, но и для дела национальной безопасности в целом.

Генри поднялся, оглядел собравшихся и нервно откашлялся.

— Господин президент, господин вице-президент, дамы и господа, — начал он. — За последнее время в НИПИСе произошел целый ряд трагических случайностей, нанесших катастрофический, может быть даже непоправимый, ущерб всем проектам и операциям института. Мы потеряли наших дистанционно управляемых китообразных — трех синих китов и семерых дельфинов, которых неизвестные диверсанты выпустили в открытый океан. Вдобавок из нашей лаборатории исчезли две обезьяны бонобо — часть экспериментальной робототехнической системы.

Пока Фабинг говорил, в комнате воцарилась мертвая тишина. Собравшиеся ловили каждое его слово. Новость была настолько невероятной, что все хотели убедиться, не ослышались ли они. Напряжение в комнате росло, некоторые из участников встречи недоверчиво качали головами.

— Пока таинственное исчезновение двух приматов из лаборатории НИПИСа, — продолжал Генри Фабинг, — это единственное свидетельство незаконного вторжения. Причина налета и размеры причиненного ущерба до сих пор не ясны. Но все это меркнет по сравнению с самой страшной бедой. Все операционные и научные файлы главного компьютера и связанных с ним систем безнадежно испорчены сложнейшим вирусом, видимо, специально созданным для того, чтобы парализовать работу нашего института.

Тут зал взорвался. Молчание сменилось невообразимым шумом — возмущенными тирадами и неразборчивыми выкриками. Но Фабинг знал: то, что он сказал до сих пор, лишь невинная прелюдия, настоящая бомба ждет впереди! Он помолчал, переводя дыхание, а потом обрушил на слушателей сногшибательный финал своего фантастического сообщения:

— Хотя мы еще не успели добраться до сути проблемы, — сказал он, возвышая голос до театральной риторики, — у нас есть причины предполагать, что весь этот ущерб каким-то

образом связан с таинственным предметом, или, вернее, устройством, выполненным в виде произведения искусства майя, который доставили в институт для исследования.

В зале стоял такой гвалт, что слова Генри потонули в нем. Осознавая, как важно высказать все до конца, Фабинг заговорил еще громче:

— На первый взгляд это устройство выглядит как копия человеческого черепа, выполненная из горного хрусталя, но сила его поистине необычайна. Он оказывает разрушительное, просто гибельное, воздействие на психику и побуждает людей к иррациональному поведению. Одной из жертв этого черепа стал доктор Роберт Хантер, один из самых блестящих ученых НИПИСа.

Чтобы донести до слушателей кульминацию своей речи, Генри был вынужден почти кричать в микрофон:

— Я убежден, что это секретное оружие наших врагов, — возвестил он с тревогой в голосе. — У меня есть серьезные подозрения, что в нашу страну тайно завезено множество таких предметов. Речь идет о серьезной угрозе национальной безопасности!

Фабинг сознательно пошел на ложь, зная, что события в НИПИСе, какими бы важными они ни были, не настолько серьезны, чтобы включить их в повестку дня совещания. Его последние слова, как молния, пронзили аудиторию, превратив ее в разобщенную массу бурно жестикулирующих и галдящих людей. Всего за несколько секунд зал стал походить на растревоженное осиное гнездо. В оглушительную какофонию возмущенных голосов, перемежаемых взрывами смеха, то и дело врывались отчетливо слышимые слова и обрывки фраз:

— Вы слышали?... хрустальный череп угрожает безопасности Соединенных Штатов... смертоносное наследие древних майя... новое секретное оружие Китая... он что, свихнулся?

— Успокойтесь, пожалуйста, не спешите с выводами, — взмолился Фабинг. — Через минуту вы своими глазами увидите, что я имел в виду. Я принес с собой череп, так что судите сами. Пожалуйста, опустите шторы!

Фабинг перенес свой портфель к стоявшему в углу зала столику, извлек из него подставку с электрической лампочкой и воткнул вилку в розетку. Разворачивая череп, он решил воспользоваться подходящим моментом и сделать предупреждение, которое должно было еще больше разжечь любопытство собравшихся:

— Если хотите увидеть череп, прошу вас, подойдите поближе. Я покажу вам его всего на несколько секунд. Более длительное воздействие опасно, поскольку может вызвать сильную реакцию, — сказал он, изобразив дрожь в голосе.

Отклик был вполне предсказуемым. Шум перекрыл зычный голос генерала армии Вальтера Шмидта, в котором сквозила явная издевка.

— Здесь нет детей, Генри. Все мы взрослые люди, а некоторые к тому же еще и солдаты. Мы не верим в привидения и сказки. Думаю, мы сможем вынести твой цирковой номер. Принес бы что-нибудь более впечатляющее, чем какое-то чучело с мексиканского карнавала!

Теперь зал взорвался громким хохотом. Как раз на это Генри и рассчитывал.

— О'кей, — сказал он, предвкушая победу, — если вы так уверены, я не буду ограничивать вас во времени. Только, пожалуйста, дайте мне знать, когда выключить.

Его миссия закончилась, дальнейшее от него не зависело.

Когда он разворачивал таинственный предмет, глаза его расширились от удивления, по телу побежали мурашки. Держа череп в руках, Генри ощутил, что он теплый, почти горячий, и излучает поразительную энергию. Должно быть, под влиянием психотронного генератора в нем что-то изменилось: похоже, сила его неизмеримо возросла, так что теперь действие ощущается почти мгновенно. Генри быстро положил череп на подставку над лампой, включил свет и почтительно отступил назад.

Казалось, череп свободно парит в воздухе, вызывая в памяти грозные Валтасаровы письма из Ветхого Завета. Его пламенеющий ореол, похожий на солнечную корону, разбрасывал длинные сполохи разноцветных лучей. Смех в зале начал быстро затихать и вскоре совсем смолк. Люди сгрудились вокруг стола и в мертвой тишине глазели на череп. Тела их сковал ужас. Яркое красное сияние, льющееся из пустых глазниц зеленого призрака, проникало в мозг и завладевало сознанием.

Свет и энергия постепенно усиливались, пока не стали нестерпимыми. Шедшее от черепа ослепительное сияние можно было сравнить разве что со взрывом сверхновой звезды, и этот свет продолжал нарастать. Было очевидно, что ситуация стремительно близится к сокрушительному финалу. В следующее же мгновение свет и энергия неожиданно усилились резким скачком. Твердые тела — люди и предметы — растворились в массе колоссальной вихревой энергии, которая, казалось, заключает в себе все бытие. Это было Чистое Сознание и Разум — конечное и бесконечное, божественное и демоническое, ужасающее и блаженное, созидательное и разрушительное — все это, и многое другое.

Это послание вселенской любви и святости жизни, переданное без слов, но с грозной и неодолимой силой, наполнило весь зал.

Генерал армии Вальтер Шмидт был охвачен благоговейным ужасом. Он рухнул на колени и молитвенно воздел руки. Пот градом струился по его лицу, голос дрожал.

— Невероятно... потрясающе... великое таинство... Пятидесятница* в Пятиугольнике**! — бессвязно бормотал он.

Штурм Всемирного голонета

Когда Мэт приехал в Стинсон-Бич навестить Лору и Роберта, вид у него был странно взбудораженный. Когда все трое удобно уселись в гостиной, попивая капучино и наслаждаясь пирогом с персиками, который испекла Лора, Мэт поведал им о своем необычном открытии.

— Хочу сделать признание, — начал он свой рассказ. — Когда я предложил надежно спрятать у себя одну из голограмм, у меня был свой тайный мотив. Во время последнего переживания в Доме Чинтамани меня вдруг осенило, что технически вполне возможно распространить голографическое изображение хрустального черепа через Всемирный голонет.

— Но ты этого не сделал! — в изумлении воскликнула Лора, уже предчувствуя, каким будет ответ.

— Вот именно, что сделал! Хотите верьте, хотите нет, но я его запустил! — с гордостью заявил Мэт.

И рассказал, что переживание с черепом помогло ему ясно понять: подвергнув его воздействию множество людей во всем мире, можно поднять уровень сознания в массовом масштабе. Зная о возможностях черепа, Мэт не сомневался, что это станет решающим фактором в преодолении глобального кризиса. Идея была настолько захватывающей и убедительной, что быстро поглотила его без остатка. Любовь Мэта к киберпространству, страсть к загадкам и архисложным задачам и сострадание к человечеству стали мощным стимулом и источником творческой энергии. Он работал над этой колоссальной проблемой день и ночь, забыв о сне и еде.

— Наверное, тебе пришлось изрядно поломать голову, — сказал Роберт, достаточно разбирающийся в компьютерах, чтобы оценить техническую сложность задачи.

— Труднее всего было разработать стратегию, которая позволила бы изображению черепа проникнуть во Всемирный голонет и захватить его, — никогда в жизни не делал ничего подобного! Но сдаваться я не собирался — уж слишком высоки были ставки. Я понимал: есть шанс, что это поможет изменить мир, повернуть вспять безнадежную ситуацию. А вдруг это единственный способ избежать глобального кризиса!

— Похоже, ты нашел решение, — сказал Роберт. — Что же ты в конце концов придумал? Можешь объяснить так, чтобы я сумел понять?

Загадочный ответ Мэта привел Роберта в недоумение: понять это не сможет ни один человек в компьютерном мире, даже если бы он, Мэт, смог подробно описать все свои действия, шаг за шагом. Видя, что его ответ озадачил Роберта и Лору, Мэт поделился с ними секретом успеха. Решить проблему помогло нечто такое, что выходит за пределы его собственного опыта и интеллектуальных познаний. Он бился над задачей с маниакальным упорством, используя любую крупицу информации, любые уловки, знакомые ему с детства. Но ничто не помогало.

Поскольку работа была связана с изображением черепа, Мэт, отчаявшись, решил еще раз испытать на себе его воздействие — вдруг это поможет решить задачу. В наступившем состоянии прометеевского экстаза он превратился в канал творческого разума, выходящего далеко за пределы того, что может вообразить человек. Для него решение проблемы было детской игрой. Но, несмотря на свой успех, Мэт сомневался, что в обычном состоянии смог бы повторить то, что сделал под воздействием черепа. Он даже не мог полностью разобраться в том, что сделал.

— Чем же все это закончилось? — спросила Лора.

Вместо ответа Мэт предложил заглянуть во Всемирный голонет. Теперь голографическое

изображение хрустального черепа красовалось на всех главных перекрестках системы информационных путей. Оно будет появляться всякий раз, когда любой человек в мире войдет в сеть. Испытав на себе психодуховную мощь черепа, Мэт чувствовал большую ответственность за то, что сделал. У него были некоторые опасения по поводу того, какой эффект произведет его вмешательство на пользователей сети. Мэт покаянно считал, что разыгрывает из себя Бога, пока ему в голову не пришла более правильная мысль: это Бог ведет через него свою игру, используя его как канал.

Сценарий «Тристан и Изольда»

Пообедав у себя в Биг-Суре, Лора и Роберт решили посмотреть, что происходит в мире. Новости наводили страх и уныние. Благодаря утечке информации из китайского штаба, стало известно, что над США нависла угроза китайской ядерной атаки. В ответ американское правительство потребовало срочного созыва внеочередного саммита по горячей головидеофонной линии. В случае неудовлетворительных результатов переговоров американские военные были готовы нанести по Китаю мощный упреждающий удар. Было ясно, что мир на волоске от ядерной войны. Никогда еще вероятность трагического финала истории человечества не была так велика и реальна.

Слушая эти ужасающие вести, Лора искала защиты в объятиях мужа.

— Мне страшно, Роберт, по-настоящему страшно, — прошептала она ему на ухо, когда передача, сулившая конец света, закончилась.

Лоре припомнился день — тогда ей еще не было семи, — когда она впервые услышала слово «Апокалипсис». В ответ на ее расспросы отец прочитал отрывок из популярного издания «Откровения Иоанна Богослова», повествующий о видениях, которые были у него в пещере на острове Патмос. Эта история напугала Лору, но надежность отцовских объятий и божественное вмешательство в космическую битву на стороне сил добра быстро развеяли первое впечатление.

Став старше, Лора часто слышала в речах научных, политических и религиозных лидеров упоминания о приближающемся Апокалипсисе, но воспринимала это как яркое образное выражение. Сегодня все было совсем иначе. Близился настоящий Апокалипсис, разыгрывающийся в реальном мире и не имеющий ничего общего с туманным пророчеством из какого-то древнего религиозного текста. Армагеддон! Конец человеческой цивилизации, а может быть, и конец всей жизни на Земле!

Роберт сделал слабую попытку успокоить Лору. Он и сам был в панике и прекрасно понимал, что его дрожащий голос вряд ли способен внушить жене уверенность и утешение. Вместо слов Роберт только сильнее сжал ее в объятиях. Обоих била дрожь, дыхание стало частым и прерывистым, они чувствовали, как колотятся их сердца. Хорошо, что можно разделить друг с другом душевную боль и гнетущий страх. Тесная близость принесла некоторое успокоение и силу перед лицом того, что казалось непостижимым, невообразимым и неизбежным.

— Если это конец, надеюсь, что смерть в ядерном аду будет мгновенной, — сказал Роберт, глядя Лоре в глаза. — Не могу мечтать о лучшем конце, чем смерть в твоих объятиях. Но мне ненавистна мысль о медленной смерти посреди ядерной зимы, где мы оба, чуть живые, бродим по радиоактивной пустыне и ждем, когда нас разлучит смерть.

Живо представив себе эту картину, Роберт вдруг ощутил, непреодолимую потребность заняться любовью. Он жаждал развеять свой ужас в бурной дионисийской страсти и обрести забвение, растворившись в мягком, теплом теле жены. Психологи отмечают, что многие люди, оказавшись перед лицом внезапного бедствия или катастрофы — войны или извержения вулкана, — склонны стремиться к удовлетворению первобытных инстинктов. В своих крайних выражениях это стремление может приводить к временному забвению всех моральных и социальных запретов и необузданному, стихийному поведению. Роберт читал об этом явлении, известном как поведение *avant deluge*, «перед потопом». Он чувствовал, как первобытная страсть пульсирует в крови, наполняя каждую клетку тела.

Он был уже готов последовать этому зову, когда глаза Лоры внезапно засияли и она

высвободилась из его объятий. Сев, она произнесла твердым решительным голосом:

— Роберт, мы не должны лежать здесь, как две овцы на бойне, и безропотно ждать, когда с неба начнут падать ракеты. Есть и другой выход — мы можем сами решить свою судьбу!

Слова Лоры подействовали на Роберта, как электрический разряд и одновременно холодный душ. Они вернули его с высот слепой, ищущей забвения страсти к суровой реальности. Шквал первобытных инстинктов, владевший им еще несколько секунд назад, сменился любопытством. Какой выход из столь безнадежного положения сумела найти эта удивительная женщина? Зная, как сильно в Лоре воображение и творческое начало, Роберт был уверен, что ее план далек от обыденности и заурядности. Ему не терпелось услышать, что она задумала.

— Помнишь случай, когда мы на какое-то время выпали из повседневной жизни? Для меня мир, в котором мы побывали за эти несколько секунд, был поразительно реальным. Это мир, в который я верю, в котором хотела бы жить, уважая и полностью принимая его ценности. Жить, руководствуясь мудростью и состраданием, в мире и согласии с другими народами и культурами, в тесном единстве с другими видами и природой.

Роберт пытался понять, куда клонит Лора. Он был полностью согласен с ее словами и безоговорочно разделял все ее ценности, идеалы и желания. С тех самых пор как Роберт подростком прочитал «Затерянный горизонт» Хилтона, образ Шангри-ла* часто являлся ему в мечтах и фантазиях. Но какое отношение имеют их желания, пусть даже самые страстные, к той суровой действительности, с которой они столкнулись? Они живут на планете Земля в самое тяжелое для нее время, в условиях цивилизации, которая стоит на грани самоубийства и уничтожения всего живого. Разве у них есть выбор?

— Ты сказала, что есть другой выход, кроме смерти быстрой или медленной. Что ты предлагаешь делать? — спросил Роберт.

Лора выглядела странно оживленной, глаза ее сверкали. Страх потерять Роберта придавал ее речи и поведению необычайную силу.

— Роберт, давай пойдем в Дом Чинтамани и отправимся во внутренний мир, — страстно проговорила она. — Скажем всей этой ситуации решительное «нет»! Помнишь идею Мэта? Вдруг наша планета — виртуальная реальность для тестирования людей, достойных родиться в той развитой цивилизации, с которой соприкоснулись трое из нас? Мэт не псих, у него потрясающий ум. И мне хочется верить, что в его словах есть доля истины.

— Разве ты забыла, сколько возражений вызвала его теория? — напомнил ей Роберт.

— А что, у кого-нибудь из группы нашлось лучшее объяснение того факта, почему трое из нас одновременно пережили одно и то же? Ты-то сам можешь это объяснить? — не сдавалась Лора.

Что до нее, она уже приняла решение. Осталось только убедить Роберта, что ее план вполне разумен. Пусть даже шанс, что теория Мэта верна, невелик, все равно его стоит использовать, — считала Лора. Все лучше, чем сидеть сложа руки. В конце концов, что они теряют? Если материальный мир и вправду виртуальный испытательный полигон и все они проходят нравственный отбор, может быть, ситуация как раз и требует решительных и активных действий. Может, нужно ясно показать, что они полностью отвергают этот убийственный сценарий, что они окончательно победили губительные для общества первобытные импульсы и всем сердцем принимают жизнеутверждающие ценности.

Обдумав предложение Лоры, Роберт был вынужден признать ее правоту. Даже если версия Мэта неверна и идеального мира не существует, пребывание в момент смерти в особом состоянии сознания облегчит переход в мир иной, что бы он собой ни представлял. Когда Олдос Хаксли умирал от рака, он попросил свою жену Лору дать ему дозу ЛСД. Она написала об этом в своей замечательной книге и рассказала, каким благом это для него стало. Вот и им

измененное состояние сознания может помочь встретить смерть и конец цивилизации.

— Думаю, это прекрасная идея, — сказал Роберт, восхищаясь Лорой, чье творческое начало проявлялось даже в столь плачевных обстоятельствах.

— Если окажется, что наша планета — виртуальный полигон, можно считать, что я прошла проверку, — сказала Лора. — Меня окончательно достало человечество и его история — летопись ненасытной алчности и жестокости! Я больше не хочу быть частью этого безумного вида! Не сомневаюсь, что и ты можешь сказать то же самое.

— Ты абсолютно права, Лора. Я чувствую то же самое, — согласился Роберт, а потом озабоченно добавил: — Только нужно серьезно подумать вот о чем. Мы оба согласны, что сценарий Мэта не очень надежен. Что если особое состояние сознания поможет нам пережить саму ядерную атаку, но, выйдя из него, мы окажемся в разрушенном мире, посреди ядерной зимы, и обнаружим, что подверглись сильному радиоактивному облучению. Нужно предусмотреть и такую возможность.

— Что нам тогда делать? У тебя есть какие-нибудь идеи? — спросила Лора.

— Как ты убедишься, в них нет ничего оригинального — я просто развил твою мысль, — ответил Роберт. — Ты же знаешь, Лора, как я люблю жизнь, особенно с тех пор, как встретил тебя. Я мечтал о том, что у нас будут дети, и самое большое мое желание — жить с тобой долго и счастливо. Но если наша жизнь превратится в жалкое существование на грани смерти, в затяжное страдание, а потом и разлуку, я предпочел бы умереть вместе.

И он поделился с Лорой некоторыми своими соображениями. У него имелся достаточный запас жабьего эликсира, чтобы лишить жизни их обоих, если они того пожелают. Если Лора согласна, он введет в компьютер Дома Чинтамани команду для распыления смертельной дозы вещества. Если им случится выжить в атомной войне и оказаться перед лицом медленной смерти, это позволит им уйти из жизни и вместе покинуть этот мир. Конечно, при условии, что оборудование тоже уцелеет.

— Я люблю тебя и хочу разделить твою судьбу, какой бы она ни была, — с готовностью приняла его план Лора. — У меня есть одно предложение — давай для этой последней задачи используем такую команду: «Компьютер, сценарий «Тристан и Изольда»»!

Трудно было придумать более удачную команду для сценария любви и смерти. Они поцеловались, посмотрели друг другу в глаза и несколько минут постояли молча, крепко обнимая друг друга.

Небольшая группа высокопоставленных чиновников правительства США, собравшаяся вокруг терминала головифонной горячей линии, должна была принять важное решение. Они истощили запас традиционных дипломатических средств и зашли в полный тупик. Общее отчаяние породило совершенно невероятную идею. Глубокое преображение, которое все они пережила в Пентагоне, навело их на мысль воспользоваться неортодоксальной дипломатической стратегией. Может быть, если передать китайскому руководству изображение черепа, это вызовет такое же действие, как и в Пентагоне? Продолжать заведомо обреченные попытки решить дело методами традиционной дипломатии и военной стратегии или последовать голосу сердца? Трудный выбор, особенно если учесть, что поставлено на карту.

— Риск, конечно, колоссальный, — сказал президент Гордон. — Различия между западным и восточным складом ума и культурой огромны. В сложившихся обстоятельствах трудно предугадать реакцию даже западной страны на такое необычное действие, не говоря уже о восточной. Если послать китайцам изображение черепа, кто знает, как они истолкуют столь дикую и абсурдную выходку и как на нее отреагируют. В конце концов, символ черепа сам по себе вызывает негативные ассоциации.

— Что самое страшное из того, что может случиться? — парировал вице-президент Мюррей. — Китайцам это не понравится, и они взбесятся. Мы вернемся к тому, с чего начали, так что практически ничего не изменится. Ведь всем понятно, что мы едва ли найдем приемлемое дипломатическое решение, если будем использовать традиционные методы.

Генерал Шмидт задал дискуссии новое направление, взглянув на ситуацию глазами военного. Нарисованная им картина не вселяла оптимизма. Он предупредил, что старый план упреждающего ядерного удара по Китаю весьма проблематичен, если не сказать больше. Даже если допустить идеальный исход конфронтации, что очень маловероятно, последствия для Соединенных Штатов, да и для всего мира, будут чрезвычайно серьезными. Возьмем самый удачный расклад: упреждающий удар будет нанесен безупречно и сотрет Китай с лица земли, а американская противоракетная оборона каким-то чудом сумеет уничтожить все китайские ракеты над Тихим океаном, так что ни одна из них не достигнет Гавайев или американского континента.

Но это только часть картины. Важно учитывать и более широкий контекст. Объем радиоактивных осадков, образовавшихся в результате взрыва американских боеголовок и уничтожения китайских ракет, будет поистине чудовищным. Распространяясь по воздуху и воде, они стремительно загрязнят биосферу всей планеты настолько, что в конце концов уничтожат все живое. А при подобных обстоятельствах уцелевшие, скорее всего, будут завидовать судьбе тех, кто оказался ближе к месту военных действий и умер мгновенно.

На этом обсуждение пришлось прекратить. Время, назначенное для разговора по горячей линии, стремительно приближалось. Президент Гордон посмотрел на часы, покачал головой и решительно сказал:

— Чрезвычайная ситуация требует крайних и нешаблонных мер. Давайте сделаем то, что задумали!

Вспыхнула красная лампочка рядом с надписью «Эфир», и историческая встреча началась.

— Приветствую вас, господа, — учтиво произнес президент Гордон, когда к собравшимся в зале присоединились голографические изображения председателя Хуан-Чу, министра обороны Шень Пу-Хая, адмирала Сяопина и некоторых других высокопоставленных членов китайского

правления. Следуя указаниям о китайских обычаях, полученным от своих советников, президент закончил приветствие низким поклоном на китайский манер.

В начале своей речи Гордон напомнил китайским руководителям о той колоссальной ответственности, которая лежит на участниках этой встречи: от них зависит будущее человечества и жизнь на планете. Он особо подчеркнул тщетность всех предыдущих попыток, пусть даже самых благонамеренных, достигнуть соглашения путем традиционных дипломатических мер. Закончив преамбулу, он отважно ступил на новую, опасную территорию. Памятуя о предостерегающей надписи «Nisi sunt leones»*, — которую ставили на своих картах первые мореплаватели, он призвал своих китайских партнеров к терпению и напомнил о пользе сомнения. Он предупредил их, что им будет предложен совершенно новый подход, доселе невиданный в практике дипломатических переговоров.

Эксперимент по использованию неортодоксальных методов дипломатии должен был вот-вот начаться. Закончив свою речь, президент Гордон перевел дух и махнул рукой помощнику. Повинуясь его сигналу, тот навел головидеокамеру на хрустальный череп и увеличил изображение, так чтобы оно заполнило все голографическое пространство.

* * *

Атмосфера в пекинской правительственной резиденции была мрачной, почти похоронной. По мере того как роковая схватка приближалась, былой горор и уверенность в победе над Соединенными Штатами стремительно испарялись. Несмотря на свой агрессивный дух, коммунистическая идеология видела свою конечную цель в господстве над миром, а не в его уничтожении. А меньше всего видным китайским политикам хотелось принести себя в жертву на этом пути. Ведь ядерная война — совсем не то, что прежние сражения. Тут не помогут надежные убежища для правящей верхушки. Их жизни угрожает такая же опасность, как и жизням простых смертных, если не бульшая.

Председатель Хуан-Чу явно был явно угнетен и встревожен. Как главнокомандующий китайскими вооруженными силами он чувствовал на своих плечах тяжкое бремя ответственности за военную политику. И не видел никакого благополучного выхода из сложившейся ситуации.

— Наши эксперты утверждают, что у нас есть некоторое преимущество перед Соединенными Штатами, — сказал он, и в голосе его прозвучала глубокая грусть, — но я не думаю, что в такой войне кто-то может одержать победу. Сотни миллионов людей погибнут, и все, над чем мы так упорно трудились, будет уничтожено. Я предпочел бы мирное решение, но дело зашло чересчур далеко. Теперь уже слишком поздно.

— Целиком согласен, в этой войне победителей не будет, будут одни побежденные, — подтвердил адмирал Сяопин.

Его удивила произошедшая с председателем Хуаном метаморфоза — вместо революционера-коммуниста, бескомпромиссного и негибкого, он видел рассудительного человека, стремящегося найти мирный выход из положения. Наконец-то хоть кто-то в их епархии проявил здравый смысл! Сам Сяопин с самого начала был не согласен с эскалацией конфликта между Китаем и Соединенными Штатами. Одно дело — вторжение в Японию и совсем другое — ядерная война с Соединенными Штатами. Америка — колосс, промышленный и технический гигант. Там, где дело касается ракетного оружия в целом и антибаллистических ракет в частности, первенство США очевидно.

— У них больше шансов поразить стратегические цели в Китае, чем у нас уничтожить их города, — признался адмирал. — Но, по большому счету, это не будет иметь никакого значения, потому что никто из них не сможет спастись от сильнейшей радиации. В этой войне у нас единственное преимущество — мы умрем быстрее.

— Давайте закончим эту безрадостную дискуссию. Она создает не лучший настрой для дипломатических переговоров, — сказал министр Шень Пу-хай. — Пора открывать горячую линию!

Через мгновение в комнате появились голографические изображения американского президента и его коллег.

— Приветствую вас, господа. Мы встречаемся в очень тяжелой обстановке, — начал он свое выступление. — Мне не нужно вам напоминать, что мы стоим перед лицом самого серьезного кризиса в истории человечества. Еще никогда маленькая группа людей не брала на себя ответственность за судьбу человечества и жизнь на планете.

В этом вступительном слове не было ничего необычного. Так и ожидалось, что встреча начнется с привычных слов о чрезвычайности ситуации. Но то, что за этим последовало, застало китайцев врасплох. Хотя некоторые из них сносно знали английский язык, то, что сказал Гордон, было настолько неожиданным, что они усомнились, что поняли его правильно. Точный смысл его слов дошел до них с некоторым опозданием, только когда переводчик произнес их по-китайски. Поэтому изображение черепа появилось в комнате раньше, чем они уловили окончание речи Гордона, в котором он говорил о пользе сомнения и просил проявить терпение.

— Они что, с ума посходили? Послать нам изображение черепа! Что они хотят этим сказать? — злобно вскричал Хуан-Чу, когда переводчик закончил переводить речь американского президента. На смену колебаниям и настрою на перемирие, которые недавно владели Хуаном, пришла волна ярости. — Они выбрали неподходящее место и время для шуток. Пора заканчивать этот вздор и начинать атаку!

Адмирал Сяопин смотрел на череп как зачарованный. Американцы просили проявить терпение и не делать скоропалительных выводов — что ж, он готов пойти им навстречу. Адмирал слишком восхищался Соединенными Штатами, чтобы поверить, что их государственные деятели могут вести себя как шайка малолетних сорванцов. А вдруг американцы нашли какой-то выход из этого зловещего тупика? Но даже в самых смелых своих фантазиях он не мог представить, что будет дальше. Что за странный предмет повис перед ним в воздухе? Может, это последнее чудо американской науки, некое успокаивающее средство, обуздывающее в людях глубоко запрятанную первобытную тягу к убийству и вызывающее атараксию*? И тут верх взяли эстетическое чувство и любознательность.

— Какое замечательное произведение искусства! — восхищенно сказал адмирал и, обращаясь к Хуан-Чу, настойчиво добавил: — Не спешите! Американцы не дураки. Эскалация кризиса им совершенно не нужна и нежелательна. Должно быть, у них веские причины так поступить. Они не стали бы просто издеваться над нами — слишком серьезная сложилась ситуация. Порой пути судьбы неисповедимы. Что мы с вами теряем?

Хуан-Чу помолчал, а потом нехотя кивнул. Все успокоились, взгляды присутствующих устремились на череп, ожидая, что же произойдет дальше. Тем временем окружающий череп ореол с каждой секундой становился все шире и ярче. Два красных шара клубящейся энергии, заполняющей его глазницы, посылали наружу гипнотические лучи. Потом череп взорвался, образовав сверкающий шар энергии — разумной, живой и бесконечно любящей. Она смела все границы личности и заменила все дурные чувства глубоким состраданием и вселенской мудростью.

— Невероятно! — пробормотал Сяопин и машинально сел в позу лотоса, готовый принять

все, что бы ни произошло.

Спасение от Армагеддона

Ситуация казалась совершенно безнадежной. За несколько часов до начала экстренного совещания высших правительственных чинов Соединенных Штатов и Китая все станции, передающие новости, забили тревогу и стали призывать американских граждан искать надежное убежище. Все до единого политические аналитики утверждали, что шансы на мирное разрешение кризиса ничтожны. Когда стало совершенно ясно, что ядерного столкновения между Соединенными Штатами и Китаем не избежать, Роберт ввел в компьютер сценарий «Тристан и Изольда» и присоединился к Лоре в уютном гнездышке из подушек на центральной платформе Дома Чинтамани.

Подчиняясь голосу Роберта, компьютер включил эффект Чинтамани. Через несколько секунд, следуя программе, аэрозольные струи стали распылять в воздухе жабий эликсир в максимальной концентрации, которая была безопасна для жизни. Печальные звуки музыки Вагнера нарушили тишину и наполнили пространство под куполом неизбывной и мучительной тоской. Для нынешнего переживания Роберт и Лора выбрали одну из записей, специально подготовленных для внутренних путешествий. Она начиналась с прелюдии и оркестровых аранжировок музыки из первого акта и финала «Тристана и Изольды».

Оба видели в этой опере особый смысл: ведь она отражала многие важные моменты их отношений. В первом акте действие происходит на корабле, на котором Тристан везет Изольду в Корнуолл, чтобы она стала женой короля Марка. Вместо смертельного яда, о котором просила Изольда, ее служанка Бранжъена дает им любовный напиток. Тристан и Изольда переживают испуганный восторг любви, который жестоко прерван их прибытием в Корнуолл и появлением свиты короля Марка. В финальной сцене оперы, когда раненый Тристан умирает, Изольда отказывается примириться с потерей любимого и, разделяя его участь, умирает вместе с ним.

Роберт и Лора уже пережили событие, похожее на сцену из первого акта, когда их любовную сцену в Биг-Суре нарушило прибытие Генри Фабинга и отряда наглых цэрэушников. Теперь же, когда смерть подступила вплотную, им предстояло пережить финал оперы — единство любящих сердец в смерти. Выбор именно этих отрывков изумительной оперы Вагнера казался им очень удачным: в них изображались оба критических момента их истории. Кроме того, для Роберта и Лоры создавшаяся ситуация таила важное обещание, присутствующее в музыке Вагнера и в либретто оперы. А вдруг то, что в материальном мире кажется смертью и разлукой, в действительности дарует им восторг воссоединения на более высоком уровне бытия? Они оба на это надеялись.

Сегодня Роберт и Лора намного сильнее, чем обычно, ощущали одновременное действие жабьего эликсира и алмазной решетки. Они лежали на платформе, сплетясь в тесном, почти судорожном объятии. Эта музыка и магические чары ее хроматической гаммы всегда производила на них обоим сильное впечатление. Теперь же, когда в сознании происходили глубокие изменения, воздействие музыки достигло невероятной силы. Они были захвачены неодолимой мощью оркестра, словно две змеи, отзывающиеся на чарующий напев космического факира. Границы личности стали растворяться в бездонном океане звуков.

С каждым аккордом сверканье алмазной решетки становилось все ярче, вихри ослепительного света взрывались радужными гейзерами. Вместе с началом сцены, когда Изольда умирает вместе с Тристаном, переживание достигло невероятной силы. Казалось, ткань пространства—времени внезапно треснула и из другого измерения реальности в

образовавшуюся брешь Пустоты начал переливаться сильнейший вихрь турбулентной энергии.

В этой разверзшейся бездне космической энергии личности Роберта и Лоры неразрывно слились. Осталось лишь Абсолютное Сознание, переживающее панораму сцен войны и неопикуемых разрушений. Все города-гиганты были стерты с лица земли, их огромные небоскребы разваливались, словно карточные домики, превращаясь в пожираемые пламенем груды искореженных обломков. Изящные арки стальных мостов рвались, и их обломки исчезали в воде. Подземные и водные тоннели рушились, погребая внутри тысячи машин и людей.

Катастрофа затронула не только сотворенный человеком мир и технические средства уничтожения — она вызвала разгул стихии: извержения вулканов, землетрясения, лесные пожары, наводнения, гигантские приливные волны. Сомнения не было — это конец истории человечества, конец жизни на Земле.

С материального мира переживание переместилось на другой уровень. Теперь оно показывало не конкретные проявления разрушительного начала, а саму его суть. Внезапно откуда ни возьмись появились четыре жуткие фигуры на призрачных конях. То были четыре всадника Апокалипсиса, символизирующие вершину хаоса и разрушения. Проносясь по устрашающим пейзажам, они сеяли невообразимое опустошение, хаос, смерть и ужас.

Стихийная сила этого переживания не шла ни в какое сравнение с тем, что Лора и Роберт могли вообразить. Они чувствовали, что их тела превратились в дикий танец атомов и молекул. На миг они увидели друг друга скелетами, напоминающими тени на светящемся экране рентгеновского аппарата. Наверное, так было в Хиросиме, когда от жара атомной бомбы тела людей испарялись и от них не осталось ничего, кроме следов на гранитных плитах. После взрыва эти слабые отпечатки человеческих скелетов, застывших в позах средневековой пляски смерти, были единственным оставшимся для потомков напоминанием об их существовании.

— Лора! Это конец, ракетный удар нанесен! — в отчаянии крикнул Роберт, видя, как призрачный образ любимой тает у него на глазах. — Прощай, Лора! Я люблю тебя!

Он был уверен, что атомная война началась, и сотни водородных бомб, взорвавшись на поверхности Земли, образовали цепную реакцию, которая превратила планету в осколки.

— Я люблю тебя, Роберт, я буду любить тебя вечно, — только и успела сказать Лора, прежде чем его рентгеновское изображение растаяло. — Ничто не сможет нас разлучить, мы встретимся снова!

И вдруг она почувствовала волну бесконечной любви и человеческого тепла, услышала как знакомый успокаивающий голос произносит ее имя. Конечно же, это Балам Ахау! Лора ощутила его материальное, земное присутствие и его сияющую энергию, просвечивающую сквозь сцены разрушений. Он принес ей временное чувство безопасности и надежности. Лора ощутила себя испуганным ребенком, который мгновенно успокаивается, услышав голос матери, припав к ее груди. Она уже почти видела улыбающееся лицо старого шамана и изо всех сил старалась, чтобы его образ стал четким.

— Лора! — вновь позвал ее Балам Ахау. — Не бойся, ты не умираешь. Помнишь, мы говорили о смерти, несущей вечную жизнь?

В голове Лоры пронеслись быстро сменяющие друг друга картины, и вдруг она поняла, что происходит. Ей ужасно захотелось поделиться своим открытием с Робертом, но она больше не видела его. Он все еще присутствовал, но только как бесплотная точка в сознании.

— Это не конец материального мира, Роберт, — обратилась она к своему невидимому супругу. — Это наше внутреннее переживание. Мы в мифологическом измерении, это архетип Апокалипсиса! Помнишь, что рассказывал Крис о своем переживании? Это как-то связано с переходом на другой уровень реальности.

Голос Лоры подарил Роберту надежду. Но главной ее причиной было вовсе не то, что

материальный мир избежал уничтожения. Самое важное — что Лора все еще рядом, какой бы облик она ни имела. Что бы с ними ни случилось, кем бы они ни стали, они все еще живы! Это ободрило Роберта.

Теперь из Пустоты возник необъятный циклон первобытных космических сил, бурный вихрь разрушения и созидания. В центре его находились четыре мощные гигантские фигуры, исполняющие нечто вроде космического танца с саблями. Лица у них были явно монгольские, с выдающимися скулами и раскосыми глазами. Головы гладко выбриты, а оставленные на макушке длинные волосы заплетены и собраны в хвост. Вихрем кружась в неистовой пляске, они размахивали большими Г-образными ятаганами, при этом вращающиеся клинки создавали гигантскую свастику. В зависимости от направления вращения, свастика символизировала то созидание, то разрушение.

Уничтожение достигло пика, созидательные силы победили и стали творить новую реальность. Сосредоточенное скопление огромных энергий создало образ существа, пытающегося появиться на свет. Однородная матрица осознанности начала разделяться и постепенно образовала две разные единицы сознания, движущиеся в разных направлениях. В них обеих стремительно росло ощущение новой реальности и новой личности. Когда процесс стабилизировался, каждая из них соединилась с одним из двух тел, лежащих в полупрозрачных контейнерах. В этом новом мире Лоры Паркер и Роберта Хантера существовали лишь две совокупности драгоценных воспоминаний о необычайных приключениях и страстном романе, которые теперь хранились в архивах далекой истории.

Возвращение в будущее

Переход в другое измерение закончился для всех посвящаемых одновременно. Аргос мог регулировать пропорции между длительностью подлинного переживания людей из прошлого и субъективного переживания их получателей. Хотя у всех неофитов длительность избранных фрагментов жизни, с которой они отождествлялись, была разной, Аргос сумел уложить их в одинаковые отрезки времени. Независимо от скорости передачи, передаваемая последовательность событий всегда воспринималась так, будто они разворачиваются в реальном времени.

Обычно после перехода между измерениями на полное восстановление и возвращение к обычному состоянию сознания уходило от двадцати минут до получаса. Неофиты провели это время лежа, погрузившись в безмолвную медитацию. Ожидая, пока они полностью придут в себя, Аргос, вооружившись пультом, бесшумно поднимал прозрачные крышки их капсул. Полностью оправившись от пережитого, вновь ощущая почву под ногами и связь с повседневной реальностью, неофиты стали медленно приподниматься и садиться. Для Альдебарана, Альфекки и других помощников Аргоса это послужило знаком, что пора подойти и помочь посвящаемым облачиться в белые ритуальные одежды.

Затем они проводили их по одному из зала посвящений в небольшой беломраморный амфитеатр. Он находился на девственном морском берегу, на краю живописной пальмовой рощи, и с него открывался великолепный вид на океан. Неподалеку от берега весело резвилась стая дельфинов. Время от времени их изящные тела выпрыгивали из волн, стрелой проносились в воздухе и вновь исчезали в голубой океанской воде. Вдали к небу вздымались мощные фонтаны воды да изредка мелькали темная спина или хвост, выдавая присутствие горбатых китов. У самого горизонта виднелись очертания вулканических островов с вершинами, увенчанными шапками белых облаков.

Когда все собрались в амфитеатре и расселись по местам, Аргос со своими помощниками провел торжественный ритуал, прославляющий Абсолютное Сознание. Они также поклонились четырем стихиям, воплощенным в окружающей природе: океане, островах, небе и вулкане. Аргос с длинными седыми волосами и густой развевающейся по ветру бородой напоминал древнего пророка и, одновременно, чудаковатого ученого. Его внешность полностью соответствовала образу гения, разработавшего уникальный пороговый обряд, в котором слились воедино мудрость древних духовных учений и достижения передовой науки.

— Вот вы и вернулись из прошлого, добро пожаловать в настоящее! — после краткого молчания обратился Аргос к собравшимся. С этими словами он поднял руку и обвел в воздухе круг, объединяя этим изящным символическим жестом группу неофитов, в которую входили представители разных культур, острова, небо, океан и резвящихся в изумрудной воде животных.

Аргос говорил о том счастье, какое всем им выпало, — принадлежать цивилизации, в которой все расы и нации мирно сосуществуют друг с другом, с другими видами и с природой. Не будет сильным преувеличением назвать этот мир раем земным.

Вслед за благодарностью Аргос высказал серьезное предостережение. Сейчас все обстоит идеально, но нет никакой гарантии, что так будет продолжаться вечно. В нашем бессознательном все еще гнездятся опасные атавистические тенденции и коллективная память о тысячелетиях жестокости и насилия. Необходимо сделать все возможное, чтобы держать эти грозные силы в узде. Возрождение древних обрядов перехода, несомненно, является важным шагом в этом направлении. Они обеспечат санкционированный обществом механизм, который

позволит преобразовать жестокие и саморазрушительные импульсы и достичь психодуховного раскрытия.

Но это еще не все. Аргос выразил надежду, что, пережив переход в другое измерение, посвящаемые согласятся: включение таких экскурсий в прошлое в пороговые обряды поможет человечеству остаться на верном пути. Временно отождествившись с людьми, которые лично пережили страшный кризис на нашей планете, они получили не только поучительный урок, но и убедительное предостережение. Они лично пережили и глубоко прочувствовали трагические последствия ошибочных побуждений, стратегий и идеологий.

Аргос снова обвел рукой круг — на этот раз меньшего размера и менее всеобъемлющий.

— Очень знаменательно, что этот эксперимент прошел именно здесь, на острове Кахулауэ, — продолжал он, явно волнуясь. — Можно ли представить более подходящее окружение для размышлений о прошлом, настоящем и будущем нашей планеты?

Все поняли, что имеет в виду Аргос. Некогда Кахулауэ был необитаемым островком Гавайского архипелага, безводным и продуваемым всеми ветрами. В двадцатом веке армия США использовала его в качестве мишени для ракетной стрельбы. Потребовались огромные усилия, чтобы вернуть острову его первоначальный вид и превратить в тот райский уголок и оазис духовности, которым он является сегодня. Этот проект, потребовавший значительных вложений денег, времени и энергии, стал частью ведущейся по всему миру работы, направленной на возмещение экологического и эстетического ущерба, — последствия безрассудных действий технической революции. Из земли Кахулауэ извлекли сотни тонн металла; чтобы обеспечить водой растения и людей, здесь построили подземную опреснительную установку. Тщательно продуманная ландшафтная планировка и озеленение создали превосходную среду для постройки центра «Феникс», жемчужины духовной архитектуры и геометрии.

Глядя вокруг, Аргос ощутил глубокое волнение; глаза его увлажнились. Неоднократно бывая в прошлом, зачастую мрачном и страшном, он испытывал огромную благодарность миру, в котором живет, за все его блага. Несколько секунд он стоял неподвижно, не говоря ни слова, — казалось, его речь подошла к концу. Внезапно он оживился и лицо его озарилось улыбкой.

— Чуть не забыл что-то очень важное, — сказал он. — Мне хотелось бы извиниться за кратковременный сбой ПСИ-аппаратуры во время перехода и те неудобства, которые он мог вам доставить. Это было временное изменение полюсов в Фейнмановских цепях, заставившее информацию пойти через мосты Эйнштейна-Розена от прошлого к настоящему, а не наоборот. Естественно, я не могу принести извинения людям прошлого за то смятение, которое это могло у них вызвать. Надеюсь, это не внесло в их жизнь никаких серьезных проблем. Приму все меры, чтобы этого больше не случилось. У кого-нибудь есть вопросы?

Поднял руку Корвус, юный крепыш с длинными кудрявыми волосами, чье приближающееся восемнадцатилетие обеспечивало ему старшинство в группе.

— Я расстался со своим «маяком», когда он был в безвыходной ситуации, а Земля переживала тяжелый кризис. Мне очень интересно, что произошло с ним лично, и, в особенности, как разрешилась ситуация для планеты. Я по-настоящему привязался к нему, и мне очень важно знать конец этой истории. Наверное, не я один нахожусь в таком положении. Сможем ли мы когда-нибудь завершить это переживание?

— Все вы испытали одно и то же, — подтвердил Аргос. — Мы не собирались показывать вам целый фильм, в котором было бы начало, середина и счастливый конец. Просто нам хотелось, чтобы вы поняли: некоторые ценности и поступки могут иметь губительные последствия для отдельных людей, для человеческого общества и для жизни на планете. Но у нас есть архив исторических ПСИ-наблюдений, где вы сможете продолжить заинтересовавшие вас

исследования. А сейчас я хотел бы только сказать, что в результате глобального кризиса, свидетелями которого вы стали, никто из людей-маяков не погиб.

— А сам кризис? — спросил Корвус. — Что там произошло в действительности и чем все закончилось?

— Разумеется, есть официальная версия, которая всем вам известна по учебникам истории, но есть еще и более глубокая истина, которую мы как раз сейчас устанавливаем, — с улыбкой ответил Аргос.

И он рассказал, что, согласно официальной версии, чрезвычайное совещание увенчалось успехом. Правительства и военные представители Соединенных Штатов и Китая смогли найти общий язык и прийти к соглашению, приемлемому для обеих сторон. Ни одна сторона не открыла правды о внутренних движущих силах, обусловивших этот процесс. По вполне понятным причинам участники встречи, и американцы, и китайцы, решили обойти этот вопрос и выдать успех переговоров как свое личное достижение.

Американско-китайская встреча глав государств стала поворотной точкой в истории человечества. Она завершилась подписанием мирного договора между двумя супердержавами, к которому в течение нескольких десятилетий присоединились многие страны. ООН, которой этот обнадеживающий поворот придал новые силы, сумела наконец создать и принять всемирную конституцию, объявившую насилие недопустимым методом решения проблем и провозгласившую главные и нерушимые законы: защиту жизни и окружающей среды, использование возобновляемых источников энергии, уважение человеческой свободы.

Затем Аргос дал собственное объяснение того, что произошло.

— Став на короткое время главными героями этой драмы, — сказал он, — вы пережили важные эпизоды, взятые из истинной версии этого критического периода истории. Я имел возможность прожить жизни всех ваших «маяков» и некоторых других людей, и это открыло мне глаза. Разумеется, история — результат исключительно сложного взаимодействия разнообразных факторов, и я ни в коем случае не претендую на ее полное понимание. Но я абсолютно уверен в одном: глубокое внутреннее психодуховное преображение, которое многие люди пережили в особых состояниях сознания, — вот что спасло человечество от уничтожения. И одним из главных средств этого преображения стал хрустальный череп.

Закончив свою речь, Аргос помолчал, а потом дал неофитам наставления о том, как провести свободный остаток дня. Он посоветовал им отдыхать, размышлять о своих переживаниях и наслаждаться солнцем и океаном. Не нужно делиться с другими тем, что произошло, и вообще следует сократить общение до минимума, — предупредил он. Все разговоры придется отложить до конца девятидневного *сессина* — уединения, сопровождаемого медитацией, сидячей и выполняемой во время ходьбы. Такое затворничество — неотъемлемая часть и формальное завершение посвящения, начнется завтра утром.

По предложению Аргоса встреча закончилась совместной практикой мантры, которая продолжалась несколько минут. Чаще всего в этих целях использовали древний индийский слог Ом. Когда последние вибрации священного звука улетели вместе с легким пассатом, участники группы стали расходиться. Неофиты сняли свои ритуальные одежды и повесили их на пальмы. Для культуры, полностью осознающей святость жизни, нагота была совершенно нормальным явлением. Скрывать какие-то части тела, когда этого не требуют климатические или общественные обстоятельства, казалось излишним и неестественным. Одни решили остаться на берегу, поблизости от амфитеатра, чтобы понежиться на солнце и поиграть с дельфинами. Другим после долгого пребывания в саркофагах захотелось размяться, и они предпочли прогулки или пробежки по пляжу. Несколько человек, захватив музыкальные инструменты, отправились на резиновом плоту подальше от берега, чтобы пообщаться с горбатыми китами.

Киты обожали звуки свистулек, флейт и барабанов и часто вторили им своими песнями.

Мощные голоса китов, чередующиеся со звуками инструментов, далеко разносились по океанской глади и острову. Они создавали отличное дополнение круговой панораме из облаков, позолоченных заходящим солнцем. По сравнению с воспоминаниями об увиденном в двадцать первом веке, чистая вода, незагрязненный воздух и изобилие здоровых морских животных казались просто чудом.

Аврора присоединилась к компании пловцов, и к ней тут же приблизился один из дельфинов. Девушка забралась ему на спину, прижалась обнаженным телом к его гладкой коже, и они медленно поплыли, покачиваясь на ласковых волнах. В период, следующий за измененным состоянием сознания, все «врата восприятия»* широко открыты. Прикосновение теплой воды и кожи дельфина к обнаженному телу вызывало необычайно сильные сексуальные ощущения. Тем не менее, Аврора заметила, что не может целиком отдаться настоящему и наслаждаться общением с прекрасным животным. Скоро она поняла, что именно мешает ей испытывать радость жизни: ей трудно смириться с тем, что время, когда она была Лорой, и ее любовь с Робертом — всего лишь учебная экскурсия в прошлое. Для Авроры эти воспоминания не были просто образами любопытных событий, похороненных в исторических архивах. Они несли необыкновенный эмоциональный заряд, были ей очень дороги и к тому же имели глубокий личный смысл. Связь Авроры с этими воспоминаниями была настолько сильной и убедительной, что она ощущала жизнь Лоры почти как свою собственную.

Приблизив ухо к воде, девушка слушала фантастические звуки, которые издавали горбатые киты, медленно проплывающие метрах в двухстах от нее. Она подумала о природе их загадочных песен, которые в открытом океане передают послания на многие сотни миль. Должно быть, именно эти мысли о передаче информации подсказали ей поразительную догадку.

Когда она была Лорой, Роберт пережил видение, в котором его похитил НЛО. А еще он на короткий срок выпал из реальности и, как и она сама, ненадолго побывал в зале посвящений. Из этого следует логический вывод, что Роберту имплантировали ПСИ-передатчик, а значит, кто-то из группы прожил жизнь Роберта. Внезапно Аврора ощутила сильное желание найти этого человека, встретиться с ним, поговорить! Ведь у них так много общего!

Но потом ее энтузиазм и волнение резко остыли: она вспомнила, что в ПСИ-переходах не учитываются половые различия. Она нафантазировала себе продолжение кармического романа с мужчиной, но тот, кому достались переживания Роберта, вполне может оказаться женщиной. К тому же она помнила правила, о которых говорил Аргос, — общение между неопитами должно быть сведено до минимума — и покорно решила отложить все попытки разобраться в ситуации до окончания затворничества. Пока она старалась справиться с разочарованием, к ней верхом на дельфине приблизился юноша, загорелый и атлетически сложенный.

— Привет, — сказал он, взмахнув рукой. — Здорово, правда? Действительно похоже на рай земной!

Поравнявшись с Авророй, он замедлил движение дельфина и окинул девушку любопытным взглядом

— Привет, как тебя зовут? — спросила Аврора с чувством внезапного узнавания. Что-то в глазах мужчины показалось ей очень знакомым.

— Орион, — ответил тот, описывая круг вокруг Авроры. — Знаешь, был такой мифический охотник, решивший уничтожить всех диких животных, сотворенных богиней Земли, только она его остановила. А тебя?

Услышав слово «охотник», Аврора испытала такое чувство, будто ее пронзила молния. Охотник — по-английски хантер! Это фамилия Роберта! Сколько раз она слышала ее, когда была Лорой! Девушка попыталась подсчитать в уме статистическую вероятность такой

поразительной синхронизации. Нет, это не может быть простым совпадением! Казалось, небо услышало ее молитвы. Хотя вода в океане была необыкновенно теплой, она почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Аврора, — ответила она.

Ответ настолько поразил Ориона, что он потерял равновесие и свалился со спины дельфина.

— Ты сказала Лора? — отплевываясь, перепросил он с ошеломленным видом.

— Нет, на этот раз Аврора, — ответила она, чувствуя себя так, словно после долгого путешествия наконец увидела берег. — Но ты можешь называть меня Лорой: это имя я носила когда-то, и оно мне подходит.

Необычной реакции Ориона было достаточно, чтобы подозрение Авроры превратилось в уверенность. Она больше не сомневалась, что нашла Роберта. С трудом сдерживая порыв, она добавила без малейшего колебания:

— Орион... Роберт! Я знала, что мы снова встретимся. Ведь я говорила тебе, правда?

— Ну, конечно! — отозвался Орион, взбираясь на спину дельфина и направляя его рядом с дельфином Авроры.

У обоих не было сомнений, что ПСИ-переживания и встреча в океане открывают новую главу их долгой кармической истории. И то что Аргос выбрал для них «маяками» Роберта и Лору, было ее неотъемлемой частью. Им так хотелось побыть друг с другом, поговорить, поделиться своими чувствами, но время не позволяло. Пока они не нарушили никаких правил, но просьба Аргоса воздерживаться от разговоров внезапно показалась им очень обременительной. А строгий девятидневный запрет на любой телесный контакт и даже обмен взглядами — неременное условие предстоящего безмолвного уединения — выглядел тягостным, почти жестоким. С другой стороны, какое это неожиданное счастье — снова найти друг друга! И подождать девять дней — куда лучше, чем дожидаться следующей жизни.

Когда краешек заходящего солнца исчез за горизонтом, Орион и Аврора успели заметить зеленый луч — редкое и необычное оптическое явление, которое время от времени осеняет небеса над Тихим океаном сразу после заката.